

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1972

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора)

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

•

Ю. В. Ганковский

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СССР

Полвека назад — в декабре 1922 г. — руководимая В. И. Лениным Коммунистическая партия сплотила народы нашего государства в единый могучий Советский Союз. Была найдена новая, невиданная ранее, форма государственного объединения народов многонациональной страны, начавших строительство социалистического общества, свободного от угнетения и неравенства.

* * *

Царскую Россию, — указывал Владимир Ильич Ленин в декабре 1914 г., — «справедливо называют тюрьмой народов»¹. Национальный вопрос, отягощенный пережитками крепостничества, буржуазно-помещичьим гнетом, произволом царизма, расовой и религиозной дискриминацией, был одним из самых острых и сложных в дореволюционной России.

Не удивительно, что уже в начале своей революционной деятельности В. И. Ленин уделял огромное внимание теоретическим и практическим аспектам решения национального вопроса, а первая работа, содержащая изложение отправных положений национальной программы революционной пролетарской партии, была написана В. И. Лениным еще в 1895—1896 гг., когда он находился в тюрьме². В последующие годы В. И. Ленин разработал стройное и законченное учение по национальному и национально-колониальному вопросу³, которое легло в основу национальной программы большевистской партии.

Демократические методы решения национального вопроса, сформулированные В. И. Лениным, предусматривали предоставление угнетенным российской монархией нациям права на самоопределение; обеспечение полного равенства всех наций и всех языков, закрепленного в конституции в виде незыблемого закона и неуклонно проводимого в жизнь в центре и на местах. Они предполагали отсутствие обязательного государственного языка; обеспечение преподавания в школах на местных языках; искоренение и запрещение какой-либо дискриминации или, наоборот, каких-либо привилегий на национальн^сй (этнической) или религиозной

¹ В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

² В. И. Ленин, Проект и объяснение программы социал-демократической партии, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 83—110.

³ Подробнее см.: Т. Ю. Бурмистрова, Разработка В. И. Лениным программы большевистской партии по национальному вопросу (1910—1914 гг.), М., 1962; С. К. Ерыгин, Ф. Д. Рыженко, Ленинская программа по национальному вопросу, М., 1959; Л. Т. Ломовская, Ленинская программа по национальному вопросу, М., 1958, См. также: В. И. Козлов, О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина, «Сов. этнография», 1969, № 6, и др.

и расовой почве. Непременным условием последовательно демократического решения национального вопроса должны были стать республиканское, до конца демократическое устройство государства, широкая областная автономия на национальной основе и демократическое местное самоуправление. В. И. Ленин указывал на необходимость установления действительного (а не формального) равенства между всеми — большими и малыми — нациями, населявшими царскую Россию, и искоренения представлений о национальной исключительности; на необходимость для пролетарских революционеров вести кропотливую и неустанную работу по преодолению национального эгоизма, косности, ограниченности. Только такая неустанная работа, подкрепленная широкими, последовательно демократическими преобразованиями во всех сферах культурной, политической и экономической жизни, могла обеспечить социалистическое переустройство России, ибо «невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии»⁴.

«Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления,— писал В. И. Ленин,— рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком»⁵.

Ленинская программа решения национального вопроса имела не только общероссийское, но и огромное международное значение, поскольку она содействовала разоблачению проникнутой духом буржуазного национализма и великодержавного шовинизма национальной программы ревизионистских лидеров II Интернационала. Она содействовала освобождению революционных рабочих развитых стран капитализма от идейного влияния буржуазии, воспитанию их в духе пролетарского интернационализма, сочувствия и поддержки справедливой борьбы угнетенных народов колоний и полуколоний.

Разработанные В. И. Лениным принципы решения национального вопроса легли в основу национальной политики Советского государства и начали претворяться в жизнь буквально с первого дня существования Советской власти.

Уже в первом декрете Совета Народных Комиссаров, принятом 26 октября (8 ноября) 1917 г.—«Декрете о мире»,—сурово осуждалось «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности», независимо от того, когда и где это насильственное присоединение было совершено и кто явился его объектом — развитая или отставшая нация⁶.

II Всероссийский съезд Советов в обращении «Рабочим, солдатам и крестьянам», принятом 25 октября (7 ноября) 1917 г., указал, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». Осуществляя решения Съезда, Совет Народных Комиссаров принял 15 ноября 1917 г. «Декларацию прав народов России», в которой Советское правительство заявило о решимости «положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение вплоть

⁴ В. И. Ленин, Социалистическая революция и право наций на самоопределение, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 253. См. также: В. И. Ленин, К вопросу о национальностях или об «автономизации», там же, т. 45; его же, Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. Резолюции по национальному вопросу, там же, т. 24; его же, Критические заметки по национальному вопросу, там же.

⁵ В. И. Ленин, Рабочий класс и национальный вопрос, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 150.

⁶ «Декреты Советской власти», т. I, М., 1957, стр. 15.

до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»⁷.

Эти ленинские документы имели огромное международное значение. Впервые в истории правительство великой державы, демонстрируя принципиально новый, революционный пролетарский подход к решению национальных проблем, провозгласило и осуществило на деле право наций на самоопределение, осудило все формы колониального угнетения и признало за народами, находящимися под чужеземным гнетом, священное право бороться за свое освобождение.

В полном соответствии с провозглашенными принципами Советское правительство 18(31) декабря 1917 г. признало государственную независимость Финляндии.

В январе 1918 г. III Съезд Советов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Полностью одобрив политику Совета Народных Комиссаров по национальному вопросу, Съезд провозгласил, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик»⁸.

Съезд заявил о полном разрыве «с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах»⁹. В осуществление этих принципов Советское правительство аннулировало заключенные царизмом неравноправные договоры и соглашения, касающиеся Турции, Ирана, Афганистана и Китая. Был заключен договор о предоставлении независимости Польше. Государственную самостоятельность получили народы Прибалтики, Украины, Белоруссии, Закавказья, Бухары и Хорезма.

Предоставление колониальным окраинам Российской империи права на самоопределение оказало огромное революционизирующее воздействие на порабощенные империализмом народы на всех континентах, особенно в странах Востока.

Огромное внимание Советское государство уделило также ликвидации национально-религиозного неравноправия, принимавшего в царской России самые варварские и уродливые формы.

В своем воззвании «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятом 20 ноября (3 декабря) 1917 г., Совет Народных Комиссаров провозглашал: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это». Воззвание указывало, что теперь, «когда даже индийские мусульмане, загнанные и замученные чужеземным игом, поднимают восстание против своих поработителей, — теперь молчать нельзя. Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель»¹⁰.

В январе 1918 г. при Народном комиссариате по национальным делам (учрежденном 8 ноября 1917 г.) был создан специальный Комиссариат по делам мусульман¹¹. В Средней Азии, Казахстане и на Кавказе был уничтожен царский аппарат колониального угнетения, отменены все привилегии, которыми пользовались торговцы, предприниматели и кулаки-переселенцы из европейских областей империи.

⁷ «Декреты Советской власти», т. I, стр. 40.

⁸ Там же, стр. 315.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 114.

¹¹ Там же, стр. 367.

В июле 1918 г. Совнаркомом был издан декрет о пресечении погромного антисемитского движения, подписанный В. И. Лениным. В Центральном Комитете партии был создан особый подотдел национальных меньшинств.

Претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия и Советское правительство провели огромную организационную, политическую и идеологическую работу, сломив в трудной и сложной борьбе сопротивление классовых врагов диктатуры пролетариата — великодержавных шовинистов и буржуазных националистов.

Ликвидация всех и всяческих форм национального и национально-религиозного угнетения, осуществленная в Советском государстве, была законодательно закреплена в тексте Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г. Раздел II Конституции (глава II, § 22) гласил: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия»¹².

Осуществление Советским правительством, во главе которого стоял В. И. Ленин, большевистской программы решения национального вопроса, уже в первые месяцы существования нашего государства способствовало моральной дискредитации и политическому разоблачению империализма. Индийские революционеры, приветствуя в декабре 1917 г. совершенную под руководством большевистской партии революцию, особо отметили, что В. И. Ленин «издал декрет, провозгласивший право наций на самоопределение, и прибалтийские государства, и польский народ уже получили свободу осуществить это право»¹³. С. Сардесаи, один из руководителей Коммунистической партии Индии, полвека спустя писал по поводу этого сообщения: «Легко представить, как забили сердца индийцев пятьдесят лет назад, когда они узнали о советском декрете, предоставляющем свободу нациям, находившимся под царским правлением»¹⁴. Результатом осуществления ленинской национальной политики стал быстрый рост авторитета и влияния Советской России, особенно в борющихся против ига иноземных поработителей колониальных и зависимых странах Востока: в Турции, Иране, Афганистане, Китае, арабских странах, Монголии, странах Юго-Восточной Азии.

Приветствуя провозглашенную в декабре 1920 г. автономию Советского Дагестана, лидер национально-освободительной борьбы турецкого народа Мустафа Кемаль Ататюрк телеграфировал В. И. Ленину: «... выражаю Вам свою глубокую признательность за ту дальнюю политику, которая по Вашему высокому почину проводится Советской Республикой как на Востоке, так и во всем мире». В ответной телеграмме В. И. Ленин писал: «Из Вашего сообщения Советское правительство смогло убедиться, что политика Советской России в отношении наций, входящих в Российскую Федерацию, пользуется Вашим сочувствием... Я рад констатировать, что меры, принимаемые нами в отношении малых наций, правильно истолкованы Вами и встречаются с Вашей стороны прием, который может только благоприятствовать установлению хорошего взаимопонимания и взаимного доверия»¹⁵.

¹² «Известия ВЦИК», № 151, 19.VII.1918.

¹³ «Читрамайя джагат», Бомбей, декабрь 1917 (ежемесячник на языке маратхи).
Цит. по кн.: S. G. Sardesai, India and the Russian Revolution, New Delhi, 1967, p. 19.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Цит. по: «Коммунист», 1957, № 15, стр. 14—15.

Великий Октябрь разрушил «тюрьму народов», которой была царская Россия. К концу гражданской войны на большей части территории бывшей Российской империи образовалось несколько суверенных государств, в которых победили социалистические и народно-демократические революции: РСФСР, УССР, БССР, Закавказская Социалистическая Федеративная Республика (в которую вошли Азербайджан, Армения и Грузия), а также Хорезмская и Бухарская Советские народные республики.

Осуществление ленинской политики равенства и суверенитета всех народов, претворение в жизнь права наций на самоопределение, уничтожение национальной, расовой и религиозной дискриминации способствовали преодолению недоверия, которое веками скапливалось у малых по численности народов царской России по отношению к их более многочисленным соседям. Тем самым были заложены *морально-политические основы* для сплочения независимых Советских республик в едином союзном многонациональном государстве. Эти морально-политические основы упрочила совместная борьба, которую в 1918—1922 гг. народы Советских республик вели с иностранной интервенцией и силами внутренней контрреволюции. В ходе этой борьбы возник *военно-политический союз* Советских государств, выражением которого являлись союзные договоры, которые РСФСР в 1919—1921 гг. заключила с УССР, БССР, Закавказскими Советскими социалистическими республиками, Хорезмской и Бухарской Советскими народными республиками.

Знаменательно, что это добровольное содружество свободных народов, основанное «на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии»¹⁶, было создано в годы, когда рухнули державшиеся на национальном угнетении и насилии многонациональные буржуазно-помещичьи государства — Австро-Венгерская монархия, Германская и Турецкая империи. Тем самым всему миру была наглядно продемонстрирована сила и жизненность ленинских принципов решения межнациональных отношений.

Военно-политический союз советских республик обеспечил победу в гражданской войне, после окончания которой выявилась настоятельная необходимость их дальнейшего, более тесного сплочения. Такое сплочение диктовалось насущными задачами быстрее восстановления и реконструкции разрушенного войной народного хозяйства; необходимостью объединения в интересах трудящихся всех сил и ресурсов для организации совместной обороны против опасности империалистической агрессии, для успешной борьбы с внутренними и внешними классовыми врагами и построения социалистического общества. Особенно насущной была эта необходимость для отсталых окраин бывшей Российской империи, которые без широкой помощи со стороны экономически развитых районов РСФСР и УССР не могли рассчитывать на преодоление в исторически короткий срок огромных народнохозяйственных и других трудностей. «... Государственный союз отдельных советских республик..., — указал в своих решениях в марте 1921 г. X Съезд партии, — единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета»¹⁷.

Важнейшими *политическими предпосылками* объединения суверенных советских республик в едином многонациональном союзном государстве были: их социальная однотипность — результат уничтожения эксплуататорских классов и всех форм угнетения человека человеком;

¹⁶ В. И. Ленин, Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 43.

¹⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 557.

победа диктатуры пролетариата и Советского строя, интернациональных по своей природе; образование единой Коммунистической партии путем объединения компартий советских республик, а также единых профсоюзов. *Экономическими предпосылками* образования СССР явились сложившийся к 1922 г. социалистический сектор в народном хозяйстве нашей страны, ленинский план ГОЭЛРО и переход к нэпу. Уже к концу 1920 г. в Советской России было национализировано свыше 4,5 тыс. промышленных предприятий (по декрету от 28 июня 1918 г.), все банки, средства сообщения и связи, действовала (введенная декретом от 22 апреля 1918 г.) монополия внешней торговли. Тем самым был заложен фундамент социалистического переустройства народного хозяйства на основе единого экономического плана и использования исторически сложившихся народно-хозяйственных связей и разделения труда между отдельными Советскими республиками.

Ленинские принципы создания многонационального пролетарского государства были воплощены в жизнь I Съездом Советов СССР, утвердившим 30 декабря 1922 г. Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР.

Создание многонационального Союза Советских Социалистических Республик явилось выдающимся результатом «революционного творчества всех советских народов во главе с рабочим классом под руководством Коммунистической партии»¹⁸.

* * *

Несмотря на объективную историческую прогрессивность включения Закавказья и Средней Азии в состав Российской империи и добровольный характер присоединения ряда других территорий, национальные окраины царской России к началу XX в. превратились в колонии русского капитализма, источник сырья и рынок сбыта для промышленно развитых районов. Царизм сдерживал экономический и культурный прогресс национальных окраин. В результате отдельные районы страны развивались крайне неравномерно. Центральные промышленные области империи — Москва, Тверь, Ивано-Вознесенск, Нижний Новгород, Тула — 2,1% территории и 13,5% населения — давали в 1913 г. 37,1% всей промышленной продукции¹⁹. В то же время 38,5% нерусского населения царской России накануне революции жили на стадии докапиталистических отношений. Из 105 высших учебных заведений 98 находилось в европейских губерниях России, причем Средняя Азия не имела ни одного вуза. 98—99% коренного населения Сибири, Средней Азии и Азербайджана были неграмотны; многие народы даже не имели письменности. На предприятиях, созданных для разработки естественных богатств национальных окраин, местные рабочие подвергались самой тяжелой эксплуатации.

Образование СССР открыло оптимальные возможности для преодоления в кратчайший срок исторически сложившегося экономического и культурного неравенства между народами бывшей Российской империи, восстановления или создания национальной государственности ранее угнетавшихся народов, организации их плодотворного сотрудничества в целях построения социализма и коммунизма и на этой основе — максимального развития социалистической экономики и культуры всех советских народов, ликвидации шовинистических и националистических предрассудков, достижения полного единства советских социалистических наций.

¹⁸ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «Коммунист», 1972, № 3, стр. 6.

¹⁹ Н. Баранский, Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана, М.—Л., 1926, стр. 70, 259—260.

В результате социалистического переустройства общества и быстрого изживания экономической и культурной отсталости колониальные окраины бывшей Российской империи уже в предвоенные годы превратились в цветущие индустриально-аграрные социалистические республики, обогнавшие по темпам и уровню развития все сопредельные несоциалистические государства.

Благодаря бескорыстной материальной и технической помощи передовых районов СССР (прежде всего — Российской Федерации) были обеспечены опережающие темпы роста экономики бывших колониальных окраин, что обеспечило выравнивание уровня развития всех советских народов. В предвоенные годы значительная доля расходной части бюджетов автономных и союзных республик Средней Азии и Закавказья покрывалась за счет безвозмездных дотаций, сначала из бюджета РСФСР, а потом — общесоюзного бюджета (в Таджикистане, например, в 1924—1929 гг. за счет этих дотаций обеспечивалось от 46,5% до 79,7% расходов республики). В результате, в 1940 г. выпуск промышленной продукции по сравнению с 1913 г. увеличился в Казахстане в 20 раз, в Армении — почти в 23 раза, в Грузии — в 27 раз, в Киргизии — в 153 раза и в Таджикистане — в 324 раза, при среднем росте по Советскому Союзу в 8,5 раза. Коренные изменения произошли в инфраструктуре и в сельскохозяйственном производстве. Резко возросли реальные доходы населения. Была ликвидирована неграмотность, созданы кадры местной интеллигенции, возникли условия для возрождения и всестороннего развития национальных культур всех народов Советского Союза²⁰.

Огромная работа была проделана Коммунистической партией по воспитанию трудящихся нашей страны в духе интернационализма, дружбы и братства всех народов.

Изживание национальной розни, ограниченности и эгоизма способствовало формированию идеологии социалистического интернационализма, в которой гармонически сочетаются чувства патриотизма с чувствами солидарности всех трудящихся и дружбы между народами. «У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»²¹.

Ленинская национальная политика обеспечила монолитное единство социалистического содружества советских республик, которое вышло победителем из неимоверно трудных испытаний Великой Отечественной войны. В послевоенные годы самоотверженным трудом всех советских народов было построено развитое социалистическое общество. За последние пятьдесят лет национальный доход нашей страны вырос более, чем в сто раз. Сложился советский образ жизни, базирующийся на общественных отношениях, присущих развитому социалистическому обществу и нравственным принципам социалистического коллективизма. Ныне трудящиеся всех пятнадцати братских Республик, входящих в Советский Союз, заняты созданием материально-технической базы коммунизма, претворяя в жизнь грандиозную программу экономического и культурного строительства, поставленную перед народом решениями XXIV съезда КПСС.

За полвека существования Советского Союза изменились не только материальные и социальные условия жизни народов нашей страны; коренным образом изменились природа, характер и сущность этнических

²⁰ Подробнее см.: С. И. Якубовская, Строительство союзного советского социалистического государства, М., 1960; А. Н. Мнацаканян, Ленин и решение национального вопроса в СССР, Ереван, 1970, стр. 292—336; И. С. Гурвич, Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1.

²¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», «Материалы XXII Съезда КПСС», М., 1961, стр. 405.

общностей дореволюционной России. Они превратились в развитые социалистические народности и нации, объединенные общими жизненными интересами и единой целью — строительством коммунизма.

Расцвет социалистических народностей и наций Советского Союза обеспечил повсеместное сближение всех народов нашей страны; важнейшим итогом этого многогранного процесса стало возникновение принципиально новой исторической общности людей — советского народа. «В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества»²².

Экономической основой формирования в Советском Союзе новой общности людей — советского народа — явились общенародная собственность на средства и орудия производства и плановое развитие социалистической экономики (с целью наиболее полного удовлетворения растущих потребностей трудящихся, рациональной организации общественного производства и максимального ускорения научно-технического прогресса, в интересах всей страны в целом и каждой советской республики в отдельности). Политической основой формирования советского народа, как нового исторического типа общности людей, стало созданное В. И. Лениным единое многонациональное советское социалистическое государство, в котором уничтожен классовый и национальный гнет, все социалистические нации и народности имеют однотипную социальную структуру, утвердились марксистско-ленинские идеалы социалистического интернационализма и дружбы народов, созданы все условия, гарантирующие активное участие рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции всех союзных и автономных республик, национальных областей и округов, в развитии науки, техники и культуры²³.

Опыт нашей страны доказал, что теснейшее единство, всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех народов Советского Союза «определяются природой нашего строя, выступают как объективная закономерность развития социализма»²⁴. Формирование новой социально-политической общности людей — советского народа — доказательство прогрессивности опыта решения национального вопроса в СССР и вместе с тем его первостепенного международного значения.

* * *

Неуклонное нарастание напряженности, противоречий и столкновений на национальной, религиозно-этнической и расовой почве, характерное для современной обстановки во многих зарубежных странах, делает весьма важным и актуальным обращение к интернациональным, международным аспектам опыта решения национального вопроса в нашей стране.

В условиях общего кризиса империализма, до предела обострившего все социально-экономические и политические противоречия, присущие

²² Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV Съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971, стр. 94.

²³ Подробнее см.: В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4; А. М. Егиазарян, Об основных тенденциях развития социалистических наций СССР, Ереван, 1965; И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, «Сов. этнография», 1967, № 5; «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций», Киев, 1969; В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР, «Сов. этнография», 1969, № 2; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1; С. И. Брук, Этнодемографические процессы в СССР, «Сов. этнография», 1971, № 4.

²⁴ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «Коммунист», 1972, № 3, стр. 10.

капиталистической формации, этническая неоднородность населения, а также особенности расселения многих народов (когда территории, ими занимаемые, сплошь и рядом разрезаны политическими границами) порождают многочисленные внутригосударственные, а зачастую и межгосударственные конфликты. Напряженность в межнациональных отношениях нередко осложненная расовыми или религиозными противоречиями — одна из тех проблем, которая с большей или меньшей силой и в разных формах, но заявляет о себе в Бельгии и Канаде, Франции и Испании, Судане и Иране, Индонезии и Пакистане, Нигерии и Заире, в Танланде, США и других странах, не говоря уже о таких расистских государствах, как ЮАР или Южная Родезия. В Великобритании самоотверженная борьба патриотов Ольстера за право на самоопределение оживила национальные движения в Шотландии и Уэльсе, где лидеры местных националистических организаций (Шотландской национальной партии, Национальной партии Уэльса и др.) выступают с требованием предоставить этим районам права доминионов, возможность беспрепятственно развивать национальные языки и культуру. Самоотверженную борьбу за освобождение ведут патриоты Анголы, Мозамбика и Намибии. Права на самоопределение требуют коренные жители Папуа — Новой Гвинеи. Не случайно национальный вопрос занимает столь важное место в политической жизни нашего времени, а многие буржуазные политики склонны даже считать национализм «сильнейшей политической силой в мире»²⁵.

Опыт решения национального вопроса в СССР имеет особенно важное значение для практики национально-государственного строительства молодых освободившихся стран. Как известно, большая часть государств Азии и Африки имеет этнически неоднородный состав населения. И хотя за последние десятилетия на этих континентах протекают бурные процессы консолидации мелких и мельчайших этнических групп, племен и народностей в сравнительно крупные национальные общности (процессы эти ускорились после распада колониальной системы империализма), здесь и сейчас насчитывается много сотен больших и малых народов. При этом в границах отдельных государств проживают иногда по несколько десятков народов.

Изучение этнических процессов, протекающих в Азии и Африке, показывает, что им присущи некоторые основные тенденции. Наблюдается стирание граней между родственными народностями (иногда — группами родственных племен), проживающими на смежных территориях, их постепенная консолидация в крупные этнические комплексы, которые по мере изживания наследия колониального прошлого в экономике и культуре и преодоления пережитков докапиталистических производственных отношений в социально-экономической сфере, идеологии, социальной структуре общества приобретают черты национальной общности. Этот процесс сопровождается стиранием областных (иногда — племенных) различий между отдельными компонентами, входящими в формирующуюся крупную этническую общность (нацию). Стиранию этих различий способствует неуклонный отлив населения из сельских местностей в города, развитие экономики и культуры, наблюдаемый во многих странах процесс языковой консолидации и другие факторы. Одновременно происходит растворение (ассимиляция) в составе формирующихся крупных наций отдельных небольших этнографических групп или изолированных групп других народов, которые в силу различных причин проживают на территории данной формирующейся нации. По мере преодоления былой экономической и культурной отсталости, изживания пережитков родо-племенного быта, распространения грамотности, исчезает присущая изолированным этнографи-

²⁵ Дж. Фулбрайт, Самонадеянность силы, М., 1967, стр. 124.

ческим группам замкнутость, а сами эти группы сливаются (ассимилируются) с крупной формирующейся нацией.

Вместе с тем в ряде случаев небольшие народности или небольшие этнографические группы получают в освободившихся государствах условия для самостоятельного развития. В результате постепенного преодоления тяжелых последствий колониального ига происходит ускоренный рост экономики и культуры наиболее отсталых районов, заселенных этими небольшими народностями. Они создают собственную письменность, развивают литературу на своих языках. Более четким становится их этническое самосознание; ныне они выделяют себя из окружающего населения, обретая представление о собственной, особой этнической общности.

Нет сомнения, что советский опыт преодоления социальной, экономической и культурной отсталости народов бывших колониальных окраин царской России, о котором мы говорили выше, опыт, открывший оптимальные возможности для их этнической (национальной) консолидации, представляет значительный интерес для развивающихся стран Востока.

Наконец, в ряде многонациональных государств Азии и Африки, недавно освободившихся от колониального гнета, наблюдается процесс сближения разноразличных народов, ведущий к формированию устойчивых национально-политических (этно-политических) общностей в рамках сложившихся государственных границ. Такие общности цементируются экономическими связями между входящими в их состав народами, их длительным культурным взаимодействием и особенно совместной борьбой с колонизаторами, совместным участием в мирном строительстве после освобождения²⁶.

Ликвидация гнета иноземных колонизаторов создала предпосылки для преодоления унаследованных от недавнего прошлого межнациональных противоречий и недоверия. Но реализация этих предпосылок не осуществляется сама собой; она проходит в острой борьбе между прогрессивными, национально-демократическими силами и силами внутренней реакции, которые пользуются открытой или замаскированной поддержкой империализма.

Изучение опыта Советского Союза подтверждает указание В. И. Ленина о том, что «национальный вопрос должен быть поставлен исторически и экономически»²⁷, что не должно и не может быть шаблона в решении национальных проблем, что межнациональные отношения необходимо решать при строгом учете конкретных, исторически сложившихся социально-экономических, политических, культурных, этнических и иных факторов, присущих данной стране.

Вместе с тем, из советского опыта видно, что оптимальное решение национальных проблем предполагает обязательное соблюдение некоторых общих принципов. Важнейшим из них является признание за всеми народами права на самоопределение вплоть до отделения и образования собственного суверенного государства. Лишь последовательное осуществление этого принципа делает невозможным возникновение и развитие сепаратистских тенденций и открывает возможность создания добровольного и, тем самым, нерушимого союза свободных наций, способного противостоять любым испытаниям. Из сказанного не следует, конечно, делать вывод, что образование суверенного государства (в процессе самоопределения того или иного народа) является единственно возможным методом решения национального вопроса или что союзное

²⁶ См. подробнее: С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки. «Сов. этнография», 1961, № 4; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии, «Вопросы истории», 1969, № 1.

²⁷ В. И. Ленин, Тезисы реферата по национальному вопросу, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 385.

государство единственно возможная форма государственного устройства. Полувековой опыт Советского Союза свидетельствует, что каждый народ — большой и малый — вносит свой вклад в своеобразие форм перехода к социализму: диктатура пролетариата может быть реализована, в зависимости от конкретных условий, в самых различных видах. Поэтому нет и неподвижных канонов, по которым должен быть воплощен в жизнь принцип национального самоопределения народов, нет и застывших непреложных форм государственного самоопределения наций: вопросы эти должны решаться, исходя из интересов и задач революционной борьбы трудящихся.

Советский опыт, вместе с тем, убедительно показал, что без признания за каждым народом, населяющим то или иное многонациональное государство, его безусловного права на развитие собственного языка и культуры, без уничтожения любых форм дискриминации (или — любых привилегий) на национальной основе, т. е. без *демократического решения национального вопроса*, недостижимо подлинное политическое и социальное равенство и невозможно прочное единство трудящихся масс, всех демократических и прогрессивных сил. Это единство — важнейшее условие сохранения и укрепления государственного суверенитета и целостности молодых государств, успешного развития их экономики и культуры.

Демократическое решение национального вопроса в освободившихся странах, как свидетельствует советский опыт, невозможно без решительного выкорчевывания всех пережитков иноземного гнета, феодально-ростовщической эксплуатации и политического бесправия. Поэтому, как писал по аналогичному поводу В. И. Ленин, оно теснейшим образом связано с *важнейшим* «народным интересом»²⁸.

Что же касается различных буржуазных теоретических концепций мнимого «национального единства» населения многонациональных государств — теорий, объективно отрицающих этническое своеобразие населяющих эти страны народов и, в конечном счете, оправдывающих их национальную дискриминацию, — то на основе этих концепций, как показывает опыт, невозможно достижение прочного национального мира и дружбы между народами. Очень часто эти концепции, независимо от субъективных устремлений их создателей, становятся идеологическим обоснованием шовинистической практики эксплуататорской верхушки наций, господствующих в этих государствах. Сказанное не означает, конечно, что национальная вражда при капитализме фатально неизбежна. «Радикально-демократические преобразования могут создать национальный мир в капиталистических государствах»²⁹. Однако полное и окончательное преодоление межнациональных противоречий и уничтожение условий, их порождающих, как свидетельствует опыт Советского Союза, возможны лишь на путях социалистического переустройства общества. Только социализм, уничтожив классовое неравенство, обеспечивает действительное, а не формальное равенство наций и тем самым создает основу для нерушимого единства многонациональных государств. Поэтому в наше время подлинная борьба за монолитное единство и братское сотрудничество наций в стране с этнически неоднородным населением невозможны без борьбы за социалистическое переустройство общества. И только социализм обеспечивает создание условий для расцвета экономики, культуры и языка всех наций — больших и малых. Недаром же с призывами к использованию «великого советского опыта, особенно опыта экономических преобразований в

²⁸ В. И. Ленин, Оппортунизм и крах II Интернационала, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 101.

²⁹ В. И. Ленин, Тезисы по национальному вопросу, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 322.

когда-то отсталых среднеазиатских республиках — Таджикистане, Узбекистане, Туркмении и Киргизии»³⁰, выступали и выступают демократически настроенные деятели многих государств Востока.

Пятидесятилетний опыт Советского государства неопровержимо доказал, что последовательное решение национального вопроса возможно только на основе социалистического переустройства общества и уничтожения эксплуатации человека человеком. Только социалистическая демократия создает возможности решения национальных проблем, которые гармонически учитывают жизненно важные интересы трудящихся, принадлежащих к различным этническим общностям, и гарантирует равные права и возможности всем народам — большим и малым.

Вместе с тем опыт СССР подтвердил, что наиболее совершенной и жизнеспособной формой государственного устройства страны с этнически неоднородным составом населения, является социалистическая федерация союзных республик.

Успехи советского народа в создании нового общества — важный этап социального прогресса всего человечества и наглядное доказательство того, что в условиях социалистического строя открываются оптимальные возможности сочетания интересов всех народов многонационального государства со специфическими интересами каждого из этих народов в отдельности. Расцвет в условиях советского социалистического строя экономики и культуры некогда отсталых, поработанных царизмом народов бывшей Российской империи, — свидетельство несостоятельности и банкротства реакционных буржуазных теорий о «высших» и «низших» расах и нациях, о якобы «неполноценных» народах, не способных к самостоятельному духовному творчеству и потому обреченных прозябать на периферии цивилизованного мира.

Ленинские идеи союза и братства народов, воплощенные в жизнь в нашей стране, ныне стали достоянием мирового коммунистического и рабочего движения, достоянием народов, борющихся за свое национальное освобождение в Южной Африке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, достоянием всего прогрессивного человечества.

Посетившая осенью 1965 г. Грузию и Узбекистан видная восточно-бенгальская общественная деятельница Р. Джафри воскликнула: «Силой какого заклинания эта огромная страна поднялась на вершину прогресса? На каждом шагу здесь видны свидетельства поражающего воображение развития»³¹.

Советский Союз продемонстрировал миру новый, *социалистический тип межнациональных отношений*, построенный на принципах пролетарского интернационализма, равноправия, сотрудничества и дружбы народов, их совместной борьбы за ликвидацию исторически сложившегося неравенства между народами, за развитие их экономики и культуры. Причем, и в этом его огромное значение, этот тип отношений сложился не случайно, но как результат и следствие реализации основных закономерностей, присущих процессам становления и развития социалистического общества. И в этом также заключается важное международное значение опыта решения национального вопроса в СССР. «Этот свободный союз республик..., — писал Сун Ят-сен, — является подлинным наследством бессмертного Ленина миру угнетенных народов. Жертвы империализма будут опираться на него, защищая свою свободу и стремясь к освобождению от международной системы, которая с древних времен основывалась на порабощении, войне и нетерпимости»³².

³⁰ Nafis Ahmad, The Basis of Pakistan, Calcutta, 1947, p. 171—172.

³¹ Р. Джафри, Дочь Лалона в стране Ленина, Дакка, 1966, стр. 112 (на бенгальском языке).

³² Цит. по: «Коммунист», 1956, № 10, стр. 40.

Революционно-преобразовательная деятельность Коммунистической партии Советского Союза, опирающаяся на бессмертное учение марксизма-ленинизма, доказала возможность в кратчайшие исторические сроки успешно решать сложнейшие проблемы, связанные с ликвидацией социально-экономического, политического и культурного неравенства между народами, с преодолением веками складывающихся (в результате своекорыстной политики эксплуататорских классов) представлений о национальной (этнической, расовой, религиозной) исключительности, с воспитанием у трудящихся масс чувств интернационализма, братства и дружбы всех наций.

Деятельность КПСС доказала, что революционная партия, последовательно стоящая на марксистско-ленинских теоретических позициях, может успешно противостоять буржуазным и мелкобуржуазным шовинистическим и националистическим влияниям, даже в стране, где рабочий класс в первые годы после революции составляет незначительную часть населения.

Ленинский опыт решения национального вопроса в СССР имеет непреходящую историческую ценность и интернациональное значение. К нему обращались и будут обращаться все народы, сбросившие иго империалистической эксплуатации, вставшие на путь прогрессивных социально-экономических и политических преобразований.

INTERNATIONAL SIGNIFICANCE OF SOVIET EXPERIENCE IN SOLVING THE NATIONAL PROBLEM

The paper deals with the peculiarities of application of the main principles of Lenin's program for solution of national problem in Soviet Russia. Political and economic prerequisites of the creation of the Union of Soviet Socialist Republics as a most appropriate form of state organisation for countries with ethnically heterogenous population are analysed. Particular attention is paid to the international significance of the Soviet experience in this field.

И. С. Гурвич

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СССР

Образование СССР — многонационального социалистического государства, добровольного союза равноправных суверенных республик, построенного на основе пролетарского интернационализма, экономического, политического и идеологического единства советского общества, — оказало глубочайшее влияние на жизнь всех народов, входящих в это содружество.

«Объединение всех сил и ресурсов страны, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», — позволило советским людям в кратчайший исторический срок ликвидировать доставшуюся в наследие от царизма и капитализма экономическую и культурную отсталость, осуществить индустриализацию страны и социалистическое преобразование сельского хозяйства, подлинную культурную революцию, построить социализм и превратить Союз ССР в могучую высокоразвитую державу, развернуть строительство коммунистического общества»¹.

За полвека совместных усилий по строительству социализма, по защите социалистических завоеваний народы Советского Союза прошли огромный путь в своем экономическом, культурном и этническом развитии. «В братском единении с необычайной полнотой раскрылись созидательная энергия, творческие способности, таланты всех наций и народностей Советского государства»².

Дружба народов, расцвет и сближение социалистических наций и народностей Страны Советов тщательно исследуется представителями разных дисциплин. Однако в значительной части опубликованных работ проблема национального развития народов СССР рассматривается в плане социально-экономических и культурных преобразований. Лишь в последние годы этнические аспекты этого процесса стали привлекать к себе внимание как специалистов, так и широкой общественности. Накопленный этнографами значительный материал, характеризующий современные этнические процессы, протекающие в СССР, рисует глубоко прогрессивные и весьма важные изменения, происходящие в нашей стране в эпоху развитого социалистического общества.

В 1961 г. попытка подвести некоторые итоги в этой области была сделана в совместной статье В. К. Гарданова, Б. О. Долгих и Т. А. Жданко³. Авторы пришли к заключению, что современные процессы этнического развития в СССР протекают в основном по двум направлениям: 1) продолжающаяся консолидация и развитие социалистических наций и народностей, 2) общий процесс все большего сближения социалистических наций и народностей, сопровождающийся со-

¹ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС», «Коммунист», 1972, № 3, стр. 8.

² Там же, стр. 9.

³ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов в СССР» «Сов. этнография» 1961, № 4.

зданием общесоветских форм культуры и быта. В статье были приведены примеры этнических изменений в нациях, сформировавшихся в советский период, а также в более мелких этнических общностях. Этнические процессы, протекающие в крупных нациях, сложившихся еще в дореволюционное время (таких как восточнославянские, прибалтийские), не исследовались авторами. После опубликования упомянутой работы накопился большой фактический материал по этническим процессам, появились статьи по ряду вопросов теории этноса и методологии исследования этнических процессов⁴. В связи с этим нам представляется целесообразным рассмотреть в свете новых данных основные направления этнических процессов в СССР.

Этнические процессы, т. е. изменения специфических элементов этнических общностей, приводящие к модификации этих общностей, крайне многообразны. В литературе в качестве основных видов современных этнических изменений приводятся обычно объединительные процессы — консолидационные, выражающиеся в объединении этнических общностей или отдельных частей их, ассимиляционные, которые проявляются в поглощении одних этнических групп или народов другими, обычно более крупными, процессы межэтнической интеграции, т. е. взаимодействия и сближения этнических общностей в пределах Советского Союза. Однако в реальной жизни консолидационные, ассимиляционные процессы и процессы национального сближения тесно переплетаются и нередко трудно разграничимы. Они идут у многих народов параллельно.

Нельзя также не отметить, что у различных народов в силу исторических традиций, характера хозяйства, расселения, специфики культуры и других причин этнические процессы не только отличаются значительными особенностями, но и протекают с разной степенью интенсивности. Таким образом, общая характеристика этих процессов как ассимиляционных или консолидационных, недостаточна. Поэтому мы считаем уместным применить иную классификацию этнических процессов в зависимости от типов этнических общностей и намечающихся конечных результатов этнического развития. Исходя из этих установок, можно подразделить этнические процессы на следующий ряд категорий: 1) процессы, порожденные социалистическими преобразованиями в нациях, сложившихся еще до Великой Октябрьской социалистической революции; 2) процессы, связанные с формированием социалистических наций у народов, не прошедших стадии развитого капитализма; 3) процессы, приводящие к сложению социалистических народностей. К особой категории следует отнести процессы национального сближения или межэтнической интеграции, протекающие в масштабе всего Советского Союза.

Если этнические процессы первого вида характерны для восточнославянских, прибалтийских и закавказских наций, т. е. для 80% населения нашей страны, то этнические процессы второго вида, получившие распространение главным образом в восточных районах, охватывают

⁴ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4; И. С. Гурвич, некоторые проблемы этнического развития народов СССР, «Сов. этнография», 1967, № 5; В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития, «Вопросы истории», 1968, № 9; его же, Современные этнические процессы в СССР (к методологии исследования), «Сов. этнография», 1969, № 2; его же, Динамика численности народов, М., 1969; Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, «Сов. этнография», 1969, № 6; его же, Этнос и этносоциальный организм, «Вестник АН СССР», 1970, № 8; Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1. В настоящее время в Институте этнографии АН СССР готовится к печати большая коллективная монография «Этнические процессы в СССР».

около 18% населения, а третьего — всего около 2%. Процессами меж-этнической интеграции затронуто все население нашей страны.

Конечно, приведенная классификация условна. Все же каждой выделенной категории присуща своя специфика. Поэтому представляется полезным рассмотреть, как протекают этнические процессы на разных уровнях, в различных типах этнических общностей.

Остановимся сначала на этнических процессах, которые наблюдаются в нациях, сложившихся еще в дореволюционной России. Как правило, эти нации возникли на основе крупных этнических общностей. В ходе развития капиталистических отношений, усиления экономических связей, языковые, этногеографические барьеры в этих буржуазных нациях в известной степени оказались размытыми.

В связи с этим, среди некоторых исследователей, занимающихся национальными проблемами, утвердилось представление о том, что понятие «этническое развитие» неприменимо к сложившимся нациям, что этнические процессы характерны лишь для народностей и наций, формирующихся в наши дни. Следует отметить, что этнические изменения в однородных в этническом отношении национальных общностях, к сожалению, изучены значительно слабее, чем процессы, протекающие в условиях взаимодействия этносов. Однако имеющиеся данные показывают, что преобразование буржуазных наций в социалистические, социально однотипные, упрочение их единства по мере развития социалистической экономики и культуры сказалось и на их этническом облике.

Как известно, даже сформировавшиеся нации обычно членятся в той или иной мере на этнографические, диалектальные и локальные группы, отдельные историко-культурные подразделения, содержат в своем составе те или иные не вполне ассимилированные ими инонациональные включения.

Фактически каждая этническая общность имеет свою, отличающуюся определенной устойчивостью, этническую структуру (под этим термином мы понимаем исторически сложившуюся совокупность частей, отдельных этнографических и историко-культурных подразделений, их соотношение и взаимосвязь внутри этнических образований). Этническая структура по существу является результатом перманентных этнических изменений. Развитие по социалистическому пути наций, сложившихся в условиях дореволюционной России, повлекло за собой глубокие изменения в их этнической структуре. Возникновение социалистической экономики, массовое перераспределение населения между городом и деревней, рост хозяйственных и культурных связей внутри наций между основной массой населения и разобщенными в прошлом периферийными этнографическими и локальными историко-культурными группами, втягивание их в социалистическое строительство, в политическую жизнь способствовали разрушению известной обособленности этих национальных подразделений, укреплению в нациях сознания этнического единства. Усилились и тенденции слияния с основной массой этих наций вкрапленных в их массивы этнодисперсных групп.

Весьма отчетливо процессы изменения этнической структуры, упрочения единства прослеживаются в среде русских, самого крупного народа Советского Союза, а также родственных им по языку и культуре украинцев и белорусов. Заметим, что восточнославянские народы составляют около 73% общей численности населения СССР, следовательно, этнические процессы, протекающие в их среде, характерны почти для трех четвертей населения нашей страны.

В процессе преобразования русской буржуазной нации в социалистическую и развития ее как социалистической нации произошли глубокие изменения в ее этнической структуре.

Рост социалистической промышленности, городов, становление крупного механизированного сельского производства, усиление миграций

ускорили стирание областных этнографических и диалектальных различий.

За последние десятилетия наблюдается значительное сближение между южной и северной этнографическими группами русского народа. Еще в недавнем прошлом русское население Новгородской, Архангельской, Олонецкой, Вологодской и других северных и северо-восточных губерний резко отличалось по типам жилища и хозяйственных построек, по сельскохозяйственной технике, по типам женской одежды, вышивке, орнаменту, особенностям семейного строя, свадебной обрядности, характеру устной поэзии от русского населения Орловской, Курской, Воронежской губерний и других южных областей⁵. Эти культурные особенности отличались устойчивостью и передавались от поколения к поколению, так как браки заключались обычно в пределах областных групп. Переселенцам из области в область приходилось приспосабливаться к местным бытовым нормам, разновидностям обычаев и т. д. Областные культурные особенности нередко рассматривались самим русским населением как этнические. Рязанские жители резко отличали себя, например, от вятских, хотя те и другие при встречах с представителями других национальностей именовали себя русскими.

Исживание элементов натурального хозяйства, исчезновение домашних ремесел, широкое распространение фабричных изделий, изменение самого характера семейного быта привели к тому, что былые различия в традиционной материальной культуре крупных этнографических и областных локальных групп русского народа сгладились.

Обязательное восьмилетнее образование, внедрение единой системы школьного обучения русскому языку, всеобщая грамотность, широкое распространение книг, журналов, газет, радиофикация сел способствуют вытеснению северно-великорусского окающего наречия и южно-великорусского акающего — русским литературным языком, возникшим на базе среднерусских промежуточных говоров. Исчезает известная диалектальная пестрота, характерная для окраинных территорий расселения русских.

Процесс внутренней консолидации русской нации проявляется и в растворении в окружающей среде русских не только таких мелких этнографических групп русского народа, как «тудовляне» или «гамаюнщина», но и сравнительно многочисленных, как например, «мещера», (население северной лесной части Рязанской области), «саяны» (обитатели Курской области), «полехи» (жители бассейнов рек Десны, Сейма, верховьев Оки), заволжские старообрядцы, отдельные группы казачества.

Под влиянием потоков русских переселенцев из центральных районов Европейской России быстро изменяются традиционные черты, присущие в прошлом обособленным группам русского народа⁶. Так, в результате притока новых русских поселенцев из центральночерноземных областей, с Урала и Сибири, а также глубоких социально-экономических изменений на территории Кубани быстро изживается обособленность кубанских казаков⁷.

В литературе неоднократно отмечалось, что с основной массой русского народа в советский период стали сливаться периферийные этнографические группы русских: поморы, обитатели побережий Белого и Баренцева морей, бывшие старообрядцы Среднего Урала и Забайкалья, русские старожилы Северной Якутии (колымчане, индигирщики), Магаданской области (марковцы), Камчатской области (камчадалы).

⁵ «Народы Европейской части СССР», I, (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 99—571; «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967.

⁶ «Народы Европейской части СССР», I, стр. 119—136.

⁷ Л. Н. Чижикова, Заселение Кубани и современные этнические процессы, «Сов. этнография», 1963, № 6.

Следует отметить, что консолидационные процессы обычно слабо улавливаются статистическими материалами и выявляются лишь путем этнографических наблюдений.

Процесс современного этнического развития русской нации характеризуется не только консолидацией, но и ассимиляцией дисперсных групп, в первую очередь, групп близких по культуре и языку народов. В центральных районах Российской Федерации, на Урале, в Западной и Восточной Сибири с преобладающим русским населением сливаются украинцы и белорусы. Процесс этот, несомненно, облегчается исконной языковой и культурной близостью трех славянских народов. В период между переписями 1926 и 1939 гг. около 3 млн. украинцев вошло в состав русских.

Следует отметить, что с русскими сливаются и недавние переселенцы из Украины, Белоруссии и старожильческие группы украинцев и белорусов на территории РСФСР. Обширный район Сибири, Кулунда, в прошлом заселялся преимущественно украинцами. По данным переписи 1926 г., украинцы в этом районе составляли около половины населения, хотя ассимиляция их русскими зашла уже далеко. В 1959 г. доля украинцев составляла по отдельным районам Кулунды от 20 до 25%.

Исследования, проведенные в отдельных городах Сибири, показали, что подавляющее большинство детей от браков между украинцами и русскими считают себя русскими. В целом с 1926 г. по 1959 г. доля украинцев в населении Сибири снизилась вдвое, а белорусов — в пять раз⁸.

Ускорила ассимиляция русскими издавна сблизившихся с ними небольших компактно расселенных народностей, в недавнем прошлом сохранявших свой язык и свои специфические черты культуры. С русскими в значительной мере слились народности финского происхождения — водь, ижора⁹, этнографическая группа мордвы — мордва-терюхане Горьковской области¹⁰, эстонцы Псковской области¹¹.

В состав русского народа волилась значительная часть вепсов Ленинградской и Вологодской областей. По переписи 1926 г., вепсов было 32,8 тыс., по переписи 1959 г. — 16,4 тыс.¹².

Среди русских постепенно растворяются территориально разрозненные этнические общности. Этот процесс особенно интенсивно протекает в городах¹³.

На Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке отдельные группы мордвы — переселенцев, выходцев из Поволжья — вследствие хорошего знания русского языка, близости к русской культуре, быстро растворяются в окружающей русской среде¹⁴.

⁸ В. И. Переведенцев, Взаимосвязь миграций населения и этнического сближения народов в современных условиях, «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе», Новосибирск, 1967, стр. 78—86.

⁹ Н. В. Шлыгина, Роль хозяйственных занятий в процессе ассимиляции водско-ижорского населения в конце XIX — начале XX в., «Сов. этнография», 1965, № 5.

¹⁰ «Народы Европейской части СССР», II, стр. 549.

¹¹ Архив Ин-та этнографии АН СССР, Материалы Прибалтийской экспедиции 1958 и 1959 гг., Эстонский отряд; A. Viires, Sõnavaralisi paralleel Peipsi-tagustes vene muurakutes ja eesti keeles, «Keel ja kirjandus», 1959.

¹² «Численность и расселение народов мира» (серия «Народы Мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 85; Н. И. Богданов, Вепский язык на современном этапе развития, «Прибалтийско-финское языкознание», Петрозаводск, 1958, стр. 74—82.

¹³ «Страна Советов: биография роста. Сообщение ЦСУ СССР о возрастной структуре, уровне образования, национальном составе, языках и источниках средств существования населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения СССР на 15 января 1970 г.», «Известия», 16 апреля 1971 г.

¹⁴ В. И. Козлов, Расселение мордвы, «Вопросы этнической истории мордовского народа», М., 1960; его же, к вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы), «Сов. этнография», 1961, № 4.

Следует отметить, что с русскими фактически слилось значительно больше населения, чем это регистрируется переписями. Так, значительная часть мордвы, украинцев, евреев, армян, живущих в городах среди преобладающего русского населения, давно утратила свой родной язык, элементы своей традиционной национальной культуры и многими узами (родственными, культурными, соседскими) связана с окружающим населением. В этих группах распространено двойственное национальное самосознание. При этнографических опросах отдельных лиц из таких групп об их национальной принадлежности они обычно, отмечая свое особое этническое происхождение, указывают на современную близость к русским, в среду которых они фактически влились.

Естественно, что большая часть этого сблизившегося с русскими населения восприняло русскую и общесоветскую культуру.

Являясь самым многочисленным народом нашей страны, русские оказывают огромное влияние на развитие хозяйства и культуры всех народов Советского Союза. В советский период значительно расширились производственные и культурно-бытовые контакты их с народами Поволжья, Сибири, Кавказа, Средней Азии и других регионов. Таким образом, в процессе развития русской социалистической нации происходит интеграция как отдельных обособленных в прошлом этнографических групп русских, так и отдельных малочисленных народов и этнодисперсных групп, усиливается сближение с русскими и народов всех союзных и автономных республик.

Показательно во многих отношениях этническое развитие украинцев. Украинская нация, как известно, сформировалась еще в дореволюционный период. За годы советской власти, в ходе ликвидации эксплуататорских классов, строительства социалистической экономики, общего подъема культуры в этнической структуре украинской нации произошли крупные изменения.

Расширение социальных функций украинского языка, введение его в школы, высших учебных заведениях, развитие на украинском языке печати способствовали сближению украинских территориальных говоров.

Следует отметить ускорившееся стирание культурно-бытовых различий между населением основных регионов Украины — центральным, южным, восточным и юго-западным. В каждом из этих больших локальных подразделений в прошлом наблюдалась значительная специфика в одежде, пище, технике строительства жилища.

Бурное экономическое развитие Украины, общий подъем материального благосостояния и культурного уровня способствуют постепенной нивелировке этих локальных культурных особенностей.

После воссоединения в 1939 г. украинских земель, с основной массой украинцев стали сближаться горцы Карпат — гуцулы, лемки и бойки. Самобытные черты своей культуры в настоящее время воспринимаются ими как локальные, а не как этнические особенности¹⁵. Ускорилось и слияние с украинцами вкрапленных в их состав инонациональных групп, например, болгар¹⁶. Как показала перепись 1959 г., 50% поляков, проживающих в городах, и 83% поляков, проживающих в сельской местности Украины, восприняли украинский язык. Из русских, живущих на Украине, 131 тыс. показали своим родным языком украинский.

В связи с нуждами социалистической экономики, строительством промышленных предприятий в восточных районах страны, освоением целинных земель, усилился процесс расселения украинцев по другим республикам. За пределами Украинской ССР проживает более 5 миллионов украинцев. В РСФСР они составляют 2,6% общей численности насе-

¹⁵ «Народы Европейской части СССР», I, стр. 591—593.

¹⁶ Л. С. Демиденко, Культура и быт болгарского населения в Украинской ССР, Киев, 1970.

ния¹⁷. Это обстоятельство, так же, как и проживание на территории Украинской ССР значительного числа русских и других народов, способствует сближению украинцев с народами других культурно-исторических областей Советского Союза.

В советский период значительно усилилось и этническое единство таких народов, как белорусы, молдаване и др.

Сложные этнические процессы наблюдаются в Закавказье. Вследствие сильных феодальных пережитков, особых природно-географических условий и других причин, эти нации Закавказья были этнически менее сплоченными, чем восточнославянские нации. Глубокие преобразования, вызванные Великой Октябрьской социалистической революцией, национально-государственное строительство, преодоление экономической отсталости, ликвидация эксплуататорских классов способствовали упрочению этнического единства закавказских наций. Здесь постепенно исчезают этнографические особенности, свойственные отдельным локальным подразделениям. Крупные нации Закавказья ассимилируют мелкие народности и этнические группы родственного происхождения.

Как уже указывалось в литературе, в процессе консолидации грузинской социалистической нации стираются этнографические различия между локальными группами грузин: идет дальнейшее сближение между этническим ядром грузин — карталинами и горцами восточной Грузии¹⁸.

Происходит и дальнейшее объединение картвельских народов — с грузинами сливаются мегрелы, сваны и лазы. Численность лиц, считающих своим родным языком мегрельский, сванский и лазский, не превышает нескольких сот человек. Однако в домашнем быту эти языки еще используются. Двуязычие породило среди этой части населения двухъязычное этническое самосознание. Большинство мегрелов, сванов, лазов осознают себя грузинами, но сохраняют представление о своей принадлежности к этим, в прошлом обособленным, влившимся в состав грузин этническим подразделениям¹⁹.

С грузинами сливаются небольшие народы иных языковых групп, например, цова-тушины. На протяжении многих веков идет процесс сближения и отчасти слияния с грузинами и части южных осетин²⁰, живущих за пределами Юго-Осетинской автономной области.

В ходе развития армянской социалистической нации также наблюдается дальнейшее сплочение отдельных этнографических и локальных групп армянского народа, сглаживание диалектальных различий²¹. В качестве одной из особенностей современного этнического развития армянской нации следует отметить, что в состав ее в послевоенный период вошло свыше 100 тыс. репатриантов, главным образом из стран Средиземноморья. За последние десятилетия численность армян в СССР значительно увеличилась, но резко сократилась численность армян за пределами Армянской ССР. Это обстоятельство, видимо, объясняется как возвращением армян из других районов СССР в свою республику, так и ассимиляцией армян русскими, украинцами и другими народами.

Тенденции сплочения характерны и для этнического развития азербайджанской социалистической нации²².

¹⁷ «Страна Советов: биография роста».

¹⁸ «Народы Кавказа», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 212—214; Н. Г. Волкова, Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX в., «Сов. этнография», 1968, № 6.

¹⁹ «Народы Кавказа», II, стр. 23, 212.

²⁰ Б. А. Калоев, Осетины (Историко-этнографическое исследование), М., 1971.

²¹ «Народы Кавказа», II, стр. 438—442, Н. Г. Волкова, Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX века.

²² «Народы Кавказа», II, стр. 37, 181, 187, 195.

Социалистические преобразования способствовали и дальнейшему упрочению внутреннего единства сложившихся во второй половине XIX в. латышской, эстонской и литовской наций.

Остановимся для примера на этническом развитии латышей. В буржуазной Латвии у населения больших историко-культурных областей — Видземе, Земгале, Курземе и Латгале — сохранялись диалектальные особенности, специфические черты в хозяйственно-бытовом укладе и традиционной культуре. Население Латгалии, наиболее отсталой в экономическом отношении области, в отличие от основной массы латышей — лютеран, было католиками. Рост городов, вызванный ускоренным развитием социалистической промышленности, коллективизация, переход от хуторского расселения к колхозным и совхозным поселкам ликвидировали былую замкнутость и разобщенность латышей в быту. Быстро модифицируется и модернизируется традиционная материальная культура. Исчезают этнографические особенности, характерные в прошлом для четырех больших областей Латвии. Широкое распространение латышского литературного языка в связи с осуществлением на практике всеобщего обязательного школьного обучения, бурное развитие печати способствуют изживанию диалектов. Все это ведет к быстрому стиранию былых культурных различий между отдельными локальными подразделениями латышей. Завершается процесс ассимиляции латышами ливов — небольшой этнографической группы финского происхождения²³.

Изменились отношения между латышами и вкрапленным в их среду старожильческим литовским, русским, и белорусским населением. Расширилась сфера общения между этими в прошлом обособленными группами, строго придерживавшимися своих обычаев, и основной массой латышей. Совместная хозяйственная и общественная деятельность способствует росту числа смешанных в национальном отношении браков²⁴.

Во многом схожий с латышами путь этнического развития прошли за советский период литовцы и эстонцы.

Таким образом, в ходе преобразования буржуазных наций в социалистические изменяется их внутренняя структура. Преодолеваются локальная и этнографическая обособленность периферийных групп, изживаются диалектальные различия, исчезают локальные формы самосознания, т. е. происходят углубленные интеграционные процессы. В состав крупных наций включаются дисперсные группы других народов, национальные меньшинства.

Другого характера этнические процессы получили развитие у народов, сформировавшихся в нации на протяжении советского периода.

Устранение Великой Октябрьской социалистической революцией всех форм национального угнетения, национально-государственное строительство, ускоренные темпы развития экономики в отсталых в прошлом периферийных районах, социалистическая индустриализация и переустройство сельского хозяйства, культурная революция открыли путь для формирования в нации и народах окраин бывшей Российской империи. Втянутые в той или иной мере в систему общероссийского рынка, они тем не менее не прошли стадии промышленного капитализма. Вплоть до Октябрьской социалистической революции у них существовали феодальный или полуфеодальный уклад, сохранялись родо-племенные пережитки. В силу этого в этническом отношении они были слабо сплочены.

²³ «Народы Европейской части СССР», II, стр. 109—209; «Latviešu Etnografija», Rīga, 1969.

²⁴ О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике, «Сов. этнография», 1965, № 6; Л. Н. Терентьева, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях, «Сов. этнография», 1969, № 3.

Социалистические преобразования способствовали значительному ускорению национального развития и в таких районах, как Средняя Азия, Казахстан, Восточная Сибирь, Северный Кавказ, отчасти Поволжье и, естественно, вызвали здесь резкие и сложные этнические изменения.

Этнические процессы, связанные с формированием среднеазиатских социалистических наций, относительно хорошо освещены в литературе. В связи с этим нет необходимости излагать здесь конкретный материал, характеризующий процесс консолидации узбекской, туркменской, таджикской, киргизской и казахской наций. Отметим лишь некоторые специфические черты этого процесса. Среднеазиатские нации сложились на базе экономически обособленных народностей, в силу исторических условий имевших очень сложную этническую структуру, в ряде случаев отягощенную пережитками родо-племенного деления. Отдельные этнографические и локальные группы внутри народностей отличались культурной замкнутостью. Сближение в ходе социалистического строительства — индустриализации и коллективизации — отдельных народностей и этнографических групп привело к изживанию архаического родо-племенного деления, к формированию национального самосознания, вытеснившего двойственное самосознание, сочетавшее в себе понятие о принадлежности к племени и народности. Значительное влияние на этот процесс оказало советское национально-государственное строительство. С общим подъемом культуры стали распространяться литературные языки, вытесняющие местные диалекты и говоры.

Прогрессивные элементы материальной и духовной культуры, которые были выработаны отдельными народностями и этнографическими группами, вошедшими в состав этих наций, получили широкое распространение. Развитие системы средних и высших учебных заведений, формирование рабочего класса и интеллигенции привело к тому, что в состав среднеазиатских наций стали вливаться вкрапленные в их массивы иноязычные народности²⁵. Например, в состав узбеков постепенно вливаются среднеазиатские арабы, часть среднеазиатских уйгуров, каракалпаки, живущие за пределами своей автономной республики; в состав туркмен — небольшие группы курдов, уйгуров; с основной массой таджиков постепенно сближаются припамирские народности²⁶, а также целый ряд национальных меньшинств. Происходит также частичное слияние узбеков с таджиками в Таджикской ССР и таджиков с узбеками — в Узбекской ССР. С узбеками сближаются некоторые группы дунган.

Аналогичные по типу, хотя и специфичные по своим особенностям, этнические процессы получили развитие в ходе формирования социалистических наций и ряда народов Восточной Сибири.

За советский период здесь, в условиях крайне низкой плотности населения, сложились три сравнительно небольшие по численности социалистические нации — бурятская, якутская и тувинская.

²⁵ «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), I, М., 1962; Т. А. Жданко, Ленинская национальная политика на новом историческом этапе (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму), «Сов. этнография», 1960, № 2; М. Г. Вахабов, Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1961; С. М. Абрамзон, Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1962, № 3; К. Шаниязов, Этнический состав узбеков и консолидация их в социалистическую нацию, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева, Об этнических процессах на территории южной Туркмении, «Сов. этнография», 1964, № 5; Г. П. Васильева, Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969, и др.

²⁶ Л. Ф. Моногорова, Современные этнические процессы на Западном Памире, «Сов. этнография», 1965, № 6.

Так же, как и народы Средней Азии, народы Сибири не прошли стадии промышленного капитализма. Экономические и культурные связи между отдельными областями в Бурятии, а также в Якутии и в Туве были весьма слабыми, сохранялись родо-племенные пережитки.

Процесс консолидации этих трех социалистических наций в этническом плане выразился в резкой ломке прежней этнической структуры, в преодолении былой обособленности этнографических и локальных групп, стирании различий в говорах, изживании родо-племенного деления, формировании современной литературы, профессиональных форм искусства, в укреплении национальных форм самосознания²⁷.

Аналогичные по своему содержанию консолидационные процессы получили развитие на Северном Кавказе в связи с формированием здесь социалистических наций. Развитого капитализма этот край не знал. Вследствие длительного господства феодальных порядков здесь ярко проявилась замкнутость отдельных этнографических подразделений. В ходе строительства социализма эта раздробленность была преодолена. В этом отношении показательно этническое развитие осетин. В рамках Северо-Осетинской АССР и Юго-Осетинской Автономной области Грузинской ССР за советский период произошло сплочение обособленных локальных групп, так называемых осетинских «обществ». Сблизились между собой и два основных этнографических подразделения осетин — дигорцы (западная часть республики) и иронцы (восточная часть). Литературный язык, развивающийся на базе иронского диалекта, в настоящее время стал господствующим. Внедрение в быт осетин современных форм материальной культуры, отказ от старых укрепленных поселений, отход от религии (часть осетин исповедовала христианство, а часть — ислам) способствуют этнической консолидации осетинской нации²⁸. Аналогично развиваются консолидационные процессы и у некоторых других, наиболее крупных северокавказских народов.

В известной степени к типу консолидационных процессов, характерных для этнических образований, не прошедших стадии промышленного капитализма, близки этнические процессы, протекающие у некоторых народностей Поволжья, хотя здесь имеется много особенностей.

Ареалы расселения поволжских народностей издавна отличались значительной расчлененностью. Экономические и культурные связи отдельных локальных и этнографических групп мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей с русскими, а также башкир с татарами были более прочными, чем со своими народностями.

Развитие в районах Поволжья капиталистических отношений способствовало не столько формированию у этих народов своей национальной экономики, культуры, сколько нивелировке местных особенностей и дальнейшему сближению коренных народов Поволжья с русскими и татарами.

В советское время ликвидация эксплуататорских классов, национально-государственное строительство послужили мощным стимулом к формированию в Поволжье социалистических наций. В пределах поволжских автономий бурно развиваются национальные культуры, формируются со-

²⁷ «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.-Л., 1956, стр. 217—238, 420—472; В. Н. Затеев, Формирование и развитие бурятской социалистической нации, Улан-Удэ, 1961; «История Якутской АССР», т. II, М., 1956; т. III, М., 1963; И. С. Гурвич, Современные этнические процессы на Севере Якутии, «Сов. этнография», 1960, № 5; Н. А. Сердобов, История формирования тувинской нации, Кызыл, 1971.

²⁸ Б. А. Калоев, Указ. раб.; А. А. Аствацатуров, О формировании и развитии осетинской социалистической нации, Орджоникидзе, 1963; «История Северо-Осетинской АССР (советский период)», Орджоникидзе, 1966; Н. Г. Волкова, Л. И. Лавров, Современные этнические процессы, в кн. «Культура и быт народов Северного Кавказа», М., 1968.

циалистические нации. Вместе с тем указанные выше причины крайне затруднили консолидацию поволжских наций²⁹.

В советский период планомерное освоение свободных земель и полезных ископаемых Волжско-Камского бассейна, строительство промышленных предприятий, ликвидация бездорожья привлекли сюда новые массы переселенцев из центральных районов России, увеличилась и подвижность коренного населения. Все это усилило издавна протекавшие здесь процессы ассимиляции.

В ряде районов этой историко-культурной области процессы этнической ассимиляции получили преобладание над консолидационными³⁰.

В то же время в пределах поволжских автономий наблюдается процесс развития и консолидации социалистических наций. Так, с ликвидацией фактического экономического неравенства мордовского народа, с образованием Мордовской АССР усилилось культурное сближение между этническими подразделениями мордвы — мокшей и эрзей. Однако ликвидация административного разобщения не привела к слиянию мордовских языков. Мокшанский и эрзянский языки являются литературными, степень их близости примерно такая же, как русского и украинского. На этих языках ведется преподавание в начальных классах, издается литература. В Мордовской АССР развивается мордовская национальная культура — искусство, живопись³¹. Аналогичные явления наблюдаются в этническом развитии марийцев, удмуртов и чувашей.

В целом этнические процессы, протекающие в среде социалистических наций, сформировавшихся в советское время, выражаются в ускоренном развитии национальных языков, сглаживании диалектальных различий, распространении профессиональных форм национальной культуры, в глубоких изменениях этнической структуры, в изживании пережиточной родо-племенной организации, преодолении обособленности отдельных этнографических и локальных групп, в вытеснении племенного, локального самосознания национальным. В ряде случаев с основной массой нации сливаются отдельные народности и национальные меньшинства.

Особой спецификой, многоплановостью и глубиной изменений — как в самих этнических признаках, так и в этническом самосознании — отличаются этнические процессы, протекающие в этнических общностях, складывающихся в социалистические народности.

Как известно, до Великой Октябрьской социалистической революции в некоторых окраинных районах нашей страны, главным образом в отдаленных и труднодоступных северных таежно-тундровых, южных высокогорных и пустынных областях, сохранялись сравнительно малочисленные этнические общности, состоящие из ряда обособленных племен, этнографических и локальных групп, мало связанных между собой.

Для характеристики этнических процессов, происходящих в ходе формирования социалистических народностей, показательно этническое развитие малочисленных народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока — чукчей, коряков, эвенков, ненцев и др.

Хотя для каждого народа этой группы характерны свои особенности, имеется и много общих черт их современного этнического развития. Например, социалистическое переустройство хозяйства и быта коряков привело к преодолению былой, разумеется относительной, изоляции районов их обитания от культурных центров, к сближению двух основных

²⁹ В. И. Козлов, К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР.

³⁰ Там же.

³¹ «Народы Европейской части СССР», II, стр. 472; И. Л. Яшкин, Формирование мордовской социалистической нации, Саранск, 1960; Л. Г. Филатов, К вопросу формирования и развития мордовской социалистической нации, «Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовской АССР», вып. XXIV, Саранск, 1963, стр. 20—36.

групп этой народности — кочевых оленных и оседлых морских зверобоев, распадавшихся, в свою очередь, на ряд локальных подразделений, не всегда осознававших свое этническое единство. Образование Корякского национального округа в Камчатской области, создание письменности, печать, радиопередачи способствовали сближению обособленных групп коряков. Создание крупных коллективных хозяйств, переход значительной части населения на оседлую жизнь привело к изживанию былой диалектальной пестроты — исчезли мелкие диалекты корякского языка. Участились браки между представителями разных корякских групп. В этих условиях общенародное самосознание получило преобладание над локальными формами.

Следует отметить, что, наряду с внутренней консолидацией корякской народности, наблюдается быстрое сближение коряков с пришлым русским населением. Большая часть коряков двуязычна. От русских коряки за последние десятилетия восприняли многие элементы культуры и бытовые навыки³².

Такого же рода консолидационные процессы наблюдаются и у других народностей этой группы, хотя они в прошлом не были так раздроблены, как коряки³³.

Процесс консолидации социалистических народностей характерен не только для малых, но и для более значительных этнических общностей Сибири, таких, как алтайцы и хакасы. В их этническом развитии прослеживаются и черты, свойственные социалистическим нациям Восточной Сибири, и черты, присущие малым этническим образованиям Крайнего Севера.

До Октябрьской революции коренное население Горного Алтая подразделялось на племена и территориальные группы, мало связанные между собой, и не имевшие ни общего самоназвания, ни общего этнического самосознания. Собираательный термин «алтайцы» употреблялся главным образом в научной литературе.

Племена южных алтайцев-скотоводов: алтай-кижи, теленгиты, телесы и телеуты, с одной стороны, и северные таежные племена — тубалары, челканцы и кумандинцы, с другой, — отличались по языку и культуре. Алтайские племена, в свою очередь, делились на экзогамные роды. Предоставление населению Горного Алтая областной автономии (1922 г.), ликвидация былой культурной отсталости повлекли за собой сближение обособленных групп алтайцев. Сгладились этнографические различия между алтайскими племенами, утвердился общий этноним — алтайцы, вытеснивший племенные самоназвания. Упрочению этнического и языкового единства алтайцев способствовал и литературный язык, возникший на базе южных диалектов. В настоящее время в культуре алтайцев сочетаются и ценные элементы традиционной культуры алтайских племен, и общесоюзные формы культуры³⁴.

Консолидационные процессы, наблюдаемые в ряде горных областей Северного Кавказа, в известной мере близки по типу к этническим процессам, протекающим в Сибири и на Крайнем Севере. Образование автономий, социалистическое переустройство хозяйства коренного населения Северного Кавказа, развитие средств сообщения, рост городов ускорили этническое развитие народов этой области. В ходе социалистического переустройства политической, экономической и культурной жизни горских народов, изживания изолированности наметились тен-

³² И. С. Гурвич, Этническая история Северо-востока Сибири, М., 1966, стр. 241—245.

³³ См. сб.: «Преобразования в хозяйстве, культуре и этнические процессы у народов Севера», М., 1970.

³⁴ Л. П. Потапов, К вопросу о национальной консолидации алтайцев, «Сов. этнография», 1952, № 1.

денции к преодолению былой этнической обособленности и раздробленности.

Сравнительно хорошо изучены эти тенденции в самой многонациональной автономной республике — в Дагестанской АССР. Здесь идет и дальнейшее сплочение и этническое развитие отдельных крупных социалистических народностей, например лакцев; происходит консолидация родственных народностей: с аварцами сливаются народности андо-цезской группы; но в ряде случаев наблюдается лишь культурное сближение — это характерно для народностей лезгинской языковой группы³⁵.

Крупные социалистические народности формируются и в составе других северокавказских автономий. Так, образование Карачаево-Черкесской автономной области, объединившей родственные группы населения — кабардинцев и черкесов (адыг), привело к известной консолидации закубанских кабардинцев и адыгейских племен. У них возникло общее самоназвание — черкес. Основой этого процесса является упрочение внутренних областных экономических связей, развитие социалистической культуры³⁶.

Конкретные этнические преобразования, связанные со сложением или внутренним сплочением социалистических народностей, крайне многообразны. Они сводятся в одних случаях к преодолению племенных барьеров, в других — к сближению и объединению мелких этнических образований между собой или слиянию с соседними народностями. В результате этих изменений по существу формируется новая этническая структура. В ходе сложения народностей наблюдаются резкие языковые изменения, изживание локальных, родовых, племенных форм самосознания.

В этнографической литературе уже обращалось внимание на постепенное сложение в Советском Союзе современных зональных культурных областей³⁷. В таких регионах, как Северный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия, Поволжье и др., проявляются не только исторические связи, но крепнет экономическое единство и усиливаются культурные взаимовлияния. Так, например, экономическое сотрудничество закавказских республик привело к созданию единой энергетической системы. В плановом порядке происходит обмен полезными ископаемыми и продукцией между кооперированными предприятиями Грузии, Азербайджана и Армении. Крепнут культурные контакты. Это способствует увеличению смешанных в национальном отношении браков как между представителями самих закавказских наций, так и с русскими, к обмену культурным достоянием.

В масштабах всей нашей страны в связи с возникновением новой интернациональной общности — советского народа — наблюдается процесс сближения всех советских наций и народностей.

Победа социалистической революции в нашей стране, с одной стороны, пробудила многочисленные народы к национальной жизни, с другой, — способствовала дальнейшему усилению зародившейся еще в условиях капитализма тенденции к национальному сближению.

«Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все больше интернационализуется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее», — писал В. И. Ленин³⁸. «Трудящиеся массы, освобожденные от ига буржуазии, — подчеркивал он, — всеми силами по-

³⁵ «Народы Дагестана», М., 1955; Н. Г. Волкова, Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти, «Сов. этнография», 1965, № 2; М. М. Ихилов, К вопросу о национальной консолидации народов Дагестана, «Сов. этнография», 1965, № 5; его же, Народы лезгинской группы, Махачкала, 1967; Г. А. Сергеева, Арчинцы, М., 1967; «Культура и быт народов Северного Кавказа», М., 1968.

³⁶ Н. Г. Волкова, Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти.

³⁷ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 20—22.

³⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 318.

тянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми нациями»³⁹. Жизнь полностью подтвердила правильность намеченного В. И. Лениным направления национального развития. Тесное сотрудничество между народами нашей страны в строительстве социализма привело не только к бурному национальному развитию, но и к сложению устойчивой интернациональной общности — советского народа. «За годы строительства социализма и коммунизма в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ. Он сформировался на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии, интересов и коммунистических идеалов рабочего класса. Сложились замечательные черты советского человека: преданность делу коммунизма, социалистический патриотизм и интернационализм, высокая трудовая и общественно-политическая активность, непримиримость к эксплуатации и угнетению, национальным и расовым предрассудкам, классовая солидарность с трудящимися всех стран»⁴⁰.

Несомненный интерес, представляет вопрос о времени сложения этой общности и этапах ее формирования. К сожалению, эта тема ещё не привлекла к себе должного внимания историков и философов⁴¹.

Имеющиеся материалы позволяют считать, что политическая основа новой интернациональной общности — советского народа — возникла уже в 1917 г. в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, хотя дружеские связи между народами нашей страны зародились еще в период их совместной жизни в рамках Российской империи, в борьбе против царизма, помещиков и буржуазии. Важной вехой на пути укрепления политической основы, утверждения социалистического братства народов нашей Родины явилось образование в декабре 1922 года Союза Советских Социалистических Республик, закрепленное Советской Конституцией 1924 г.

Особым периодом в истории сложения советского народа, видимо, следует считать годы восстановления народного хозяйства, социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, а также годы первой и второй пятилеток, когда был построен экономический фундамент социализма и развернулась борьба за завершение социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Именно в это время сложилась мощная экономика страны Советов, сформировалась принципиально новая социально-классовая структура советских наций и народностей. Общесоветская собственность на средства производства позволила уже в этот период гармонически сочетать экономическое развитие СССР с ростом экономики всех советских республик. Единое плановое хозяйство стало в равной степени удовлетворять потребности всего населения нашей страны, всех советских наций и народностей.

С победой социализма в СССР, принятием новой Советской конституции, усилением индустриальной мощи страны, урбанизации, упрочением колхозного строя, успехами культурной революции сложилось морально-политическое единство советского народа.

Условия материального существования советского общества породили систему взглядов, отражающую особенности экономического и политического строя социализма. Марксистско-ленинское мировоззрение после ликвидации эксплуататорских классов, упрочения социалистических отношений стало идеологией всех советских людей. Понимание глубокой противоположности интересов трудящихся и эксплуататоров, необходи-

³⁹ Там же, т. 30, стр. 36.

⁴⁰ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских социалистических республик», стр. 9.

⁴¹ Попытка дать периодизацию процесса сложения советского народа сделана в сб. «Многонациональный советский народ — новая историческая общность людей», (М., 1966) в тезисах докладов Н. К. Герифуллина и А. Н. Голованова.

мости объединения трудящихся в борьбе за свои права способствовали утверждению нерушимой дружбы народов Советского Союза, идей интернационализма.

Интернациональное единство советского народа с особой силой проявилось в общем патриотическом подъеме в годы Великой Отечественной войны. Советский многонациональный народ, единодушно поднявшийся на защиту своего отечества и нового общественного строя, в героических подвигах на фронтах и в самоотверженном труде в тылу выразил беспредельную преданность своей социалистической родине.

Годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства можно рассматривать как особый этап в развитии советского народа, когда эта новая интернациональная общность стала осознаваться как определенное единство широкими массами страны, а термин «советский народ» стал широко использоваться в партийных и правительственных документах.

В последние два десятилетия, т. е. современный период развития советского народа, в рамках этой общности в связи с бурным ростом производительных сил, укреплением и усилением межобластных экономических связей, ускоренным развитием промышленности и сельского хозяйства в условиях научно-технической революции, стали отчетливо проявляться явления межэтнической интеграции⁴².

Научно обоснованное межреспубликанское и межобластное разделение труда, кооперирование, взаимные поставки продукции в связи с научно-технической революцией привели в последние десятилетия к дальнейшему упрочению экономических взаимосвязей между советскими социалистическими нациями.

Практическое решение великой задачи, поставленной Программой КПСС, по созданию материально-технической базы коммунизма требует дальнейших координированных усилий всех союзных республик, углубленной специализации и кооперирования производства. В связи с этим расширяется сотрудничество между нациями. Строительство новых промышленных очагов, использование природных богатств, освоение целинных земель, наступление на пустыни, проведение научно-технических исследований осуществляется силами всех наций и народностей нашей страны.

Одним из следствий межнационального сотрудничества являются крупные перемещения населения, что привело к значительному территориальному смещению народов СССР.

С развитием общесоветской экономики, возникновением строек общесоюзного значения резко усложнился национальный состав автономных республик и областей.

Общая экономическая жизнь страны Советов порождает территориальное смешение национальностей и ведет к дальнейшему сплочению советского народа.

В настоящее время в рамках советского народа происходит свободное и всестороннее развитие всех наций, народностей, их экономический и культурный расцвет, постепенное сближение. Ядром этой новой интернациональной общности является русский народ, составляющий более половины населения Советского Союза. Огромный вклад русский народ вносит в развитие экономики и культуры советского государства.

«В образовании, укреплении и развитии этого могучего союза равноправных народов, ставших на путь социализма,— подчеркивалось в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду нашей партии,— сыграли свою роль все нации и народности нашей страны, и прежде всего великий русский народ. Его революционная энергия, самоотверженность, трудо-

⁴² Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.

любие, глубокий интернационализм по праву снискали ему искреннее уважение всех народов нашей социалистической Родины»⁴³.

Процесс межэтнической интеграции в пределах нашей страны уже сейчас отчетливо прослеживается и в языковой сфере. Язык межнационального общения — русский язык, в последние десятилетия стал мощным средством обмена культурным достоянием между народами нашей страны. Он обслуживает нужды общесоветского хозяйства, дает возможность поддерживать повседневную связь между национальными республиками. На нем ведется делопроизводство центральных учреждений. Роль языка межнационального общения особенно велика в развитии науки и культуры.

Согласно переписи 1970 г., 13 млн. чел. не русских по национальности указали в качестве своего родного русский; кроме того, 41,9 млн. чел. называли русский язык в качестве второго языка, которым они свободно владеют⁴⁴. Таким образом, четыре пятых населения СССР знает русский язык.

Усвоение русского языка, распространение двуязычия, несомненно, являются важным интегрирующим фактором, способствующим дальнейшему усилению монолитности советского народа. Широкое распространение двуязычия привело к тому, что нерусское население СССР приобретает к достижениям отечественной и мировой культуры, так же как и к духовным ценностям отдельных народов нашей страны. Центральная пресса, радиовещание, телевидение, кино на русском языке обслуживают в наши дни не только русских, но и все народы нашей страны. Приобщение широких масс нерусского населения к русскому языку способствует усилению межэтнических контактов в бытовой сфере, увеличению числа смешанных в национальном отношении браков.

Язык межнационального общения все больше становится общим языком советского народа и является, в известной мере, одним из признаков этой новой общности людей.

Как уже неоднократно отмечалось в нашей печати, сближению советских социалистических наций и народностей способствуют единые все-союзные системы просвещения, здравоохранения, учреждения культуры, всесоюзные творческие союзы и др. В масштабах всей страны постепенно унифицируются условия культурной жизни. Жители каждой национальной республики имеют возможность пользоваться учреждениями культуры, расположенными в любой местности Советского Союза. Музеи, библиотеки, театры, специализированные больницы, клиники, находящиеся в центральных городах, так же, как и курорты и здравницы юга, используются всем населением нашей страны.

Из года в год нарастает сближение между народами нашей страны в области науки, техники, литературы и искусства. Внутринациональные формы культурного сближения, региональные формы, так же, как и сближение культур родственных народов, сочетаются с общесоветским сближением. В этом отношении особую посредническую роль играет не только язык межнационального общения, но и сама многогранная русская культура, впитавшая в себя многое из национальных культур и обслуживающая в той или иной мере все народы нашей страны. Русская культура приобщает многие малые народы и отдельные этнографические группы к достижениям общечеловеческой, мировой культуры. Переводы на русский язык произведений писателей отдельных национальных республик делают их творчество доступным, благодаря двуязычию, широким массам населения всей страны.

Включение произведений национальных композиторов, драматургов в репертуар ведущих театров, участие в художественных выставках деяте-

⁴³ Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, М., 1971.

⁴⁴ «Страна Советов: биография роста».

лей искусства национальных республик ведет к обмену культурным достоянием. Сочетание и сращивание общесоветских элементов культуры с национальными формами характеризует специфический облик современной советской межэтнической духовной культуры, единой по своему социалистическому содержанию. Огромную роль в утверждении этой культуры играют пресса, радиовещание, телевидение, кино. По существу, все население СССР в настоящее время пользуется единым кинорепертуаром, так как фильмы на языках различных народов СССР дублируются по-русски.

Следует отметить, что процесс национального сближения проявляется не только в области профессионального искусства, но и во взаимном обмене традиционными культурными ценностями. Происходит и широкое взаимное ознакомление народов нашей страны с фольклором, народными традициями в области хореографии и прикладного изобразительного искусства.

С укреплением общесоветской экономики, широким внедрением в быт современных форм жилища и транспорта, телевизоров, радиоприемников, холодильников, фабричных пищевых продуктов, городской одежды и обуви все более заметным становится постепенный отход от традиционных форм материальной культуры. В этих условиях, как уже отмечалось в литературе, отдельные рациональные традиционные элементы культуры, выработанные тем или иным народом или народами какой-либо зоны, нередко получают широкое распространение по всему Советскому Союзу (среднеазиатские ковры, украинские рубахи, прибалтийские металлические украшения, отдельные блюда кавказской, украинской, русской кухни и т. п.⁴⁵). Распространяясь, эти элементы придают особый колорит общесоветской материальной культуры.

Следует отметить и сближение семейно-бытовых укладов народов СССР. 56% населения нашей страны живет в городах, где национальная специфика быта в значительной степени стирается. Ускоренными темпами технизируется быт и в сельской местности. Постепенно утверждаются и единые общесоветские черты семейного уклада.

Изживание патриархальных устоев в Советском Союзе привело к тому, что отношения в семье теперь строятся на основе взаимоуважения всех ее членов. Равноправие, экономическая независимость женщины обусловили ее возросший авторитет в семье. Как правило, ушли в прошлое свойственные быту многих народов СССР семейная, социально-культурная замкнутость, заключение браков по настоянию или выбору родителей, деспотическая власть главы семьи и т. д. В связи с распространением атеизма упростилась и в значительной степени интернационализировалась семейная обрядность.

Складываются и общесоветские праздничные традиции. Все народы СССР по существу одинаково отмечают общесоветские праздники: годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, 1 мая, Международный женский день, День Конституции СССР, День Победы, Новый год. Характерно почти повсеместное распространение детского праздника — Зимней елки. В новой безрелигиозной форме этот праздник, свойственный в прошлом восточнославянским народам, стал общесоветским детским торжеством и в Средней Азии, и в безлесной тундре.

Формируются безрелигиозные обряды, обрамляющие важные события, связанные с гражданской, общественной ролью человека. Разумеется, несколько десятилетий — слишком короткий срок для сложения новых обрядных традиций. Они находятся лишь в стадии становления. Однако характерно, что эти традиции формируются не как национальные, а как общесоветские.

⁴⁵ См.: Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Быт и его преобразование в период построения социализма, «Сов. этнография», 1965, № 4; И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР.

Новая интернациональная социально-политическая общность находит отражение и в самосознании: причисление себя к какой-либо определенной народности обычно сочетается с сознанием принадлежности к советскому народу. В литературе уже отмечалось, что во время пребывания советских людей за рубежом советское гражданство нередко выступает на первый план перед национальной принадлежностью.

Сложение политического, экономического и социального единства трудящихся Советского Союза, образование новой интернациональной общности людей — советского народа, как подчеркивалось на XXIII и XXIV съездах КПСС, является одним из важнейших результатов существования СССР⁴⁶.

Таким образом, этнические процессы, протекающие в СССР, представляют собой сложное, многоярусное явление. Если на нижних уровнях имеют место процессы, связанные с формированием народностей и консолидацией социалистических наций, то на высшем — интенсивно протекает процесс межэтнической интеграции, включающей в свой поток все этнические общности нашей страны.

MODERN TRENDS IN ETHNIC PROCESSES IN THE USSR

The article deals with ethnic processes taking place on different levels, in different-type ethnic communities. In view of this the author has given particular consideration to the concept of «ethnic structure». Under this term is understood the historically evolved aggregate of parts, of individual ethnographic and historical-cultural elements, their interrelations and binding links within ethnic units. The modern ethnic evolution of Russians, Ukrainians, Georgians, Letts and other peoples is traced from this viewpoint.

Ethnic processes underway in the USSR present a complex multilevel phenomenon. While the lower levels are characterized by processes connected with the formation of Soviet nationalities (*narodnost'*) and the consolidation of Soviet nations, on the higher level an intensive process of inter-ethnic integration is taking place; this involves in its current nearly all ethnic communities of the USSR.

⁴⁶ «Материалы XXIII съезда КПСС», М., 1966, стр. 88—89; «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 76.

В. В. Востров, Г. Ф. Дахшлейгер, Х. Кауанова

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА

(К 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА ССР)

До революции культуру, быт, традиции и обычаи казахского народа изучали такие выдающиеся ученые, как П. И. Рычков, В. И. Даль, Г. Н. Потанин, Н. А. Аристов, А. Е. Алекторов, Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, и др. Их творчество, проникнутое гуманистическими идеями и живым интересом к традициям и обычаям, к национальному своеобразию материальной и духовной жизни казахского народа, противостояло официальному, колониально-чиновничьим изысканиям и внесло существенный вклад в науку, а во многом сохранило свое значение и сегодня.

Однако этнография казахов до Великой Октябрьской социалистической революции в основе своей не выходила за рамки описания, была исторически ограничена, не могла объяснить происхождения и смысла многих важных социально-бытовых институтов, связанных с типом хозяйства и общественными отношениями. Некоторые же важные проблемы этнографии вообще не изучались.

Советская этнография восприняла все то лучшее, что было достигнуто до Октября. Она, несомненно, преемственно связана с дореволюционной демократической школой, но вместе с тем качественно отлична от нее прежде всего своей марксистско-ленинской методологией, кругом проблем и методикой их изучения, системой организации этнографической работы и ее целевыми установками.

С первых лет Советской власти этнографическая наука в Казахстане, как и везде в СССР, связала свои исследования с практикой социалистического строительства, с ленинской национальной политикой партии. Это обязывало этнографов не только описывать социально-бытовые институты и нормы, но и объяснять их. Там, где это было необходимо, этнографы стремились поддерживать прогрессивные национальные традиции и развяснять вредную сущность отживших. Они содействовали возрождению и расцвету национальной культуры казахов на социалистической основе, развитию национального самосознания, а также развитию интернациональных связей.

Это были не простые задачи, и разрешить их оказалось нелегко. На первых порах сказывалась экономическая и культурная отсталость края, почти полное отсутствие местных квалифицированных кадров, очень сложная обстановка в республике. При переходе казахского народа от докапиталистических форм общественной организации к социализму резко обострилась классовая борьба. Этнографам приходилось сталкиваться с «родовыми» иллюзиями и предрассудками, с теориями «родового коммунизма» в казахском обществе, с идеализацией патриархально-феодальных форм и бая как благодетеля «рода». Вместе с тем следует сказать, что у этнографов бывали и некоторые крайности в оценках национального культурно-бытового наследия. Так, в отдельных трудах все элементы коллективизма и взаимопомощи казахской общины полностью отождествлялись с формами эксплуатации. Но это были издержки ро-

ста, процесса становления советской этнографии, постепенно и неуклонно преодолевавшиеся.

Казахстанские этнографы резко расширяли масштабы собирательской работы, накапливали конкретные материалы о традиционных формах материальной культуры.

Видный этнограф А. А. Диваев, исследователи А. Э. Шмидт, Ф. А. Филельструп и др. провели в начале 1920-х годов сбор данных по родо-племенному составу и расселению казахов южных и юго-восточных областей Казахстана, подготовили проекты этнических карт, учтенных при проведении национально-государственного размежевания Средней Азии и воссоединения казахских земель в Казахской АССР¹. Эта работа осуществлялась в соответствии с указаниями В. И. Ленина о составлении этнических карт Средней Азии и Казахстана.

Использовались все возможности даже в обстановке разрухи, тяжких последствий неурожая джута в 1921 г. Этнографы-краеведы, учителя-энтузиасты участвовали в походе красного каравана (кзыл-керуен) КазЦИКа в 1922 г., руководимого известным партийным и государственным деятелем Казахстана А. Джангильдиным, в работе красных юрт (кзыл-отау), собирали коллекции этнографических материалов, которые и теперь экспонируются в музеях республики (К. И. Сатпаев, М. О. Ауэзов), проводили социологические обследования в аулах, работали статистиками во время проведения переписей 1920 и 1926 гг.

Тогда же началось собирание образцов устного поэтического и музыкального творчества казахского народа. Видный музыковед А. В. Затаевич в 1925 г. издал тексты и музыкальные записи полутора тысяч казахских песен. Это издание было высоко оценено наукой и получило международное признание². При добровольном «Обществе изучения Казахстана» и его филиалах, отделениях Русского географического общества, Академическом центре Наркомпроса, в Оренбурге и Ташкенте, при местных музеях не только накапливался, но и изучался богатейший этнографический материал³.

Стали сравнительно регулярно публиковаться статьи, содержащие этнографические материалы, были сделаны первые шаги в области казахской антропологии. Особое внимание уделялось борьбе с социально-бытовыми институтами, унижавшими достоинство женщины-казашки.

Формирование этнографической науки в Казахстане происходило при постоянной помощи этнографических центров Союза СССР: Комиссии

¹ А. А. Диваев, Этнографические материалы по казак-киргизам Туркестана. Опись этнографических материалов, собранных в Семиреченской области, «Наука и просвещение», 1922; № 1; его же, Материалы по казакведению. Опись этнографических материалов, собранных в Сыр-Дарьинской области, в кн.: «Год работы Казахского высшего педагогического института», Ташкент, 1928; И. И. Зарубин, Список народностей Туркестанского края, Л., 1925; М. Ф. Гаврилов, Этнографический обзор Туркестана, в кн.: «Очерки хозяйственной жизни Туркестана», Ташкент, 1921; А. Шмидт, Материалы по родовому составу казахского населения юго-западной части Чимкентского уезда, в кн.: «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927.

² А. В. Затаевич, 1000 песен киргизского народа. Напевы и мелодии, Оренбург, 1925; его же, 500 казахских песен и кюев (напевы и инструментальные пьесы), 1930.

³ А. П. Чулошников, Вопрос о происхождении киргиз-казакской народности в исторической науке и народные казакские предания, как источник дальнейшего его освещения, «Труды общества изучения Киргизского края», Оренбург, 1924, вып. 5; его же, Основные черты кочевого быта и общее экономическое состояние края с половины XV до начала XVIII в., там же; его же, Казак-киргизская кочевая община и ее внутреннее устройство с половины XV до начала XVIII в., там же; А. Л. Мелков, Материалы по киргизской этнографии, «Труды общества изучения Казахстана», Оренбург, 1922, вып. 3 и 1925, т. V, вып. 2; В. Г. Герасимов, Двадцатипятилетие Семипалатинского отдела Русского географического общества (1902—1927), Кзыл-орда, 1927; его же, Этнографическая работа Семипалатинского отдела РГО за период с 1917—1925 гг., «Этнография», 1926, № 1—2; см. также «Записки Семипалатинского отдела РГО», вып. XV и XVIII, 1925—1929, и др.

по изучению племенного состава в России (с 1930 г. — Институт по изучению народов СССР), Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР, гуманитарных учреждений Академии наук СССР⁴. Проблемами казахской этнографии занимались крупнейшие востоковеды — В. В. Бартольд, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович. В 1925—1927 гг. в Казахстане работали антрополого-этнографические отряды экспедиции АН СССР под руководством С. И. Руденко, Ф. А. Фиельструпа, А. Л. Мелкова⁵ (в ней участвовал тогда молодой казахский ученый, ныне академик А. Х. Маргулан). Материал, собранный ими по хозяйству, быту, декоративно-прикладному искусству, домашним промыслам и происхождению казахского народа, а также хозяйству и быту русского старожильского населения Южного Алтая, поныне остается важным этнографическим источником.

Не менее эффективными были результаты проведенной в 1925 г. экспедиции Казахского обкома партии в Аулие-Атинском уезде (совр. Джамбулская область) под руководством У. Джандосова и В. Соколовского⁶. С большим успехом в 1923—1925 гг. прошли выставки казахского народного искусства в Москве, Ленинграде, Казани, Омске.

Процесс становления этнографической науки в Казахской ССР, как и во всей стране, происходил в условиях непримиримой борьбы с великодержавными, с одной стороны, и националистическими, с другой стороны, концепциями и взглядами. Сторонники первых пытались представить казахов неисторическим народом, не способным к историческому прогрессу и обреченным на извечную отсталость, а его традиции и обычаи — не заслуживающими изучения; сторонники вторых идеализировали прошлое, изображали его «золотым веком», приукрашивали пережиточные патриархально-феодальные институты, замалчивали факт социального неравенства и эксплуатации в казахском обществе. Сказались на казахской этнографии конца 1920 — начала 1930-х годов и дискуссии о теоретических основах этнографии, ее месте в системе общественных наук. При направляющем воздействии Коммунистической партии шовинистические и националистические концепции были идейно разгромлены, и советская этнографическая наука, в том числе ее казахстанская ветвь, прочно стала на позиции марксистско-ленинской методологии. Определены ее основные проблемы, было покончено с мифом о «родовом коммунизме» казахского народа и его «врастании» в социализм.

Состоявшиеся в начале 1930-х годов Всеказахстанские съезды краеведов и музееведов не просто подвели итоги сделанному, но и обратили внимание исследователей и общественности республики на необходимость всестороннего и систематического изучения культуры и быта казахского народа в связи с культурой и бытом других народов, упрочения контактов с этнографическими центрами Советского Союза. Этнографы стали группироваться при секторе истории Казахстанского филиала АН СССР, Казахском Государственном университете, Казахском научно-исследовательском институте национальной культуры (он впоследствии слился с филиалом АН СССР). С 1936 г. в Центральном государственном краеведческом музее Казахской ССР в Алма-Ате была создана постоянная экспозиция по материальной культуре казахов, периодически проводились выставки национального орнамента, продукции народных художественных промыслов и ремесел. Организовывались полевые этнографические отряды, которые фиксировали как остаточные, пережиточные явления в жизни народа, так и новые, связанные с социалистической

⁴ См. Е. А. Вознесенская, А. Б. Пиотровский, Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и среднеазиатских республик, Л., 1927.

⁵ «Казаки» (АН СССР. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик), вып. 3, II, Л., 1927; «Казаки» (АН СССР. Материалы коммисии экспедиционных исследований), вып. 15, Л., 1930.

⁶ В. Г. Соколовский, Казакский аул, Ташкент, 1926.

перестройкой производственной и общественной жизни. Была продолжена деятельность по собиранию образцов фольклора и музыкального творчества (А. Жубанов, Е. Г. Брусиловский, Б. Г. Ерзакович). Вся эта работа, как и раньше, велась местными этнографами в содружестве с этнографами Москвы и Ленинграда (А. И. Булгаков, Ф. А. Султанов, П. А. Хохолко, О. А. Корбе, К. И. Задыхина)⁷, с Государственной Академией материальной культуры, Музеем антропологии и этнографии, Институтом антропологии и этнографии АН СССР (с 1937 г. — Институт этнографии АН СССР). В ней участвовали партийные и государственные работники Казахстана — С. Асфендияров, Т. Рыскулов, Г. Тогжанов и др.

Материалы, накопленные и популяризируемые этнографами, использовались артелями, изготовляющими богато орнаментированные национальными узорами ковры, вышивки, керамику. Сюжеты, песни и музыкальные записи образцов народного творчества послужили основой для создания первых казахских опер «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын».

В суровые годы Отечественной войны этнографическая работа в республике не прерывалась — продолжались фольклорные экспедиции Казахского филиала АН СССР и работа этнографических отрядов Центрального музея республики.

В 1946 г. после образования Академии наук Казахской ССР в Институте истории, археологии и этнографии, носящем имя Ч. Ч. Валиханова, был создан сектор этнографии (позднее отдел), который возглавил известный казахский этнограф Н. С. Сабитов. Этот отдел стал ведущим центром этнографических исследований в республике. Продолжая сбор материалов по культуре и быту казахов в прошлом, отдел вместе с тем вплотную занялся изучением изменений в жизни казахского сельского населения за годы Советской власти. Разработку этой новой тематики всемерно поддерживал Институт этнографии АН СССР. Экспедиции этнографов во второй половине 1940 — начале 1950-х годов охватили многие районы Восточного, Южного и Западного Казахстана. Отдельные экспедиции носили комплексный характер (их целью было исследование изменений как в материальной, так и в духовной культуре народа), и в них участвовали сотрудники Института этнографии АН СССР (Н. Н. Чебоксаров, О. А. Корбе, Е. И. Махова). На базе полевых материалов в сочетании с документальными, архивными источниками были подготовлены и увидели свет публикации по общественной жизни и семейному быту, особенностям типов хозяйства и орудий производства казахов⁸. Масштабы экспедиционных работ все расширялись и в 50-е годы охватили почти всю территорию республики. Усиливалась тенденция к специализации в отборе этнографических данных, их систематизация и классификация. Регулярным стал выпуск «Трудов» Института по во-

⁷ П. А. Хохолко, Научно-исследовательская работа в Казахстане по этнографии, фольклору и истории, «Сов. этнография», 1935, № 6; Ф. Слостухин, Социалистическая перестройка кочевого казахского аула, «Сов. этнография», 1933, № 1.

⁸ Н. С. Сабитов, Об итогах работы этнографической экспедиции 1946 г. Сектора этнографии, «Изв. АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4; его же, Некоторые итоги этнографического изучения восточных и юго-восточных областей Казахстана, «Вестник АН КазССР», 1949, № 8; его же, Об этнографической экспедиции 1949—1950 гг. по изучению культуры и быта казахского колхозного аула, «Изв. АН КазССР, серия историческая», 1949, вып. 5, стр. 73; его же, Культура и быт казахского колхозного аула, «Вестник АН КазССР», 1950, № 10; его же, Работа по изучению культуры и быта казахского колхозного аула, «Вестник АН КазССР», 1952, № 3; его же, Этнографическая экспедиция в Меркентский район Джамбулской области, «Сов. этнография», 1953, № 3; Н. Н. Чебоксаров, Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Казахстане, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (КСИЭ), 1949, вып. VI; О. А. Корбе, Е. И. Махова, Декоративное искусство колхозниц Казахстана, КСИЭ, 1950, вып. XI; их же, Экспедиция в Казахстан, КСИЭ, вып. XIV, 1952; О. А. Корбе, Культура и быт казахского колхозного аула, «Сов. этнография», 1950, № 4.

просам этнографии⁹. В них публиковались статьи о быте населения различных районов обширной территории республики, об итогах полевых работ, о вопросах историко-культурных связей казахского и русского народов, ковровом и войлочн-ткацком производствах, кузнечном и ювелирном ремеслах, искусстве резьбы и орнаментики. Была завершена работа по изучению эволюции казахского оседлого жилища.

В республике сложился коллектив квалифицированных этнографов со своими традициями (А. Х. Маргулан, Х. Аргынбаев, В. В. Востров, Р. Ходжаева, Дж. Кармышева, Х. Кауанова, О. Исмагулов и др.).

На базе полевых исследований в Западно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской и Кокчетавской областях были показаны в сравнительно-историческом плане сдвиги в материальной и духовной культуре народа, его быте в результате коренных социальных преобразований и взаимовлияния с культурой и бытом русского населения.

Этнографы Казахстана (В. В. Востров, И. В. Захарова) вместе с другими специалистами подготовили обобщающие статьи «Казахи», «Уйгуры» для фундаментального издания серии «Народы мира», выполненного Институтом этнографии АН СССР.

С конца 1950-х годов этнографы приступили к стационарному изучению всех сторон производственной и бытовой жизни казахского колхозного крестьянства на базе двух колхозов — им. XXII съезда КПСС и «Жетысу» Талды-Курганской области. Они во многих отношениях типичны для Казахской ССР: состав колхозников в них многонациональный, характер производства многоотраслевой (земледелие сочетается со скотоводством, в частности с отгонным). На базе изучения этих колхозов была создана монография «Культура и быт казахского колхозного аула» (Алма-Ата, 1967). В ней подробно освещены, например, такие вопросы, как соотношение и взаимозависимость современной организации орошения и поливного земледелия с традиционными, учет многовекового опыта народа в скотоводстве (выпас скота на сезонных пастбищах, знание травостоя и т. д.) во взаимодействии с современными методами (заготовкой кормов, строительством постоянных помещений для скота, механизацией трудоемких процессов в животноводстве, с применением современных достижений ветеринарии и зоотехники). Показаны сохранение и развитие прогрессивных национальных традиций в быту, одежде, ремеслах, семье, в культурных запросах и их соотношение с зарождением и укреплением новых интернациональных черт в материальной и духовной жизни казахских трудящихся.

Актуальнейшая тема развития лучших национальных традиций и обычаев казахской нации и все усиливающейся тенденции к сближению с традициями и обычаями братских народов, в первую очередь русского, нашла свое отражение и в монографии В. В. Вострова и Х. А. Кауановой, посвященной вопросам материальной культуры казахов на современном этапе¹⁰. Новое в этой монографии по сравнению с прежними — гораздо более широкое использование сравнительно-исторического материала по социально-бытовым институтам казахского народа (конец XIX — начало XX в. и современность), привлечение (пожалуй, впервые) данных о культуре и быте национальных кадров советского рабочего класса на примере шахтеров Карагандинского угольного бассейна, более полная характеристика взаимовлияния и взаимообогащения материальной культуры казахского народа с материальной культурой народов Союза ССР.

Значительное место в работах казахстанских этнографов занимает составление типологических таблиц и объяснительных записок по хозяй-

⁹ «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», Алма-Ата, т. III, 1956; т. VI, 1959; т. XII, 1961; т. XVIII, 1963.

¹⁰ В. В. Востров, Х. А. Кауанова, Материальная культура казахского народа на современном этапе, Алма-Ата, 1972.

ству, орудиям труда, одежде, жилищу для «Историко-этнографического Атласа Средней Азии и Казахстана». Собранные данные позволяют показать, с одной стороны, этнические процессы на территории Казахстана, консолидацию казахской нации, особенности ее культуры, а с другой, — общие для казахов и народов Средней Азии элементы материальной и духовной культуры, наглядно сравнить их с близкими по типу элементами культуры всех народов СССР. Составлена карта по отраслям земледелия, системе орошения, пастбищным угодьям и отраслям животноводства. На основе единой методики велось сплошное этнографическое обследование казахов всех районов обширной территории республики, а также изучение литературных и архивных источников.

Некоторые материалы к «Атласу» уже изданы. Так, вышла книга И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой о казахской одежде, в которой наряду с общими, характерными чертами выделены и локальные, региональные различия, а также элементы, воспринятые у других народов или носящие интернациональный характер¹¹.

Несомненный интерес для выяснения этнических процессов представляет исследование В. В. Вострова и М. С. Муканова о родо-племенном составе и расселении казахов¹². В нем на базе полевых записей, данных статистических обследований, отчетов путешественников и ученых XIX в., а также архивной документации была выявлена родо-племенная структура казахов в разные исторические периоды, составлены карты расселения по уездам, распределения пастбищ и кочевых путей казахских родов.

Х. Аргынбаев написал работу о такой традиционной форме казахского хозяйства, как скотоводство¹³. В ней дана всесторонняя научная характеристика специфики этой отрасли хозяйства в Казахстане, показаны ее историческое развитие, методы ведения животноводства в связи с природно-климатическими условиями разных зон республики; методы содержания скота и его селекции; связанные с животноводством народные обычаи, поверья, приемы народной ветеринарии.

В 60-е годы стало интенсивно развиваться антропологическое изучение казахского народа и его предков. О. Исмагулов продолжил начатое еще в 1920-е годы под руководством известных советских антропологов Г. Ф. Дебеца и В. В. Гинзбурга антропологическое исследование казахов. В его монографии¹⁴ подведены итоги антропологической работы в Казахстане за последнее десятилетие; на основе современной методики в сопоставлении палеоантропологических и современных данных о физическом типе казахов и его особенностях убедительно показана преемственная, генетическая связь древних насельников территории Казахстана с казахским народом, установлены основные этапы формирования физического типа казахов, роль пришлых этнических групп, в конечном счете поглощавшихся местной этнической средой. Очень важно, что данные антропологии в основном совпадают с данными исторической лингвистики и источников.

Особое место занимает сейчас изучение истории этнографической науки. Книга Э. А. Масанова выявила вклад демократической школы русской дореволюционной этнографии в изучение культуры и быта казахского народа, деятельность многих видных русских ученых и путешествен-

¹¹ И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Казахская национальная одежда, Алма-Ата, 1964.

¹² В. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1968.

¹³ Х. Аргынбаев, Этнографические очерки по скотоводству казахов, Алма-Ата, 1969 (на каз. яз.).

¹⁴ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, Алма-Ата, 1970.

ников, научную ценность этнографических трудов казахских просветителей Ч. Валиханова и И. Алтынсарина¹⁵.

Существенное значение для развития этнографической науки в Казахстане, да и во всем СССР, имело издание под руководством академика А. Х. Маргулана научного наследия Ч. Валиханова¹⁶. Оно ввело в научный оборот многие ранее неизвестные исследования и этнографические материалы и источники, собранные первым казахским ученым о быте и культуре не только казахов, но и уйгуров, дунган, киргизов, узбеков и других народов Азии.

Казахстан — республика многонациональная. Среди народов, ее населяющих, особое место занимают уйгуры. Их самобытная культура, расцветшая в условиях советского строя, также являлась предметом изучения этнографов, хотя, очевидно, еще недостаточно. Велось изучение материальной культуры, изменений в положении уйгурской женщины, освещалась деятельность русских путешественников и ученых, изучавших уйгуров¹⁷.

Результаты исследований казахских этнографов и антропологов были высоко оценены на VII (Москва, 1964), VIII (Токио, Киото) международных конгрессах антропологических и этнографических наук. Опыт перехода казахского кочевого и полукочевого населения на оседлость изучался на международных семинарах (МОТ, 1966, Москва, Алма-Ата), ФАО ООН (1969, Алма-Ата), других международных симпозиумах и совещаниях, где присутствовали ученые и эксперты, представляющие народы многих развивающихся стран, в которых значительная часть населения еще ведет кочевое скотоводческое хозяйство.

Как видно из изложенного, казахские этнографы во многом добились интересных результатов, однако в науке есть еще много неясных, малоизученных, нерешенных актуальных проблем. Их исследование, несомненно, перспективно как для казахской, так и для всей советской этнографии.

Первостепенное значение приобретает тема диалектической взаимосвязи тенденций расцвета и сближения наций в области материальной и духовной культуры на современном этапе развитого социалистического общества в СССР, а Казахская ССР в этом плане особенно показательна как объект исследования. Ведь многонациональный состав Казахстана сложился исторически еще задолго до революции, а в последние годы, в связи с притоком населения в республику, национальный ее состав стал еще сложнее. Понятно поэтому, что именно здесь изучение процессов взаимодействия и взаимообогащения культур, вопросов демографии и расселения, подвижности населения и смешанных браков, интернационализации производственного и семейного быта, двуязычия даст особенно интересные результаты.

В задачи этнографов Казахстана входит также продолжение исследования проблемы происхождения и этнической истории казахского народа, процессов формирования и становления его ярких и своеобразных культурно-бытовых традиций. Постепенное сближение наций и народностей нашей страны происходит в условиях развития их национальных

¹⁵ Э. А. Масанов, Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР, Алма-Ата, 1966.

¹⁶ Ч. Ч. Валиханов, Собр. соч., т. I, Алма-Ата, 1961; т. II, 1962; т. III, 1964; т. IV, 1968; т. V, 1972.

¹⁷ И. В. Захарова, Материальная культура уйгуров Советского Союза, «Среднеазиатский этнографический сборник, II», «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», М., 1959; Р. Д. Ходжаева, Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии», т. 3, Алма-Ата, 1956; Г. М. Исхаков, Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками (вторая половина XIX в. — Ч. Ч. Валиханов, Н. М. Пржевальский, Г. Е. Грумм-Гржимайло, М. В. Певцов, В. И. Роборовский), автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1970.

культурных ценностей, в братском единении республик СССР «...с необычайной полнотой раскрылись созидательная энергия, творческие способности, таланты всех наций и народностей Советского государства»¹⁸.

Необходимо шире развивать в Казахстане этносоциологические исследования с точными количественными оценками этнокультурных и бытовых явлений, традиций и обычаев, процессов внутринациональной и межнациональной консолидации в составе новой исторической общности людей — советском народе. Итоги этносоциологических работ в Татарской АССР, экспериментов в Молдавии и Белоруссии явно свидетельствуют о продуктивности такого рода исследований.

Бесспорно, продуктивными будут исследования взаимосвязи этнических и социальных процессов не только среди колхозного крестьянства, но и среди рабочего класса. Здесь, в частности, нужно учесть то обстоятельство, что в сельском хозяйстве Казахстана ныне абсолютно и относительно преобладает совхозное производство и соответственно существует большой отряд сельскохозяйственных рабочих.

Заслуживают внимания вопросы прогрессивных народных традиций, обрядов, не просто сохранившихся, но и возродившихся на новой основе. Большой интерес представляет исследование многокрасочного казахского декоративно-прикладного искусства, различных ремесел (чеканка по металлу, резьба по кости и дереву, художественная вышивка, ковроткачество, выделка орнаментированных кошм). Они имеют научное и практическое значение для развития современного декоративно-прикладного искусства.

В первые годы после революции, как уже отмечалось, этнографы занимались сбором и публикацией образцов казахского фольклора и музыки. Затем в ходе дифференциации знаний выделились самостоятельные школы казахской фольклористики и искусствоведения. Вряд ли целесообразен в этом плане возврат к прошлому, но, вероятно, было бы полезным участие этнографов в изучении образцов народного творчества. Следует расширить работы в области религиоведения, в изучении древних верований.

Ждет своего развития исследование о культуре и быте русских, украинцев, уйгуров, дунган, корейцев. Большой размах на уровне современной методики должны получить антропологические исследования.

Разумеется, отмеченные выше проблемы далеко не исчерпывают ни задач, ни перспектив этнографической науки в Казахстане. Несомненно, однако, что значимость, роль этнографической науки будет все возрастать. Пятидесятилетие Союза Советских Социалистических Республик — важная историческая веха в развитии этнографической науки Казахстана, равноправной, суверенной и вместе с тем неотъемлемой части СССР. Эта дата послужит мощным стимулом для подъема этнографии в Казахстане на новую, более высокую ступень.

THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF THE KAZAKH PEOPLE

(IN CONNECTION WITH THE 50TH ANNIVERSARY OF THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS)

The article deals with the main problems pertaining to the rise and development of the science of ethnography in the Kazakh Soviet Socialist Republic, with research into the culture and everyday life of the Kazakh people in the Soviet period. Kazakh ethnography is shown as an integral part of Soviet ethnographic science as a whole. The problem of the rapprochement and mutual enrichment between the material and intellectual culture of the Kazakhs and that of the Russians, Ukrainians and other Soviet peoples is posed.

¹⁸ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС», «Коммунист», 1972, № 3.

М. В. Крюков

К МЕТОДИКЕ СБОРА ПОЛЕВОГО МАТЕРИАЛА ПО СИСТЕМАМ РОДСТВА

1. Исследование систем родства давно уже стало традиционной отраслью этнографической науки. В наши дни трудно, пожалуй, найти монографическое описание того или иного народа, где не было бы специального раздела или хотя бы параграфа, посвященного характеристике терминов родства. Советскими этнографами создано немало ценных теоретических исследований по ряду кардинальных проблем изучения терминологии родства¹. Вместе с тем вопросам методики сбора материала по системам родства в условиях полевой этнографической работы у нас не уделяется должного внимания. Показательно, что в недавно вышедшей «Методике этнографических экспедиций» Г. Громова (М., 1966) вообще отсутствуют какие-либо указания по методике сбора данных о системах родства: автор ограничивается весьма краткими рекомендациями, касающимися лишь одного практического вопроса — кодирования значений терминов. Единственным методическим руководством для этнографа, изучающего терминологию родства, продолжает оставаться программа, составленная И. Н. Винниковым более 30 лет назад².

В «Программе» указывается, что системы родства могут быть изучены тремя способами:

1) путем непосредственного наблюдения; 2) путем расспросов; 3) на основании литературных источников³. При этом «рекомендуется там, где это возможно, прибегать одновременно ко всем трем способам с тем, чтобы полученные разными способами материалы друг друга дополняли и одни другими проверялись»⁴.

Полностью поддерживая рекомендацию перекрестного использования различных методов и способов изучения систем родства, замечу, что извлечение соответствующих сведений из литературных источников, будучи необходимым подготовительным этапом полевой работы, само по себе не имеет прямого отношения к методике сбора материала в полевых условиях. Для того же чтобы оценить достоинства и недостатки двух других способов изучения терминологии, наиболее надежным из которых И. Н. Винников считает метод непосредственного наблюдения, необходимо сделать несколько предварительных замечаний общего характера.

Под системой родства обычно понимают совокупность терминов, служащих для обозначения различных отношений родства, социально функционирующих в том или ином обществе. Термин родства обозначает не лицо, а отношение (∼) между двумя лицами: говорящим (Его, или *E*) и именуемым, о котором идет речь или к которому обращаются посредством данного термина (*alter*, или *A*). С этой точки зрения, понятие «тер-

¹ Среди них следует прежде всего отметить работы Д. А. Ольдерогге, С. А. Токарева, Ю. М. Лихтенберг.

² «Программа для сбора материала по системам родства и свойства» (сост. И. Н. Винников), М.—Л., 1936.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 19.

мин родства» (T) может быть выражен формулой $T = E \sim A$. В зависимости от того, какой компонент этой формулы берется в качестве исходной точки для фиксации терминологии родства изучаемого народа, различаются и методы сбора полевого материала.

Как известно, Л. Морган был первым ученым, не только обосновавшим значение систем родства как историко-этнографического источника, но и разработавшим конкретную методику собирательской работы в области терминологий родства. В 1859 г. Морган составил программу для записи терминов, содержащую 234 пункта. Одна из трех граф таблицы (отношение родства) была заполнена Морганом, две другие (туземный термин и перевод этого термина на английский язык) были оставлены пустыми и заполнялись исследователем в процессе работы. Иначе говоря, информатору предлагались вопросы типа: «Как ты называешь отца своего отца?», «Брата отца?», «Сына брата отца?» и т. д.

Чтобы не пропустить какой-либо термин, Морган включил в свой вопросник пункты, касающиеся даже родственников в пятой боковой линии. Но кажущаяся полнота программы как раз и составляет ее коренной недостаток. Исходным пунктом в процессе установления значений терминов здесь является заранее сформулированный набор родственных отношений ($\sim$). Между тем нельзя не признать тот несомненный факт, что эти отношения не представляют собой неизменные и универсальные категории. Поэтому в ходе работы по моргановской программе исследователь нередко побуждал информатора конструировать такие комбинации родственных отношений, которые не существовали для него в реальной действительности.

Аналогичную ошибку допускает и И. Н. Винников, во введении к своей «Программе» утверждающий, что «родство бывает двоякого рода: а) по крови и б) по браку», что «кровное родство в свою очередь бывает двоякого рода: а) по прямой линии и б) по боковым линиям» и т. д.⁵ Поставив своей задачей охарактеризовать наиболее общие особенности систем родства, автор, тем не менее, излагает черты, свойственные не всем системам, а только тем, которые существуют у развитых европейских народов. Общеизвестно, что, в частности, в терминологии большинства австралийских племен не различаются ни родство по крови и по браку, ни прямая и боковые линии кровного родства и т. д. Поэтому принципиально неверно такое описание системы родства того или иного народа, когда этнограф исходит не из категорий, присущих описываемой терминологии, а из особенностей иной системы, которая существует в его собственном языке.

Попытку преодолеть недостаток моргановского метода, в основу которого положен список отношений родства, представлял собой так называемый «генеалогический метод» сбора терминологий родства, разработанный в начале нашего века У. Риверсом⁶. Признавая порочность априорного формулирования набора родственных отношений, предвзятого информатору, Риверс предложил отталкиваться не от отношения $\sim$, а от лица A . Это означало, что исследователь предварительно выявлял возможно более полно круг родственников информатора и помещал имена каждого из них на определенное место в генеалогическом древе, специально составлявшемся для каждого информатора в отдельности. После этого он последовательно задавал вопросы о каждом из родственников, в ответ на которые информатор сообщал соответствующие термины родства. Поскольку вопрос ставился не в форме «как вы называете сына брата отца (и т. п.)?», а в форме «кем вам приходится имярек?», то информатору, казалось бы, не навязывалась сконструированная заранее цепочка родственных отношений и он мог назвать лицо A тем тер-

⁵ «Программа» И. Н. Винникова, стр. 3.

⁶ W. H. R. Rivers, A genealogical method of collecting social and vital statistics, «Journal of the Royal Anthropological Institute», XXX, 1900, p. 71—72.

мином, которым он привык называть это лицо в обыденной повседневной жизни.

Именно этот метод рекомендован И. Н. Винниковым для сбора терминологии «путем расспросов» (второй способ его «Программы»). Изучающий систему родства берет сначала какую-либо семью и устанавливает, в каком родственном отношении каждый член данной семьи находится к каждому из остальных членов семьи, а затем путем расспросов определяет, каким термином эти лица обозначаются. Затем устанавливается, в каком родственном отношении находится каждый член данной семьи к каждому члену других семей, родственников с этой семьей, и какими терминами эти лица обозначаются и т. д.⁷ А. П. Дульзон, пользовавшийся в принципе тем же методом сбора материала по системе родства кетов, следующим образом модифицировал процедуру:

1) перед опросом прежде всего составлялась — по сведениям правления колхоза или сельсовета — перепись всего кетского населения, проживающего в данном месте;

2) в каждой семье записывалась подробная родословная ее членов, в которой указывалось имя, отчество и фамилия каждого лица, его возраст, национальность, откуда он родом, а также год смерти, если его не было уже в живых, и место жительства, если он обитал в другом месте;

3) подворный список сверялся с этими родословными и по ним составлялись формуляры для всех намеченных к опросу лиц. Номенклатура родства большей частью устанавливалась по таким заранее подготовленным формулярам. Это не только сберегало время, но и уменьшало количество ошибок⁸.

Генеалогический метод Риверса получил самое широкое распространение в практике полевой этнографической работы. Но он также не свободен от серьезных недостатков. Главный из них заключается в следующем. Информатор сообщает термин, которым он обозначает отношение родства с тем или иным заданным лицом, но это отнюдь не всегда значит, что сам информатор связывает *Е* и *А* посредством той же цепочки элементарных родственных отношений, какую приписывает этому термину задающий вопрос этнограф. Очень образно и наглядно этот недостаток риверсовского метода был показан М. Мид, работавшей в 1930-х годах среди папуасов арапеш. Например, на вопрос о том, как арапеш называет лицо *А*, которое, с точки зрения этнографа, является дочерью дочери брата отца отца, информатор отвечает: «Сестрой». Однако это вовсе не означает, что, формулируя свой ответ, арапеш проделывает в уме тот же длинный путь по генеалогическому дереву, что и исследователь, — он называет *А* данным термином только потому, что брат этой женщины живет в его деревне и является поэтому «братом» информатору. Этот «брат» зовет *А* своей «сестрой», поэтому и информатор называет ее так же⁹.

Приведу другой пример. В системе родства мбау на Фиджи отражена дуально-брачная организация двух экзогамных групп, связанных между собой двусторонним кросс-кузенным браком (см. рис. 1). Вследствие этого отношения кровного родства и свойства в этой системе совпадают. На рисунке 4 обозначает группу лиц мужского пола в поколении отцов-матерей, принадлежащую к иной, чем *Его*, кровно-родственной «половине», а 3 — группу лиц женского пола того же поколения, но из «половины» *Его*. Поскольку лица группы 3 вступают в брак с лицами группы 4, а их сыновья (6) являются потенциальными мужьями женщин моего поколения и моей «половины», то группа 6 включает, если

⁷ «Программа» И. Н. Винникова, стр. 16—17.

⁸ А. П. Дульзон. Термины родства и свойства енисейских кетов, «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 87.

⁹ Н. А. Бутин ов, Проблема экзогамии, в кн.: «Родовое общество», «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XIV, М., 1951, стр. 20.

подходить к ней с генеалогической точки зрения, четыре категории родственников: сыновей сестер моего отца, сыновей братьев моей матери, мужей моих сестер и братьев моей жены¹⁰. В действительности же, говоря о родственниках группы б, мужчина мбау отнюдь не соединяет их с Его четырьмя различными способами: для него все эти родственники связаны с Его одним-единственным отношением — это родственники того же, что и он сам, пола из его поколения, но из группы его матери. «Короче говоря, — пишет по этому поводу А. Хокарт, — мы прежде всего стремимся определить ближайшего родственника и поэтому движемся вверх или вниз по генеалогическому дереву. Фиджийцы... не поступают таким образом, потому что в этом нет необходимости. Им нужна лишь такая информация, которая позволила бы им поместить каждого на должное место в должном поколении. Выяснение это идет следующим образом:

— Кем вы приходитесь друг другу?

— Мы одной стороны и одного поколения.

— Почему?

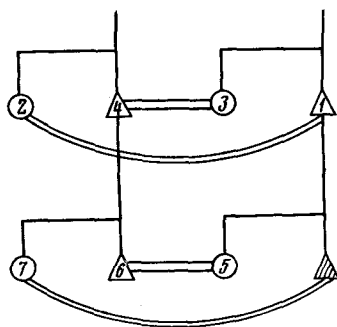
— Потому что наши отцы были одной стороны и одного поколения.

Или: Мы принадлежим к смежным поколениям и к противоположным сторонам, потому что он относится к стороне и поколению моей матери»¹¹. Сказанное достаточно убедительно показывает, что этнограф, собирающий терминологию родства с помощью генеалогического метода, подходит к ней с мерками своей собственной системы родства, а не стремится встать на точку зрения носителя изучаемой системы.

Отмечая этот недостаток генеалогического метода, Н. А. Бутинов еще в 1951 г. категорически утверждал, что «перед советскими этнографами стоит задача — решительно сломать эту вредную традицию, выработать новый метод записи систем родства, который фиксировал бы не только систему абстрактных родственных терминов, но и скрытую за ней структуру конкретных общественных отношений»¹².

Теоретическая возможность разработки такого метода сбора материала по системам родства заключается в том, что исходным пунктом процедуры установления значения терминов родства может быть не только заранее сформулированная исследователем связь (~) между *Е* и *А* (как это имело место в моргановской программе) или лицо *А*, отношения которого с *Е* устанавливаются исследователем с генеалогической точки зрения (метод Риверса), но и сам по себе термин *Т*.

Фактически именно этот метод имел в виду И. Н. Винников, когда говорил о первом из трех рекомендованных им способов изучения систем родства: «Первый способ предполагает тесное общение с народностью, система родства которой изучается в течение довольно продолжительного времени и состоит в непосредственном наблюдении применения терминов родства на практике. Лицо, изучающее систему родства, слышит в обиходной речи какой-либо термин родства, тотчас его записывает в той грамматической форме, в которой термин был произнесен, и тут же на месте устанавливает родственное отношение, существующее (или существовавшее, если речь идет об умершем) между лицом, употребившим

$\Delta a \bigcirc b \blacktriangle v - z = b$

Дуально-брачная организация двух экзогамных групп в системе родства мбау на Фиджи; *a* — мужчина, *b* — женщина, *v* — Его (мужчина), *z* — кровное родство, *d* — брачная связь

¹⁰ W. H. R. Rivers, *The history of Melanesian society*, Cambridge, 1914, p. 267.

¹¹ A. M. Hocart, *Kinship systems*, «Readings in anthropology», ed. by E. A. Hoebel, N. Y., 1955, p. 193.

¹² Н. А. Бутинов, Указ. раб., стр. 21.

термин, и тем лицом, к которому термин был обращен или о котором здесь говорилось»¹³.

Но такой способ установления значений терминов вполне применим не только при простом или включенном наблюдении, являющемся бесспорно наиболее надежным методом полевой этнографической работы, но и при интервьюировании. Если первый метод предполагает «пассивное» усвоение исследователем искомой информации и поэтому требует, как правило, длительного пребывания в среде изучаемого народа, то, применяя второй метод (интервьюирование), этнограф действует активно и более целеустремленно. Информатору предлагается назвать все известные ему термины родства, существующие в его языке, а когда список терминов составлен, информатор по просьбе исследователя объясняет значения каждого из терминов. При такой процедуре совершенно исключена возможность вольного или невольного навязывания информатору каких-либо категорий, но свойственных изучаемой системе родства: ему предоставляется возможность выразить значение каждого термина в той форме, какую он считает наиболее естественной и привычной.

Такая характеристика системы родства «изнутри» позволит исследователю выявить те ее черты, которые совершенно ускользают от этнографа, пользующегося генеалогическим методом Риверса. Например, М. Сварц обратил внимание на то, что в системе родства на о-ве Трук (Каролинские о-ва) применение некоторых терминов обусловлено не только генеалогическим родством, но и «ситуацией» (в частности, фактором совместного владения землей)¹⁴. Вполне возможно, что для каких-то иных систем окажутся существенными другие, до сих пор недостаточно или совершенно неизученные факторы. Но если только эти факторы имеют реальную значимость, информатор, разъясняющий исследователю значение термина родства, имеет возможность указать на них. Так, фиджиец определит многие термины своей системы не привычной для европейца цепочкой элементарных отношений родства, а комбинацией двух факторов — поколения и принадлежности к одной из двух «половин» дуальнообратной организации и т. д. Задача исследователя в этом случае — тщательно зафиксировать набор тех факторов, с помощью которых сам носитель языка выражает разницу в значениях терминов родства.

Возможно, однако, что во многих случаях информатор будет определять значение термина генеалогическим способом, поясняя, например, что такой-то термин служит для обозначения «сына брата матери» и т. д. и т. п. Это значит, что в данной системе термины уже утратили свое первоначальное классификационное значение и отношение между *A* и *E* воспринимается самим информатором как отношение между отдельными лицами, связанными индивидуальными узлами родства. Но и в этом случае изучение правил построения тех цепочек элементарных родственных отношений, которыми оперирует сам информатор, может дать очень много полезного для понимания особенностей изучаемой системы.

Само собой разумеется, что применение этого метода при определенных условиях отнюдь не исключает использование других способов сбора информации по системам родства. Разработав свой метод, У. Риверс собрал с его помощью основную массу материала для таких капитальных исследований, каким является, например, «История меланезийского общества». Но в процессе сбора данных по меланезийским системам Риверс в ряде случаев прибегал и к традиционному моргановскому методу, т. е. выяснял, как меланезийцы обозначают те или иные отношения родства. Однако, подчеркивает Риверс, он поступал так лишь в случае крайней необходимости (например, когда он не располагал достаточным вре-

¹³ «Программа» И. Н. Винайкова, стр. 16.

¹⁴ M. J. Swartz, *Situational determinants of kinship terminology*, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 16, 1960, p. 394.

менем для составления генеалогических схем) и при том непременно в условиях, что ему уже были известны наиболее существенные черты изучаемой системы¹⁵. Точно так же, если исследователь, применяя описанный выше метод, убеждается, что значения терминов родства информатор разъясняет с генеалогической точки зрения, не прибегая к использованию иных характеристик, то для уточнения или проверки полученных данных исследователь может частично использовать риверсовский или моргановский методы. Но это допустимо лишь в том случае, если изучающему уже ясны основные черты системы, выявленные «изнутри». Необходимо подчеркнуть, что успешное применение этого метода предполагает знание исследователем соответствующего языка и проведение на этом языке всех бесед с информаторами.

II. В связи с этим возникает вопрос о способе фиксации выявленных значений терминов. Для объективной записи этих значений нельзя пользоваться терминами родства, существующими в языке исследователя. У. Риверс совершенно справедливо писал в 1914 г., что «английские термины родства не имеют точных эквивалентов в языках тех народов, которые пользуются классификационной системой, точно так же как полинезийские и меланезийские термины не имеют эквивалентов в нашем языке... Единственно удовлетворительным методом было бы использование символов для различных отношений родства; возможно, придет время, когда это будет достигнуто и многое в описании социальных систем остальных племен будет напоминать математический трактат, где выводы выражаются символами, а в некоторых случаях — и уравнениями»¹⁶. Одним из первых опытов создания условного кода для записи значений терминов родства была система, разработанная в 20-х годах С. А. Токаревым¹⁷.

С. А. Токарев справедливо отмечал, что нередко исследователь подсознательно сводит описание изучаемой системы к переводу терминов с соответствующего языка на свой язык. Но поступая таким образом, этнограф пользуется не системой логически соотнесенных научных понятий, а существующими в его родном языке терминами родства, которые сами по себе нуждаются в объективном описании. В частности, совершенно неправильно утверждение, что «у ирокезов человек называет брата своего отца отцом»¹⁸. Ошибочно оно потому, что соответствующий ирокезский термин обозначает отца, его братьев (родных и коллатеральных), мужей сестер матери и т. д., т. е. по своему содержанию отнюдь не совпадает с русским термином «отец»¹⁹.

В основе системы кодирования значений терминов родства, с помощью которой С. А. Токарев предполагал преодолеть субъективизм исследователя, лежало предположение о том, что «все бесконечно разнообразные отношения родства, из которых лишь ничтожно малая часть имеет обозначения в человеческих языках, могут быть сведены к простейшим отношениям»²⁰. Последние вытекают из двух форм биологической связи — брака и рождения и включают шесть типов: отец, мать, сын, дочь, муж, жена. Задача сводится фактически к тому, чтобы выразить эти простейшие родственные отношения, а через них и все остальные, при помощи условных знаков. По мнению С. А. Токарева, в качестве таковых удобнее всего арабские цифры: отец — 1, мать — 2, сын — 3,

¹⁵ W. H. R. Rivers, The history of Melanesian society, p. 265.

¹⁶ Там же, стр. 10.

¹⁷ См. об этом: С. А. Токарев, К вопросу о методике изучения терминологии родства, «Вестник, МГУ, Историко-филологическая серия», 1958, № 4, стр. 189.

¹⁸ Л.-Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 221.

¹⁹ Аналогичная неточность встречается и во многих современных работах (см.: Ч. М. Таксами, Нивхи, Л., 1967, стр. 205; Н. А. Бутинцов, Папуасы Новой Гвинеи, М., 1968, стр. 211 и др.).

²⁰ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 189.

дочь — 4, муж — 5, жена — 6. Все остальные отношения родства могут быть сведены к этим основным и через них выражены. Например, отец отца обозначается 11, мать матери — 22 и т. д. Хотя отношения братьев-сестер являются не простыми, а производными, С. А. Токарев предлагает в целях упрощения системы ввести самостоятельные символы для брата (7) и сестры (8). Далее, если термин родства зависит от пола говорящего, перед соответствующим индексом ставятся условные буквы *m* (говорит мужчина) или *f* (говорит женщина).

Иные системы кодирования терминов с помощью цифровых или буквенных индексов предложили впоследствии А. Рэдклифф-Браун²¹ и Дж. Мёрдок²². Новый, более совершенный и удобный вариант такого кода был недавно разработан Ю. И. Левиным²³.

В основу этого кода положены три основных элементарных отношения родства — дитя (Д), родитель (Р), супруг (С). В том случае, если необходимо различать пол именуемого лица, соответствующий индекс снабжается символами «м» и «ж»; например, Рм — отец, СжДм — жена сына и т. д. Если же необходимо указать пол Его, к индексу добавляются условные обозначения «Ем» (Его — мужчина) и «Еж» (Его — женщина). В отличие от кода Токарева цепочки символов читаются от именуемого к говорящему (ср. обозначения, например, для сестры отца: 18 — у Токарева и ДжРРм — у Левина).

Четкая и однозначная запись отношений родства и свойства облегчает выявление структурообразующих принципов, лежащих в основе той или иной системы родства, что само по себе очень важно для сопоставления различных систем родства. Код Левина представляется более совершенным и удобным, чем предлагавшиеся ранее способы записи значений терминов. Он получил уже практическое применение в работах советских исследователей²⁴.

III. Наконец, нельзя не коснуться еще одного существенного вопроса, с которым сталкивается практически каждый исследователь систем родства, работающий в полевых условиях.

Давно уже было замечено, что у одного и того же народа, как правило, существует не одна, а минимум две различные по своему характеру системы родства, функционирующие в различных ситуативных контекстах. Так, изучая социальную организацию меланезийцев, У. Риверс обратил внимание на то, что термины, с помощью которых они обращаются к родственникам, отличаются от обозначений тех же родственников в разговоре с третьим лицом²⁵. Основываясь на этих наблюдениях, Р. Лоуи ввел в этнографический обиход противопоставление двух категорий терминов родства: «термины обращения» и «термины обозначения»²⁶. Л. Морган, как известно, не проводил в своих трудах такого различия. В его таблицах анализируются преимущественно «термины обозначения», однако он упоминает и о том, что родственники у ирокезов не называют друг друга по имени, а пользуются при обращении терминами родства²⁷. Что же касается оппонента Моргана, Дж. Мак-Леннана, то последний признавал в терминах родства лишь систему взаимных обращений²⁸.

²¹ A. Radcliff-Brown, A system of notation for relationship, «Man», XXX, 1930, p. 93.

²² G. P. Murdock, Social structure, N. Y., 1949.

²³ Ю. И. Левин, Об описании системы терминов родства, «Сов. этнография», 1970, № 4.

²⁴ Е. С. Семека. Компонентный анализ системы родства общества с кросс-кузенными браками, «V Всесоюзный симпозиум по кибернетике», Тбилиси, 1970, стр. 368—370.

²⁵ W. H. R. Rivers, The history of Melanesian society, стр. 265.

²⁶ R. Lowie, Relationship terms, «Encyclopaedia Britannica», 14th ed., vol. 19, p. 84

²⁷ Л.-Г. Морган, Указ. раб., стр. 132.

²⁸ J. McLennan, Studies in ancient history, London, 1886, p. 273.

Следует отметить, что различия между двумя категориями терминов, введенными Лоуи, должны быть сформулированы несколько иначе. Как выясняется, «термины обращения» употребляются нередко не только при непосредственном обращении к родственнику, но и при обозначении его в разговоре с другим родственником; «термины обозначения» используются для обозначения родственников в разговоре с посторонними лицами. Таким образом, набор контекстов, в которых употребляются различные подсистемы терминов, существующие в рамках одной и той же системы родства, достаточно сложен. Недавно это вновь было подчеркнуто Д. Шнейдером, выступившим на VIII МКАЭН с докладом «Что следует включать в список терминов родства?». По крайней мере применительно к современной терминологии американцев, утверждает автор, нельзя говорить о существовании единой подсистемы «терминов обозначения». В различных конкретных ситуациях, в зависимости от того, кем является мой собеседник, я могу назвать своего родственника различными терминами²⁹.

Большой интерес в этой связи представляет опубликованное около 30 лет назад исследование Фэй Сяо-туна, изучавшего ситуативные контексты употребления терминов родства на примере китайской системы. Его основные выводы сводятся к следующему.

То, каким термином родства говорящий (Его) обозначает именуемого (alter) в разговоре с собеседником, зависит от характера отношений, связывающих эти три лица. Здесь возможны следующие случаи:

1) говорящий может обозначить именуемого тем же термином, который он применяет при прямом обращении (если говорящий, именуемый и собеседник принадлежат к одной и той же семье, причем примерно одного и того же возраста);

2) говорящий может обозначить именуемого термином, который используется собеседником при прямом обращении к именуемому (если все три лица принадлежат к одной семье, но говорящий старше, чем именуемый и собеседник);

3) говорящий может назвать именуемого «термином обращения» (если говорящий и собеседник не связаны родственными отношениями)³⁰.

Это значит, что исследователь не может включать в один список терминов как те наименования, которые он слышит в обиходной речи своих информаторов, так и те, которые выявляются им в процессе интервьюирования. Поскольку исследователь чаще всего не является родственником информатора, в результате целенаправленного опроса он получает список «терминов обозначения». Смешение в одном списке терминов различных подсистем недопустимо, так как это привело бы к искажению общей картины функционирования терминов родства у изучаемого народа.

Вопрос о причинах возникновения различий в принципах группировки родственников, обозначаемых «терминами обращения», с одной стороны, и «терминами обозначения» — с другой, исследован еще недостаточно. Б. Агинский в свое время высказал предположение, что одним из факторов, послуживших толчком к разделению этих подсистем, могло быть противоречие между биологической и социальной обусловленностью терминологии родства. Рассматривая проблемы, связанные с интерпретацией системы родства, этот автор оперирует исключительно «терминами обращения». Он полагает, что «термины обращения» в большей степени соответствуют реальности социальной организации и поэто-

²⁹ D. Schneider, What should be included in a vocabulary of kinship terms, «Proceedings, VIII ICAES, 1968, Tokyo — Kyoto», vol. II, p. 89.

³⁰ H. T. F ei, Peasant life in China, 1946, p. 288.

му в большей степени определяют нормы поведения между родственниками, чем «термины обозначения»³¹.

Но большинство современных исследователей стоит на противоположной точке зрения. Здесь важно отметить, что в процессе исторических изменений одной и той же системы прогрессивные изменения захватывают в первую очередь подсистему «терминов обращения». Именно эти термины оказываются в большей степени подверженными инновациям. Соответственно подсистема «терминов обозначения» более консервативна и поэтому содержит большее количество пережиточных черт, на основании которых можно судить о предшествующем этапе ее эволюции. С этой точки зрения «термины обозначения» представляются более полезными для исторического исследования, целью которого является изучение закономерностей развития социальной структуры.

Результаты работы по сбору данных о системе родства обобщаются в виде таблиц. Л. Морган пользовался в свое время таблицами, состоящими из трех граф: в первой из них перечислялись отношения родства, во второй — соответствующие термины, в третьей давался перевод этих терминов на английский язык. Наличие этой последней графы не только не дает ничего нового для понимания структуры данной системы родства, но и способно ввести в заблуждение тех, кто будет пользоваться таблицей. Поэтому для обобщения терминологии, собранной методом, при котором исходным пунктом является сам термин, достаточно таблицы с двумя графами: в первой из них приводится список терминов данной подсистемы («термины обращения» или «термины обозначения»), а во второй даны значения каждого из терминов, записанные с помощью буквенного кода.

Совершенствование методики полевого сбора и фиксации материала — необходимое условие для успешного решения одной из важных задач, стоящих перед советскими этнографами, — составления общего свода систем родства народов СССР.

ON METHODS OF COLLECTING DATA ON KINSHIP SYSTEMS

The traditional methods of field work in studying kinship systems are examined in the article (Morgan's method based upon a preliminary list of kinship relationships and Rivers' «genealogical» method). Grave shortcomings are noted for both methods. The author proposes to introduce into practice a new method of collecting data on kinship terminology. This method permits, in his opinion, a more objective understanding of the peculiarities of each system. It is stressed that under certain circumstances a combined use of all three methods may show the best results. Modes of recording the meaning of each term are also discussed in the article as well as the importance of strictly distinguishing the various subsystems that exist within the framework of a kinship system.

³¹ B. Aginsky, Kinship systems and the forms of marriage, «Memoirs of the American anthropological association», 1935, № 45, p. 95.

МАТЕРИАЛЫ ПО ОДОНТОЛОГИИ КАЗАХОВ

Материал, положенный в основу данной статьи, был собран в сентябре-октябре 1965 г. в Алма-Ате в трех казахских школах-интернатах, а также в Казахском женском педагогическом институте. Всего было обследовано 345 человек в возрасте от 14 до 20 лет (139 — мужчин, 206 — женщин). Исследуемые были родом из различных районов Казахстана, так что выборка более или менее отражает среднюю характеристику морфологии зубов населения республики.

Для сбора материала была применена методика снятия восковых слепков. При определении признаков мы руководствовались обычной методикой, описанной в нашей работе¹.

Ниже мы излагаем результаты работы отдельно по каждому взятому признаку.

1. Форма прикуса. Этот признак отмечался нами только визуально, и поэтому данные по форме прикуса имеются у нас лишь по женской группе, где такой метод применялся. В 83,33% случаев мы констатировали разные формы псалидодонтного прикуса и в 9,99% случаев — лабидодонтного. Такую частоту лабидодонтии следует считать низкой. Например, по данным Х. Брабана², для современных европейских популяций частота лабидодонтии может достигать 20% (10—20%). По 3,33% в нашей казахской серии пришлось на прогению и опистодонтию.

2. Гиподонтия. Полное врожденное отсутствие одного из верхних латеральных резцов отмечено в мужской группе (136 чел.) два раза (1,47%), а в женской группе (183 чел.) лишь один раз (0,54%), причем билатерально. На нижней челюсти случаи врожденного отсутствия латерального резца констатированы: дважды в мужской группе (1,65%), причем один раз билатерально, и трижды в женской (1,81%). В ряде случаев отмечалась в изученной группе гиподонтия второго верхнего премоляра: мужская серия — 2,94% (4 случая из 136, два из них билатерально); женская — 0,54% (один случай из 183). Гиподонтия премоляров нижней челюсти на нашем материале не наблюдалась. О врожденном отсутствии третьих моляров мы, естественно, судить не могли, учитывая возрастной состав группы.

Общая частота случаев гиподонтии (число индивидуумов, у которых отмечено это явление), наблюдавшихся нами в пределах названных классов зубов, составила: в мужской группе 4,41% (верхняя челюсть) и 2,74% (нижняя челюсть); в женской серии соответственно 1,63 и 1,81%. Таким образом, вопреки ожиданию, гиподонтия в казахской серии оказалась несколько более распространенной у мужчин.

3. Аномалии прорезывания зубов. В мужской группе у 6 человек в возрасте от 15 до 18 лет констатирована персистенция

¹ А. А. Зубов, Одонтология. Методика антропологических исследований, М., 1968.

² H. Brabant, F. Twisselman. Observations sur l'évolution de la denture permanente humaine en Europe occidentale, «Bulletin du Groupement International pour la Recherche Scientifique en Stomatologie», 1964, № 7, p. 11—84.

вторых молочных моляров: 3 случая на верхней челюсти и 3 на нижней. В 4 случаях из 6 аномалия была билатеральной. Вычисляя частоту этого явления отдельно для верхней и для нижней челюстей, получаем соответственно: 2,21% (3 случая из 136) и 2,47% (3 случая из 121). В женской группе указанное явление не наблюдалось ни разу. В одном случае (девочка 15 лет) констатирована ретенция двух вторых верхних моляров.

4. Гиперодонтия. Общая частота случаев наличия сверхкомплектных зубов равна для мужской казахской группы 2,94% (4 случая из 136), а для женской 2,73% (5 случаев из 183). В классе резцов в мужской и женской группах по одному разу встретился конический мезиоденс. При этом интересно, что в одном из этих случаев (женская группа) он отмечен одновременно с билатеральной гиподонтией верхних латеральных резцов. Это подтверждает наблюдение Х. Брабана³, что гиподонтия может сосуществовать с гиперодонтией и даже, возможно, имеется небольшая положительная связь этих двух по сути своей противоположных явлений. У женщин в классе резцов, помимо описанного выше случая, наблюдался дополнительный верхний резец, расположенный вне ряда (3—5 мм лингвально от него). Дополнительный зуб, морфологически сходный с резцами, встречался один раз у мужчин, вестибулярно от ряда зубов, на уровне промежутка между клыком и первым премоляром. Такое несоответствие между структурой и классом, как нам кажется, находится в противоречии с гипотезой морфогенетических полей А. Дальберга⁴. Интересные случаи наличия сверхкомплектных клыков наблюдались в женской казахской группе. Здесь это явление было констатировано трижды из 183 случаев (верхняя челюсть). Клык в двух случаях располагался лингвально от ряда, в двух — вестибулярно. В мужской группе также был отмечен один случай наличия верхнего дополнительного клыка. В этой же группе был один раз встречен дополнительный верхний премоляр, располагавшийся в ряду, вследствие чего правый квадрант челюсти имел атавистический трехчленный состав класса премоляров. Общая частота гиперодонтии, как и общая частота гиподонтии, в группе казахов должна быть признана довольно высокой.

5. Диастемы. Общий процент индивидуумов, у которых были отмечены промежутки между зубами, составил в мужской группе 35,07% (верхняя челюсть) и 23,14% (нижняя челюсть); в женской соответственно 22,15 и 13,97%. Таким образом, согласно полученным данным, частота диастем на обеих челюстях у мужчин существенно выше, чем у женщин.

На обеих челюстях заметные промежутки (более 1 мм) чаще всего встречаются между клыком и первым премоляром (мужчины 25,37 и 19,00%; женщины 15,19 и 11,02%). На втором месте по частоте диастем оказывается промежуток между латеральным резцом и клыком на обеих челюстях, далее — промежуток между двумя верхними центральными резцами и промежуток между первым и вторым премолярами нижней челюсти. Во избежание перегрузки статьи цифровыми данными мы ограничимся приведенными выше показателями.

Довольно часто встречается параллелизм в проявлении диастемы на верхней и нижней челюстях (коэффициент корреляции $r=0,586$).

6. Краудинг. Индивидуумы со скученным расположением зубов на верхней челюсти в мужской казахской группе составили 28,05%, а в женской 40,64%. Краудинг на нижней челюсти встретился с еще несколько более высокой частотой: мужчины 34,42%, женщины 42,33%. Таким образом, в противоположность диастемам, скученное расположение зубов имеет существенно более высокую частоту в женской группе.

³ H. Brabant, F. Twisselman, Указ. раб.

⁴ A. A. Dahlberg, The changing dentition of Man, «Journal of American Dental Association», 1945, № 32, p. 676.

Этого следовало ожидать ввиду более выраженной у женщин тенденции к редукции челюстей, приводящей прежде всего к большей дисгармонии размеров челюстей и зубов. Интересно, что если имеет место скученное расположение зубов, то диастемы редки. Эти два явления, одно из которых свидетельствует об избытке, другое — о недостатке места в челюсти, противоположны друг другу и связаны, как это показал статистический анализ, довольно высокой отрицательной корреляцией ($r = -0,790$).

Для групповой характеристики свободы расположения зубов в челюсти мы применили отношение общей частоты диастем к частоте краудинга. Это отношение для группы мужчин-казахов равно 1,25 и 0,67 соответственно для верхней и нижней челюстей. В женской группе оно еще ниже: 0,54 и 0,33. Эти величины говорят об очень тесном расположении зубов (для сравнения отметим, что для черепной серии из Окуневского могильника эта цифра равна 4,29)⁵. Правда, здесь нужно оговориться, что при сравнении групп нельзя не учитывать их возрастной состав, так как расположение зубов является признаком, подтвержденным в довольно значительной степени возрастным изменением.

На верхней челюсти краудинг наиболее часто встречается в области латеральных резцов, причем наблюдается, как правило, лингвальный сдвиг одного или обоих названных зубов (мужчины 17,97%, женщины 24,50%). Напомним, что это явление привлекло специальное внимание исследователей. Так, Л. Ошинский отмечает его у эскимосов (22,4%), К. Ханихара — у японцев (10,0%)⁶.

Частота скученного расположения в других классах зубов в мужской казахской группе не превышает 4,5%, в женской — 7,0%. Центральные верхние резцы иногда несколько повернуты вокруг оси, без скучивания (winging), причем их дистальные углы могут выступать как наружу (у женщин 10,96%, у мужчин 2,15%), так и внутрь (у женщин 1,29%, у мужчин 2,87%). В одном случае наблюдался поворот центрального верхнего резца на 180°, т. е. лингвальной поверхностью наружу (!). При этом был отмечен мезиоденс и некоторые другие аномалии.

Для нижней челюсти характерна довольно высокая частота случаев общей неровности ряда резцов (мужчины 18,85%, женщины 22,62%). Среди других зубов нижней челюсти частота краудинга не превышает у мужчин 5%, у женщин 7% (клык). Поворот зубов вокруг оси наблюдался особенно часто у женщин: поворот центральных резцов дистальными углами наружу — 9,48%, углами внутрь — 14,59%. У мужчин отмечены лишь случаи поворота резцов дистальными углами наружу — 4,09%.

В проявлении краудинга в одноименных классах верхней и нижней челюстей наблюдается довольно определенный параллелизм (коэффициент корреляции $r = 0,685$).

Относительно расово-диагностического значения рассматриваемого явления определенно говорить пока трудно. Если признать высказанное некоторыми исследователями⁷ положение, характеризующее краудинг как особенность, присущую монголоидной расе (что в какой-то мере подтверждается статистическими данными), то казахская группа по этому признаку сближается с монголоидами.

7. Редукция верхних резцов. Редукция верхних латеральных резцов в казахской группе наблюдалась нами довольно часто, если принимать во внимание мировой масштаб частот этого явления, а особенно его распространение в монголоидных группах, где эта форма

⁵ Материалы автора статьи по черепной серии из Окуневского могильника пока не опубликованы.

⁶ L. Oshinsky, A short note on upper lateral incisor tooth crowding among the Eskimos, «Anthropologica», nov. séries, vol. III, N 1, 1961.

⁷ L. Oshinsky, Указ. раб.

редукции встречается довольно редко. Конический, или колышковидный резец (peg-shaped incisor) — баллы 2 и 3 — отмечены в казахской мужской группе с частотой 5,15%, в женской — 2,20%. Более высокий показатель редукции верхнего латерального резца у мужчин является несколько неожиданным, так же как и большая частота гиподонтии этого зуба. То обстоятельство, что оба явления обнаруживают в данном слу-

Таблица 1

Форма лингвальной поверхности
центральных верхних резцов у казахов

Баллы	Мужчины (N=131)		Женщины (N=186)	
	n	%	n	%
0	24	18,32	29	15,59
1	25	19,08	37	19,89
2	46	35,11	65	34,94
3	36	27,47	55	29,56
2+3	82	62,58	120	64,50

Таблица 1а

Форма лингвальной поверхности
латеральных резцов у казахов

Баллы	Мужчины (N=131)		Женщины (N=184)	
	n	%	n	%
0	23	17,55	36	19,55
1	34	25,95	45	24,45
2	50	38,16	69	37,50
3	24	18,31	34	18,47
2+3	74	56,47	103	55,97

чае одну и ту же тенденцию, доказывает, что найденные различия частот вряд ли можно приписать простой случайности. Здесь, правда, следует заметить, что женская группа, уступая мужской по частоте сильно редуцированных форм, превосходит ее по распространенности начальных фаз редукции (балл I у женщин 24,31%, у мужчин 11,76). С учетом этой формы показатель редукции латеральных верхних резцов оказывается равным для мужской группы 16,91%, для женской 18,43%.

8. Лингвальный бугорок верхних резцов. Лингвальный бугорок несколько более дифференцирован в мужской серии, где суммарная частота форм 2 и 3 составила на центральных резцах 2,29%, а в женской серии — 1,37%. Как и следовало ожидать, на латеральных резцах уровень дифференциации цингулюма оказался выше, чем на центральных, и частота балла 2 для мужской и женской групп равна здесь соответственно 9,67% и 8,02%, причем, как мы видим, направление половых различий и здесь то же, что для центральных резцов.

9. Лингвальная поверхность верхних резцов. Данные, отражающие степень выраженности лопатообразной формы верхних резцов у казахов, сведены в табл. 1 и 1а.

В казахской группе, как это видно из таблиц, высокие баллы развития лопатообразности довольно часты. Суммарный процент баллов 2 и 3 (т. е. semi-and marked shovel) равен в мужской группе 62,58%, в женской 64,50% для центральных резцов и соответственно 56,47 и 55,97% для латеральных. Учитывая, что в «чисто» монголоидных (точнее, восточных) популяциях частота лопатообразной формы центрального резца колеблется обычно между 75 и 100%, а в «чисто» европеоидных (точнее, западных) популяциях не превышает 15%, можно заключить, что по этому важному диагностическому признаку казахи занимают промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расами, больше тяготея при этом к восточным (в данном случае монголоидным) формам.

Данные, представленные в табл. 1 и 1а, показывают, что половые различия по частотам всех баллов лопатообразности в казахской группе очень незначительны.

10. Лингвальный бугорок клыков. Уровень дифференциации цингулюма на верхних клыках в мужской казахской группе существенно выше, чем в женской. Суммарный процент баллов 2 и 3, характеризующих обособление самостоятельного лингвального бугорка, равен соответственно в этих группах 28,00 и 10,79. Как в мужской, так и в женской сериях отмечены клыки лопатообразной формы (4,80% у мужчин, 3,59% у женщин). Лингвальный бугорок нижних клыков, как обычно,

менее дифференцирован. В мужской группе только дважды его развитие можно было определить баллом 2 (1,85 %), в женской группе уровень дифференциации лингвального бугорка нижних клыков ни разу не превысил балл 1, т. е. обособленный бугорок повсеместно отсутствовал. На нижних клыках, так же как и на верхних, отмечалась умеренная лопатообразность (4,63% в мужской группе, 0% в женской).

Таблица 2

Форма верхних премоляров у казахов

Мужчины			Женщины	
первый премоляр (N=133)			(N=153)	
баллы	n	%	n	%
1	5	3,76	3	1,96
2	202	76,69	113	73,85
3	26	19,54	37	24,18
второй премоляр (N=133)			(N=152)	
баллы	n	%	n	%
1	4	3,01	6	3,94
2	100	75,18	99	65,13
3	29	21,80	47	30,92

Таблица 2а

Форма нижних премоляров у казахов

Мужчины			Женщины	
первый премоляр (N=123)			(N=136)	
баллы	n	%	n	%
1	48	39,02	54	39,71
2	44	35,77	46	33,82
3	19	15,44	18	13,23
4	4	3,25	12	8,82
5	6	4,87	4	2,94
6	2	1,62	0	0,00
7	0	0,00	2	1,47
5+6+7	8	6,49	6	4,41
второй премоляр (N=123)			(N=136)	
баллы	n	%	n	%
1	0	0,00	0	0,00
2	6	4,87	5	3,67
3	4	3,25	3	2,21
4	73	59,34	56	41,17
5	29	23,57	61	44,85
6	6	4,87	9	6,61
7	5	4,06	2	1,47
5+6+7	40	32,50	72	52,93

11. Форма премоляров. Таблицы 2 и 2а показывают соотношение частот разных форм верхних и нижних премоляров в казахской серии.

Среди верхних, как первых, так и вторых премоляров, преобладает тип 2 (вестибулярный бугорок несколько больше лингвального). Половые различия по частотам баллов довольно неопределенны. Можно лишь обратить внимание на то, что в женской группе процент балла 3 как на первом, так и на втором верхнем премолярах, отражающего высокий уровень грацилизации, несколько выше, чем в мужской.

Уровень дифференциации нижних премоляров в казахской серии высок. Первые премоляры, правда, имеют лишь 6,49% (мужчины) и 4,41% (женщины) баллов выше 4, зато вторые премоляры весьма часто дают многобугорковые формы, особенно в женской группе. Суммарный процент форм 5+6+7 у женщин равен 52,93%; в мужской группе он существенно ниже (32,50%). Средний балл дифференциации для первого премоляра в казахской серии равен 2,04 (мужчины) и 2,07 (женщины), что в точности совпадает с соответствующим показателем для серии из Окуневского могильника. Для второго премоляра он равен в мужской группе 4,32, в женской 4,52 (Окуневский могильник — 3,21).

12. Форма верхних моляров. Общая форма верхних моляров в зависимости от редукции гипоконуса обнаруживает довольно значительные, но не вполне определенные межгрупповые различия. В казахской группе (табл. 3) уровень редукции гипоконуса на втором моляре высок и ставит исследованную группу в этом отношении впереди очень многих групп, как европеоидного, так и монголоидного происхождения, за исключением, пожалуй, лишь арктической расы, где этот уровень еще намного выше.

Таблица 3

Форма верхних моляров в группе казахов

Мужчины			Женщины	
первый моляр (N=131)			(N=171)	
форма	n	%	n	%
4	129	98,47	169	98,84
4—	2	1,53	1	0,58
3+	0	0,00	0	0,00
3	0	0,00	1	0,53
второй моляр (N=123)			(N=163)	
форма	n	%	n	%
4	4	3,25	7	4,29
4—	67	54,47	68	41,71
3+	34	27,64	51	31,28
3	18	14,63	37	22,69
4 и 4—	71	57,72	75	46,00
3+ и 3	52	42,27	88	53,97

Развитие бугорка Карабелли
в верхних молярах казахов

Мужчины			Женщины	
первый моляр (N=124)			(N=175)	
баллы	n	%	n	%
0	36	29,03	69	33,71
1	33	26,61	43	24,57
2	29	23,38	37	21,14
3	17	13,71	25	14,28
4	4	3,22	9	5,14
5	3	2,41	1	0,57
6	2	1,61	1	0,57
2+3+4+5	53	42,72	72	41,13
3+4+5	24	19,34	35	19,99
второй моляр (N=124)			(N=168)	
баллы	n	%	n	%
0	113	91,13	151	89,88
1	10	8,06	14	8,33
2	1	0,80	1	0,59
3	0	0,00	2	1,18

Следует обратить здесь же внимание на половые различия по уровню редукции гипоконуса в казахской серии. Суммарный процент форм 3+ и 3 в мужской группе казахов равен 42,27%, а в женской 53,97%. Это является аргументом в пользу того, что тенденция к редукции более выражена у женщин⁸.

13. Относительные размеры мета- и гипоконуса на верхних молярах. На первом верхнем моляре в мужской казахской группе частота случаев, когда гипоконус превосходит по размерам метаконус, равна 64,77%. В женской группе — 71,97%. Соответственно случаи противоположного соотношения размеров бугорков составляют 35, 23 и 28,04%. Таким образом, гипоконус в казахской серии в среднем превышает по размерам метаконус, что сближает казахов с представителями европеоидной расы. Более высокая частота случаев преобладания гипоконуса над метаконусом в женской серии подтверждает наш вывод, согласно которому гипоконус на верхних молярах у женщин в среднем несколько крупнее, чем у мужчин⁹.

14. Дробление мета- и гипоконуса верхних моляров. Дробление метаконуса у казахов на первом верхнем моляре встречается с частотой 9,30% (мужчины) и 13,72% (женщины). На втором моляре это явление наблюдалось реже: 4,91% (мужчины) и 8,90% (женщины). Явление дробления гипоконуса, как обычно, более характерно для второго моляра:

Мужчины			Женщины		
N	n	%	N	n	%
M ¹ 129	3	2,32	153	2	1,31
M ² 122	6	4,91	146	8	5,48

⁸ П. Банерджи, Некоторые эволюционные аспекты одонтологии бенгалцев, «Сов. этнография», 1967, № 3; А. А. Зубов, Половые различия в размерах и строении постоянных коренных зубов человека, «Вопросы антропологии», 1963, вып. 15; M. S. Goldstein, The cusps in the mandibular molar teeth of the Eskimo, «American Journal of Physical Anthropology», 1932, № 16, p. 215—235.

⁹ А. А. Зубов, Половые различия в размерах и строении постоянных коренных зубов человека.

Частота дробления метаконуса у казахов может быть определена как средняя, а частота дробления гипоконуса — как низкая. Сравнительный материал по этим признакам пока еще недостаточен для межгрупповых сопоставлений.

15. Бугорок Карабелли

В табл. 4 сведены цифровые данные, показывающие процент разных степеней развития бугорка Карабелли на верхних молярах казахов.

Мы не ограничились в настоящей работе констатацией фенотипических частот и попытались проанализировать характер распределения соответствующих генов в изучаемой популяции. Расчеты целесообразно проводить по первому моляру. Напомним, что еще в 1951 г. Б. Краус и М. Фур¹⁰ на основании посемейных исследований и изучения близнецов в нескольких популяциях мексиканских индейцев пришли к выводу, что бугорок Карабелли определяется парой кодоминантных, аутосомных аллелей. Из-за отсутствия доминирования трем разным генотипам по бугорку Карабелли соответствуют три разных фенотипа. Генотипу *ss* (гомозигота по аллелю, не образующему бугорок) соответствует фенотип «0», генотипу *Ss* (гетерозигота) — фенотипы 1 и 2, т. е. зачатки бугорка без самостоятельной вершины, и генотипу *SS* (гомозигота по аллелю, образующему бугорок) — фенотипы 3—5, т. е. разной величины бугорки, имеющие обособленную вершину. Приняв за основу эти соображения, нетрудно рассчитать частоту аллелей, производящих и не производящих бугорок Карабелли. Если число исследованных индивидуумов обоего пола в группе казахов равно 296, общее число интересующих нас аллелей соответственно будет 592. Число аллелей, производящих бугорок, равно удвоенному числу индивидуумов-гомозигот по этому аллелю + число гетерозигот, т. е.: 42×2 (фенотип «3») + 13×2 (фенотип «4») + 4×2 (фенотип «5») + 66 (фенотип «2») + 76 (фенотип «1») = 260. Частота аллеля, производящего бугорок, равна, следовательно, в группах казахов: $\frac{260}{592} = 0,439$, а для аллеля, не образующего бугорок, она состав-

ит $1 - 0,439 = 0,561$. Анализ такого рода был проведен Тернером¹¹ в 1965 г. по отношению к нескольким современным группам алеутов и алеутским черепным сериям. Частота аллеля, производящего бугорок в ископаемой серии алеутов, оказалась равной 0,316, а в современных, сильно смешанных группах алеутов — 0,451 и 0,515. Частота того же аллеля у современных белых американцев равна 0,537 (по Б. Краусу). Тернер использовал эти данные при анализе процесса метисации алеутов, отметив значительное изменение частоты упомянутого аллеля в современной алеутской группе в сторону величин, характерных для групп европейского происхождения.

Как показывают наши данные, частота аллеля, производящего бугорок Карабелли в группе казахов, сближается с величинами, полученными Тернером для метисной европеоидно-монголоидной популяции. Этот вывод вполне соответствует нашим представлениям о расовом типе казахов.

Рассчитав частоту аллелей, определяющих бугорок Карабелли, мы имеем возможность установить теоретически ожидаемую по закону Харди — Вайнберга частоту фенотипов в изучаемой популяции. Имея $p = 0,439$ и $q = 0,561$, получаем по формуле Харди — Вайнберга:

$$0,439^2 + 2 \times 0,439 \times 0,561 + 0,561^2 \text{ или } 0,193 + 0,492 + 0,315.$$

¹⁰ B. Kraus, M. Furr, Lower first premolars. Part I, «Journal of Dental Research», 1953, № 32, p. 554.

¹¹ Ch. G. Turner, Dental genetics and microevolution in prehistoric and living Koniag Eskimo, «Folio of materials for the International Symposium on Tooth Morphology», Fredensborg, 1965.

Если в этой пропорции распределить наши 296 индивидуумов, то соотношение фенотипов (теоретическое) будет:

$$57,128 + 145,632 + 92,240.$$

Эмпирические частоты, полученные при изучении казахов:

$$59 + 142 + 95,$$

таким образом, прекрасно согласуются с теоретическими, что и следовало ожидать в панмиктической популяции. Это показывает и применение метода χ^2 =квадрат ($\chi^2=0,178$; $0,95 > P > 0,90$).

Следует, по нашему мнению, присоединиться к выводу Тернера, что генетический анализ одонтологического материала может оказаться весьма полезным при изучении процессов микроэволюции, особенно ввиду возможности непосредственных сопоставлений ископаемого материала с ныне живущими популяциями.

Заканчивая рассмотрение данных по бугорку Карабелли, следует заметить, что наш материал не показал сколько-нибудь существенных половых различий по этому признаку. Это находится в некотором противоречии с данными П. Андрика¹², констатировавшего заметный половой диморфизм по бугорку Карабелли.

16. Парамоллярные бугорки. Из вестибулярных дополнительных бугорков на верхних молярах в казахской мужской группе трижды встретился буккостиль (2 раза на М¹ и один раз на М²) и один раз — мезостиль (М¹). В женской группе два раза отмечен буккостиль (М²).

17. Метаконулюс и протоконулюс. Мезиальный дополнительный бугорок, составляющий часть переднего элемента протоконуса верхних моляров и соответствующий протоконулюсу по положению, размерам и характеру обособления, не раз наблюдался в нашей серии:

	Мужчины			Женщины		
	N	n	%	N	n	%
М ¹	133	18	13,53	106	15	9,61
М ²	133	9	6,76	106	8	5,13

Метаконулюс — бугорок, выделяющийся из массы косого гребня между прото- и метаконусом, встречался реже:

	Мужчины			Женщины		
	N	n	%	N	n	%
М ¹	133	1	0,75	156	2	1,28
М ²	133	2	1,50	156	3	1,92

Сравнительных данных по этим признакам мы пока не имеем, так как они были впервые хорошо просмотрены в данной серии благодаря отсутствию стертости.

18. Форма коронки нижних моляров. Таблица 5 дает представление о распределении разных типов узора жевательной поверхности на нижних молярах казахов.

¹² P. Andrik, M. Hanulik, A. Bachraty, Bemerkungen zum Vorkommen des Tuberculum anormale Carabelli, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», 1966, № 2, S. 168—172.

На первом нижнем моляре обращает на себя внимание довольно низкий процент формы У5, что нередко наблюдается в монголоидных группах. На монголоидность группы указывает также относительно высокая частота шестибугорковых форм на этом зубе. Наличие же некоторого количества четырехбугорковых первых нижних моляров говорит, наоборот, о некотором сближении с европеоидными расовыми типами. Это сближение проявляется примерно в такой степени, как у хакасов или несколько меньшей¹³: казахи-мужчины — У4 — 2,42%, женщины — 5,33%, хакасы — 8,0%.

Казахская серия характеризуется довольно высоким процентом пятибугорковых форм вторых нижних моляров (мужчины 30,06%, женщины 23,30%). Сходные показатели наблюдаются в монголоидных и метисных группах: киргизы 27,3%, буряты 32,0%, монголы 31,0%.

Довольно высокая частота шестибугорковых вторых нижних моляров также сближает казахов с монголоидами. Соответственно четырехбугорковые вторые нижние моляры встречаются у казахов реже, чем во всех известных популяциях европеоидного происхождения, и их процент находится на уровне, характеризующем большинство монголоидных групп.

Материал по третьим молярам у нас очень мал. Можно здесь лишь указать на значительную вариабильность строения зубов мудрости в казахской серии и на наличие всех возможных редукционных линий, о чем, впрочем, свидетельствует и материал по второму нижнему моляру.

Данные по нижним молярам казахской серии позволяют подтвердить закономерности половых различий, о которых мы говорили в работе 1963 г.¹⁴: тенденция к редукции основных бугорков более выражена у женщин (особенно на вторых молярах), но наряду с этим у женщин обычно выше частота бугорков, являющихся результатом дробления коронки (таких, как шестой бугорок). Сочетание этих двух противоположных тенденций порождает картину неустойчивости структуры женских моляров, на что справедливо обращал в свое время внимание М. Гольдштейн¹⁵. Очевидно, редукция целого одонтомера и редукция-дифференциация его трех элементов — разные процессы. Подобное предположение уже высказывалось нами в связи с тем, что, по нашим наблюдениям, части целых элементов не подчиняются тому порядку редукции, который действителен для самостоятельных производных цингулюма¹⁶.

19. Внутренний, средний дополнительный бугорок. Тенденция к большей расчлененности коронки проявляется на женских нижних молярах и в несколько большей, чем у мужчин, частоте внутреннего среднего дополнительного бугорка, процент которого на первом нижнем моляре равен: 4,71% (мужчины) и 6,71% (женщины). В изученной нами группе преобладает форма рассматриваемого бугорка, при которой он представляет собой часть метаконида (тип 1): 3,93% (мужчины) и 6,04% (женщины). На тип 2 приходится соответственно 0,78 и 0,67%. На вторых нижних молярах внутренний средний дополнительный бугорок встретился всего по одному разу у мужчин и у женщин.

Общая частота бугорка по казахской серии может считаться низкой и сближает группу с большинством европеоидов, а также меланезийца-

¹³ А. А. Зубов, Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас, сб. «Проблемы эволюции человека и его рас», М., 1968.

¹⁴ А. А. Зубов, Половые различия в размерах и строении постоянных коренных зубов человека.

¹⁵ M. S. Goldstein, Указ. раб.

¹⁶ А. А. Зубов. Порядок редукции бугорков и преобразование узора коронки постоянных нижних моляров человека при переходе от пятибугоркового типа к трехбугорковому, доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

ми, австралийцами и японцами. Тенденция к образованию внутреннего среднего дополнительного бугорка проявляется в сильной выраженности дистальной борозды метаконида и мезиальной борозды энтокониды. Это явление наблюдалось у казахов весьма часто на М₁: 39,85% (муж-

Таблица 5

Структура нижних моляров в группе казахов

Мужчины			Женщины	
первый моляр (N=124)			(N=150)	
формы	n	%	n	%
У6	13	10,48	15	10,00
+6	3	2,41	11	7,33
У5	85	68,54	90	60,00
+5	18	14,51	25	16,66
+5 ^a	2	1,61	1	0,66
У4	2	1,61	3	2,00
+4	1	0,81	5	3,33
У5, +5, +5 ^a	105	84,66	116	77,32
У6 и +6	16	12,89	26	17,33
У4 и +4	3	2,42	8	5,33
второй моляр (N=123)			(N=150)	
формы	n	%	n	%
У6	1	0,81	0	0,00
+6	11	8,94	17	11,33
У5	2	1,62	2	1,32
+5	29	23,57	30	20,00
+5 ^a	4	3,25	2	1,32
+5A	1	0,81	1	0,66
+5 ^b	1	0,81	0	0,00
У4	8	6,50	8	5,33
У4 ^a	1	0,81	0	0,00
У4 ^b	2	1,62	0	0,00
+4	55	44,71	79	52,66
+4 ^a	8	6,50	11	7,33
У5, +5, +5A, +5 ^a и +5 ^b	37	30,06	35	23,30
У4, У4 ^a , У4 ^b , +4 и 4 ^a	74	60,14	98	65,32
У6 и +6	12	9,75	17	11,33
третий моляр (N=10)			(N=15)	
формы	n	%	n	%
+6	0	0,00	2	13,32
+6 ^a	1	10,00	0	0,00
+5	0	0,00	8	53,33
+5 ^a	5	50,00	0	0,00
+5A	1	10,00	0	0,00
У4	1	10,00	0	0,00
+4	2	20,00	3	20,00
+4 ^a	0	0,00	1	6,66
У3	0	0,00	1	6,66

чины) и 52,51% (женщины). Разница частот опять-таки говорит о большей дифференциации элементов в пределах главных бугорков женских моляров при редукции целых, самостоятельных элементов.

20. Положение гипоконулида. Вестибулярный сдвиг гипоконулида (тип 2) имеет место в казахской серии на первом нижнем мо-

ляре в 90,51% случаев у мужчин и в 93,75% у женщин. Соответственно на симметричную форму (тип 1) приходится 9,49 и 6,25%.

На втором моляре у мужчин преобладает симметричная форма: тип 1 — 54,77%, тип 2 — 45,23%; у женщин форма с вестибулярным сдвигом (тип 1) — 42,22%, тип 2 — 57,77%.

Материал по третьему моляру слишком мал, и результаты, относящиеся к этому зубу, довольно неопределенны.

Сравнительный материал, касающийся положения гипоконулида, имеется только по серии из Окуневского могильника, где процент форм с вестибулярным сдвигом на первом моляре несколько выше, а на втором, напротив, существенно ниже, чем у казахов.

21. Протостилид. Развитие протостилида в казахской серии иллюстрируется табл. 6. Частота этого бугорка, как видно из таблицы, в нашей серии невелика. На первом нижнем моляре суммарная частота всех баллов развития протостилида, не считая балла 1 (смещение вестибулярной борозды), равна: 12,60% у мужчин и 6,07% у женщин. Эти цифры ниже соответствующих показателей, полученных А. Дальбергом¹⁷ для индейцев пима (31%) и данных М. Судзуки и Т. Сакаи¹⁸ по японцам (18,5%). Поскольку указанные авторы рассматривают протостилид как монголоидный признак, понижение его частоты, с их точки зрения, должно считаться сдвигом в сторону западных расовых групп.

У женщин в казахской группе частота протостилида заметно ниже, чем у мужчин, что еще раз подтверждает вывод о более выраженной тенденции женских моляров к редукции целых одонтомеров (в частности, стилоидных бугорков) при обратной тенденции в отношении дифференциации внутри одонтомеров (интерстициальные бугорки).

22. Дистальный гребень тригонид. В казахской серии дистальный гребень тригонид встретился в 22,58% случаев у мужчин и 22,29% у женщин на первом нижнем моляре и по одному разу в мужской и женской сериях — на втором моляре. Третий моляр был во всех случаях лишен этого образования. Учитывая, что частота дистального гребня достигает 30 и более процентов в монголоидных (точнее, восточных) группах, а в европеоидных (и вообще западных) равна обычно 0—5%, можно сделать вывод, что казахи по этому признаку занимают промежуточное положение между восточной и западной половинами человечества, заметно тяготея при этом к востоку (в данном случае к монголоидам).

Половые различия по частоте дистального гребня в казахской серии, как мы видим, практически отсутствуют.

Таблица 6

Развитие протостилида на нижних молярах казахов

Мужчины			Женщины	
первый моляр (N=119)			(N=148)	
баллы	n	%	n	%
0	88	73,95	124	83,78
1	14	11,76	11	7,43
2	11	9,24	7	4,73
3	4	3,36	1	0,67
4	0	0,00	1	0,67
Р	2	1,68	5	3,37
второй моляр (N=121)			(N=150)	
баллы	n	%	n	%
0	100	82,64	137	91,33
1	7	5,78	6	4,00
2	4	3,31	4	2,66
3	1	0,82	0	0,00
Р	9	7,43	3	2,00
третий моляр (N=13)			(N=13)	
баллы	n	%	n	%
0	7	87,50	11	84,62
3	0	0,00	1	7,69
4	1	12,50	1	7,69

¹⁷ А. А. Dahlberg, Analysis of the American Indian dentition, «Dental Anthropology», 1963, № 5.

¹⁸ М. Suzuki, T. Sakai, On the «protostylid» of the Japanese, «The Journal of Anthropological Society of Nippon», vol. 6, № 81, 1954.

23. Коленчатая складка метаконида. Данные по развитию коленчатой складки метаконида на нижних молярах хорошо согласуются с результатами изучения частоты дистального гребня тригонид. Суммарный процент всех форм истинной коленчатой складки метаконида на первом нижнем моляре в мужской казахской серии оказался равным 25,60%, а в женской 24,99%. Если вспомнить, что у монголоидов частота складки колеблется около 30% (по К. Ханихара¹⁹ у японцев: мужчины — 33,1%, женщины — 27,2%), а в изученных европеоидных сериях складка до сих пор отмечалась крайне редко, можно заключить, что казахи по этому признаку сближаются с монголоидами, обнаруживая, однако, некоторое понижение процента, правда не столь выраженное, как в случае дистального гребня.

Половые различия по частоте коленчатой складки метаконида в казахской серии несущественны. Это находится в противоречии с данными К. Ханихара²⁰ и М. Судзуки и Т. Сакаи²¹, по которым женщины отличаются довольно заметным понижением частоты рассматриваемого образования. По частоте коленчатой складки на втором моляре женская казахская группа даже превосходит мужскую: женщины — 3,92%, мужчины — 3,29%. Как и обычно, коленчатая складка метаконида выражена у казахов главным образом на первом нижнем моляре. Данные по третьему моляру мы не приводим ввиду малой численности материала.

24. Складчатость жевательной поверхности моляров. В исследуемой группе констатирована складчатая жевательная поверхность моляров со следующей частотой (дается процент индивидуумов, у которых отмечен хотя бы один складчатый моляр):

	Мужчины			Женщины		
	N	n	%	N	n	%
Верхняя челюсть	134	20	14,92	149	23	15,44
Нижняя челюсть	128	42	33,82	138	53	38,41

Процент складчатых зубов в женской группе, как мы видим, не сколько выше, чем в мужской, что согласуется с упоминавшимся нами ранее представлением о большей расчлененности коронки женских моляров. Сравнительный материал по этому признаку очень мал. Можно, пожалуй, сказать, что казахская серия отличается скорее незначительной либо умеренной складчатостью жевательности моляров, что, по утверждению Трэтмана²², более характерно для европеоидных групп по сравнению с монголоидными.

Выводы

1. Одонтологический материал полностью согласуется с другими антропологическими данными в отношении расового типа казахов. Эта группа отчетливо обнаруживает метисный монголоидно-европеоидный характер, больше тяготея к монголоидам.

2. Наш материал подтверждает сделанные ранее выводы относительно закономерностей полового диморфизма в строении зубной систе-

¹⁹ K. Hanihara, T. Kuwashima, N. Sakao, The deflecting wrinkle on the lower molars in recent man, «The Journal of the Anthropological Society of Nippon», vol. 72, № 740, 1964.

²⁰ К. Ханихара, Указ. раб.

²¹ M. Suzuki, T. Sakai, On the deflecting wrinkle in recent Japanese, «The Journal of the Anthropological Society of Nippon», vol. 65, № 710, 1966.

²² E. K. Tratman, A comparison of the teeth of people of Indo-European racial stock with the Mongoloid racial stock, «Yearbook of Physical Anthropology», University of Colorado, 1950, Reprinter from the «Dental Record», vol. 70, № 2 and 3, 1950, p. 31—53 and 63—88.

мы человека (П. Банерджи²³, М. Гольдштейн²⁴, А. А. Зубов²⁵). Так, например, высказанное нами ранее предположение о большей «расчлененности» жевательной поверхности женских моляров и премоляров подтверждается большей дифференциацией коронки нижних премоляров в казахской женской серии, более высоким процентом шестого и внутреннего среднего дополнительного бугорка на нижних молярах, большей выраженностью борозд мета-энтокониды, большей общей складчатостью жевательной поверхности. Более выраженная дифференциация вторичных, интерстициальных элементов при редукции целых бугорков у женщин подтверждает высказанное нами предположение о разных законах редукции — дифференциации для самостоятельных производных дингулюма и для вторичных элементов, являющихся частями целых образований.

3. Исследование такого признака как бугорок Карабелли показало возможность уже на данном этапе включить в одонтологические работы некоторые элементы генетики. Наши данные подтверждают простую форму наследования бугорка Карабелли, определяемого парой кодоминантных аллелей. Исследование этого признака и еще некоторых сходных с ним морфологических особенностей в генетическом плане и его применение в этнической одонтологии кажется нам перспективным.

THE DENTITION OF THE KAZAKHS

A sample of 345 Kazakh children (139 males and 206 females) was studied in the schools of Alma-Ata. Wax prints were taken to obtain information on the small morphological details of the crown. An intermediate position of the group in question between two great racial stocks (Mongoloid and Caucasoid) was determined on the base of the dental features. Middle or high frequencies of shovel-shaped form of the upper incisors, distal trigonid crest, deflecting wrinkle of the metaconid, and 5-cusped second lower molars were found side by side with a rather high frequency of Carabelli's cusp. A somewhat more pronounced differentiation of the crown of the premolars and molars in females was noted. A special genetical analysis of the distribution of phenotypes of Carabelli's cusp compared with the theoretically expected frequencies was carried out.

²³ П. Банерджи, Указ. раб.

²⁴ M. S. Goldstein, Указ. раб.

²⁵ А. А. Зубов. Половые различия в размерах и строении постоянных коренных зубов человека.

Я. В. Чеснов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В АГРОЭТНОГРАФИИ

В центре дискуссии по агроэтнографии, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография», оказалась проблема этнической специфики в различных явлениях культуры, связанных с материальным производством. В обсуждении выделились две основные темы: 1) орудия обработки почвы и 2) сельскохозяйственные культуры. Материал по этим темам широко использовался уже в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, открывшей дискуссию¹.

Многие положения статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова нашли поддержку даже среди их оппонентов. Но большинство участников дискуссии отрицательно отнеслось к попытке этих авторов обосновать отсутствие какой бы то ни было этнической традиции в сфере сельскохозяйственного производства. В своей статье Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков пытались построить определенную концепцию. Их оппоненты, к сожалению, критиковали не всю систему взглядов этих авторов, противопоставляя ей свою собственную, а стремились показать несоответствие отдельных выводов Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова отдельным фактам. Между тем известно, что спорность некоторых конкретных фактов не всегда может разрушить построенную на большом материале гипотезу: для ее опровержения требуется выдвижение самостоятельной концепции. Предлагая свое понимание дискутируемых проблем, мы сосредоточимся на узловом вопросе — почему вообще возможна этническая специфика в области материальной культуры, в частности в земледельческих орудиях труда. С этой стороны огромный интерес для нас представляет ленинское учение о социально-экономических укладах.

В предреволюционной и первые годы в послереволюционной России большинство производителей вело мелкое товарное хозяйство, которое В. И. Ленин определил как мелкотоварный мелкобуржуазный уклад². Этот уклад был представлен как в земледелии, так и в мелкой крестьянской промышленности, часто именуемой в этнографии «народными промыслами»³. В. И. Ленин в ряде работ, и прежде всего в «Развитии капитализма в России», показал, что судьба мелких производителей в земледелии и в различных промыслах (плотником, столяром, бондарем, слесарем, гончаром и т. д.) в условиях капитализма определялась господствующими укладами. Специфическую черту мелконатурального и мелкотоварного укладов, отличающую их от всех других, В. И. Ленин видел в единении средств производства с рабочей силой.

¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография», 1967, № 1.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 157, 158, 207, 220—233; т. 45, стр. 279—280.

³ С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 48—50

Эта особенность, по В. И. Ленину, свойственна всем мелким крестьянским производителям на огромном историческом пути от раннего феодализма с его типичной фигурой парцелльного крестьянина до эпохи капиталистического отчуждения его земельной собственности⁴.

Независимо от господствующих общественных условий, мелконатуральные и мелкотоварные производители остаются собственниками средств производства. Очень часто крестьяне сами создают свои земледельческие или ремесленные орудия труда. Для этнографического изучения материальной культуры это имеет огромное значение. Различная роль средств производства, прежде всего орудий труда, в мелконатуральном и мелкотоварном хозяйствах, с одной стороны, и в крупном капиталистическом производстве, с другой, убедительно вскрывает, на наш взгляд, социальные условия появления этнической специфики в крестьянских орудиях труда.

К. Маркс, говоря об условиях, в которых осуществляется труд, писал: «Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни... и естественное богатство средствами труда... На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства»⁵. Эта же закономерность для капитализма была отмечена В. И. Лениным.

Для капитализма характерно, что средства производства, прежде всего орудия труда, становятся чрезвычайно дорогостоящими, тогда как затраты на воспроизводство рабочей силы сравнительно малы. Причем с развитием капитализма, особенно с переходом его в монополистическую стадию, такой разрыв все больше увеличивается. Во всей системе производства, включающей постоянный оборотный капитал, а также фонд заработной платы, доля последнего сокращается. В докапиталистические эпохи наблюдается обратная картина: в связи с простотой орудий труда большее значение имеет воспроизводство рабочей силы, работников с их сложными навыками пользования простыми орудиями во всех качественно разнообразных сферах сельскохозяйственного труда. Обратим внимание на то, что в эти эпохи работник относится к орудиям труда, по словам К. Маркса, как к средству индивидуального труда. «Искусство сделать орудие действительно своим, овладеть им как средством труда выступает как особая сноровка рабочего, делающая его собственником орудия». В классовом докапиталистическом обществе *«сами рабочие, сами живые носители способности к труду еще непосредственно принадлежат к объективным условиям производства и в качестве таковых присваиваются»*⁶.

К. Маркс подчеркивал, что разрыв между трудящимися и естественными условиями их существования происходит лишь в капиталистическом обществе в виде отделения средств труда от трудящихся. «В отношениях рабства и крепостной зависимости этого разрыва нет». «Рабство и крепостная зависимость являются... лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе. Особенность производства в докапиталистические эпохи состоит, как мы видели, не в создании стоимости, а прежде всего в воспроизводстве рабочей силы. Целью этого труда является не создание стоимости, а обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины»⁷. С другой стороны, принадлежность к этнической племенной общности, по мысли К. Маркса, служит предпосылкой пользования объектив-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 219; т. 3, стр. 165, 170, 357.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 521; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 60.

⁶ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 34, 32.

⁷ Там же, стр. 22, 26.

ными условиями жизни, прежде всего земель. К. Маркс в «Капитале» показал, что эпохи преобладания личных связей имеют противоположность в вещных связях, развивающихся при капитализме, где люди выступают как товаровладельцы. Эти личные связи характерны для отношений родства, общинных связей и отношений прямой зависимости человека от человека (т. е. для рабовладения и феодализма). Специфика докапиталистического труда нашла свое отражение и в формах общинной кооперации. «Та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры, например, у охотничьих народов или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общей собственности на условия производства, с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью. То и другое отличает эту кооперацию от кооперации капиталистической»⁸. В этих словах К. Маркса заключена мысль о детерминировании процесса труда в докапиталистические эпохи не только социальными отношениями в производстве, но и вхождением работника в устойчивый коллектив, который является не чем иным, как этнической общностью. Заметим, что вся аргументация и примеры, взятые К. Марксом, касаются именно земледельческого производства. Собственно та же картина разворачивается и в скотоводческих обществах. Относительно же ремесленного производства в докапиталистические классовые формации, например цеховой организации труда при феодализме, в советской науке давно обоснована и широко принята точка зрения о подчинении ремесла господствующим земельными отношениями.

Неразвитость орудий, их простота, универсальность их использования на разных работах, требуя непосредственного воздействия работника на орудие, поднимают значение его индивидуального мастерства. Такова характернейшая черта производственного процесса в докапиталистические эпохи. В. И. Ленин показал, что это правило продолжает действовать и там, где в условиях утвердившегося капитализма сохраняется мелкое товарное производство либо в земледелии, либо в крестьянской промышленности (промыслах). «При ручной первобытной технике различия между отдельными работниками (по силе, ловкости, искусству и пр.) всегда бывають очень велики...», — писал В. И. Ленин⁹. В докапиталистические эпохи сельскохозяйственный труд внутри всей отрасли оставался недифференцированным. Мы имеем здесь в виду, что каждый отдельный работник, как правило, обладал всей суммой умений данного производственного коллектива. Крестьянин был не только земледельцем, но умел также охотиться, ловить рыбу, изготавливать сельскохозяйственные орудия, строить жилище и хозяйственные постройки, выделывать деревянную или глиняную посуду. Ремесленное производство в рассматриваемые эпохи тоже представляло собой единение всех процессов в создании вещей — от творческого замысла до изготовления и реализации продукции. В большинстве случаев ремесло не было направлено на удовлетворение производственных потребностей земледелия или скотоводства, а там, где оно было с ними связано, например в Индии, ремесленники получали натуральное общинное вознаграждение.

Даже в мелком товарном производстве эпохи капитализма сохраняется эта универсальность труда, основанная на единении работника с принадлежащими ему средствами производства. И лишь крупная машинная индустрия, по словам В. И. Ленина, «отделяет окончательно промышленность от земледелия»¹⁰.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 346.

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 354.

¹⁰ Там же, стр. 547.

Выяснение первостепенного значения в земледелии до распространения в нем машинного производства личного, или, используя термин К. Маркса, живого труда, дает возможность пристальнее рассмотреть, в какой мере земледельческие орудия труда могут нести этническую специфику. Здесь мы обращаем внимание на то, что огромная роль навыков в крестьянском труде по существу поднимает его на уровень искусства, придает особое значение передающейся из поколения в поколение традиции, которая при простоте земледельческих орудий труда имеет тенденцию охватывать весь этнос, ибо последний в докапиталистические эпохи и долгое время после них состоит в основном из крестьянства.

Рассмотрим подробнее эти вопросы. Потребительные стоимости, к которым относятся крестьянские земледельческие орудия труда, создаются качественно различными видами труда. Для того, чтобы возникли существенные отличия в орудиях обработки почвы, должны проявиться различия в условиях земледельческого труда, которые накладывают в каждой местности отпечаток особой производственной специализации. Эта специализация зависит от всей совокупности социальных отношений, культурных традиций и естественно-географической среды, т. е. всех тех условий, которые подчеркивают в своей статье Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков. Но при всем этом не следует забывать, что весь комплекс названных условий агроэтнография рассматривает в определенное историческое время — в эпоху докапиталистических формаций и в период последующего пережиточного существования мелкого крестьянского хозяйства. Именно этот вид хозяйства и обуславливает, по нашему мнению, существование этнической специфики в орудиях труда. Простота крестьянских земледельческих орудий такова, что различия в их конструкции не имеют решающего значения с точки зрения уровня развития этих орудий. Здесь лежит одна из главнейших причин того разнообразия орудий обработки земли (колов для рыхления почвы, мотыг, заступов, а также пахотных орудий), которое отмечается этнографами. Различные типы орудий часто встречаются у соседних народов, живущих в одних социально-экономических и природных условиях. Сохранение различных технических вариантов для выполнения простых операций земледельческого труда не противоречит тенденции рационального использования естественных законов, ибо в рамках познанных законов природы, даже на уровне эмпирического овладения ими, человек имеет возможности разных технических решений. Красноречивым фактом, показывающим слабую зависимость уровня развития докапиталистических обществ от типов земледельческих орудий, является достижение стадии классового общества индейцами Центральной Америки, применявшими в земледелии до прихода европейцев только каменные и деревянные орудия. Аналогичное явление мы наблюдаем на о. Фиджи у меланезийцев.

В статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова орудия земледельческого труда рассматриваются вместе с системами земледелия. Одним из исходных пунктов их рассуждений является установление различия между техникой земледелия, состоящей из совокупности орудий труда, трудовых приемов и навыков, и технологией земледелия. Технология понимается авторами как «последовательность использования орудий, приемов с целью заданного изменения свойств предметов труда»¹¹.

Заметим сразу, что технология земледелия в таком понимании не отличается по существу от техники земледелия, так как последняя включает не просто технические средства и трудовые приемы, но, естественно,

¹¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82.

и какую-то последовательность их применения. Недоумение еще больше увеличивается, когда мы узнаем, что «технология земледелия» в таком понимании и «система земледелия» суть одно и то же. Получается, что система земледелия — это всего лишь совокупность технических операций, где главным является технология почвообработки, которая зависит от конкретных географических и иных местных условий¹². На этом и основано убеждение этих авторов, будто средства труда распределяются прежде всего естественными географическими условиями. Раздел их статьи о социально-экономических условиях при всем его интересе не направлен на вскрытие ведущей роли общественных факторов. Доказательством может служить хотя бы то, что вопросы классификации орудий рассмотрены ими под рубрикой «Естественные географические условия», что, впрочем, отвечает логике всей концепции авторов.

Технологические отношения представляют собой отношения человека к природе, его воздействие на природу с помощью средств труда. Эти отношения определяются «не самой сущностью процесса труда, а той исторически определенной общественной формой, в пределах и посредством которой осуществляется этот процесс труда»¹³. Технические же отношения, представляя собой лишь отношения вещей к вещам, возникают в момент труда и включают как составная часть в технологические отношения. Технология организует технические средства, прежде всего орудия труда, заставляя их функционировать. В земледелии технология может развиваться, идти вперед при слабом изменении или застое орудий. Так, в древнем Риме латифундии пользовались по существу той же техникой, которая возникла еще в мелких свободных крестьянских хозяйствах. В раннем средневековье техника на завоеванных варварами римских землях не менялась, изменилось лишь ее использование: возросла плотность населения, и за плугом шел уже не раб, а свободный или полусвободный¹⁴.

В земледельческих культурах народов Юго-Восточной Азии мы можем наблюдать много случаев, когда одними и теми же плугами пахут на равнинных поливных, на равнинных суходольных и на горных террасных полях.

В земледелии технологическое отношение человека к природе выражается в системе земледелия. Удачный подход к более верному пониманию системы земледелия, чем просто суммы агротехнических мероприятий по поддержанию и повышению плодородия почвы, был сделан В. М. Суриновым, который, опираясь на труды Н. И. Вавилова, взял за основу два взаимодействующих фактора, характеризующих систему: численность населения и возделываемую площадь, необходимую для удовлетворения его потребностей¹⁵.

Традиционно исследователи систем земледелия подходили к ним почти исключительно с агротехнических позиций, часто с точки зрения того, как конкретная хозяйственная единица решает проблему поддержания плодородия почвы. При этом не обращалось внимания на то, что определенную систему земледелия в течение длительных промежутков времени практикуют большие массы населения, целые народы. В тех областях земного шара, где капиталистические отношения еще не проникли в земледелие или это проникновение еще слабо, как, например, в странах Юго-Восточной Азии, мы наблюдаем очень устойчивую связь систем земледелия с этносами. Стоит назвать вьетнамцев, малайцев или

¹² Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82, прим. 4.

¹³ «Экономика труда», под ред. А. С. Кудрявцева, М., 1967, стр. 30.

¹⁴ Н. П. Грацианский, Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья, М., 1960, стр. 83.

¹⁵ В. М. Суринов, К определению этнических традиций в земледелии, «Сов. этнография», 1971, № 3, стр. 51. Нужно сказать, что этот подход был обоснован уже Д. А. Прянишниковым, см.: Д. А. Прянишников, Избр. соч., т. 3, М., 1963, стр. 410.

бирманцев, которые занимаются исключительно орошаемым, пашенным земледелием, и многочисленные народы из группы горцев, которые занимаются подсечно-огневым земледелием.

Поэтому мы вправе сделать вывод, что определение системы земледелия просто как суммы агротехнических мероприятий, направленных на поддержание и увеличение плодородия почвы, очень узко. Система земледелия — это прежде всего исторически сложившаяся система. В этом плане каждой из систем свойственны черты единообразия и устойчивости во времени и пространстве, что проявляется, в частности, в сохранении консервативных, традиционных черт, иногда даже вопреки экологической целесообразности.

Существуя как историческое явление, прочно вплетаясь в ткань народной жизни, становясь традицией, система земледелия не отражает всего многообразия местных почвенно-климатических условий. Этого может достигнуть только современное научное земледелие, применяющее дифференцированные агротехнические приемы на каждом типе полей. В. Р. Вильямс аргументированно критиковал старые системы земледелия, в особенности трехполье, показывая, что эта система никогда не достигала полного восстановления плодородия всех используемых в хозяйстве земель¹⁶.

По-видимому, до самого появления научного земледелия все системы земледелия, будучи технологическим следствием конкретного уровня социально-экономического развития и определенной плотности населения при данных земельных ресурсах, не могут обеспечить бесконечности процесса восстановления плодородия почвы и переживают кризис вследствие возникновения новых общественных потребностей — появления технических культур, развития товарных отношений или роста населения. Выходы из таких кризисов в конкретных ситуациях могут быть разными, т. е. в конкретных ситуациях открывается путь развития разных систем земледелия.

Принятая в нашей литературе классификация систем земледелия (обычно называют подсечно-огневую, залежную, паровую и плодосменную) построена по существу только на восточноевропейском материале и отражает поступательное развитие земледелия в этом районе. В других местах земного шара обнаруживается большое многообразие систем земледелия и свои закономерности их развития. Упомянем, например, о глубокой древности ручьевого орошения в горных районах у ранних земледельцев¹⁷ или хотя бы о тенденции развития от пашенного земледелия к ручной огородной культуре в Китае и Японии. Подсечно-огневое земледелие у горцев Гималаев, Индокитая или у народов Амазонии носит совсем другой характер, чем подсечно-огневое земледелие в недалеком прошлом на русском Севере. Распространение систем земледелия, например в Индонезии, обнаруживает корреляции с мигрировавшими народами. Это объясняет существование там в некоторых местах систем земледелия, для которых нет в ряде случаев экологически благоприятных для них условий (домашние сады-огороды, приуроченные к влажным тропическим районам, в редких случаях встречаются в засушливой зоне страны)¹⁸. При всем внимании к географическим и этническим разновидностям систем земледелия мы не должны упускать из виду особую их роль в классовом обществе. Сошлемся здесь на горцев Памира, у которых в прошлом постоянные поля орошались арыками и унавожива-

¹⁶ В. Р. Вильямс, *Земледелие*, «Сельскохозяйственная энциклопедия», т. 2, М., 1951, стр. 119.

¹⁷ Б. В. Андрианов, *Древние оросительные системы Приаралья*, М., 1969, стр. 44.

¹⁸ G. J. A. Terra, Some sociological aspects of agriculture in South East Asia, «Indonesië», 1953, 6 Jg., № 4, p. 301.

лись, но только у богачей, имевших много земли, поля часто оставались под паром¹⁹.

Эти краткие примеры показывают необходимость территориального ограничения выделяемых систем земледелия, которых должно быть больше, чем это традиционно предлагается. К такому выводу мы приходим при учете исторических традиций земледелия, его географического разнообразия, демографических факторов и, самое главное, социальных условий. Все эти соображения заставляют этнографа как можно внимательнее отнестись к соотношениям между системами земледелия и этническими общностями.

* * *

Как мы стремились показать, в земледельческом производстве вплоть до эпохи применения машин и научных методов простые земледельческие орудия играют подчиненную роль во всей системе земледельческой культуры, в которой главное звено, как уже отмечалось, представляет работник и его навыки, т. е. искусство земледельца. Здесь заложена предпосылка появления большой вариативности земледельческих орудий и закрепления их типов этнической традицией. Почему же крестьянские орудия труда, изготавливаемые самостоятельно по существу в каждом хозяйстве, образуют единство формы на определенной территории, очень часто совпадающей с этнической территорией? Почему такая традиция охватывает значительную общность людей, прямо не связанных в своем производстве? Мы думаем, что это объясняется характером докапиталистических производственных коллективов, которые, согласно приведенному выше высказыванию К. Маркса, будучи уже носителями этнических черт, выступали предпосылкой труда, давая право пользования землей. В более поздние эпохи этническая специфика в орудиях труда сохраняется как устойчивая традиция, поддерживаемая застойным характером мелконатурального и мелкооварного укладов. Но эта самая общая, исходная, «естественная» предпосылка не вскрывает еще всей картины. Здесь мы должны коснуться проблемы функционирования культуры в этнических коллективах.

В истории человечества, по данным археологов, была такая эпоха, когда в пределах огромных районов среди неолитического населения существовало этническое единство, породившее единообразие производственного инвентаря. Речь идет здесь о хозяйственно-культурных областях неземледельческого неолита, выделяемых А. П. Окладниковым²⁰.

С возникновением земледелия и скотоводства на исторической арене появляется новый важный фактор — неравномерность социально-исторического и культурного развития общества, что, на наш взгляд, дало толчок образованию хозяйственно-культурных типов. С этого периода усиливается взаимодействие между обществами, расселенными в разных естественно-географических условиях, что, с одной стороны, еще больше усилило производственную специализацию, а с другой — способствовало материальному и идейному обмену. Все это делает обычным правилом контакты между обществами, различающимися по языку и культуре. Оба эти фактора — язык и культура — в условиях контактов приобретают новую функцию, а именно знаковую. Эта сторона явления — этнознаковая функция — касается и основных производственных явлений, таких, как состав сельскохозяйственных культур и тип земледельческих

¹⁹ А. А. Бобринский, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908, стр. 81; И. Мухидинов, Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в., Автореферат канд. дис., М., 1971.

²⁰ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 18, 1950; ч. 3, МИА, № 43, 1955.

орудий. Этническая специфика в вопросах возделывания тех или иных растений была рассмотрена в совместной статье автора с Н. Н. Чебоксаровым²¹.

Появление этнически значащей функции у предметов материальной культуры (орудий труда, жилищ, одежды и т. д.) выступает лишь как часть общей картины — распространения социально-различительных марок во всей сфере культуры. Последнее возникает после первого крупного общественного разделения труда и формирования хозяйственно-культурных типов. Само существование знаковой функции (марки) стало возможным на последнем этапе первобытнообщинного строя с ростом прибавочного продукта и возникшего на его основе натурального обмена. Можно сказать, что у ранних этнических общностей знаковую функцию носила та потребительная стоимость, которая создавалась как прибавочный продукт. Первоначальные этнические связи — неперемное условие развития этнического самосознания — оформлялись знаками (марками), разделяющими «своих» и «чужих»²².

В докапиталистические эпохи, когда преобладало производство потребительных стоимостей в условиях единения работника и средств труда, элементы культуры несли на себе, с одной стороны, личную марку, как клеймо ремесленника на каждом камне средневековой постройки, а с другой — марку этнически специфическую. Только с развитием безличных товарных связей при капитализме эта личная и этническая маркированность имеет тенденцию к исчезновению, хотя еще долго поддерживается мелкокапитальными и мелкотоварными укладами. О появлении у даяков Калимантана (Борнео) социально значащей марки по отношению к разным приемам рубки топором писал еще Г. В. Плеханов: у даяков в начальный период европейского проникновения те, кто пользовались европейскими орудиями, подвергались общественному осуждению. Этот пример у Г. В. Плеханова иллюстрирует его мысль, что культурные символы всегда отражают реальное социально-экономическое содержание²³.

Этнознаковая функция предметов материальной культуры вовсе не является их внутренним свойством. Она проявляется в контактах между этносами. Поэтому элемент материальной культуры может выражать этническую специфику в одном случае и не иметь ее в другом. Например, соха имеет этническую марку там, где общаются русские с татарами, пользующимися плугом-сабаном, и не имеет такой марки в контактной зоне русских и литовцев, которые тоже пахут сохой. Равным образом ношение юбки у мужчин отличает шотландцев от англичан, но не отличает первых от греков и албанцев, где ношение юбки также было у мужчин. Этнические признаки существуют не сами по себе, а лишь тогда, когда они становятся общественно значимыми, т. е. отличающими одну этническую общность от другой. Такое понимание этнической специфики предметов материальной культуры ничуть не затрагивает социально-экономической и естественно-географической обусловленности их существования.

Этническая характеристика предметов материальной культуры, представляемая как их этнознаковая функция, с полным правом может распространяться и на такую область культуры, как земледельческие

²¹ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1967, № 3; Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина), «Сов. этнография», 1970, № 6.

²² Подробнее о роли этнического разделения «своих» и «чужих» см.: Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», сб. «Расы и народы», М., 1971; Я. В. Чеснов, Ранние формы этнонимов и этническое самосознание, сб. «Этнография имен», М., 1971.

²³ Г. В. Плеханов, О материалистическом понимании истории, «Избранные философские произведения», М., 1956, т. 2, стр. 259, 261, 262.

орудия труда, которые, несомненно, связаны теснейшим образом с естественно-географическими условиями. По-видимому, этническую соотнесенность систем земледелия мы также должны рассматривать не как имманентное свойство последних, а иначе — с позиций исторически развившихся этнознаковых функций.

Огромный материал об этнической специфике в земледелии накоплен в конкретных дореволюционных советских и зарубежных исследованиях. Говоря словами Н. И. Вавилова, «культура полей неотделима от общей культуры народа»²⁴. Следует особо отметить, что этнознаковая функция, распространяющаяся на всю земледельческую культуру, могла возникнуть при отмеченной выше специфике личного труда на том этапе земледелия, когда стало ощутимо появление прибавочного продукта. Вовлечение его в регулярный обмен положило начало формированию не только хозяйственно-культурных типов, но также консолидированным этническим общностям. По существу меновое отчуждение прибавочного продукта, выступавшего как конкретная потребительная стоимость, дало толчок развитию этнознаковой функции у отдельных черт культуры. Этнические признаки в материальной культуре исторически появились как результат углубления разделения труда. Отдельные земледельческие орудия и даже целые земледельческие культуры получают исторически устойчивую специализацию, позволяющую полнее использовать естественно-географическую среду. Не случайно, что при отсутствии значительного разделения труда между локальными группами австралийцев у них очень редко встречаются специализированные орудия. Исследователи часто отмечают удивительную однородность культуры австралийцев, несмотря на разнородность природных условий в Австралии. Австралийцы, на наш взгляд, еще не переступили порог формирования хозяйственно-культурных типов и, как следствие, не дошли до компактных этнических общностей. Появление в широких масштабах прибавочного продукта у земледельцев нарушило существовавшее до этого культурное единообразие на значительных территориях. С распространением возделывания культурных растений складываются особые земледельческие культуры у разных народов, которые с развитием социально-экономических отношений, динамикой факторов народонаселения и характером земельных ресурсов в каждом конкретном случае породили свои пути развертывания систем земледелия.

Таким образом, обращение к характеристике производственного процесса докапиталистических эпох, когда, по словам К. Маркса, «...само орудие еще настолько сращено с самим живым трудом, ... что по-настоящему оно еще не втянуто в обращение»²⁵, и к характеристике В. И. Лениным мелконатурального и мелкотоварного крестьянских укладов позволяет выявить ведущие общественные факторы появления этнической специфики в предметах материальной культуры и прежде всего в орудиях труда. Настоящая статья затрагивает лишь некоторые наиболее важные теоретические аспекты этнической специфики в агроэтнографии и имеет целью показать, насколько важно при исследовании такой проблематики обращение к учению о социально-экономических укладах. Учет этнографом этих общественных категорий позволит глубже рассмотреть ряд этнографических проблем: во-первых, выяснить, в какой мере технологически детерминированы те или иные земледельческие орудия и какова их этническая специфика; во-вторых, раскрыть механизм передачи производственных навыков и роль в этом плане этнической традиции; в-третьих, дает возможность проследить различные формы трудовой организации и рассмотреть с этой стороны явления агроэтнографии, могущие нести этническую специфику, т. е. рассмотреть эту

²⁴ Н. И. Вавилов, Избр. труды, т. II, М.—Л., 1960, стр. 176.

²⁵ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 41.

специфику сквозь призму семейных и общинных отношений; в-четвертых подход с позиции социально-экономических укладов способствует постановке и решению кардинальных вопросов, связанных с условиями возникновения и существования этнических общностей.

SOCIAL-ECONOMIC STRUCTURES AND ETHNIC TRADITIONS IN AGROETHNOGRAPHY

The category of «social-economic structuré» («uklad») was brought forward by V. I. Lenin. The article devotes particular attention to structures based upon subsistence economy and upon small-scale commodity production, where the producers are themselves owners of simple labour implements. These implements presuppose a high degree of skill in the workers who use them. The author stresses two points: 1) the simplicity of agricultural implements permits a certain variability in their construction; 2) the personal character of labour in agriculture demands the transmission of age-long experience in production from generation to generation. The interrelation of these elements serves as a social-economic precondition for historically evolving ethnic traditions in agriculture. The author approaches agricultural systems from the same standpoint showing that they are not to be reduced to a sum of agrotechnical measures for maintaining soil fertility; it is only with regard to a single field that this holds true. Systems, which existed prior to scientific agriculture, represented historically evolved methods of economy, which, besides the factor of natural environment, were conditioned by the level of socio-economic development, population density and ethnic traditions. Consequently each system of agriculture was usually represented by a concrete agricultural culture.

Б. П. Полевой, А. М. Решетов

В. К. АРСЕНЬЕВ КАК ЭТНОГРАФ

Сто лет тому назад, 29 августа (по новому стилю — 10 сентября) 1872 г., в Петербурге родился выдающийся писатель и исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев. Один из авторов настоящей статьи неоднократно встречался с В. К. Арсеньевым в 1925—1928 гг. и с тех пор внимательно следил за обширной литературой, ему посвященной. Интереснейшие работы и публикации М. К. и Л. В. Азадовских, Ф. Ф. и Т. Ф. Аристовых, А. И. Васиной, Н. Е. Кабанова, Н. А. Навиндовского, Г. Г. Пермякова, Е. Д. Петряева, Ю. А. Сема и др. существенно уточнили биографию Арсеньева, и теперь появилась возможность на основе этих источников и некоторых еще не опубликованных данных полнее показать, как у Владимира Клавдиевича, человека необычайно яркой судьбы, впервые возник и развивался интерес к этнографии и к каким научным и практическим результатам привели его многолетние этнографические исследования.

Еще в детстве под влиянием произведений Жюль Верна, Майн-Рида, Густава Эмара и другой приключенческой литературы Арсеньев стал с увлечением посещать те столичные музеи, где экспонировались этнографические коллекции. Сам Арсеньев не раз говорил Н. Е. Кабанову, что на него особое впечатление произвела петровская Кунсткамера. «Однажды, при посещении Кунсткамеры, — писал Н. Е. Кабанов, — В. К. Арсеньев отстал от взрослых и чуть было не заблудился среди многочисленных коллекций. Когда его нашли, он просил родных задержаться в музее еще и вторично осмотреть коллекции. Они показались ему другим миром, наполненным странными и неведомыми существами»¹.

В отроческие годы брат его матери, И. Е. Кашлачев, большой знаток природы, организовав несколько длительных экскурсий по реке Тосно, привил В. К. Арсеньеву на всю жизнь большую любовь к экспедициям и полевым исследованиям.

В эти же годы Арсеньев начал читать специальную этнографическую литературу. Впоследствии в своей краткой автобиографии В. К. Арсеньев писал: «Как любитель занимался этнографией с 1888 года»².

Во время учения в Петербургском юнкерском пехотном училище В. К. Арсеньев слушал лекции известного географа, этнографа и антрополога Э. Ю. Петри и географа М. Е. Грумм-Гржимайло, которому довелось вместе со своим знаменитым братом Г. Е. Грумм-Гржимайло совершить удивительно интересное путешествие через всю Центральную Азию.

¹ Н. Е. Кабанов, В. К. Арсеньев. Путешественник и натуралист, 1872—1930, Изд. Моск. о-ва испытателей природы. Историческая серия, № 29, М., 1947, стр. 8.

² Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (далее ЛОА АН СССР), ф. 142, опись I (1925 г.), № 6, л. 186. Все материалы этого архива нами приводятся по копиям, снятым Т. В. Станюкович. Пользуемся случаем, чтобы выразить ей свою признательность за любезное предоставление нам возможности использовать эти ценные источники в настоящей статье.

Это еще более усилило в Арсеньеве интерес к странам Востока.

Оказавшись на военной службе в Польше, молодой Арсеньев продолжал увлекаться этно-географической литературой. Именно в этот период он ознакомился с четвертым томом «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина, с «Антропологией» Л. Крживицкого, с «Якутами» В. Серошевского и другими подобными работами. Особенно большое впечатление на него произвели печатавшиеся с 1894 г. в различных журналах статьи Д. И. Шрейдера о южных районах Уссурийского края. Под влиянием этих статей и трудов Н. М. Пржевальского В. К. Арсеньев стал просить военное командование перевести его на службу на Дальний Восток. «Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое замирало от радости в груди», — писал он впоследствии

в своем рассказе «Фальшивый зверь»³. До Владивостока Арсеньев добрался только осенью 1900 года. И именно там, в окрестностях города, он начал вести свои первые наблюдения над местным населением. «К нам, — вспоминал он, — приезжали туземцы Дальнего Востока собирать раковины, мидии, крабов, трепангов, „каменную кожу“ — лишайники. Кругом водились дикие звери. А я был петербургский молодой человек и захлебывался впечатлениями»⁴.

Командир полка, обратив внимание на большой интерес В. К. Арсеньева к природе и местному населению Уссурийского края, назначил его начальником охотничьей команды. Занимаясь различными заготовками в тайге и проводя те или иные топографические съемки, В. К. Арсеньев все чаще и чаще сталкивался с аборигенами края. Новые дальневосточные друзья — ботаник Н. А. Пальчевский и особенно врач Н. В. Кириллов — дали ему первые советы, как собирать полезные для науки сведения о местных жителях и их образе жизни. С 1903 г. В. К. Арсеньев становится действительным членом Общества по изучению Амурского края, лично знакомится с известными исследователями Дальнего Востока В. П. Маргаритовым и Н. В. Слюниным.

В течение нескольких лет В. К. Арсеньев работал в районах, заселенных главным образом удэгейцами и орочами. В 1902—1903 гг. он обследовал южные районы Уссурийского края от р. Сучан до р. Лефу. После окончания русско-японской войны 1904—1905 гг. Арсеньев сосредоточивает свое внимание на более северных районах края — вблизи хребта Сихотэ-Алинь. Он совершает ряд походов от Усури через перевалы до побережья Японского моря. За это время он убедился в том, что этнографические исследования С. Н. Брайловского по удэгейцам и В. П. Маргаритова по орочам недостаточно полны и решил серьезно заняться изучением этих народов. Он обратился за помощью в петербургский Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Ему ответил Л. Я. Штернберг, между ними завязалась переписка. Штернберг не только дал Арсеньеву методические советы, но и прислал ему ценные книги, в том числе труды Л. И. Шренка и Р. К. Маака. Штернберг инту-

Рис. 1. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Фотография В. Н. Пашковского, 1929 г. Публикуется впервые (Из архива А. Н. и К. А. Криштофовичей)

³ В. К. Арсеньев, Соч., т. 4, Владивосток, 1947, стр. 145.

⁴ Цит. по: Н. Е. Кабанов, Указ. раб., стр. 13.

итивно угадал, что из молодого Арсеньева со временем выйдет опытный полевой исследователь.

Уже вскоре Арсеньев в своих этнографических исследованиях стал придерживаться следующих правил: 1) тщательно изучать язык местного населения — не только потому, что беседа на языке информатора дает лучшие результаты, но и потому, что в словаре аборигенов имеются слова, проливающие свет на их прошлое; 2) никогда не устраивать специальных «допросов» с протокольной записью рассказа местных жителей, так как это тяжело для информаторов, да и о многом они предпочтут умолчать; вести сбор этнографической информации следует всегда «между делом и во время пути, на охоте, рыбной ловле, при починке лодки и т. д.»⁵; 3) не раскрывать свое личное отношение к сообщаемому, даже к заведомой фантазии или лжи. «При расспросах местных жителей и особенно орочей и удэгейцев, — сообщал Н. Е. Кабанов, — Арсеньев никогда не изумлялся чем-нибудь, каким бы ни был рассказ — правдоподобным или неправдоподобным. Все выслушивалось им благоговейно, спокойно и вполне серьезно с тем, чтобы, обдумав потом, внести в тетрадь только самое необходимое. Орочи и удэгейцы ценили эту черту характера Арсеньева, легко веряли ему свои тайны, сомнения или просто-напросто вели душевные беседы, отлично сознавая, что все это ему нужно и что он их не подведет»⁶. Как правило В. К. Арсеньев делал все записи в день получения информации, чтобы ничто ценное не могло «улетучиться».

Такой подход к изучаемым народам позволял В. К. Арсеньеву добиваться очень больших научных результатов, собирать ценнейшие этнографические коллекции. Однако первые труды В. К. Арсеньева по этнографии появились сравнительно поздно: из-за недостатка знаний он первоначально еще не умел правильно обобщать материал. Первые его рукописи Л. Я. Штернберг сурово критиковал. Сам В. К. Арсеньев вспоминал: «... на моей первой рукописи, которую я выслал ему на просмотр, он сделал надпись: „Ерунда. То, что Вы затеваете, несерьезно“. В другой раз было написано: „Все надо переделать сызнова“ и при этом давал ценные указания, где найти материал для сравнения и как надо переделать. Потом я стал получать от него свои рукописи с такими надписями: „Ну, слава богу, теперь Вашу работу можно хоть исправлять немного“ и опять ряд справок и указаний. В письме от 1909 г. я получил следующие строки: „Много неточного и поспешного в Вашей статье. Это все результаты провинциальной работы. Очень жаль. Между прочим по этой работе можно думать, что Вам еще следует побывать у удэхе. Хотелось бы, чтобы эта работа (об удэхе) вышла образцовой. Тяжело мне огорчать Вас своим отзывом, но думаю, что для Вас полезно выслушать голос весьма расположенного к Вам человека...“»⁷.

Арсеньев всегда строго следовал советам Л. Я. Штернберга. Но впервые лично встретиться им довелось только в 1910 г., вскоре после того как Арсеньев был избран директором Хабаровского краеведческого музея (в те времена он еще назывался «Гродековским», по фамилии приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова, проявлявшего немалый интерес к этнографическим изысканиям). Вместе с Штернбергом Арсеньев побывал на Нижнем Амуре и на западном побережье Сахалина. Именно тогда В. К. Арсеньев смог впервые познакомиться с тем, как Л. Я. Штернберг и его помощники (студенты университета И. М. Аншелес и И. И. Зарубин) производили антропометрические измерения и

⁵ В. К. Арсеньев, Вымирание инородцев Амурского края, Хабаровск, 1914, стр. 348.

⁶ Н. Е. Кабанов, Указ. раб., стр. 29.

⁷ В. К. Арсеньев, Памяти Л. Я. Штернберга, «Записки Приморского филиала Географического об-ва СССР», Владивосток, 1966, т. 25.

впервые на русском Дальнем Востоке осуществили записи нанайских и нивхских песен на валики фонографа.

Вскоре этнограф Б. Ф. Адлер пригласил своего дальневосточного коллегу принять участие в организованной в Петербурге при Русском музее общероссийской этнографической выставке. За пожертвование на выставку коллекции Арсеньев получил большую серебряную медаль. Во время своего пребывания в Петербурге Арсеньев не раз выступал с докладами по этнографии Дальнего Востока. В столице он впервые познакомился со многими видными учеными—П. П. Семеновым, С. Ф. Ольденбургом, П. К. Козловым, В. В. Радловым, Д. А. Клеменцом, В. В. Бартольдом, Д. К. Зелениным и др. Тогда же он получил за свою деятельность малую серебряную медаль Географического Общества.

В Петербургском университете под руководством Ф. К. Волкова он научился производить краниологические измерения. Впоследствии ученый говорил, что «изучение деталей черепа приучило его к точности в словесном описании человеческого лица»⁸. Побывал В. К. Арсеньев и в Москве, где познакомился с Д. Н. Анучиным. 25 апреля 1911 г. В. К. Арсеньев был официально освобожден от военной службы в армии и с сохранением воинского довольствия и жалования прикомандирован в распоряжение министерства земледелия и государственных имуществ. Это позволило ему полностью отдаться научной работе. Больше всего он уделял внимания этнографическому отделу хабаровского музея. «До 1911 г. Музей представлял из себя совершенно бессистемный склад этнографических предметов... К сегодняшнему дню почти все приведено в порядок»,— с гордостью писал Арсеньев в 1914 г.⁹ «Наш музей значительно пополнился. Вы его теперь не узнаете. Этнографический отдел—лучший в Сибири! Есть вещи, которые заслуживают особого внимания»,— тогда же сообщал он Л. Я. Штернбергу¹⁰. Неудивительно, что Фритьоф Нансен после посещения хабаровского музея в 1913 году писал: «...здесь было чему поучиться под руководством знающего чичероне, каким явился знаток этих краев и бывалый путешественник капитан Арсеньев... капитан Арсеньев указал мне много интересных предметов, рисующих быт различных здешних туземцев, которых капитан основательно изучил»¹¹. С особым восхищением знаменитый полярный исследователь рассматривал коллекцию саней «различных фасонов—собачьи и оленьи,—и ороцские, и гольдские, и камчадальские, и пр.». «К большому моему изумлению, я нашел,—отмечал Ф. Нансен,—что в некоторых деталях многие из саней, употребляемых в самых восточных областях (но не в западных), имели значительное сходство с санями-лыжами, придуманными мною для гренландской экспедиции 1888 года и принятыми затем для всех полярных экспедиций...»¹².

По словам самого В. К. Арсеньева, в хабаровском музее тогда лучше всего был отражен образ жизни нанайцев, орочей, эвенков, якутов, чукчей, коряков и нивхов. Слабо были представлены эвены, ительмены, алеуты и айны. Никак не были показаны ульчи, негидальцы, сахалинские ороки и некоторые другие народности Дальнего Востока.

Показательно, что В. К. Арсеньев заботился не только о пополнении «своего» хабаровского музея, но и других музеев страны. Часто он посылал этнографические экспонаты в Петербург, Москву, Казань и другие города. В одном из писем к Л. Я. Штернбергу в 1913 г. В. К. Арсеньев подчеркивал: «Свой сбор я никогда не продаю, а жертвую. Продажи

⁸ Г. Г. Пермяков, Тропой женшенья, Хабаровск, 1965, стр. 95.

⁹ Письма В. К. Арсеньева к Д. Н. Анучину (публикация А. И. Васиной), «Сибирские огни», 1963, № 3, стр. 183.

¹⁰ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 67, л. 244 об.; см. также В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, М., 1957, стр. 220.

¹¹ Ф. Нансен, В страну будущего, Пг., 1915, стр. 338—339.

¹² Там же, стр. 340.

вещей в музеи я не допускаю. Музеи — дело народное, общее, и потому все должны работать бескорыстно»¹³.

Особенно много ценных экспонатов В. К. Арсеньев отправил в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого¹⁴. В октябре 1910 г. он из Владивостока послал «дерево тотем» (шаманский столб), который и поныне стоит в вестибюле музея (рис. 2)¹⁵ и ороческую «гробницу Ингину с гробом и хорошо сохранившимся трупом (естественная мумификация) со всеми погребальными аксессуарами»¹⁶. Несколько позже, в октябре 1911 г., В. К. Арсеньев направил в Русский музей и Музей антропологии и этнографии тринадцать ящиков дубликатов этнографических предметов. Т. В. Станюкович удалось разыскать немало архивных документов о весьма частых поступлениях этнографических экспонатов в Музей имени Петра Великого от В. К. Арсеньева¹⁷. Известная часть этих экспонатов была использована при обменах с иностранными музеями. Но большинство даров Арсеньева до сих пор хранится в музее. Это праздничная одежда нанайцев, их обувь и украшения, деревянные резные изображения различных духов, предметы, связанные с шаманским камланием, и другое. Особенно много Арсеньев передал в музей скелетов и черепов. Порою Арсеньев по поручению Л. Я. Штернберга производил закупки тех или иных этнографических ценных предметов, иногда их выменивал. Так, в 1910 г. Штернберг оставил ему бусы и различные ткани для обмена. На это Арсеньев приобрел: «семь вещей, три идола (севохи), зыбки с повесками из костей рыси, пояс в виде змеи и унты с орнаментами»¹⁸.

Чтобы упорядочить снабжение столичных музеев этнографическими экспонатами, Арсеньев не раз настаивал на скорейшем издании каталогов по музейным фондам. Он утверждал, что такие каталоги позволяют ему посылать в музеи именно то, что этим музеям не хватает.

Весьма тепло В. К. Арсеньев принимал на Дальнем Востоке всех посланцев Л. Я. Штернберга. «Спасибо за то, что Вы,— писал он Льву Яковлевичу,— посылаете ко мне с письмами людей, любящих антропологию и этнографию. От них я узнаю новости из научной литературы и, вообще, почерпываю знания»¹⁹.

Для Арсеньева это были годы весьма интенсивного изучения этнографических трудов, годы успешной работы своеобразного научного семинара при хабаровском музее, на котором часто обсуждались этнографические доклады.

Работая в музее, Арсеньев начал подготовку к печати крупных монографий. В 1912 г. вышел в свет первый крупный труд В. К. Арсеньева — «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» (в двух частях), в котором приводились и некоторые ценные сведения о местном населении. Уже в этой работе Арсеньев поднял вопрос о необходимости защиты местного населения от его главных угнетателей — незаконно проникавших в Уссурийский край китайских

¹³ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 219.

¹⁴ Популярный обзор этой коллекции дан в кн.: Т. К. Шафрановская, Чудесная палата, Л., 1967, стр. 42—51.

¹⁵ Краткое описание этого шаманского столба см.: В. В. Антропова, Ч. М. Таксами, Коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР по народам тихоокеанского побережья СССР, Сб. «Страны и народы Востока», вып. VI, М., 1968, стр. 10.

¹⁶ В. К. Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня, М., 1937, стр. 161.

¹⁷ Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии за 250 лет, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XXII, М.—Л., 1964, стр. 82. Ссылки: Архив МАЭ, Журнал поступлений; коллекции 1917, 2252, 2336, 2368, 2373, 2394 и др., а также ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 57, лл. 211—213; № 66, лл. 110, 292, 293, 363; № 67, л. 244; № 68, л. 120. См. также газ. «Приамурье» 30 окт. 1911 г.

¹⁸ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 219.

¹⁹ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 67, л. 292 об. Цит. по Т. В. Станюкович, Указ. раб., стр. 82.

скупщиков пушнины, женьшеня и других богатств тайги. Более подробно В. К. Арсеньев рассмотрел эти вопросы в своей историко-этнографической монографии «Китайцы в Уссурийском крае». В этом труде, который был опубликован в 1914 г. в Хабаровске, он убедительно показал, что китайские торговцы в Уссурийском крае появились только в середине XIX в. До этого в течение нескольких веков край заселяли обособленные группы маньчжуро-тунгусов. Китайские торговцы довели местных жителей до обнищания и вымирания. Они терроризировали население края с помощью банд хунхузов, учиняли дикие самосуды, например, непокорных живыми по горло закапывали в землю. Они спаивали местных жителей ханшином, приучали их к азартным играм, что давало им возможность быстрее опутывать их кабальными обязанностями. Хищничество скупщиков принимало невероятные размеры. Так, в одном из помещений при Сехобейской «лудеве» (яме для ловли оленей) Арсеньев обнаружил 40 пудов оленьих жил, приготовленных для вывоза за границу. Чтобы заготовить такое количество сырья, потребовалось истребить около 1600 оленей! В гигантском количестве из русских владений незаконно вывозилась ценная пушнина, которая в Китае сбывалась западноевропейским мехоторговцам.

Вторая монография В. К. Арсеньева была весьма высоко оценена этнографами. В. В. Богданов писал: «Характерной особенностью материалов и заметок В. К. Арсеньева надо признать их проникновение во многие такие детали быта и с таким наглядным воспроизведением, которые доступны только очень внимательному и вдумчивому исследователю»²⁰. Позже эта монография Арсеньева была отмечена Русским географическим обществом премией М. И. Веникова.

В 1913 г. В. К. Арсеньев представил интереснейшую этнографическую коллекцию на Приамурскую краевую выставку, за что был удостоен большой золотой медали Амурского общества сельского хозяйства.

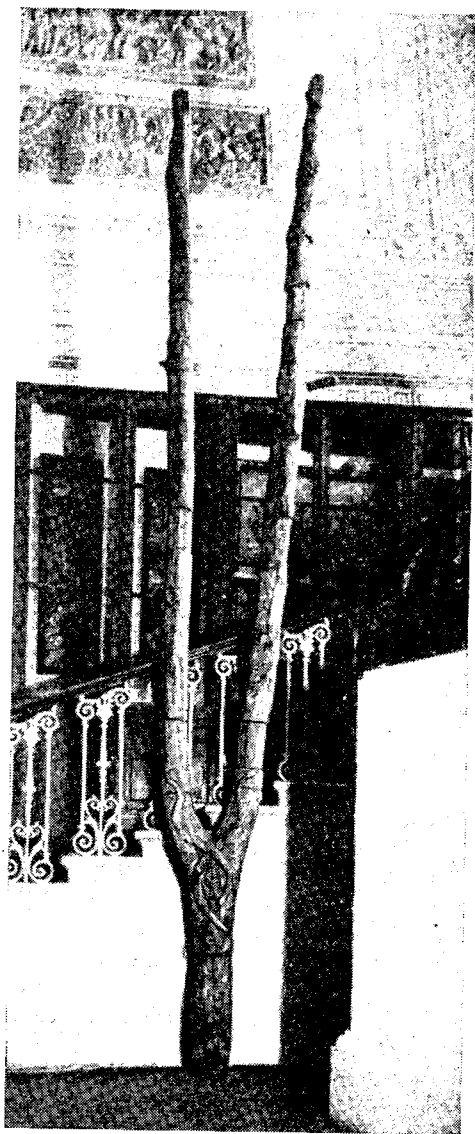

Рис. 2. «Дерево тотем» (шаманский столб). Дар В. К. Арсеньева Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. Установлено в вестибюле Музея

²⁰ В. В. Богданов, Рец. на кн. В. К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае», «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2, стр. 153.

В том же 1913 г., выступая на Первом съезде врачей Приамурского края, В. К. Арсеньев призывал организовать регулярную медицинскую помощь малым народам. Именно тогда прозвучали его страстные слова: «Посмотрите,—кто указал нефть на Сахалине? Инородцы. Кто указал золото? Инородцы. Кто является проводниками в бесчисленных экспедициях по Сибири? Инородцы. Мириться с вымиранием инородцев,— значит, мириться с вымиранием большей части населения Сибири»²¹.

22 сентября 1913 г. В. К. Арсеньев сообщал Б. М. Житкову: «Я продолжаю работать по этнографии. Занимаюсь измерением живых людей (орочей, удэхе), фотографирую их нагими, собираю образцы волос...»²².

В 1914 г. в Отделении этнографии Географического общества была образована комиссия по составлению этнографических карт по территории всей страны. Арсеньев по просьбе Л. Я. Штернберга принял активное участие в сборе необходимой этнографической информации. Он разослал в различные районы Дальнего Востока многочисленные опросные книжки. Тогда же он передал многим краеведам и известные подробные этнографические инструкции Л. Я. Штернберга.

Когда началась первая мировая война В. К. Арсеньев был оставлен на Дальнем Востоке как знаток края. Но новый управитель края Н. Л. Гондатти, в прошлом сам занимавшийся этнографическими исследованиями в Приамурье, умышленно препятствовал организации новых исследовательских экспедиций Арсеньева, а в 1915 г. он предпочел направить его в Маньчжурию с поручением весьма далеким от этнографии. Владимир Клавдиевич воспользовался этой поездкой для ознакомления с этнографией Маньчжурии и выступил в июне 1916 г. в Харбине в обществе ориенталистов с несколькими этнографическими докладами: «Наши американоиды» (об орочах и удэхайцах), «Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу» и «Этнологические проблемы на востоке Сибири»²³.

Находясь в Харбине, Арсеньев обратился к некоторым столичным ученым с просьбой помочь ему организовать новые этнографические экспедиции при содействии столичных учреждений, минуя Гондатти. 15 июня 1916 г. В. К. Арсеньев писал Л. Я. Штернбергу: «Гондатти, будучи присяжным этнографом, совершенно не интересуется этой наукой. В Музей он никогда не заглядывает. Никогда в Приамурье так не стоял худо инородческий вопрос, как за время его правления. Когда с ним заговаривали об инородцах, он или морщится, или старается перевести разговор на другую тему. Ныне гиляки вымерли больше, чем наполовину. Инородцы гибнут с каждым годом все больше и больше. На заседания по инородческому вопросу меня, как человека беспокойного, который много шумит и ругается, не приглашают. Судьбу инородцев решают те хлестаковы, которые говорят: „чем скорее вымрут, тем лучше“»²⁴.

Естественно, В. К. Арсеньев не мог мириться с подобным положением. Он открыто выступил против Гондатти, что привело к «полному разрыву» между ними. Из-за этого Арсеньеву даже пришлось покинуть хабаровский музей. 4 января 1917 г. он писал Л. Я. Штернбергу: «Покончив работы с Гродековским музеем, теперь я всецело стану успешно работать для музея Петра Великого. Пожалуйста, смотрите на меня как на своего помощника, обитающего на месте (в Сибири)...»²⁵.

²¹ А. А. Степанов, В. К. Арсеньев и Приморский филиал Географического общества, «Вопросы географии Дальнего Востока», сб. 3, Хабаровск, 1957, стр. 138.

²² В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 219.

²³ Краткое изложение всех этих докладов дано в «Протоколах публичных заседаний Общества русских ориенталистов (6—15 июня 1916 г.)» в харбинском журнале «Вестник Азии», кн. II—III, Харбин, 1916 г., стр. 324—339. Запись востоковеда П. В. Шкуркина. В том же журнале (стр. 50—76) был опубликован полный текст доклада Арсеньева «Этнологические проблемы на востоке Сибири». Особое внимание в этом докладе было уделено главным отличиям орочей от удэхайцев.

²⁴ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 68, л. 138 об.

²⁵ Там же, № 71, л. 19.

Но Гондатти решил учинить над «непокорным» расправу: направить Арсеньева в запасный полк, который отправлялся на фронт. Исполнению этого замысла помешала Февральская революция: возникшие в Уссурийском крае советы потребовали скорейшего возвращения Арсеньева на Дальний Восток. 24 апреля 1917 г. Южноуссурийское отделение Русского географического общества направило из Никольска-Уссурийска телеграмму Временному правительству, в Академию наук и вице-президенту РГО следующего содержания: «Подполковник Владимир Клавдиевич Арсеньев выехал в Ачинск в тринадцатый запасной полк и (далее на) фронт. Принимая [во] внимание, что Арсеньев, является единственным [в] мире знатоком Уссурийского края, его бродячих, полuosедлых аборигенов, называемых инородцами, численность коих достигает 12 000 и кои благодаря безграмотному управлению прежних властей и жестокой эксплуатации... идут по пути быстрого вымирания. Областной съезд председателей исполнительных комитетов единогласно признал неотложным сосредоточить все дела местных инородцев в руках особого инородческого комиссара, в руках Арсеньева, к которому они неоднократно обращались за разбором своих семейных дел, приезжая из-за этого в Хабаровск за сотни верст глухой тайги, тратя на дорогу три месяца,— [который] может справиться с задачей предоставления им возможности свободного культурного существования и защиты [от] бесчеловечной эксплуатации. Признавая, что интересы государственные требуют неотложной и разумной заботы об инородцах, до сих пор являющихся единственными посредниками между недоступной, сказочно богатой Уссурийской тайгой и русской инициативой, Южноуссурийское отделение Географического общества настоятельно просит Вас, оставив Арсеньева в крае, дать ему возможность принести свои силы государству там, где никто не сможет заменить его, где вмешательство обыкновенного чиновника бесполезно и только ускóрит процесс вымирания людей. Областной съезд поручил Арсеньеву принять возможно полное участие в деле местного управления»²⁶.

Арсеньев был возвращен на Дальний Восток и сразу же назначен «комиссаром по инородческим делам в Приамурском крае». Арсеньев сперва горячо принялся за работу. «Хотелось бы многое сделать для инородцев...»,— писал он Л. Я. Штернбергу²⁷. Но вскоре он убедился, что бессилен перед бесчинствами жадных до барышей капиталистов: «Свободу они поняли, как свободу эксплуатации, свободу торговли спиртом, как свободу самых жестоких и грубых насилий»,— жаловался он Л. Я. Штернбергу²⁸. Протесты Арсеньева оставались без ответа. Он понял, что Временное правительство ничего не хочет сделать для облегчения жизни аборигенов Дальнего Востока. И тогда Арсеньев сложил с себя обязанности комиссара. «Вертеть колесо, от которого нет привода, и быть равнодушным свидетелем безобразий и насилий, которые чинились над инородцами, числиться их шефом—я не мог»,— писал впоследствии он В. Л. Комарову²⁹.

С 1917 г. началась преподавательская деятельность Арсеньева: он приступил к чтению лекций по краеведению в Хабаровском народном университете. С 1919 г. он работает во Владивостокском учительском институте, вскоре преобразованном в Дальневосточный Государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского. Здесь он читал лекции по истории первобытной культуры, а с 1920 г. и по антропологии. При этом Арсеньев использует любую возможность для изучения не известных

²⁶ Е. Е. Шнейдер, К биографии В. К. Арсеньева, «Сов. архивы», 1968, № 1, стр. 108—109.

²⁷ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 71, л. 70.

²⁸ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I, № 71, л. 70.

²⁹ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге..., стр. 241.

ему районов Дальнего Востока. Так, в конце 1917 г. он побывал в горной области, расположенной к северу от Хабаровска, между верховьями реки Урми и озером Болонь (Оджал). В 1918 г. в качестве представителя Приморского переселенческого управления Владимир Клавдиевич совершил поездку на Камчатку³⁰.

Затем он становится «младшим инспектором рыболовства» и совершает ряд поездок по Японскому морю.

В 1919 г. В. К. Арсеньев начинает безвозмездно работать во Владивостокском краеведческом музее, которым в это время руководил энтузиаст-краевед Н. М. Соловьев. Вскоре дочь Соловьева, Маргарита, становится женой исследователя³¹. Она уговорила отца продать принадлежавшую ему недвижимость и полученные деньги использовать для издания давно уже написанных литературных произведений Арсеньева. В 1920 г. отдельной брошюрой публикуется рассказ «Амба», а в 1921 г. книга «По Уссурийскому краю». По общему мнению, блестящее знание В. К. Арсеньевым этнографических «тонкостей» значительно обогатило палитру его изобразительных средств и позволило еще более усилить впечатляющую силу его литературных произведений. Успех книги был велик. В 1923 г. Арсеньев публикует новую свою книгу «Дерсу Узала». Ровно через год обе книги выходят в Берлине в переводе на немецкий язык с восторженным отзывом Ф. Нансена³². Весьма положительно о книгах В. К. Арсеньева отозвались шведский исследователь Азии Свен Гедин, немецкий исследователь Африки Георг Швейнфурт и известный исследователь Гренландии, автор знаменитой теории движения материков — Альфред Вегенер.

Литературная деятельность не мешала Владимиру Клавдиевичу продолжать свои работы по этнографии. В 1921 г. он становится заведующим отделом этнографии Владивостокского краеведческого музея, а 21 июля того же года был избран профессором по кафедре краеведения и этнографии местного Педагогического института. Тогда же во владивостокском журнале «Русское Приморье» (1922, №№ 2—5) он публикует этно-охотоведческий очерк «Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае» и отдельную брошюру «Туземные способы соболевания в Уссурийском крае и скупка мехов».

В апреле 1922 г. Арсеньев выступал с обзорным докладом на Первом съезде краеведов Уссурийского края³³. Тогда же он поднял вопрос о посылке его в район залива Шелихова в Охотском море. В своем заявлении Арсеньев указывал, что «Гижигинский район в границах р. Ирет (на западном побережье Пенжинского залива) и р. Лесновской (на полуострове Камчатка) представляет особый интерес в отношениях этнографическом и статистическом»³⁴. Получив положительный ответ, он 12 июня 1922 г. заявил, что в предстоящей экспедиции «центром тяжести будут этнологические исследования сидячих и оленных коряк». Во время экспедиции исследователя чуть было не захватили белобандиты. Но все окончилось благополучно. Уже 15 октября 1922 г. во владивостокском клубе «Маяк» В. К. Арсеньев «ознакомил аудиторию с жизнью и осо-

³⁰ Арсеньев готовил к печати статью «Путешествие на Камчатку в 1918 году». Дальнейшая судьба этой статьи пока остается неизвестной (см. Н. Е. Кабанов, Указ. раб., стр. 90).

³¹ Подробные сведения о первой жене В. К. Арсеньева — Анне Константиновне см. в кн.: Г. Г. Пермяков, Тропой женьшена, 1965, стр. 82—101.

³² W. K. Arseniew, In der Wildnis Ostsibiriens. Forschungreisen in Ussurigebiet. B. I, Berlin, 1924; B. II, Berlin, 1925.

³³ Тезисы этого доклада были опубликованы в «Известиях Южно-Уссурийского отделения Приамурского Русского географического общества», вып. 4, апрель 1922 г., стр. 55—56.

³⁴ «Дальний Восток», 1961, № 2, стр. 167.

бенностями вымирающего камчатско-гижигинского населения»³⁵. А через десять дней В. К. Арсеньев лично приветствовал вступление Красной Армии во Владивосток. Не без гордости он сообщал В. Л. Комарову в Петроград, что, несмотря на огромные трудности гражданской войны и иностранной оккупации, владивостокские краеведы «...сумели сохранить в целостности музей и библиотеку». Ничего не пропало, а, наоборот, «...еще производили некоторые работы»³⁶.

В 1923 г. В. К. Арсеньев отправляется на Командорские острова³⁷. Здесь он изучает хозяйство алеутов и дает местным властям ряд практических рекомендаций с целью улучшения быта алеутов. Во время стоянки парохода в Петропавловске В. К. Арсеньев успел совершить восхождение на Авачинскую сопку³⁸.

В 1924 г. В. К. Арсеньев побывал в Чите и в Ленинграде. Именно тогда он передал известному хранителю Читинского музея А. К. Кузнецову целую серию этнографических картин, выполненных владивостокскими художниками А. И. Клементьевым и К. П. Тимофеевым. На этих картинах были изображены представители различных народов Дальнего Востока в национальных костюмах. Все костюмы были подробно прокомментированы Арсеньевым. Кузнецов был весьма благодарен за этот ценнейший дар. Он писал Арсеньеву: «Картины развешаны в этнографическом отделе Музея (теперь расширенном) и служат лучшим научным и художественным украшением музея и памятью о Вас, как известном, вдумчивом, многостороннем этнографе»³⁹. К сожалению, до наших дней уцелели лишь некоторые фотографии этих картин⁴⁰.

В Ленинграде Арсеньев вновь встретился с Л. Я. Штернбергом. Когда Арсеньев рассказал, что во Владивостоке и Хабаровске некоторые лица относятся к нему враждебно и порою заявляют, что «солдата» без научных степеней и званий «нельзя допускать в университет», Штернберг немедленно пригласил его на работу в музей им. Петра Великого в качестве научного сотрудника.

По возвращении во Владивосток Арсеньев убедился в том, что партийные руководители края относятся к нему с полным доверием и нуждаются в его помощи. Арсеньев принимает предложение вновь возглавить Хабаровский краеведческий музей и принимает активное участие в организации «баз для культурно-просветительной работы» среди малых народов Дальнего Востока. Уже в 1925 г. он писал Л. Я. Штернбергу: «В настоящее время я не только директор Музея, но заместитель председателя Дальневосточного краевого отдела Русского географического общества, ученый секретарь кабинета народного хозяйства при Дальплане и заведующий отделом охоты на морского зверя в Управлении рыбными и морскими звериными промыслами Дальневосточной области»⁴¹. Вскоре Арсеньев убедился, что при такой громадной нагрузке он не в состоянии заниматься научной работой. К тому же он жил «в проходной комнате за занавеской, лишенный стола, своей библиотеки,

³⁵ Газ. «Мир» (Владивосток) от 17 октября 1922 г. Основные результаты экспедиции изложены Арсеньевым в статье «Гижигинский промысловый район» в журн. «Экономическая жизнь Дальнего Востока» (Хабаровск), 1925, № 5, стр. 17—37, № 6, стр. 17—34.

³⁶ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 241.

³⁷ В. К. Арсеньев, Командорские острова в 1923 году, сб. «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока», Владивосток, 1923, стр. 420—464.

³⁸ Это восхождение подробно описано В. К. Арсеньевым в его брошюре «В кратере вулкана» (Владивосток, 1925).

³⁹ В. К. Арсеньев, Соч., т. 6, стр. 235. Подробнее см.: Е. Д. Петряев, Из наследия В. К. Арсеньева, «Дальний Восток», 1962, № 5, стр. 169—174; его же, Этнографические картины В. К. Арсеньева, «Известия Забайкальского отдела Географического общества СССР», 1965, т. I, вып. 4, стр. 120—124.

⁴⁰ Одна фотография сохранилась у Е. Д. Петряева. Несколько фотографий были воспроизведены в журнале «Natural History» (1924, № 6, p. 713—717).

⁴¹ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 228.

карт, дневников и рукописей, и т. д.»⁴², все это находилось во Владивостоке, где продолжала жить его семья. Именно в этот период В. К. Арсеньев решает воспользоваться предложением Л. Я. Штернберга и посылает заявление о поступлении в Ленинградский Музей антропологии и этнографии АН СССР. В тот же период Арсеньев направил в Музей ряд этнографических коллекций.

Непременный секретарь АН СССР, С. Ф. Ольденбург горячо приветствовал решение Арсеньева переехать в Ленинград. Владимир Клавдиевич был немедленно избран «научным сотрудником первого разряда»⁴³. Но, вернувшись к семье во Владивосток, он заколебался: ведь все его научные интересы были тесно связаны с Дальним Востоком, и здесь продолжали печататься его научные труды. В течение одного лишь 1925 г. во Владивостоке была издана целая серия его брошюр: «Дорогой хищник», «Охота на соболя в Уссурийском крае», «Искатели женьшеня в Уссурийском крае», «За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке» и др. И Арсеньев решил остаться во Владивостоке.

Штернберг был огорчен этим отказом, так как считал Арсеньева очень способным этнографом: «Последнее время Вы мало пишете по этнографии, но и то, что Вы сообщаете, представляет из себя настоящие шедевры»⁴⁴. В 1926 г. Л. Я. Штернберг надеялся встретиться с Арсеньевым на Дальнем Востоке и даже поработать с ним вместе в поле. Но этому помешала болезнь Штернберга. Не смог Арсеньев встретиться со Штернбергом и тогда, когда тот в составе советской делегации проезжал через Владивосток в Японию на Третий Тихоокеанский научный конгресс. В своем обстоятельном историческом обзоре этнографических исследований русских ученых на Тихом океане, представленном конгрессу, Л. Я. Штернберг особо отметил труды В. К. Арсеньева по удэгейцам⁴⁵.

В эти же годы В. К. Арсеньев успешно работал совместно с дальневосточным этнографом Е. И. Титовым. В 1926 г. они выступили с общим докладом «Население Дальнего Востока как производительный фактор» на Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, которая была созвана в Хабаровске по инициативе В. К. Арсеньева (он же был председателем оргбюро этой конференции). В 1927 г. их совместный доклад, содержащий подробную характеристику четырех групп населения края по данным переписи 1926 г., был опубликован в Москве⁴⁶, а в 1928 г. появилась их совместная этнографическая книжка «Быт и характер народностей Дальневосточного края», которая вскоре была переведена на японский язык.

В 1926—1927 гг. В. К. Арсеньев по поручению Дальневосточного переселенческого управления обследовал район амурского Анюя до Советской Гавани. Это позволило ему собрать новые ценные этнографические материалы. Предметы материальной культуры он отослал в различные музеи, в том числе и в Ленинградский Музей антропологии и этнографии. Именно в эти дни до него дошла печальная весть о кончине Л. Я. Штернберга. 19 мая 1928 г. Арсеньев выступил во Владивостоке с обширным докладом об ученом, в котором между прочим сказал: «Оглядываясь назад, в прошлое, могу сказать, что в своих работах от этапа к этапу, от ерунды к положительным результатам я пришел по указаниям Льва Яковлевича, могу сказать, что своей научной подготовкой я всецело обязан покойному»⁴⁷.

⁴² Там же, стр. 230.

⁴³ ЛОА АН СССР, ф. 142, оп. I (1925), № 3, л. 3.

⁴⁴ В. К. Арсеньев, Жизнь и приключения в тайге, стр. 230.

⁴⁵ Сб. «Тихий океан. Русские научные исследования», Л., 1926, стр. 159.

⁴⁶ Сб. «Экономика Дальнего Востока», М., 1927, стр. 50—77.

⁴⁷ «Записки Приморского филиала Географического общества СССР», 1966, т. 25, стр. 104.

Арсеньев также часто выступал с самыми различными научными докладами и лекциями, в которых он приводил множество интересных сведений по этнографии Дальнего Востока. Все публичные выступления Арсеньева производили необычайно сильное впечатление на слушателей, потому что он был вдохновенным рассказчиком. В домашней обстановке Арсеньев всегда оказывался в центре всеобщего внимания и готов был рассказывать о малых народах Дальнего Востока несколько часов подряд.

В начале 1928 г. В. К. Арсеньева ждал крупный успех. Из далекого Сорренто пришло письмо от А. М. Горького: «...Книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера,— это, поверьте, неплохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художествен. Искренне поздравляю Вас... Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну?»⁴⁸.

Характерно, что А. М. Горький, отвечая на вопрос известного литературоведа П. С. Когана, какая книга из советской литературы последних лет произвела на него наибольшее впечатление, назвал книгу В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края».

В том же 1928 г. началось плодотворное сотрудничество Арсеньева с кинематографистами.

Были созданы три первых этнографических фильма, посвященных Советскому Дальнему Востоку: «В дебрях Уссурийского края», «Лесные люди удэгейцы» и «Тумгу». Выход на экран этих фильмов был большим событием для этнографов страны. Вскоре В. К. Арсеньеву было предложено стать редактором еще двух этнографических фильмов — «Ламуты» и «Коряки»⁴⁹.

Десятки советских и иностранных этнографов обращались к В. К. Арсеньеву с самыми различными запросами. Так, недавно были опубликованы некоторые письма Арсеньева ленинградскому этнографу Е. Г. Кагарову, который интересовался вопросами шаманизма⁵⁰. Арсеньев прислал Кагарову несколько ценных для него фотографий, в частности, «всей шаманской группы сегонов вместе с пнями», которые были Арсеньевым переданы в хабаровский музей⁵¹. Материалы, полученные от В. К. Арсеньева, были частично использованы Е. Г. Кагаровым в его статье «Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх»⁵². Арсеньев также переписывался с В. Г. Богоразом, А. М. и Л. А. Мервартами и некоторыми другими ленинградскими этнографами. Самую деятельную поддержку он оказывал и этнографам, приезжавшим на Дальний Восток.

На все запросы центральных учреждений, особенно если они касались этнографических проблем, В. К. Арсеньев всегда старался аккуратно отвечать. В этой связи большой интерес представляют хранящиеся в архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая обстоятельные ответы Арсеньева на письма секретаря Этнологической секции Тихоокеанского комитета⁵³. Эти от-

⁴⁸ А. М. Горький, Собр. соч., т. 30, М., 1955, стр. 70. Фотокопия письма воспроизведена во втором томе шеститомного собрания В. К. Арсеньева, изданного во Владивостоке в 1947 г.

⁴⁹ «Дальний Восток», 1961, № 2, стр. 173.

⁵⁰ См.: «Письма В. К. Арсеньева этнографу Е. Г. Кагарову 1928 г.», публикация Л. В. Азадовской, «Дальний Восток», 1970, № 9, стр. 130—131.

⁵¹ Там же.

⁵² «Доклады Академии наук СССР», Серия В, 1928, № 15, стр. 131—135.

⁵³ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 8, оп. 6, д. № 22, листы не нумерованы. Авторы статьи пользуются случаем, чтобы выразить благодарность Р. В. Каменецкой за представление им в пользование цитированных писем В. К. Арсеньева.

веты дают ясное представление не только о трудах В. К. Арсеньева, но и других дальневосточных этнографов (П. П. Шмидта, Е. И. Титова и др.). Безусловно эти письма Арсеньева следовало бы опубликовать.

С 1929 г. Арсеньев стал вновь задумываться относительно переезда в Ленинград или на Урал. Он мечтал о спокойной обстановке, которая позволила бы ему закончить монографию «Страна удэ́хе». 8 декабря 1928 гг. Арсеньев писал: «Все мои предшествующие работы и статьи — являются не более как подготовительными материалами для основной моей работы «Страна удэ́хе». Эта монография — цель моей жизни. Если бы мне не удалось ее издать, я считал бы это большой личной катастрофой. За 27 лет мне удалось собрать такие материалы, которые уже вновь собрать не удастся. Старики в большей части вымерли, а молодежь современная (я говорю о туземцах) с утратой прежних традиций, утратила все почти обычаи и обряды...»⁵⁴.

Но издать «Страну удэ́хе» так и не удалось. В начале 1930 г. Арсеньеву предложили занять должность начальника Бюро экономических изысканий Уссурийской железной дороги. Он возглавил 4 экспедиции по обследованию районов предполагаемого железнодорожного строительства.

Летом 1930 г. он выехал на Нижний Амур. В тайге простудился и во Владивосток вернулся больным. Простуда перешла в крупозное воспаление легких, и 4 сентября В. К. Арсеньев умер в расцвете творческих сил.

Уже давно этнографов волнует судьба основного труда Арсеньева — «Страна удэ́хе». Труд остался незаконченным и, следовательно, надо искать не готовую рукопись, а ее составные части. В описании его научного архива, хранящегося во Владивостоке, под № 22 числится «Книга записей орочей по алфавиту с разных мест (тетрадь 1-я большая, тетрадь 2-я малая) и под № 23 — «Словарь комплексный и технический»⁵⁵. Вне всякого сомнения эти словари входили в состав этого труда Арсеньева. Еще в 1913 г., сообщая о своей работе над монографией «Орочи-удэ́хе и их словарь», Арсеньев писал: «Орочский словарь я делю на четыре группы: I) общий по четырем провинциализмам — Кусун, Самарги, Бикин, Хунгари, II) шаманский — на котором шаманы камлают. Орочи говорят, что это их прежний язык, III) язык сказок — поэтический, на котором они поют свои сказки и IV) технический — весьма сложный»⁵⁶. Там же хранятся и некоторые другие материалы Арсеньева по удэ́хейцам и орочам. В 1926 г. во Владивостоке была издана брошюра Арсеньева «Лесные люди удэ́хейцы». Сам ее автор признавался, что это ни что иное как «популярное и сокращенное изложение того большого труда «Страна удэ́хе», которую я готовлю к печати»⁵⁷. Все эти данные помогают представить, как выглядела основная монография В. К. Арсеньева и хочется верить, что сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, основанного осенью 1971 г., еще смогут в какой-то степени ее реконструировать.

Следует горячо приветствовать начало публикации на страницах журнала «Дальний Восток» экспедиционных дневников Арсеньева. Этнографы ждут от этой публикации много полезного и, возможно, неожиданного. Напомним, что по этим путевым дневникам биограф Арсеньева Г. Г. Пермяков неопровержимо установил, что самая первая встреча Арсеньева с героем его произведений Дерсу Узала произошла 3 августа 1906 г.⁵⁸, а не в 1902 г., как это считалось до недавнего вре-

⁵⁴ Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 8, оп. 6, д. № 42.

⁵⁵ В. К. Арсеньев, Соч., т. 6, стр. 260.

⁵⁶ «Письма В. К. Арсеньева к Д. Н. Анучину», публикация А. И. Васиной, «Сибирские огни», 1963, № 3, стр. 183.

⁵⁷ Архив ЛО ИЭ СССР, ф. 8, оп. 6, д. № 22, письмо от 8 декабря 1928 г.

⁵⁸ Г. Г. Пермяков, Тропой женшенья, стр. 135—136.

мени. Это означает, что в своих литературных произведениях Арсеньев иногда пользовался правом литератора отходить от документальной точности. Дерсу Узала (Дерчю Оджал) был самой колоритной фигурой из всех проводников Арсеньева. Поэтому он и решил сделать его героем сразу двух своих главных литературных произведений.

Необходимо продолжить публикацию огромного эпистолярного наследства Арсеньева, а также издать многочисленные воспоминания о нем, собранные во Владивостоке Приморским краеведческим музеем и в Хабаровске писателем Г. Г. Пермяковым.

В литературе В. К. Арсеньева называют путешественником, писателем, краеведом, охотоведом, топографом, знатоком ботаники и зоологии и т. д. Все изложенное, однако, показывает, что он был прежде всего этнографом, крупнейшим знатоком народов Советского Дальнего Востока. Своими большими успехами он во многом был обязан ленинградским этнографам, особенно Л. Я. Штернбергу, благодаря помощи которого он смог преодолеть узость и опасную самоуверенность провинциального мышления, стать ученым с мировым именем. Труды В. К. Арсеньева навсегда останутся ценнейшим источником этнографических сведений, ибо многое из того, что он успел зафиксировать, теперь уже исчезло бесследно.

Арсеньев был большим другом малых народов Дальнего Востока. Он сделал многое для того, чтобы выяснить их нужды, активно способствовал тому, чтобы при Советской власти их жизнь пошла по иному пути. Став необыкновенно популярным писателем, В. К. Арсеньев не только усилил интерес у советской общественности к Дальнему Востоку, к его малым народам и к самим этнографическим исследованиям, но и смог доказать еще раз, что этнография как наука имеет большое научное и практическое значение.

V. K. ARSENYEV AS AN ETHNOGRAPHER

In September 1972 we celebrate the hundredth birth anniversary of the prominent writer and explorer of the Russian Far East, V. K. Arsenyev. The article recounts his ethnographic field work, learned publications, museum work, his literary works devoted to the region's aborigines.

Рис. 3. Дерсу Узала

В. И. Кочнев, Т. В. Петров

НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА БАНГЛАДЕШ

В 1971 г. в результате мощного национально-освободительного движения в Южной Азии появилось новое независимое государство — Народная Республика Бангладеш.

Бангладеш, площадь которого составляет свыше 141 тыс. кв км, занимает северо-восточную часть полуострова Индостан. На западе, севере и востоке он граничит с Индией (протяженность границ около 4 тыс. км), на юго-востоке на коротком участке (около 200 км) с Бирмой. На юге извилистое побережье Бангладеш, протяженностью свыше 500 км, смывается водами Бенгальского залива Индийского океана.

В целом территория Бангладеш представляет собой обширную аллювиальную равнину, созданную наносами рек Ганга и Брахмапутры и их многочисленных притоков. Климат жаркий и влажный, муссонного характера, с небольшими суточными колебаниями температуры и обильными осадками. Частые наводнения — бич страны.

На южном побережье расположены основные порты страны, через которые главным образом и поддерживаются все международные экономические связи.

По данным переписи 1961 г., в стране проживало 50,8 млн. чел.; официальная оценка на середину 1971 г. — 71,5 млн. чел. По численности населения Бангладеш занимает восьмое место в мире и является одной из самых густонаселенных стран земного шара (средняя плотность — свыше 500 человек на 1 кв. км). Около 95% населения живет в деревне. Столица Бангладеш — город Дакка насчитывает свыше 800 тысяч жителей. Население города непрерывно растет. Вторым по численности городом является Читтагонг (0,5 млн. жителей) — крупный промышленный центр и морские ворота страны. Другие крупные города — Кхулна, Нараянгандж и Раджшахи.

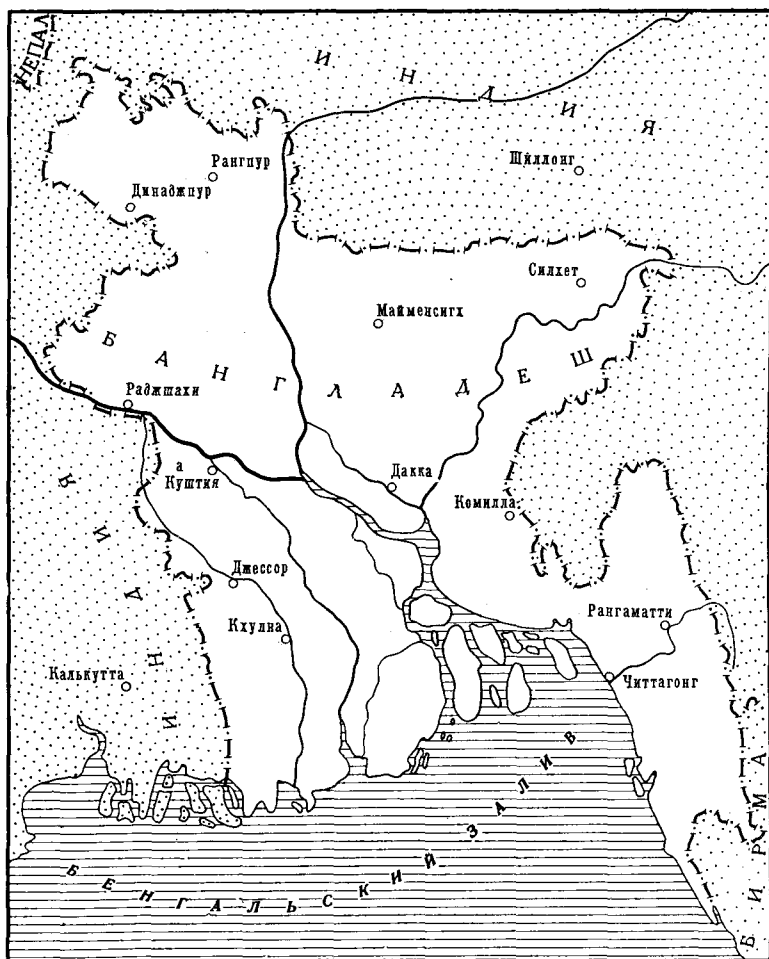
Бангладеш состоит из четырех областей (Дакки, Кхулны, Раджшахи и Читтагонга), которые, в свою очередь, делятся на 17 округов.

Большая часть жителей Бангладеш (80,4%) исповедует ислам; 18,4% — индуизм, 0,7% — буддизм и 0,5% — другие религии, главным образом христианство.

Население Бангладеш отличается большим этническим единством; почти 98% ее жителей составляют бенгальцы, численно преобладающие во всех административных округах республики. Государственный язык Бангладеш — бенгальский.

Бангладеш — в основном аграрная страна. Годовой доход на душу населения в 1970 г. был равен всего 312 рупиям (60 долларов), что значительно ниже, чем в Индии и Пакистане. Основой экономики является сельское хозяйство, в котором занято 86% самодеятельного населения.

В деревне преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Ощущается острая нехватка земли; более 95% земли распаханно и земельный фонд

Народная Республика Бангладеш

фактически исчерпан. Основная сельскохозяйственная культура — рис, под посевами которого занято около 90% обрабатываемых земель. Ежегодный сбор риса составляет около 12,5 млн. т. Это совершенно недостаточно для обеспечения населения Бангладеш продовольствием, поэтому каждый год ввозится 1—1,5 млн. т. зерновых, а также другие продовольственные товары.

Большое значение в экономике Бангладеш имеет такая техническая культура, как джут. На холмах округа Силхет имеется много чайных плантаций. Заметную роль в хозяйстве играют рыболовство и ремесленное производство.

Основная отрасль промышленности — джутовая; она выпускает около 625 тыс. т изделий в год. По производству и экспорту джута Бангладеш занимает первое место в мире, а джутовых изделий — второе после Индии. В Бангладеш имеется также хлопчатобумажная, целлюлозная, сахарная, маслوبيдная и цементная отрасли промышленности.

В Читтагонге есть один небольшой металлургический комбинат. Индустриализации страны препятствует крайняя узость сырьевой и энергетической базы. Численность рабочего класса Бангладеш составляет около 1,5 млн. человек. Большая часть внутренних перевозок осуществляется водным транспортом.

Ввиду узкой специализации экономики для народного хозяйства Бангладеш жизненно необходимы внешнеторговые связи. Республика может вывозить в год товаров (прежде всего джутовые изделия, джут-сырец, чай, бумагу) примерно на 530 млн. долларов; за этот счет покрываются самые необходимые потребности в импорте промышленных и продовольственных товаров.

В колониальный период территория, занимаемая ныне Народной Республикой Бангладеш, была аграрным придатком западных округов Бенгалии, где большинство населения исповедует индуизм. Поэтому при разделе Британской колониальной империи в Индии в 1947 году западные округа были включены в состав Индийского союза. К моменту образования Пакистана — 14 августа 1947 г. — Восточная Бенгалия, ставшая восточной провинцией этого государства, по уровню своего экономического развития резко отставала от Западного Пакистана: годовой доход на душу населения был в 1948 г. в Восточной Бенгалии на 40% ниже, чем в западных областях Пакистана. Этот экономический разрыв не был преодолен в последующие годы, что связано с некоторыми особенностями социального и политического развития страны. При образовании Пакистана английские колонизаторы передали государственную власть в этой стране западнопакистанским земельным магнатам (прежде всего — панджабским помещикам) и богатым мусульманским предпринимателям, среди которых преобладали переселенцы из Индии. Политические деятели-бенгальцы играли в правящем лагере подчиненную роль.

Свое господствующее положение в стране земельные магнаты и крупная буржуазия Западного Пакистана использовали для максимального укрепления своих позиций, в ущерб экономическим и политическим интересам национальной бенгальской буржуазии Восточного Пакистана.

При распределении государственных ассигнований и иностранной помощи приоритет получала не Восточная Бенгалия (где проживало 54,2% населения всего Пакистана), а Панджаб и Карачи, ставшие основными районами предпринимательской деятельности верхушки имущих классов Западного Пакистана и мусульман-переселенцев из Индии. За первые десять лет существования Пакистана на долю Восточной Бенгалии пришлось лишь одна пятая часть всех государственных расходов на индустриализацию и одна шестая — на развитие культуры и образования. Иностранная валюта, вырученная за восточнобенгальское сырье (джут и чай), расходовалась преимущественно на развитие Западного Пакистана.

Уроженцы Восточной Бенгалии подвергались дискриминации при зачислении на государственную службу, в полицию и вооруженные силы, где основная часть постов неизменно замещалась выходцами из Панджаба или мусульманами-переселенцами из Индии. Бенгальцы же, хотя они и составляли большинство населения, занимали менее 10% всех административных постов.

Обстановку, сложившуюся в Восточной Бенгалии, осложняло аграрное перенаселение, разорение ремесленников и мелких предпринимателей, не выдерживавших конкуренции с крупными западнопакистанскими фирмами, массовая безработица, особенно значительная среди бенгальской интеллигенции.

Результатом стал бурный рост бенгальского национализма и возникновение в Восточной Бенгалии в конце 40-х — начале 50-х годов политических партий — Народная лига (Авами лиг) и других, требовавших предоставления этой части Пакистана полной региональной автономии. Восточнобенгальские деятели надеялись, что это поможет бенгальской национальной буржуазии и деревенской верхушке более эффективно использовать имеющиеся у них накопления, защитит их от губительной конкуренции крупных западнопакистанских капиталистов, даст воз-

возможность овладеть внутренним восточнобенгальским рынком, занять ведущие позиции в торговле, промышленности, банковском и страховом деле, на государственной службе Восточной Бенгалии. Бурному росту бенгальского национализма в эти годы способствовало также стремление правящих кругов сделать единственным государственным языком страны урду, который, по данным переписи 1951 г., в Восточной Бенгалии понимало и использовало в повседневной практике всего 1,1% населения.

Бенгальское национальное движение, осложненное социально-экономическими противоречиями и трудностями, возникавшими в процессе перестройки колониальной структуры народного хозяйства страны и развития капиталистических отношений, неоднократно приводило к кризисным ситуациям (например, в 1952, 1954, 1958 годах), выход из которых правящие пакистанские круги пытались найти, сочетая отдельные уступки имущей верхушке восточнобенгальского общества с репрессиями против демократических сил.

Серьезное недовольство вызывали в Восточном Пакистане многие положения введенной в 1962 г. конституции, прежде всего президентская форма правления, косвенная система выборов законодательных органов, при которой Восточный Пакистан посылал в Национальную ассамблею такое же количество депутатов, что и Западный Пакистан (где проживало 45,6% населения страны), ущемление некоторых основных буржуазных свобод и др.

Рост бенгальского движения в 1962—1968 гг. был одной из основных причин разразившегося в Пакистане в марте 1969 г. политического кризиса, в результате которого президент М. Айюб-хан передал власть генералу А. М. Яхье-хану и в стране был установлен военный режим.

В декабре 1970 г. в Пакистане состоялись первые в истории страны всеобщие выборы, на которых убедительную победу одержала партия Народная лига, руководимая Шейхом Муджибур Рахманом. Из 162 мест, которые были отведены Восточной Бенгалии в Национальной ассамблее Пакистана (всего в ней 300 депутатов), Народная лига завоевала 160. За ее депутатов голосовало 13,5 млн. восточнопакистанских избирателей, или 76% принявших участие в голосовании.

Руководство Народной лиги потребовало передачи власти избранному большинству депутатов Национальной ассамблеи и закреплению в Конституции Пакистана права Восточного Пакистана на полную региональную автономию (в ведении центрального правительства должны были остаться лишь вопросы обороны государства и внешней политики).

Отказ правящих кругов Пакистана и стоявшей за ними монополистической верхушки западнопакистанской буржуазии и помещиков принять эти требования, основанные на демократическом волеизъявлении большинства населения Восточной Бенгалии, до предела накалили обстановку в стране. В начале марта 1971 г. Восточная Бенгалия была охвачена всеобщей забастовкой, которая переросла в кампанию гражданского неповиновения.

В ночь с 25 на 26 марта 1971 г. по приказу пакистанской военной администрации Муджибур Рахман и некоторые его помощники были арестованы, а деятельность партии Народной лиги запрещена. Начались репрессии против сторонников Народной лиги и других восточнобенгальских партий и организаций. В Дакке, Читтагонге, Силхете, Рангпуре, Комилле и других городах происходили бои между правительственными войсками и отрядами плохо вооруженных повстанцев. Эти стычки привели к многочисленным жертвам среди гражданского населения и огромному материальному ущербу. Через границы Восточного Пакистана в Индию устремились массы беженцев. В ответ на массовые репрессии военных властей патриотически настроенные восточнобенгальские деятели провозгласили 26 марта 1971 г. независимость Бангладеш.

2 апреля 1971 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный направил Президенту Пакистана обращение, в котором говорилось, что советских людей не могут не волновать многочисленные жертвы, страдания и лишения, которые несет такое развитие событий пакистанскому народу. В обращении подчеркивалось, что «мирное решение возникших проблем с удовлетворением было бы встречено всем советским народом»¹.

13 апреля 1971 г. сумевшие избежать репрессий деятели Народной лиги образовали правительство Бангладеш. Началось формирование партизанских отрядов («мукти бахини») для борьбы за независимость.

Острый политический кризис в Пакистане, сопровождавшийся наплывом в Индию миллионов беженцев, вызвал резкое обострение в отношениях между двумя странами и привел к военному конфликту. Заботясь о сохранении мира, Советское правительство привлекло внимание пакистанской военной администрации к необходимости политического урегулирования в Восточной Бенгалии и отказу от репрессий, что обеспечило бы условия для возвращения на родину миллионов беженцев. Выступая на VI съезде ПОРП 7 декабря 1971 г. и останавливаясь на положении в Восточной Бенгалии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Советский Союз решительно выступает за прекращение кровопролития, за мирное политическое урегулирование возникших проблем, с учетом законных прав народов, без какого-либо вмешательства внешних сил, за создание условий прочного и справедливого мира в этом районе»².

Отказ пакистанской военной администрации пойти на мирное политическое урегулирование привел в начале декабря 1971 г. к широкому военному конфликту между Индией и Пакистаном. 16 декабря 1971 г. в столицу Восточной Бенгалии Дакку вступили отряды мукти бахини и части индийской армии. Командование пакистанских войск подписало акт о капитуляции.

Вскоре в Дакку вернулся освобожденный из заключения в Западном Пакистане Шейх Муджибур Рахман. 12 января 1972 г. была провозглашена временная конституция Народной Республики Бангладеш, в соответствии с которой Муджибур Рахман возглавил правительство молодого независимого государства. Вскоре Бангладеш получил признание целого ряда государств.

Следуя своей миролюбивой внешней политике равноправия и дружбы между всеми государствами и руководствуясь принципами самоопределения народов, Советский Союз 24 января 1972 г. признал Народную Республику Бангладеш как суверенное государство. Развитию дружественных отношений между двумя странами способствовал визит в СССР главы правительства Бангладеш Шейха Муджибур Рахмана в марте 1972 г.

В своем выступлении в Москве Муджибур Рахман отметил огромную помощь Советского Союза народу Бангладеш и подчеркнул, что основными принципами внешней политики его страны будут неучастие в военных блоках, позитивный нейтралитет, мирное сосуществование и дружба между народами. «Второй основной политический принцип нашего государства,— заявил Муджибур Рахман,— состоит в стремлении создать основы социалистической экономики. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что такая развивающаяся страна, как Бангладеш, сталкивающаяся с колоссальными трудностями, обусловленными бурным ростом населения, не сможет процветать, если жизненно важные секторы не будут подчинены общественному контролю»³.

¹ «Правда», 4/IV.1971.

² «Правда», 8/XII.1971.

³ «Правда», 2/III.1972.

Советский Союз оказывает Бангладеш всестороннюю экономическую помощь в восстановлении и дальнейшем развитии национальной экономики, сильно подорванной в ходе борьбы народа Бангладеш за национальную независимость. Между двумя странами крепнут экономические, политические и культурные контакты.

Л. И. Брежнев, выступая на XV съезде Советских профсоюзов, подчеркнул: «Мы являемся также последовательными сторонниками налаживания отношений прочного мира и добрососедства между Индией, Пакистаном и Бангладеш. Это было бы существенным вкладом в оздоровление политического климата во всей Азии»⁴.

* * *

По сравнению с остальными странами Южной Азии Бангладеш отличается своей этнической однородностью. Хотя на территории Бангладеш проживают около 2% представителей других народов, речь о которых пойдет ниже, в целом можно говорить об этой стране как об однородном бенгальском районе со своей древней историей, языком и культурой.

Бенгальцы внесли огромный вклад не только в общендийскую, но и в мировую культуру. Кому не известно имя крупнейшего индийского писателя, философа, общественного деятеля, просветителя и гуманиста Рабиндраната Тагора (1861—1941)! Его стихи «Моя золотая Бенгалия» стали государственным гимном Бангладеш.

В материальной культуре восточнобенгальцев много общего с западнобенгальской материальной культурой, но географические условия и ислам, несомненно, наложили свой отпечаток на восточнобенгальцев⁵. Так, например, восточнобенгальский тип сельского поселения в связи с затоплением большей части территории в период речных половодий отличается от западнобенгальского рядом характерных особенностей.

Крестьянские усадьбы — «бари», возведенные на возвышенных участках (иногда на искусственно насыпанных платформах) поближе к обрабатываемому полю, часто удалены одна от другой. В районах с особенно высокой плотностью населения на каждом таком возвышенном островке расположено несколько усадеб. Ряд подобных «островков» объединяется в «пара», а несколько «пара» группируются в традиционную административную единицу «мауза». Во время разливов рек связь между ними поддерживается на лодках или по легким мостикам из бамбука.

В Восточной Бенгалии усадебные постройки сходны с западнобенгальскими. Это обычно прямоугольные в плане глинобитные жилые дома с четырехскатными высокими крышами. Особенностью бенгальского жилища является его «децентрализация»: обычно каждая комната — это отдельный домик — «хат». Если у семьи всего одна лачуга, то кухня все равно располагается отдельно. Внутренняя обстановка и утварь мало отличаются от общендийской.

Женщины-бенгалки обычно носят сари и короткую кофточку, предпочитая зеленый, красный и белый цвета. Как и все женщины Индостана, бенгалки любят различные украшения. Мужской костюм — это традиционное индийское «дхоти».

До недавнего времени все бенгальцы, несмотря на религиозные различия, были одним этносом. Это проявлялось во многих общих чертах как материальной, так и духовной культуры.

Раздел Бенгалии и потом создание Народной Республики Бангладеш привели к обособленному, самостоятельному развитию восточных бенгальцев.

⁴ «Правда», 21/III.1972.

⁵ Подробную этнографическую характеристику западных и восточных бенгальцев см. в кн.: «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 428—445, 694—706.

До раздела в основе общенгальского литературного языка был калькуттский, т.е. западный диалект. Так как ведущее место в литературе занимали писатели — индусы, этот язык отличался обилием санскритизмов. Литературный язык восточнбгальцев развивается главным образом на основе даккского диалекта. В словарном составе восточного диалекта много заимствований из урду и арабского.

Различная религиозная принадлежность, несомненно, оказала влияние на формирование некоторых черт духовной культуры, которые отличают восточных бгальцев от западных. Мусульманские богословы стремятся очистить ислам от влияния индуизма, но бгальцы-мусульмане еще придерживаются некоторых индусских обычаев и в какой-то мере у них сохранились кастовые деления.

* * *

Несмотря на национальную однородность Бангладеш, этническая картина страны будет неполной, если не дать описания проживающих здесь национальных меньшинств и малых народов, которые еще недостаточно освещены в этнографической литературе.

Самой многочисленной группой небгальского населения (свыше 1 млн. человек) являются неоднородные в этническом отношении мусульмане, переселившиеся в Восточный Пакистан после 1947 г., главным образом из Северной Индии, Бихара, Западной Бенгалии и других районов. Они говорят в основном на языке урду и живут дисперсно, преимущественно в северо-западном и центральном районах Бангладеш, где их часто называют собирательным именем «бихари».

В северных и восточных пограничных районах Бангладеш живут малые народы и национальные меньшинства бирмано-ассамского происхождения. Их общая численность составляет около 500 тыс. человек.

Народы и племена бирманского происхождения живут в Горном округе области Читтагонг.

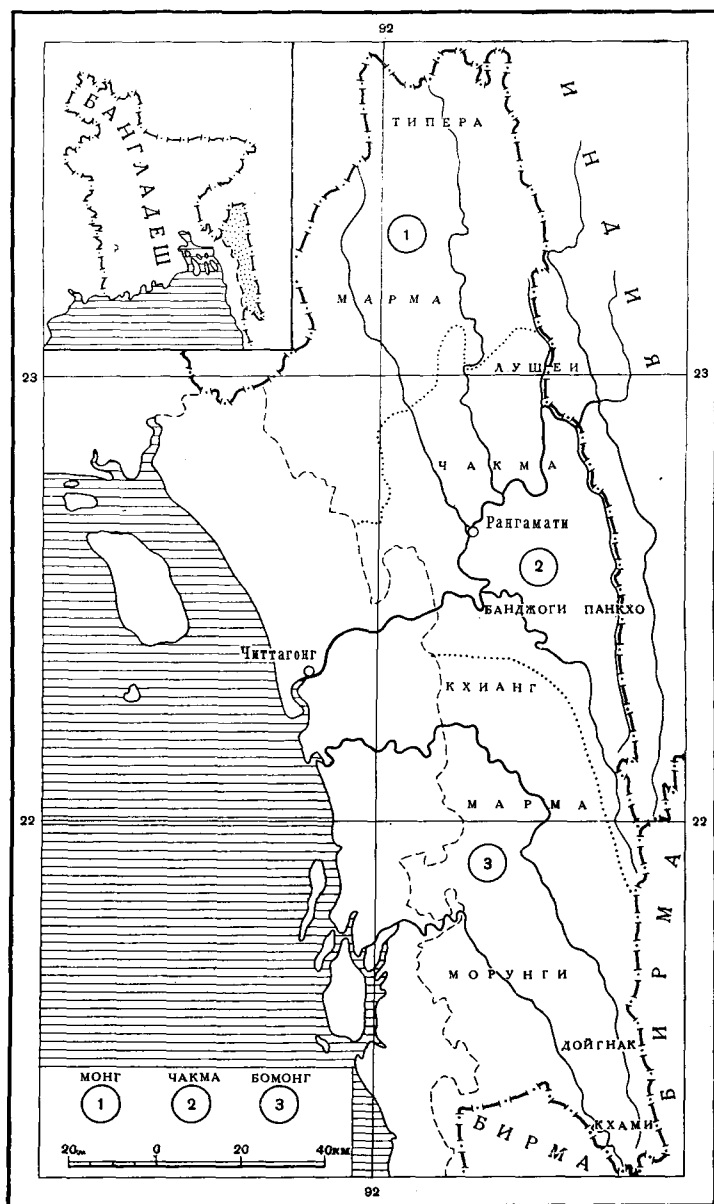
Наиболее крупным народом бирманского происхождения являются чакма, живущие в одноименном районе. Их насчитывалось (по данным переписи 1961 г.) 125 тыс. человек. Второй по численности народ марма (66 тыс.). Марма живут главным образом в Монге и Бомонге, хотя отдельные племена можно встретить и в районе Чакма.

Третий по величине народ — морунги (мронг, мро). По данным переписи 1961 г., их было 16 тыс. человек. Остальные малые народности и племена бирманского происхождения малочисленны.

Чакма почти полностью утратили свой язык и говорят на бенгали или точнее на читтагонгском диалекте этого языка, который сильно отличается от даккского. Распространению языка бенгали и некоторому сближению между бгальцами и чакма способствовали длительные экономические и культурные связи. И здесь, по-видимому, не последнюю роль сыграл географический фактор. Многие деревни и поселки, в том числе и административный центр чакма — Рангамати, в котором живет много бгальцев, расположены по течению многоводной реки Карнафули, в устье которой находится Читтагонг.

Сближение между бгальцами и чакма, вероятно, будет продолжаться и впредь. Этому будет, несомненно, способствовать завершение строительства гидроэнергетического комплекса в Рангамати.

Марма переселились в Бангладеш в основном в последней четверти XVIII в. Их миграция происходила почти одновременно двумя потоками по долинам рек — на севере в Монг и на юге в Бомонг. Это в значительной мере объяснялось тем, что земли, удобные для сельского хозяйства, вдоль Карнафули были уже заняты чакма.

малые народности Народной Республики Бангладеш

Бенгальское влияние на марма значительно меньше, чем на чакма. Марма говорят, читают и пишут на одном из диалектов бирманского языка (араканском).

Основное занятие чакма и марма — подсеčno-огневое земледелие, известное под названием «джум». Основной зерновой культурой является рис. Кроме риса, выращивается кукуруза, из технических культур — хлопок и др. Универсальным сельскохозяйственным орудием является «дао» (нож типа мачете). Лишь в самое последнее время в некоторых деревнях у чакма под влиянием бенгальцев появилось плужное земледелие.

Население, живущее по берегам рек, занимается также рыболовством. Существенным подспорьем в жизни чакма и марма являются охота и сбор плодов. У них развиты различные домашние промыслы, главным

образом плетение корзин, хлопкоткачество и изготовление разнообразных изделий из дерева.

В материальной и духовной культуре чакма и марма мало различий. У тех и других дома каркасно-столбовые, опорные столбы высокие, так что пол значительно приподнят над землей, стены сделаны из бамбука, крыша кроется соломой или сухой травой. Прямоугольный в плане дом обычно состоит из двух-трех помещений, которые снабжены окнами со

Семья марма из Бандарбана

ставнями. В дом со двора ведет лестница или бревно с зарубками. В более обширном помещении принимают гостей, здесь же находится глинобитная площадка открытого очага; в этой комнате хранятся предметы домашнего обихода, вода, припасы и орудия труда, одежда, постельные принадлежности, посуда, музыкальные инструменты, рис, хлопок, рыболовные сети, оружие и т. п. Двор окружен высоким бамбуковым плетнем. Под платформой дома содержатся домашний скот (свиньи и козы) и птица.

Мужчины чакма носят короткие домотканые набедренные повязки белого цвета. В их костюме дао являются и украшения и оружием. Женщины чакма обычно носят длинную голубую хлопчатобумажную юбку типа «саронга» с широкой красной полосой по нижнему краю.

Одежда марма несколько отличается от одежды чакма. Костюм мужчин состоит из «лунги» (несшитая одежда типа укороченного «саронга» или «дхоти») и короткой белой или черной куртки со свободными рукавами, которая завязывается или застегивается пуговицей. Одежду дополняет белый хлопчатобумажный тюрбан, который повязывается особым способом. Головной убор такого типа широко распространен у бир-

манцев. Женщины носят плотно прилегающие цветные хлопчатобумажные юбки («тхани»).

Чакма и марма исповедуют буддизм тхеровадского толка⁶. Несмотря на длительные контакты этих народов с бенгальцами, влияние на них ислама и индуизма почти не прослеживается. У марма в особенности сильны пережитки добуддийских народных верований. Наиболее устойчивы они в родильных, свадебных и похоронных обрядах. Широко рас-

Женщина чакма за ручным ткацким станком

пространена вера в злых духов, которые, по мнению марма, сопровождают всю жизнь человека и оказывают влияние на все стороны его деятельности.

Семейные отношения у чакма и марма носят патриархальный характер. Наследство отца делится поровну между всеми сыновьями. Только в случае отсутствия прямых наследников по мужской линии наследство переходит к женщинам. Но в Бомонге у марма наследование происходит по бирманскому обычаю. Если в семье несколько сыновей, то старший получает половину имущества, следующий по старшинству — четверть, а оставшуюся четверть делят остальные сыновья.

Обычно в литературе чакма и марма называют «кхиоунгтха», что означает «люди реки». Это название, по-видимому, связано с тем, что большинство их действительно живет вдоль многочисленных рек.

Остальные бирманские народности и племена известны под названием «чиунгтха», или «люди гор». Наиболее многочисленны из них морунги. Морунги живут главным образом в небольших деревнях (от десяти до пятнадцати семей в каждой) на склонах гор и в глухих лесных районах центрального Бандарбана.

Деревни морунгов состоят из больших свайных домов, построенных из бамбука и крытых травой. Они живут большой семьей и каждая семейная ячейка имеет свое помещение в большом доме.

⁶ В Бангладеш около 400 тыс. буддистов. Кроме чакма и марма, буддизм исповедует небольшое число бенгальцев. В стране около 500 монастырей и различных священных мест, связанных с культом Будды.

Основное занятие морунгов, как чакма, так и марма,— сельское хозяйство типа «джум». Каждая семья сама производит все необходимое для повседневных нужд. На рынке покупается лишь соль и некоторые другие немногочисленные предметы первой необходимости. При обработке земли и строительстве дома широко развита взаимопомощь.

Вместе с тем уже происходит социальное расслоение, выделяется зажиточная часть населения.

Девушка типера в национальной одежде

Морунги очень неохотно поддерживают связи с окружающим населением и стараются не допускать в свои деревни чужеземцев. По общественной жизни, духовной и материальной культуре морунги значительно отличаются от окружающих их народов бирманского происхождения.

Религиозные воззрения морунгов носят своеобразный характер, но литература о их верованиях крайне скудна. Они почитают Тораи, всемогущего верховного духа, который живет высоко в небесах и контролирует деятельность всех злых духов, приносящих морунгам болезни и несчастья. Для предотвращения несчастья или излечения от болезней морунги приносят верховному духу в жертву убитых животных и птиц. У морунгов нет профессиональных наследственных жрецов. Обычно в каждой деревне есть выборный распорядитель различных церемоний, именуемый «сара»; он руководит свадебными и другими обрядами, а также ритуальной церемонией «сачья ком» (убийство коровы). Ежегодно после уборки урожая корову приносят в жертву Тораи. Этот обряд органически связан с сельскохозяйственным календарем морунгов. Иногда обряд «сачья ком» проводится в связи со стихийными бедствиями — эпидемией или наводнением.

В Горном округе Читтагонга живут другие малочисленные племена бирманского происхождения: дойгнак, сак, кхианг, банджоги, панкхо, ками и др.⁷ Большинство этих племен обитает в труднодоступных горных местах на границе с Бирмой и Ассамом и сильно отстает в своем социально-экономическом развитии. У них еще в большей степени сохранились родо-племенные отношения, анимистические религиозные представления. В их хозяйственной жизни ведущую роль нередко играют собирательство, охота и рыболовство. Но, несомненно, соседство с чакма и марма оказывает на них значительное влияние.

В Горном округе области Читтагонг, на самом севере района Монг, живут типера (или типура), а к востоку от реки Карнафули в районе Чакма — мизо, или лушей.

Типера, близкородственные народу чин Бирманского Союза и мизо, входят в группу народов куки-чин. Типера в Бангладеш около 40 тыс. человек (в Индии их свыше 150 тыс.). Язык типера близок к бирманскому и особенно к языку марма, но в словарный запас вошло много бенгальских слов⁸.

Типера впервые появились на территории современного государства Бангладеш в середине XIX в. Длительные контакты с марма и другими бирманскими народами, а также с бенгальцами оказали, как отмечают многие исследователи, влияние также и на типера в Бангладеш. Это объясняется тем, что многие типера живут чересполосно с бирманскими народами и племенами.

Основное занятие типера, как и их соседей, — подсечно-огневое земледелие «джум». Большое значение в их хозяйстве имеет охота.

Типера живут в больших деревнях, насчитывающих от 500 до 2 тыс. жителей. Деревни расположены в труднодоступных горных районах. Бамбуковые дома строятся на сваях, двускатные крыши обычно делают из соломы. До недавнего времени типера часто переносили деревни в другие места, но сейчас это практикуется редко.

Предметы домашнего обихода и сельскохозяйственные орудия мало отличаются от того инвентаря, которым пользуется окружающее население.

Типера почитают верховное божество, именуемое «путена». В целом типера считают его благожелательным божеством, но, по их мнению, «путена» — всеведущий судья поступков людей и тех, кто этого заслужил, наказывает как в реальном, так и в загробном мире. Таким образом, типера признают загробную жизнь духов умерших. У Путены есть злобная жена — «куачон» и незаконнорожденный сын — «гумойши» (злой дух). Поэтому в целом религиозная практика типера направлена на смягчение ярости «гумойши» и «куачон». Им приносятся жертвоприношения.

Типера также верят в существование покровителя дома, духов лесов, рек и гор, а также духов каждого металла. Интересно отметить некоторое влияние индуизма на их представления. В случае эпидемических заболеваний, особенно холеры, типера жертвуют Шиве полную корзину риса.

Несколько тысяч мизо, живущих в Горном округе, также в основном занимаются сельским хозяйством типа «джум». На них в течение долгого времени воздействовали миссионеры, и в настоящее время большая часть мизо исповедует христианство (баптизм). У них есть молельни,

⁷ Подробно жизнь бирманских племен Бангладеш освещена в работе: L. Bernot, *Les paysans arakanais du Pakistan Oriental*, vol. 1—2, Paris, 1967.

⁸ «Social research in East Pakistan», Dacca, 1960, p. 124—125; Tarakchandra Das, *The Purums, an old Kuki tribe of Manipur*, Calcutta, 1945; см. также рецензию на эту работу Г. Г. Стратановича, опубликованную в журн. «Сов. этнография», 1950, № 1, стр. 232—234.

некоторые из мизо носят европейскую одежду, но в целом мизо сохранили свой традиционный образ жизни, обычаи и обряды.

На языке мизо существует своя литература, выпускаются учебники и словари; при этом используется латинский алфавит. Есть миссионерские школы, в которых преподавание ведется на языке мизо.

В округе Силхет (северные пограничные округа Бангладеш) живет около 50 тыс. кхаси (в Индии их свыше 300 тыс.). В Индии и Бангладеш народность кхаси — единственный представитель мон-кхмерских народов. Основное их занятие — земледелие, подсеčno-огневое и поливное террасное. Сравнительно широко развиты садоводство и ремесла.

Кхаси Бангладеш принадлежат к подразделению синтенга, или джайнтья (от названия гор Джайнтья на территории Индии). Уже в XVI—XVII вв. образовалось довольно крупное феодальное государство кхаси, известное под названием Джайнтья со столицей Джайнтьяпур. Теперь этот городок находится на территории Бангладеш.

Следует отметить, что Джайнтьяпур в течение долгого времени был центром взаимовлияния различных культур, религий и разноэтнического населения. Король Джайнарайн (1708—1731) издал указ о защите ислама и о выделении земельного участка для строительства мечети.

Больше всего кхаси живет в районе Маулви Базара и в самом г. Силхете. Среди них, особенно в городе, много искусных ремесленников. Другая часть кхаси обитает в деревнях вдоль индо-бангладешской границы. Большинство из них исповедует индуизм и претендует на кшатрийское происхождение, а потому носит священный шнурок. По-видимому, происходит постепенное культурное сближение бенгалцев и кхаси. Об этом свидетельствует то, что значительная часть молодежи кхаси получает образование в бенгальских учебных заведениях.

В Силхете, кроме кхаси, живут немногочисленные мейтхей, или манипури. Больше всего их в Маулви Базаре и в самом Силхете. Традиционным и самым распространенным занятием мейтхеев в Бангладеш являются ремесла, особенно много среди них плотников и ювелиров.

По религиозной принадлежности мейтхей — индусы и тоже претендуют на кшатрийское происхождение, но в Маулви Базаре есть также мусульманская община. Мейтхей соблюдают строгую эндогамию, но окружающее бенгальское население, несомненно, оказывает на них культурное влияние и постепенно их бенгализирует.

На северо-востоке в округе Майменсингх вдоль индо-бангладешской границы живут гаро (45 тыс.). В Индии их численность превышает 250 тыс. человек. В отличие от ассамских гаро, которых называют горными, гаро, живущих в Майменсингхе, называют равнинными. Гаро входят в лингвистическую группу бодо ассамо-бирманской ветви китайско-тибетской языковой семьи. В Бангладеш они подразделяются на ряд групп, говорящих на родственных диалектах одного языка, главные из которых абенг, атонг и дуал.

Равнинные гаро подвергались сильному воздействию различных миссионерских организаций и в настоящее время около половины их исповедует христианство, главным образом католицизм. Но значительная часть гаро сохранила свои племенные религии.

Чувство общности с горными гаро Индии у равнинных все еще сильно. Однако последние поддерживают длительные экономические и культурные связи с бенгальцами, которые безусловно оказали влияние на их развитие. Так, например, гаро Бангладеш перенимали у бенгалцев плужное земледелие, одежду («дхоти»), некоторые отказались от свайных построек. В своих религиозных церемониях гаро иногда используют изображения индуистской богини Кали⁹. В настоящее время среди гаро

⁹ «Social research in East Pakistan», p. 150.

все больше распространяется бенгальский язык. Пожалуй, есть основания говорить о постепенной естественной ассимиляции гаро.

Среди деревень гаро разбросаны поселки других немногочисленных в Бангладеш бодоязычных народов — хаджонг, далу, кочх. Хаджонг, наиболее многочисленные из них, после раздела Индии на два государства в большинстве своем переселились в Индию и принимали активное участие в крестьянских выступлениях против землевладельцев.

В четырех северо-западных округах Бангладеш — Раджшахи, Богра, Рангпур и Динаджпур — живут мундаязычные санталы и собственно мунда, а также дравидоязычные ораоны, которые по культурно-бытовым чертам своей жизни очень близки к народам мунда. Их насчитывается около 50 тыс. Появление в Бангладеш мунда, санталов и ораонов связано с развитием там в середине XIX в. плантационного хозяйства (главным образом возделывались индиговые). Английские местные плантаторы использовали их в качестве дешевой рабочей силы. Теперь некоторые бывшие сельскохозяйственные рабочие стали арендаторами и даже владельцами небольших земельных участков. Вне всякого сомнения, мунда, санталы и ораоны, в течение долгого времени жившие совместно, в значительной мере смешались. Все они двуязычны, и довольно быстро ассимилируются окружающим их бенгальским населением.

Плантационные рабочие приняли активное участие в национально-освободительном движении и вносят свой вклад в строительство независимой Народной Республики Бангладеш.

За год независимого развития Народная Республика Бангладеш добилась значительных успехов в восстановлении разрушенного войной хозяйства, получила международное признание. Народ молодой республики полон решимости двигаться по пути прогресса.

Ю. Ю. Сурхаско

ОБ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ КАРЕЛЬСКОЙ СВАДЬБЫ

Карельская свадьба конца XIX — начала XX в. основывалась в целом на самобытной традиционной обрядности. К наиболее характерным ее особенностям относились: ведущая роль колдуна при довольно своеобразном составе свадебных чинов вообще; оригинальные религиозно-магические представления и обряды; унаследованные от родовой общины традиции, проявившиеся в высоком авторитете коллективного мнения членов рода и сравнительной самостоятельности девушки при решении вопроса о браке, а также в некоторых пережитках матрилокальности. Очень своеобразна была и богатая обрядовая поэзия, отличавшаяся особой архаичностью (причитания, заклинания, свадебные песни рунного размера).

Основные обряды свадебного ритуала, как и основные компоненты этих обрядов, были у всего карельского населения одни и те же, тем не менее единого для всех карел канонического ритуала не существовало.

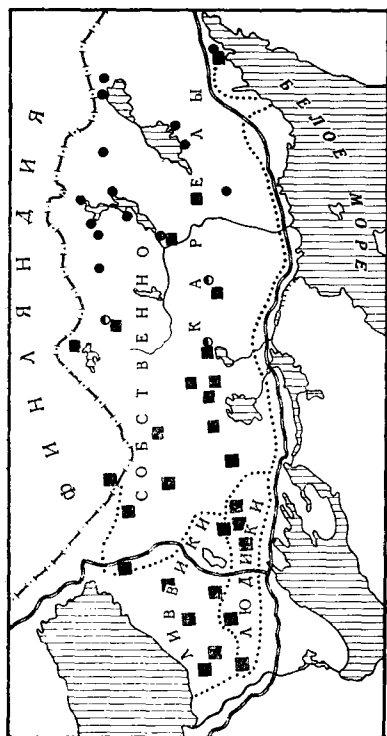
При сопоставлении соседних локальных вариантов свадебной обрядности существенные различия обычно не обнаруживаются, однако между более отдаленными местностями различия в свадебной обрядности оказываются уже довольно значительными. Больше всего различаются свадебные ритуалы северных (районы Калевальский и Лоухский) и южных (районы Олонецкий, Пряжинский, Кондопожский) карел, хотя их обрядовая основа была общей.

Группируя наиболее близкие между собой локальные варианты, можно выделить несколько основных типов карельской свадьбы конца XIX — начала XX в.

Варианты Калевальского и Лоухского районов можно взять за основу севернокарельского типа. Для него характерен особый архаизм многих элементов обрядности. Это прежде всего институт «патьяшки» — колдуна и руководителя свадьбы. Патьяшка, являясь главным представителем стороны жениха, обычно принимал участие уже в сватовстве. В его обязанности входило, наряду с общим руководством свадебным действием, также и предохранение вступающих в брак от козней со стороны злых духов и недоброжелателей. Поэтому патьяшкой мог быть человек, обладавший, по мнению карел, особыми колдовскими познаниями и соответствующими религиозно-магическими атрибутами. Он должен был знать не только магические приемы и обряды, но также и заклинания, представляющие собой нередко целые руны. Из архаических атрибутов патьяшки следует назвать в первую очередь ольховый магический жезл, когда-то, по-видимому, имевший связь с культом предков.

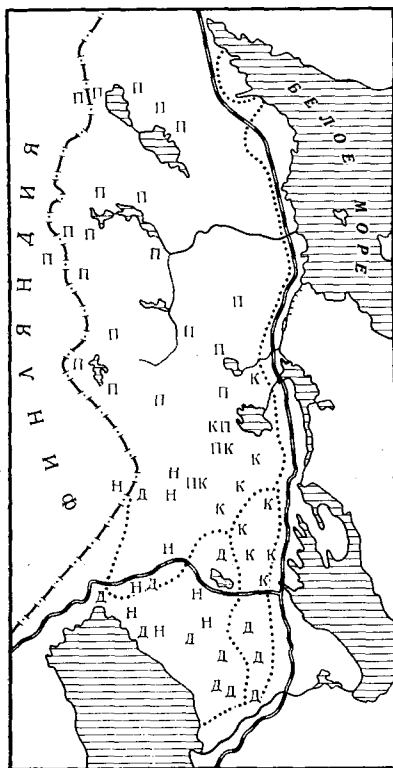
Устойчивое наследие архаичных форм заключения брака можно, вероятно, видеть в обычае выходить замуж способом «на кончике платка» — «пайкан кокасса». Этот способ заключался в том, что парень сватался непосредственно к девушке, публично протягивая ей свой носовой (или шейный) платок. Это давало девушке право выбирать жениха вопреки воле родителей и родных.

Наиболее характерной особенностью севернокарельской свадьбы является «пеянпанента», т. е. обычай переплетать невесте волосы в две

● - 1 ○ - 2 ■ - 3

Рис. 1. Ареалы севернокарельского и южнокарельского обрядов «пеянпанента» (перемена прически и надевание головного убора замужней женщины): 1 — окручение невесты у нее дома (севернокарельский обряд); 2 — частичное исполнение того же обряда; 3 — окручение в доме жениха или в церкви

П-1 К-2 Н-3 Д-4

Рис. 2. Бытование института «патьяшки» и терминов «клетникка», «найтинмиес», «дружка»: 1 — патявашка — руководитель свадьбы и колдун; 2 — клетникка — клетник; 3 — найтинмиес — колдун и сват; 4 — дружка в значении руководителя свадьбы (у людиков), а также общее название поезжан-мужчин (у ливвиков и у карел северного Приладожья)

косы и надевать на нее головной убор замужней женщины непременно во время выводного стола. У других этнографических групп карел в конце XIX — начале XX в. аналогичный обряд перемены прически и головного убора совершался лишь после венчания и уже не в доме невесты, а в церковной сторожке либо, чаще, в доме жениха, в чем, несомненно, сказывается влияние свадебных обычаев соседних народов и, главным образом, русских. Важной особенностью севернокарельского типа являлось также исполнение традиционных свадебных песен-рун (тексты песен были использованы Э. Леннрстом в «Калевале»). Отметим и такую особенность, как демонстративный, показательный характер сватовства.

Другой основной тип свадьбы, южнокарельский, объединяет локальные варианты южных районов Карелии, несмотря на их значительное разнообразие. От севернокарельского он отличается прежде всего большим сходством с русской свадьбой бывшей Олонецкой губернии. Так, у южных карел состав свадебных чинов пополнился «дружками» (ливв. *drušku*, люд. *drušk*), «шаферами» (люд. *šafer*) и т. п. чинами, лишившими колдуну его ведущей роли¹.

Ярче всего русское влияние обнаруживается в южнокарельской свадебной поэзии. Даже в таком традиционном жанре, как причитания, имеются мотивы, заимствованные из севернорусских свадебных причитаний (например, рассказ невесты о сне); более того, у людиков вообще широко бытовали причитания на русском языке. Что касается свадебных песен, то у южных карел традиционные песни были по существу вытеснены русскими игровыми и свадебными песнями, что давало повод некоторым наблюдателям говорить вообще об отсутствии у карел свадебных песен². Тем не менее в указанный период у южных карел наряду с русскими песнями (слова которых, кстати сказать, были далеко не всегда понятны даже самим исполнителям) на свадьбах пелись лирические песни на карельском языке. Кроме того, у ливвиков продолжали исполняться, хотя и не полностью, некоторые традиционные песни — руны, но, как правило, в качестве заклинаний при «отпуске» свадьбы (например, «Песня о сватовстве кузнеца Илмойллинена»)³.

Влияние русской свадьбы сказывалось и в вытеснении карельских терминов русскими: помимо уже упомянутых «дружек» и т. п. широко употреблялись «невеста» (*nevesta*), «княгин» (люд. *kn'agin*), «женихха» (ливв. *ženihhy*, люд. *ženihh*), «свахха» (люд. *svahh*, *svahha*), «поежанат» (*poježanat*), «брюдгад» (люд. *brydgdag*) и др.; даже сама свадьба называлась не карельско-финским словом «*heäť*», а русским «свадьба» (ливв. *svuad'bu*, люд. *svoad'b* и т. п.).

Как в севернорусской, так и в южнокарельской свадьбе важное место занимало церковное освящение брака, тогда как у северных карел церковному обряду придавалось гораздо меньшее значение (например, венчание могло совершаться спустя долгое время после свадьбы). Южным карелам был свойствен прочно установившийся патриархальный уклад семьи, выражавшийся в большем, чем у северных карел, авторитете отца, в более подчиненном положении женщины, что соответствующим образом отражалось и в свадебной обрядности. Особенностью южнокарельской свадьбы можно, кроме того, считать сравнительно высокий удельный вес обрядовых действий, посвященных экономической стороне брака: в отличие от северных карел у южных (как и у соседнего русского населения) было принято торговаться относительно приданого и даров со стороны невесты и приноса («деньги за голову» или «на вино») со стороны жениха, а также совершать осмотр хозяйства последнего.

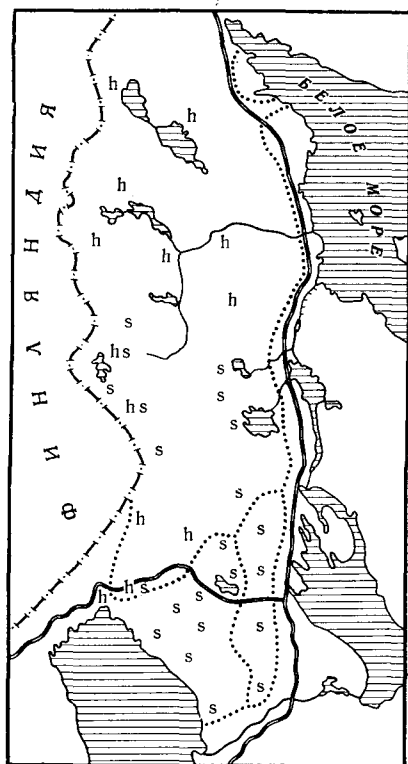
Определить географическую границу между зонами распространения севернокарельского и южнокарельского типов свадьбы довольно трудно. Тем более, что по мере приближения к нашему времени эта граница постепенно смещалась к северу и западу, что наглядно отражало ход эволюции карельской свадьбы. Кроме того, район бытования одного определяющего данный тип признака сплошь и рядом не совпадал с границами бытования остальных признаков этого же типа. Так, севернокарельский обряд «пеянпанента» («окручение невесты») был в полном

¹ Сокращенные обозначения «ливв.» и «люд.» даны здесь вместо названий двух этнолингвистических групп ливвиков и людиков.

² Н. Ф. Лесков, *Карельская свадьба, «Живая старина», 1894, IV, вып. 3—4, стр. 507.*

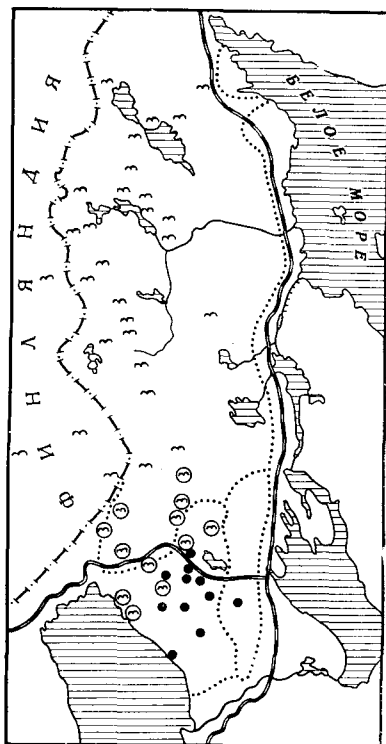
³ Н. Лесков, *Отчет о поездке к Олонецким карелам летом 1893 г., «Живая старина», 1894, вып. 1, стр. 22, 23. Текст песни см.: «Живая старина», 1893, вып. 4, отд. II, стр. 547—553. Ср.: «Карельские эпические песни», М.—Л., стр. 19, 329—333, 351—356.*

виде зафиксирован в конце XIX — начале XX в. лишь у карел нынешних Калевальского и Лоухского районов (см., напр., рис. 1). Другие признаки северноткарьского типа были распространены гораздо шире. В частности, патьвашка с его ольховым жезлом был главным действующим лицом свадьбы даже у сегозерских и ребольских карел (см. рис. 2), а традиционные свадебные песни-руны исполнялись (по крайней мере, некоторые) еще южнее — вплоть до северного Приладожья (см. рис. 4).

h- 1 s- 2

Рис. 3. Бытование карельско-финского («хият») и заимствованного русского названий свадьбы: 1 — хият, хейт и т. п.; 2 — сводьбо, свуадибо и т. п.

1- 2 3

Рис. 4. Бытование традиционных свадебных песен «Летел орел с северо-востока» и «Сватовство кузнеца Илмойллинена»: 1 — «Летел орел» исполнялась в качестве свадебной песни; 2 — фрагмент песни известен в качестве заклинания; 3 — «Сватовство кузнеца Илмойллинена»

С другой стороны, влияние севернорусской свадьбы усиливалось не только среди южных, но и среди северных карел. Еще в 1880 г. Ювелиус писал, что традиционные свадебные обряды «начинают уже во многих местах исчезать, уступая место более новым русским обычаям», и что «вместо калевальских свадебных песен поются русские песни»⁴. В этом отношении интересен юшкозерский вариант как наиболее близкий (в районе Калевалы) к севернорусской свадьбе, что отмечал в 1920 г. Г. Х. Богданов⁵. Характерно, что здесь же, в Юшкозере, нами было зафиксировано

⁴ J. W. Juvelius, Muistoia Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta (Ylipainos Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikauskirjasta X), Helsingissä 1889, s. 23.

⁵ Г. Х. Богданов, Свадьба Ухтинской Карелии, в кн.: «Западнофинский сборник», «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран», 16, Л., 1930, стр. 55.

существование исключительного для калевальских карел обычая: в тех случаях, когда венчание проходило в день свадьбы, обряд «пеянпанента» мог совершаться не в доме невесты, а после венчания, как в русской и южнокарельской свадьбе.

Локальные варианты средней, а отчасти и северной Карелии в конце XIX — начале XX в. являлись носителями многих признаков обоих основных типов. Это обстоятельство позволяет нам выделить указанные варианты в особый, как бы смешанный среднекарельский тип, основу которого составляют свадебные ритуалы сегозерских и ребольских карел.

Среднекарельский тип можно с полным основанием считать переходным от архаического севернокарельского типа к южнокарельскому, так как, продолжая сохранять ряд главных признаков первого (патьяшка, песни-руны и др.), он в то же время по другим признакам обнаруживает тенденцию к слиянию со вторым.

Нет необходимости говорить о том, насколько трудно определить границы зоны среднекарельского типа, как бы разделявшей зоны распространения севернокарельского и южнокарельского типов. Небезынтересно отметить, что эта полоса разделяла также соответствующие типологические зоны, выделенные Р. Ф. Таровой для материальной культуры карел и приблизительно совпадающие с основными этнолингвистическими областями.

Наличие разнообразных локальных вариантов свадебного ритуала известно у многих народов. Некоторые исследователи видели в этом явлении результаты фрагментации первоначального праритуала. Например, М. Е. Евсеев считал, что особенности в вариантах «взаимно дополняют и поясняют друг друга и дают, таким образом, возможность к восстановлению полной картины былой мордовской свадьбы»⁶.

Карельский же материал показывает, что эволюция свадебного обряда, в частности, у карел, явилась отражением исторических условий существования народа. В частности, как нам представляется, существование двух таких довольно сильно различающихся между собой типов карельской свадьбы, как севернокарельский и южнокарельский, объясняется, главным образом, различиями в конкретных исторических условиях формирования и развития соответствующих этнографических групп карел КАССР.

Как известно, в различных районах Карелии процессы этнического, культурного и социального развития карельской народности как по своему содержанию, так и по степени интенсивности были в прошлом неодинаковы. Этим и было обусловлено возникновение нескольких этнографических групп, различающихся и поныне не только своими культурными особенностями, но и по языку. Население южных районов Карелии, начиная с XVIII столетия, оказалось сильнее втянутым в сферу феодально-капиталистической деятельности Русского государства, чем население северных районов. Это способствовало более ускоренному развитию у южных карел товарно-денежных отношений, разрушению семейно-родового и общинного укладов, укреплению патриархальных принципов в семье, тогда как северные карелы вплоть до нашего века продолжали вследствие чрезвычайно низкого уровня производительных сил жить по существу натуральным хозяйством и сохранять в своем производственном и семейном быту, как отмечал О. В. Куусинен, «сильные пережитки родовой общины»⁷.

Кроме того, большая часть северных карел длительное время имела лишь сравнительно слабые контакты с великорусами, саамами и финнами. Южнокарельское население развивалось в условиях самых тесных

⁶ М. Е. Евсеев, Избр. труды, т. V, Саранск, 1966, стр. 9.

⁷ О. В. Куусинен, Калевала — эпос карело-финского народа, в кн.: «Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания „Калевалы“», Петрозаводск, 1950, стр. 11.

взаимоотношений с соседними народами — вепсами, великорусами и частично с финнами, в результате чего образовались даже особые этнолингвистические группы карел — ливвики и людики; часть карел совершенно обрусела (например, в Прионежье), а карельское население восточной Финляндии, оторванное от основной массы своего народа, постепенно ассимилировалось финнами.

Столь существенные различия в этнической и культурной истории отдельных этнографических групп карел, естественно, не могли не наложить определенный отпечаток на свадебную обрядность. Таким образом, типология последней носит историко-этнический характер.

В разработке историко-этнической типологии свадебного комплекса большую роль играет картографирование имеющегося материала. Однако картографирование типов карельской свадьбы усложнено тем, что планомерное собирание сведений о свадебной обрядности у карел, дающее сопоставимый материал, было начато лишь сравнительно недавно. Что же касается эмпирического материала, то использовать его не всегда возможно из-за разнородности содержащихся в нем сведений.

Несмотря на кажущееся обилие материала, он очень неравномерно покрывает территорию, населенную карелами. Особенно слабо представлены в нем средняя полоса и периферийные районы Карелии. Предпринятая в последнее время финскими исследователями попытка картографировать отдельные элементы карельской свадьбы также показала явную нехватку фактических данных. Например, многие карты, выполненные М. Сармела⁸, дают суммарное, обобщенное до общекарельских масштабов представление об особенностях карельской свадьбы, без фиксации локальных явлений. Продемонстрированные в настоящей статье карты являются первым опытом картографирования карельской свадебной обрядности по элементам, которые в своей совокупности дают основание для типологической характеристики локальных разновидностей карельского свадебного обряда. Для настоящей публикации нами намеренно выбраны разнородные по своему характеру элементы — «пеянпалланта», наличие «патьяшки» или других свадебных чинов с близкими функциями, бытование терминов «хият», «свадьба» и традиционных свадебных песен. Дальнейшая работа по картографированию типов карельской свадьбы конца XIX — начала XX в. требует дополнительного сбора сведений путем систематического обследования всей территории Карелии.

Особое внимание при этом следует уделить локализации характерных для каждого типа свадьбы обрядовых элементов, потому что границы бытования последних часто оказываются значительно шире зоны распространения самого типа, как это видно, в частности, по демонстрируемым здесь картам. Такое явление можно, видимо, рассматривать в одних случаях как свидетельство более широкого бытования соответствующего типа в прошлом (например, распространение института патьяшки за пределами севернокарельского типа), в других — как свидетельство интенсивного взаимодействия с соседними типами. В этом отношении особый интерес представляют факты существования сходных с карельскими (или даже тождественных с ними) обрядовых элементов в свадебных ритуалах соседних народов, поэтому их выявление, типологизация и картографирование сильно облегчили бы задачу изучения карельской свадьбы в сравнительно-историческом плане.

⁸ M. Sarmela, Reciprocity systems of the rural society in the Finnish — Karelian culture area. With special reference to social intercourse of the youth, «Folklore Fellows Communications», vol. 88, № 207, Helsinki, 1969.

Н. Х. Авакян

**СПОСОБЫ ОРНАМЕНТАЦИИ
ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ АРМЯН
В XIX—XX ВЕКАХ**

(В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ
КАВКАЗСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА)

История армянского костюма давно привлекала внимание ученых. Наиболее интересные исследования в этой области проводились главным образом В. Ацун и А. Патриком¹. Способы украшения национального костюма армян сравнительно мало изучены, их классификация недостаточно разработана. Поэтому, с нашей точки зрения, целесообразно дать хотя бы краткий обзор имеющегося в нашем распоряжении материала.

В данной статье рассматриваются украшения армянской одежды, характерные не только для Армянской ССР, но и для всех районов расселения армян: Грузии (Ахалкалаки, Ахалцихе), Азербайджана, Ирана, Турции (Киликия), Сирии (Алеппо) и др.²

Мы рассматриваем здесь следующие типы украшения одежды: 1) узорная ткань, 2) вышивка, 3) нашивки из цветных полосок материи, тесьмы, кружев, меха, 4) складки, 5) строчка, 6) сборки, 7) кружева.

Одежду шили из шерстяных, хлопчатобумажных, шелковых, узорчатых тканей. Наиболее распространенными узорами были клетка, прямые, зигзагообразные, волнистые линии, стилизованные растения: деревья, ветки, цветы, плоды.

Клетчатые узоры восходят еще к урартскому периоду³.

В XVIII—XIX вв. клетчатый материал для шитья женской и мужской одежды был распространен в районах Акна, Харберда⁴ (с. Барджанч), Себастии, Сведии и в других местах. Шерстяные материи в клетку характерны также для с. Шаали Лорийского района Армении.

Изучение народного костюма показывает, что армяне чаще всего употребляли полосатые и одноцветные ткани. Материалы в полоску производились в Сгерте, Айнтапе, Арабкире, Алеппо⁵ и в других городах и селах.

Широкое распространение получили ткани с набивными узорами. В Сасуне вырабатывалось полотно, носившее (по технике выполнения

¹ В. Ацун, История армянского костюма, Венеция, 1923 (на арм. яз.); А. Патрик, Армянская одежда с древнейших времен до наших дней, Ереван, 1967 (на арм. яз.).

² О расселении армян см.: «Народы Кавказа», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1962, стр. 438—442; см. также: Д. С. Вардумян, Характеристика основных этнографических районов в Армении в XIX веке, доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 1, 2.

³ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство (Урарту), М., 1959, стр. 182—183; В. Ацун и, Указ. раб., стр. 32.

⁴ Б. Н. Аракелян, Города и ремесла в Армении в IX—XIII вв., Ереван, 1958, стр. 267—282 (на арм. яз.).

⁵ Е. Лалаян, Муш-Тарон, «Азгагракан андес», кн. 26, Тифлис, 1916, стр. 150 (на арм. яз.).

орнамента) название «моми», т. е. восковое. На ткань особым гребнем наносили восковые брызги в виде круглых и продолговатых пятнышек, после чего красили ее в синий или красный цвета⁶. Этот материал употребляли на женские верхние рубахи и головные платки.

В конце XIX в. шелкоткачество было распространено в Харберде, Мезире, в Ахалцихе, Ачне⁷ и в других городах и селах Армении. Шерстяные одноцветные и полосатые с ромбовидными узорами ткани производились в селе Тах⁸. Шерстяные материи ткали и в центре Васпураканского уезда в г. Ване и в окрестных селах. Из них шили шаровары (см. рис. 1), а также мужские куртки. Шерсть из Ахалцихе шла на шаровары, *чуху*, женские фартуки⁹. В Битлисе, Кесарии, Харберде (Турция) вырабатывались полосатые ткани с растительными узорами. Они применялись для верхней одежды *антари* и *зпун*.

Рис. 1. Мужской костюм, конец XIX в., г. Багеш

В Токате имелось 120 мастерских (по 10 ткачей в каждой), где производились головные платки с набивными растительными узорами¹⁰. До середины XIX в. платки из Токата считались лучшими в Армении, а с 1870-х годов этот вид народного творчества был более развит у армян Кесарии¹¹.

В Ване особым ремеслом считалась набивка платков (*язма*). Пожилые женщины повязывали их поверх шапочки, в районе Барцр Айк обертывали ими одну часть головного убора *вард (оя)*, предназначенного для будничного употребления. Праздничный *вард* обтягивали бархатом.

Ткань с набивным растительным узором получила популярность в Харберде¹². Из шелкового материала с растительными узорами или в полоску в уезде Карин шили верхнюю одежду *хрха* для невесты. Однако в большинстве случаев для *хрха* употребляли гладкий шелковый материал.

Хлопчатобумажная ткань из Харберда (так называемый ассирийский красный ситец) окрашивалась в красный и синий цвета. На этом фоне изображались цветы, птицы. Харбердские мастера применяли рас-

⁶ Е. Карапетян, Сасун, Ереван, 1962, стр. 99 (на арм. яз.); В. Петоян, Этнография Сасуна, Ереван, 1965, стр. 212 (на арм. яз.).

⁷ Х. Линч, Армения, т. I, Тифлис, 1910, стр. 90; Е. П. Погосян, Общая история Ачна, Лос-Анжелос, 1942, стр. 171.

⁸ Е. Лалаян, Кустарная промышленность в Васпуракане, «Азгагракан андес», кн. 25, стр. 191 (на арм. яз.).

⁹ См.: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее СМОМПК), вып. XI, 1891, стр. 134.

¹⁰ Г. Срвандзтянц, Торос ахпар, ч. I, Константинополь, 1879, стр. 85; см. также: «Аракс», 1885; Аршак Алпояджян, История армян Евдокии, Каир, 1952, стр. 1278 (на арм. яз.).

¹¹ Аршак Алпояджян, История армян Кесарии, т. II, Каир, 1937, стр. 1497 (на арм. яз.).

¹² Ваге Айк, Харберд и его золотое поле, Нью-Йорк, 1959, стр. 677 (на арм. яз.).

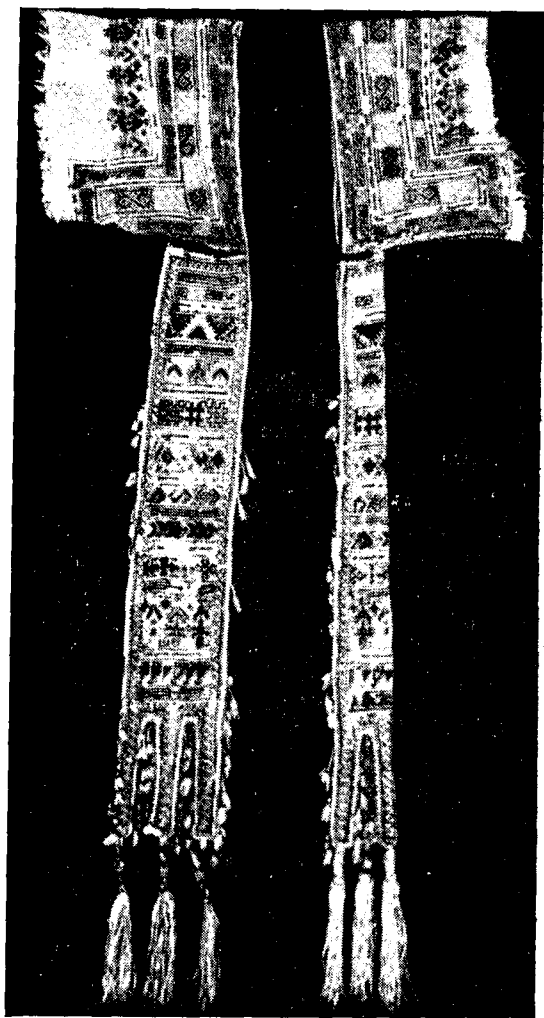

Рис. 2. «Тезаник-джалапк», XIX в., Хизан
(Гос. ист. музей Армении)

хлопчатобумажными, шерстяными, золотыми, серебряными нитками, бусами, блестками. Даже на детских платьицах XIII в., обнаруженных при археологических раскопках в г. Ани¹⁶, сохранились вышивки.

Вышивкой украшали мужские рубашки туникообразного покроя с висячими рукавами (тезаник-джалапками) (см. рис. 2), шаровары, куртки (в уездах Баспуракана, Муша, Сасуна), женские передники (мезар) (в Васпуракане, Алашкерте, Себастии, Муше, Сасуне, Битли-

тительные красители. Так, в красный цвет красили «тороном»¹³. Харберд был известен также производством полотна.

По данным письменных источников и музейных материалов, в селе Хох Харбердского уезда ткань на платье невесты и ткани для девушки украшались растительными узорами¹⁴.

В конце XIX в. в г. Мезире Харбердского уезда производилась одноцветная и узорная шелковая ткань. Она не только удовлетворяла нужды всего уезда, но и вывозилась на продажу в Турцию, Россию, а также в страны Европы и даже в другие части света¹⁵.

Шелковые ткани с растительными узорами вырабатывались в селах Агулис и Цыгна уезда Гохти, а также в Гаджи-Габибли (Сведин) и в иных местах.

Расцветки и узоры тканей, изготовлявшихся в разных уголках Армении, определяются художественным вкусом народа, а также климатом данного уголка Армении.

Давней и чрезвычайно популярной традицией армянского народа является украшение одежды вышивкой. Вышивали шелковыми,

¹³ Торон — растение, применявшееся для окраски шерсти. Собирали его осенью. Любопытно, что торон весной имел желтый цвет, летом оранжевый, а осенью красный.

¹⁴ Государственный исторический музей Армении (далее ГИМА), Этнографический фонд, № 842, 8179.

¹⁵ Манук Г. Д ж е з м е ч я н, Харберд и его сыны, Фрезно, 1955, стр. 92 (на арм. яз.).

¹⁶ ГИМА, Археологический фонд, № 1140; края рукавов детской одежды вышиты золотыми нитями. Платья обнаружены при раскопках г. Ани академиком Н. Я. Марром в 1908 г. Об этой см.: И. А. Орбелли, Каталог Анийского музея, СПб., 1910, стр. 35 (на русск. яз.).

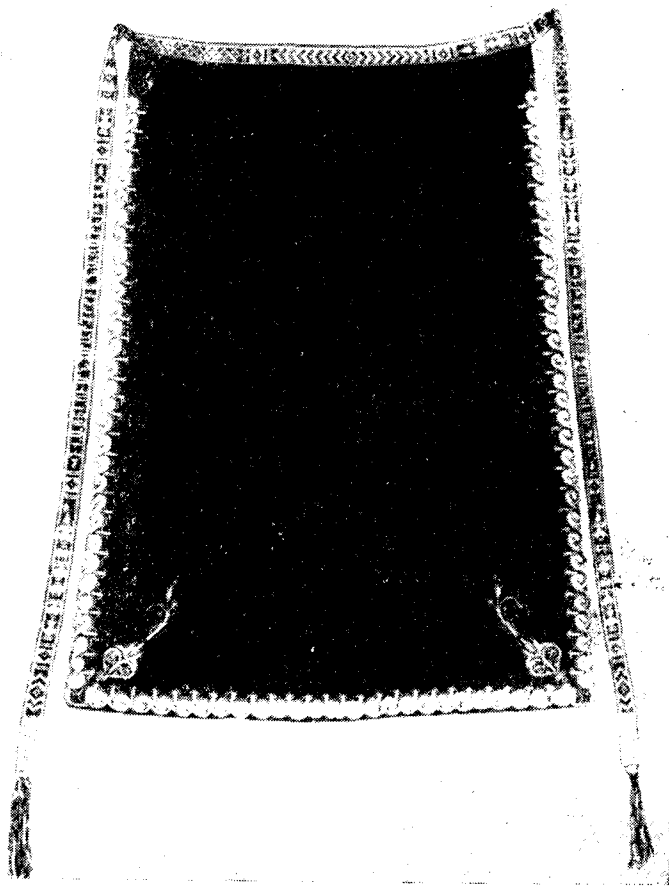

Рис. 3. Передник с поясом, конец XIX в., г. Ленинанкан (Гос. ист. музей Армении)

се), мужские шапки (*гдак*) в Сасуне, (*арахчин*) в Муше, Гнунике (с. Тимар) и в других местностях, нагрудники и другие части костюма.

Основными мотивами вышивки были геометрические фигуры: ромб, крест, четырехугольник, кружок: их воспринимали как символы земли, воды, воздуха, солнца¹⁷. На передниках (*мезарах*) в широких и узких полосках или в четырехугольных рамках геометрические узоры чередовались со стилизованными изображениями животных и птиц, которые символизировали плодородие.

До настоящего времени распространен также узор наподобие ломаной или волнистой линии с острыми или закругленными головками, а также узор в виде последовательно расположенных углов (*озорук*).

На женских головных платках *чамбар* вышивали ромбы, узоры в виде последовательно вписанных углов, узоры с изображением животных и т. д. Вышивали различными швами: гладью, набором, крестом, аппликацией, мережкой¹⁸.

Получило распространение вышивание стилизованных и линейных узоров толстыми или тонкими золотыми нитками. Крученая золотая

¹⁷ А. Мнацаканян, Армянское орнаментальное искусство, Ереван, 1955, стр. 165 (на арм. яз.).

¹⁸ С. С. Давтян, Пособие по армянской вышивке, Ереван, 1956 (на арм. яз.).

нитка складывалась в виде желаемого узора и прикреплялась к одежде другими нитками¹⁹. Этим способом расшивались мужские жилетки (*бачкон*) в Арабкире, в Рштунике и в других уездах, женские куртки (*салта*, *фермени*), шаровары, верхняя одежда (*антари*)²⁰.

Тесьма накладывалась на края одежды в один, два и три ряда, плотно прилегающих друг к другу. Она держала края одежды в натянутом состоянии и подчеркивала ширину подола. Золотую нитку нередко сочетали с тесьмой. В Каринском уезде и будничные и праздничные платья (*джуппа*), передники (см. рис. 3) и нагрудники украшали вышивкой только золотыми нитками и плетеной из золотых ниток тесьмой²¹. Распространена была также аппликация узкой золототканой лентой, которая прикреплялась «набором» или «кардоном». В уездах Арцке и Битлис так украшались волнистыми или прямолинейными узорами, а иногда большими концентрическими кругами мужские и женские куртки. В Арцке такие узоры из концентрических кругов создавались золототканой лентой.

В Барцр Айке передник (*гогноц*), в Арабкирском и Адабазарском уездах — платья, а в Ново-Нахичеванском уезде — женские головные платки вышивались растительными и другими стилизованными узорами выпуклой гладью золотыми или шелковыми нитками. В Каринском районе народный костюм украшался в основном растительными узорами.

Армянки в Трапезунде вышивают золотыми, серебряными нитками и латунными блестками женские куртки (*фермени*), верхнюю одежду (*антари*), шаровары, в Арабкире — платья. В Трапезунде, Кесарии, Себастии, Карине вышивка производится в основном золототканой тесьмой. В отдельных случаях на края одежды нашивалась тесьма, плетеная из желтых и красных хлопчатобумажных ниток. Известным мастером плетения тесьмы в г. Ахалцихе в начале XX в. был армянский мастер Мигран Фолосян.

Отделка тесьмой, плетеной из шелковых и золотых ниток, и полоской из хлопчатобумажной или шерстяной ткани — это самое распространенное украшение армянского национального костюма. В Ахалкалаки, Ахалцихе армяне обшивали тесьмой пуговицы, края разреза рукавов женской куртки (*салта*), джуппу и шарикообразные пуговицы на груди. В г. Токате на маленькой улице Гезезноц находилось несколько магазинов-мастерских, специально изготовлявших и продававших тесьму. Ее обычно плели с помощью особых палочек (*галхик*) старушки, сидя на бурдюке, набитом соломой.

В районе Балу для плетения тесьмы использовался деревянный инструмент²².

В Карине и Гохтне края одежды украшались плетеной из золотых ниток тесьмой, которую называли *галун*. В Гохтне такая тесьма нашивалась на края рукавов и разрез на груди женской красной рубахи. В Васпуракане мужскую верхнюю теплую одежду (*аба*), сшитую из грубой материи, тканной из козьей шерсти (*чур*), украшали широким галуном²³. В уездах Сасун, Мокс, Муш одежда этого типа не отделывалась.

Один из видов отделки армянских национальных костюмов — нашивание полосок из цветной материи по краям отдельных частей костюма (см. рис. 4). Таким образом украшалась женская одежда в Арцахе, Зангезуре, Гохтне. Так обшивали края разреза на груди у рубахи, сшитой

¹⁹ ГИМА, Этнографический фонд, № 947 — жилет (Амасия), № 952 — куртка (Себастиа), № 965 — жилет (Карин), № 8049/6 — куртка (Трапезунд), № 8067/25 — жилет (Арабкир) и др.

²⁰ ГИМА, Этнографический фонд, № 920, 955, 866, 2073, 2074, 2077, 8049/6.

²¹ СМОМПК, вып. XI, Тифлис, 1891, стр. 211.

²² Аршак Алпояджян, История армян Евдокии, стр. 1347.

²³ Е. Лалаян, Васпуракан, «Азгагракан андес», кн. XX, Тифлис, 1910, стр. 134 (на арм. яз.).

из черной шелковой или хлопчатобумажной ткани. В этих же районах на левой и правой поле верхней одежды (*архалуха*) по подолу и на боковых разрезах нашивали красную кайму (*кеба*) из шелка или хлопчатобумажной ткани. В Карине по подолу *джуппы* прокладывали полосу из синего сукна. Эта узкая кайма украшала подол и поддерживала его в натянутом состоянии.

Различные части армянского национального костюма нередко украшались разноцветными бусами, прикрепленными к одежде крючком или иглой. В Васпуракане к женскому переднику (*мезар*) пришивали белые бусы. Шапку в этом же уезде полностью покрывали вышивкой разноцветными бусами. Преобладали растительные узоры. Бусами голубого цвета украшали женскую шапочку в селах Алюр и Карчкан, а также женский головной платок (*чамбар*) в Муше, Арчке, Арчеше, Богнисе, Карчкане, женские пояса и тезаники мужской рубашки в Васпуракане, Муше, Сасуне и других местностях. Бусы пришивали к кистям красных и черных головных платков, которые в сложенном виде обматывались вокруг женских шапочек в виде фесок. Иногда встречается вышивка народного костюма жемчугом. Так, в Карине женский головной убор дополняют пять свисающих нитей, на каждой из которых укреплялось по жемчужине. Каждая нить оканчивалась золотой монетой. В Карине жемчуг пришивался к верхней части женского бархатного налобника (*чактноц*). Нередко жемчужина как бы завершала вышивку из золотых листьев, веток, цветов или же из ромбов. Женский бархатный пояс в с. Чалтырь Ново-Нахичеванского уезда целиком расшивали жемчугом и цветочными узорами.

Армянские национальные костюмы украшались также полосками из лисьего меха, в особенности женская верхняя теплая одежда (*курк*) в Арцахе, Зангезуре, Гохтне, Ереване, Кесарии и Тифлисской армянской общине. *Курк* шили обыкновенно из синего или бордового бархата. Лисий мех пришивали к краям шубы, подкладывая под него шелк так, чтобы получилась кайма шириной приблизительно в 1 см. В Себастии подкладка женского полушубка делалась из меха, который выступал по краям широкой каймой. Полоской из лисьего меха отделялась женская куртка (*салта*) в Амасии. Кроме того, куртка этого типа расшивалась золототкаными нитками и золотоплетеной тесьмой (*трес*).

Большое распространение имели кружева. Их прикрепляли к одежде, накладывая сверху или пришивая к краю. Одну из частей женского головного убора (*вард, ояа, тантана*) украшали нежными кружевами с цветочными узорами. Кружева для *варда* плелись из шелковых цветных нитей. Чтобы лепестки цветов выглядели более выпуклыми, по краям продевали конский волос или тонкую металлическую проволоку²⁴. Ха-

Рис. 4. Женский костюм, начало XX в., г. Трапезунд

²⁴ С. С. Давтян, Армянские кружева, Ереван, 1966, стр. 22 (на арм. яз.).

Рис. 5. Женский костюм, начало XX в., Шатах (Васпуракан)

ракетные узоры на армянских кружевах: фиалки, нарциссы, гвоздики, лилии. Нередко на кружевах изображались петухи. Кружева, прикреплявшиеся к *варду*, обычно нашивались на зеленую ленту.

Кружевами с вплетенными в них бусами украшались края женских головных платков (*язма*) в Карсе, Карине (Эрзеруме), Ахалкалаки, Свении²⁵.

Одна из частей женского головного убора — налобник (*воскешар*) в Зангезуре, Арцахе, Карине украшалась серебряными монетами, нашитыми в ряд. В Гохтне к краям высокого налобника, который расшивался растительными орнаментами и изображением птиц, подвешивалось украшение из серебряных плоских пластинок, инкрустированных красными и зелеными драгоценными камнями. Каждая пластинка заканчивалась маленьким серебряным шарикообразным или яйцевидным полым украшением²⁶.

Для женского головного убора Зангезура, Мегри, Карабаха, Гохтна характерно особое украшение, состоящее из серебряных прямоугольников, соединенных цепочками со свободно высящими у краев полыми шариками.

Два таких одинаковых украшения с помощью специальных крючков при-

креплялись к головному платку возле висков и свисали вдоль щек; миндалевидные концы этого украшения перекрещивались сзади и закреплялись с помощью крючков на макушке.

В Трапезунде, Кerasоне, Самсоне, Шапин-Гарайсаре носили женский головной убор (*гагат-тасак*). Это серебряное круглое вогнутое украшение с геометрическими и растительными узорами чеканной и филигранной работы, по форме и размеру напоминающее чайное блюдце (см. рис. 4). В Муше и некоторых других районах Западной Армении составной частью праздничного костюма девушек была глубокая шапочка (*арахчи*). К ней сверху прикреплялось названное выше украшение *гагат*. Другое своеобразное украшение (*махча*) напоминало серебряную полукорону, с которой свешивались цепочки с драгоценными камнями. Оно характерно для Арчеша, Харберда, Мокса, бассейна озера Ван, Рштуника (с. Гяваш), Хизана.

Для украшения армянского национального костюма применялись и серебряные накладки. На праздничную одежду вверх от пояса нашивалось два ряда изображений больших и маленьких голубей из серебра. Использовалась техника зерни и чеканки²⁷. От клюва, хвоста и живота каждого голубя свешивались цепочки с мелкими полумесяцами (*майика-*

²⁵ Н. Х. Авакян, Коллекция бытовых предметов суэццев, «Вестник общественных наук АН АрмССР», 1967, № 7, стр. 90 (на арм. яз.).

²⁶ Е. Лалаян, Гохти, «Азгагракан андес», кн. XII, Тифлис, 1904, стр. 116 (на арм. яз.).

²⁷ ГИМА, Этнографический фонд, № 5031, 5032, 5033, 5037, 5042, 5043.

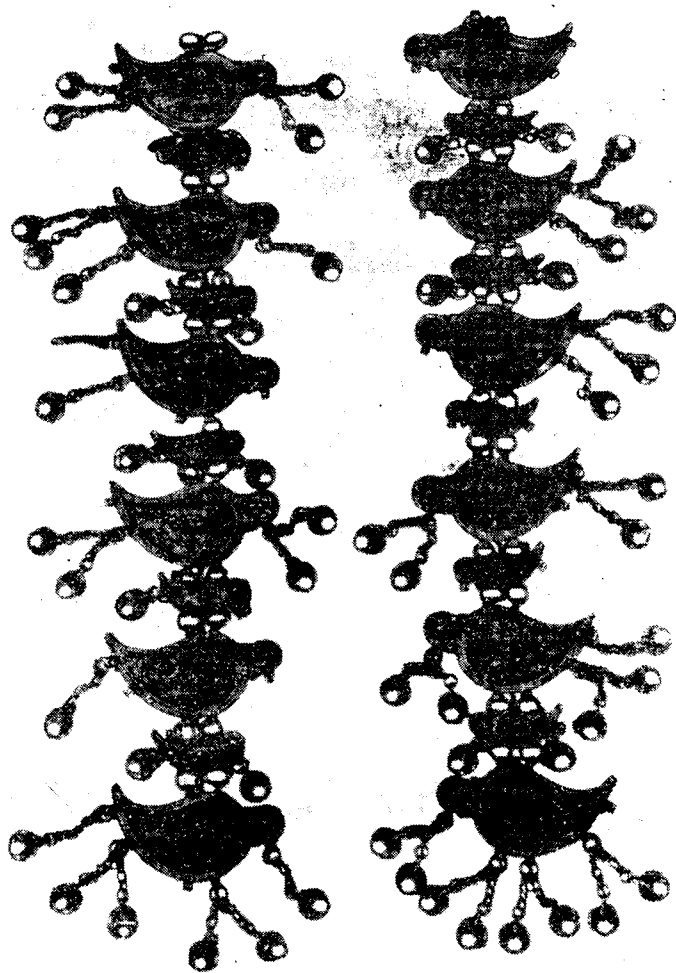

Рис. 6. Украшение «шамшик», XIX в., Муш (Гос. ист. музей Армении)

ми) на концах (см. рис. 6). Это украшение (*шамшик*) было распространено в Айнтапе, Маназкерт, Моксе, Ване, Арчеше и в других местностях.

В армянской одежде старые шерстяные пояса использовались для ношения оружия разных видов, мешочка-табакерки, денег. В Сасуне, Шатахе, Васпуракане, Муше, Киликии и во многих других уездах Армении материал и цвет пояса соответствовал шароварам, куртке, всему комплексу костюма. То же следует сказать и о женских как серебряных, так и плетенных из ниток поясах. Пояс подчеркивает красоту костюма и создает общую гармонию. Кроме того, в Армении он всегда считался символом храбрости, героизма. (В былые времена широкие бронзовые пояса, а в XIX в. большие объемистые пряжки играли защитную роль).

В Алеппо, в селе Гаджи-Габиблы (Сведия), как и почти во всех районах расселения армян, пояса ткали на особых станках. Серебряные пояса изготавливались ювелирами Карина, Васпуракана, Еревана, во многих других районах Армении.

Мужские пояса в виде четырехугольника в районе Моксе шили из полосатого материала в три полотнища различной расцветки, соединен-

Рис. 7. Женский пояс, XIX в., г. Карин (Эрзевум) (Гос. ист. музей Армении)

му, символическое значение: купол церкви, кувшин, ножницы, челноки (см. рис. 7). В большинстве случаев на поясах делались и надписи с упоминанием имени заказчика, например: «на доброе здоровье Шогакат», «на доброе здоровье Гаяне» и т. п. Когда пояс производился для продажи, на нем делалась надпись: «На доброе здоровье носящей», указывалась также дата изготовления.

К украшениям женского костюма в Сасуне, Сгерте, Рштунике, Васпуракане, Моксе, Дерсима и в других районах Западной Армении относятся искусственные косы из шелковых ниток темного цвета (под цвет волос), которые оканчивались большими длинными и толстыми кистями, обычно украшенными металлическими нитями, разноцветными бусами, серебряными цепочками. Верхние концы таких «кос» соединялись и прикреплялись к шляпе.

Мужской головной убор дополнялся специальным шелковым головным платком с длинными кистями. Его обворачивали вокруг шапки таким образом, что кисти спускались на лоб и брови²⁸. Головной платок (*агал*) свертывали длинным круглым рулоном диаметром в 5 см, обшитым шерстяным или хлопчатобумажным материалом, а затем обертывали его 3—4 раза вокруг шапки, скрепляя кольца спирали (см. рис. 1).

В заключение хочется отметить еще несколько способов украшения армянских национальных костюмов, которые встречаются только в отдельных местностях. Так, в Багеше в XIX в. было принято нашивать на подол спереди, на края рукавов узоры в виде длинного ряда ромбов и

ные вышивальным швом (*козлик*). Чаще всего одно полотнище раскрашивалось в черные и темно-синие долевые полосы, второе — в желтые и коричневые, третье — в красные и желтые. Длина такого пояса 3,20 м, ширина 1,12 м. Концы украшались длинной бахромой и лентой, а по четырем углам пояса свешивались толстые короткие кисточки по 3—4 с каждого конца.

В Барир Айке, как и в Шираке, Ахалцихе, Ахалкалаке, узкий, сплетенный из желтых и красных шелковых нитей женский пояс обычно прикреплялся к переднику (см. рис. 3). В г. Карсе шелковая нить желтого цвета в таком поясе заменялась иногда золотой. Края поясов этого типа украшались узорами зеленого, белого и черного цветов и длинной кистью.

На тканых узорчатых поясах встречаются изображения, имевшие, по-видимо-

²⁸ В. Пегоян, Этнография Сасуна, Ереван, 1965, стр. 209 (на арм. яз.).

треугольников из того же материала²⁹. В Ване подол женской рубашки украшали две горизонтальные каймы из хлопчатобумажной ткани: одна с ровными краями, другая — желтая с острыми зубцами.

С середины XIX в. в связи с широким распространением швейной машины появился новый вид отделки костюма — складки.

Характерное украшение армянской одежды — строчка. До появления швейной машины верхнюю одежду (*антари*, *хрха*), края жилета отделявали ручной строчкой, причем на углах подола *хрха* делалась косая строчка несколькими параллельными линиями. Ручной строчкой украшали женскую верхнюю одежду (*архалух*) в Арцахе, Зангезуре, Гохтне. Шапочка для девушки в Кёшке, Васпуракане и в ряде уездов Западной Армении шилась из хлопчатобумажного полотна белого цвета. Вся поверхность ее покрывалась косыми параллельными линиями, сделанными обыкновенным швом, пересекавшимися таким образом, что получались ряды мелких ромбов. Этот вид шва С. Давтян называет *быхбуч*³⁰.

В связи с развитием фабричного производства в Армении во второй половине XIX в. ко многим деталям костюма начали пришивать оборки: подол верхней одежды, белья, рукава верхней рубашки, вырез вокруг шеи, грудь отделялись длинными сборчатыми или складчатыми воланами. Иногда пришивалась косая бейка из другого материала. Края воланов подшивались на машине. В качестве оборок употреблялись и фабричные кружева.

Кружевами фабричного производства в Ереване, Лори, Гохтне, Кафане обшивали женский платок (*шгарш*). В дальнейшем таким же способом стали отделять нижнее белье, особенно девушек, молодых замужних женщин и парней.

Мы видим, что украшения армянского национального костюма весьма разнообразны, причем характерно сочетание различных способов при отделке одного и того же вида одежды.

В ряде районов — Васпуракане, Сасуне и др. — преобладал геометрический мотив в Барцр Айке, Себастии, Арабкире, Амшене — растительный.

Способы украшения костюма варьируют по районам в зависимости от конкретных условий: материала, климата, вкуса. В различных социальных группах стиль украшений существенно не менялся. Однако различались применяемые материалы. В одних случаях — это золото, серебро, драгоценные камни, а в других — латунь, медь, простые камни.

Изучение способов и видов украшений армянских народных костюмов имеет важное значение для выявления традиций национальной одежды в свете задач, стоящих перед коллективом составителей историко-этнографического атласа народов Кавказа.

²⁹ ГИМА, Этнографический фонд, № 853.

³⁰ ГИМА, Этнографический фонд, № 3688, 1455, 1457, 1458, 1459, 1460, 1462, 1463, 1478.

О. В. Круглова

ЦЕНТРЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

(НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТЕРЕМКОВЫХ
И СТОЛБЧАТЫХ ПРЯЛКАХ) *

В 1910 г. А. А. Бобринской¹ впервые разделил русские прялки на восемь типов. Шесть типов он назвал по районам их распространения (в том числе ярославские столбчатые прялки). Два типа названы по технике изготовления, так как не было данных для определения географических границ бытования. Один из этих типов — теремковые прялки, среди которых различались две разновидности по технике резьбы (прялки с контурной резьбой и прялки с рельефной резьбой).

В 1924 г. В. С. Воронов впервые назвал теремковые прялки ярославско-костромскими, указав, таким образом, приблизительно территорию их распространения².

В 1925 г. Г. М. Малицкий³ обратил внимание на отдельные жанровые изображения на теремковых прялках (охота, чаепитие и башня), определяя их так же, как прялки ярославско-костромского типа.

В книге А. И. Некрасова⁴ отмечались некоторые особенности резьбы на стояках поволжских прялок, поднимался вопрос о разнообразных влияниях на характер этой резьбы.

В литературе последних лет также нечетко прослеживается место бытования теремковых прялок. Так, например, в книге 1959 г. «Хозяйство и быт русских крестьян»⁵ указано, что теремковая прялка — это характерный тип только для костромских прялок. А в книге «Резьба и роспись по дереву» 1967 г.⁶ она опять названа ярославско-костромской.

За последние 10 лет исследователи многих научных учреждений и музеев начали кропотливое изучение народного искусства Ярославской области непосредственно в полевых условиях. Загорский музей провел четыре экспедиции, обследовав в основном северную часть области, и собрал богатейшую коллекцию прялок. На основании источников и этих материалов, мы сейчас можем сделать уже целый ряд интересных выводов, касающихся ярославских резных прялок.

Во-первых, необходимо отметить, что Ярославскую область, с точки зрения распространения прялок, можно разделить на две части: в одной из них бытовали теремковые прялки и пошехонские копыла, сделанные

* В основу статьи положен доклад, прочитанный в 1969 г. на сессии, АН СССР, посвященный итогам археологических и этнографических исследований 1969 г.

¹ А. А. Бобринской, Народные русские деревянные изделия, М., 1910—1913.

² В. С. Воронов, Крестьянское искусство, М., 1924.

³ Г. М. Малицкий, Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства в росписи и резьбе, Казань, 1925.

⁴ А. И. Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924.

⁵ А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвиркина, Хозяйство и быт русских крестьян, Определитель, М., 1959.

⁶ С. К. Жегалова, Художественные прялки. Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву, М., 1967.

из одного цельного куска дерева, во второй — столбчатые прялки, состоящие из донца и стояка.

До сих пор народное искусство всей Ярославской области связывали с искусством районов Поволжья, а искусство Вологодской области относили к территории русского Севера. Уточнение районов распространения различных типов прялок ярославской области дает сейчас основание разграничить эту область на две части. Именно здесь сомкнулись два раздела прялок — северных и волжских.

Теремковые прялки широко распространены по обе стороны древней магистрали — тракта Ярославль — Вологда. Но если у границы с Вологодской областью они идут сначала очень широким массивом, то затем от Данилова район их распространения постепенно суживается и проходит узкой полосой вдоль древнего тракта почти до Ярославля, уступая у самой Волги место волжским столбикам.

Районы распространения столбчатых прялок и гребня с донцем определялись другой магистралью — рекой Волгой и ее крупными притоками. Таким образом, в Ярославской области как бы сомкнулись два течения народного искусства, которые шли по двум магистралям — одно с Севера, другое из областей Среднего Поволжья. Именно этим можно объяснить конструктивные особенности прялок Ярославской области, где ярко выступают две группы: прялки, сделанные целиком (северные), и прялки, стояки которых вставляются в донце (волжские).

Материалы экспедиций Загорского музея позволяют четко определить границы распространения и центры производства этих типов прялок и тем самым уточнить их названия. В давно установившийся термин «ярославско-костромские теремковые прялки» в настоящее время необходимо внести существенную поправку: эти прялки следует называть только ярославскими, так как они бытовали и бытуют только в районах Ярославской области и почти исчезают у границ Костромской и Вологодской областей⁷.

Ярославские теремковые прялки отличаются неповторимым изяществом. Широкая у основания ножка постепенно суживается кверху и заканчивается маленькой лопастью в виде высокого ажурного кокошника. Местные жители чаще всего называют эти прялки «копылами». Делались они из куска березы, вырубленного вместе с корнем. Поэтому к слову «копыл» добавляется иногда еще слово «корченный». Позднее, когда на фасадной стороне копыла стали резать изображения архитектурных сооружений в виде терема, эти прялки иногда стали называть «теремковыми».

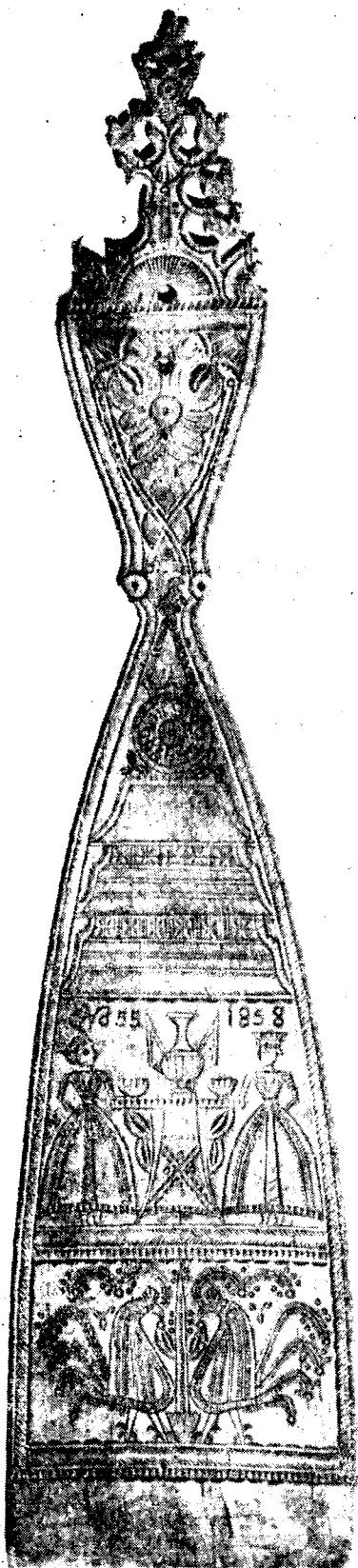
Описанный выше тип ярославской теремковой прялки захватывает в основном территорию нескольких районов Ярославской области — Даниловский, Любимский, Пречистенский и Первомайский и заходит в некоторых местах за границы соседних районов — Пошехонского, Тутаевского, Ярославского и Середского.

На Севере тип теремковой прялки распространен вплоть до границы с Вологодской областью и лишь по большим магистралям переходит эту границу.

По ту сторону границы, в Грязовецком районе Вологодской области, бытовал иной тип прялок, которые А. А. Бобринской при первоначальной классификации определил по технике как прялки «прорезные». До экспедиций Загорского музея территория бытования «прорезных» прялок была неизвестна. «Прорезные» прялки по форме имеют много общих черт с ярославскими теремковыми. Широкая ножка грязовецкой прялки, украшенная сквозной резьбой, близка по форме к ножке теремковой прялки; она лишь не имеет изящного изгиба. Лопать же у нее значи-

⁷ Это предположение было впервые высказано В. А. Фалеевой на основании экспедиции в Ярославскую область в 1957 г. Но полевая работа одного года, к сожалению, не дала возможности подтвердить это предположение фактическим материалом.

Рис. 1. Прялка, украшенная контурной резьбой (1868 г.). Ярославская обл., Даниловский р-н

тельно шире и имеет по верхней части прямой срез вместо нарядного остроконечного кокошника ярославского теремка. Территория распространения этого типа прялки обширна. Он распространен в Грязовецком районе и доходит на севере почти до Вологды. На протяжении длинной полосы, граничащей с Ярославской областью, грязовецкие прялки несколько меняют декор, все же сохраняя свой основной тип.

На востоке Любимского района ярославские теремковые прялки доходят только до границы Костромской области.

В Буйском районе Костромской области форму теремковой прялки еще знают, так как граница ее бытования подходит совсем близко, но работали здесь уже на буйских трехрогих прялках.

Во второй половине XIX в. буйские прялки чаще всего украшались кистевой росписью, которая сменила трехгранно-выемчатую резьбу. Форма буйской прялки с тремя выступами на лопасти почти повторяет форму грязовецкой прялки с широкой ножкой и головкой с горизонтальным срезом. Она близка также и к форме ярославской теремковой прялки, лишь без высокого и изящного кокошника и характерного изгиба стояка.

К югу от ветки железной дороги Данилов — Буй Ярославскую и Костромскую области разделяет естественная граница — р. Кострома. За эту границу теремковая прялка не переходит. Лишь изредка в отдельных селениях Костромской области, расположенных недалеко от реки, можно наравне с другими видами прялок увидеть и ярославский теремок.

Так, в дер. Фоминское Костромской области столкнулись и бытовали несколько типов прялок — ярославские теремковые,

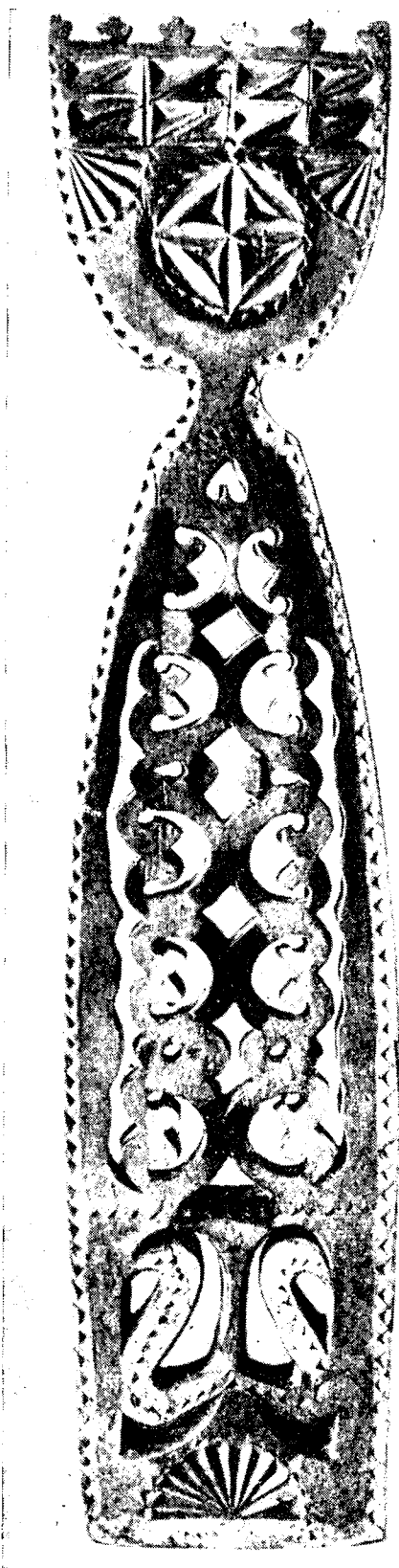
Рис. 2. Прялка, украшенная сквозной и трехгранно-выемчатой резьбой (втория половина XIX в.). Вологодская обл., Грязовецкий р-н

ярославские столбчатые, древний точеный столбик и, наконец, буйская. Все типы прялок делали местные жители по завезенным образцам, кроме ярославских теремковых, которые привозились с ярмарок из сел Ярославской области.

Уже чуть восточней дер. Фоминское, ближе к Бую, в с. Андреевское бытовали лишь одни буйские прялки, а чуть западней за р. Кострома в Ярославской области — только теремковые и столбчатые. На Волге теремковая северная корневая прялка тоже нигде не встречается. Предположение С. К. Жегаловой о том, что теремок с рельефной резьбой бытовал на берегах Волги, не оправдалось, так как центр производства этой разновидности теремковой прялки экспедицией Загорского музея был найден севернее г. Данилова в трех километрах от станции Соть в д. Киндерево.

Уточнение районов бытования теремковой прялки дает возможность говорить о едином большом массиве распространения трех крупных, близких по форме, северных по происхождению типов прялок: ярославских теремковых, буйских и вновь открытых грязовецких.

Кроме того, материалы экспедиций Загорского музея помогли значительно расширить наши представления о ярославских столбчатых прялках. Во-первых, удалось установить, что столбчатые прялки занимают очень обширную часть территории Ярославской области по Волге и ее притокам — от Костромы до Углича. Почти на всей этой территории наравне с прялкой-столбиком бытовало и донце с гребнем, что дает основание выделить особь этот большой массив, и считать его второй крупной группой

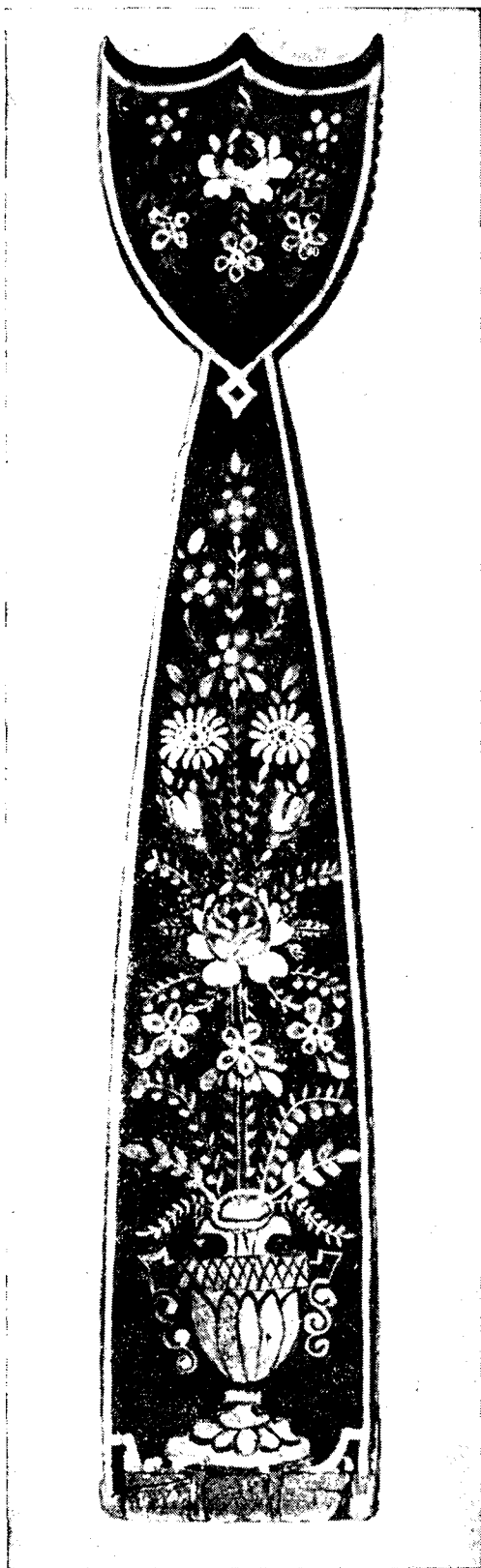

Рис. 3. Прялка, резьба по дереву (начало XX в.). Костромская обл., Буйский р-н

прялок Ярославской области, пришедшей сюда из районов Среднего Поволжья.

Одной из самых распространенных прялок во второй половине XIX в. был точеный столбик. До последнего времени считалось, что это позднее явление народного искусства, порожденное техникой XIX в. Но, по-видимому, традиции этой формы уходят в глубокую древность. На Ярославской иконе XVI в. «Благовещение с прядущей девицей» хорошо видна форма прялки-столбика с несколькими перехватами, с маленькой лопастью. Еще более ранним памятником являются царские врата из Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря работы мастерской Андрея Рублева, где в сцене «Благовещение» мы видим изображение такой же прялки.

Наряду с точеным столбиком по всему течению Волги был распространен и четырехгранный столбик с маленькой лопастью. Особенно изящны пропорции столбиков Мышкинского, Неккоузского и Брейтовского районов — очень высокие, со стройным стояком и крохотной лопастью.

Но самой совершенной по форме и по мастерству резьбы среди столбчатых прялок Ярославской области является столбик в форме башенки со множеством сквозных окошечек или многоярусной колоколенкой. Столбик, покрытый искусной резьбой, вставлялся в донце, как и ножка волжского гребня. Эти прялки напоминают архитектурные сооружения XVII в. с устремляющимися ввысь шатрами, с проемами для колоколов, а иногда просто с маленькими окнами и массивными нарядными сандриками. Проводя подобную аналогию, следует учитывать близость района, где особое развитие получили прялки этого типа, к Ярославлю, который в середине XVII в. имел уже такие архитек-

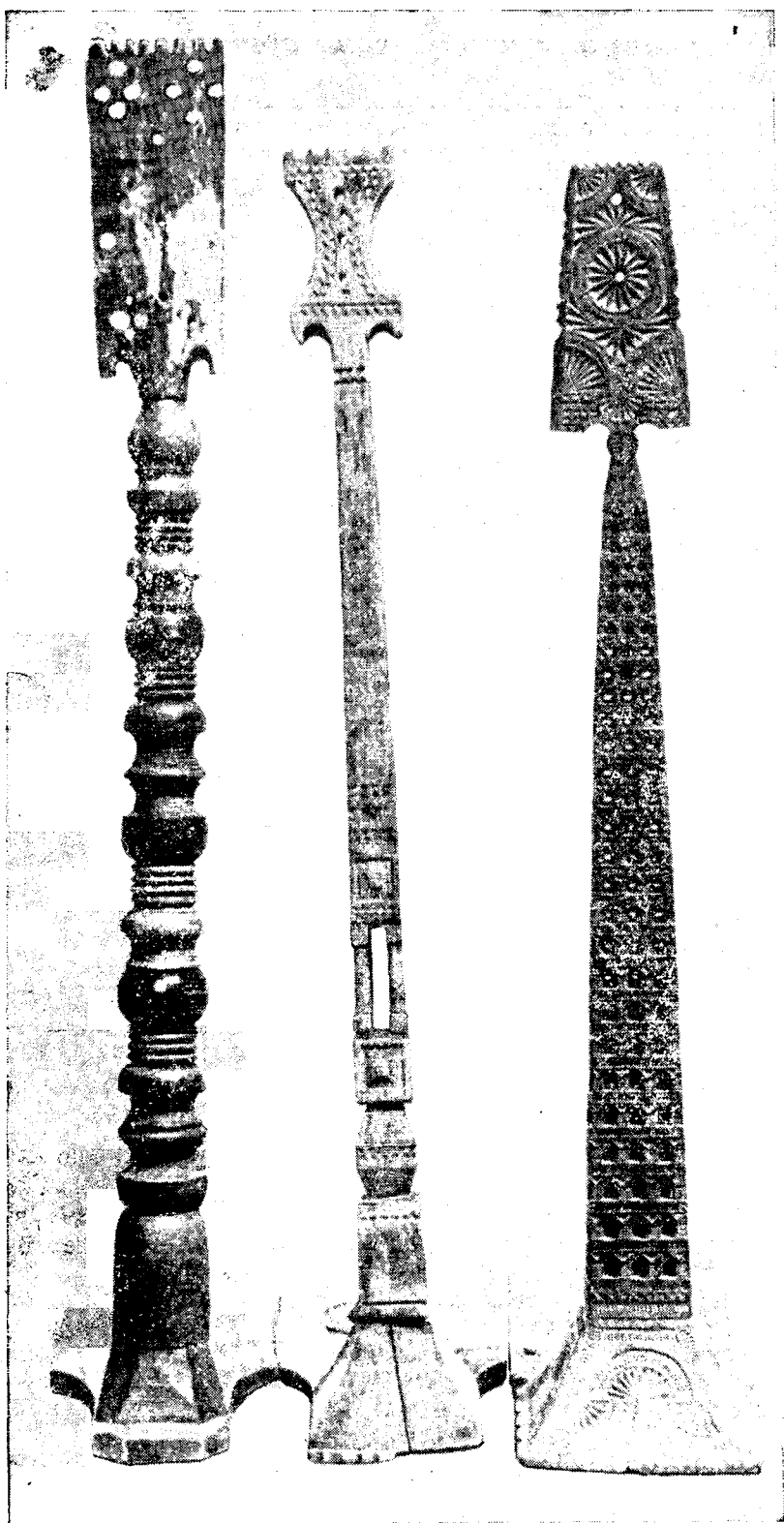

Рис. 4. Столбчатые прялки; *а* — прялка токарной работы (начало XX в.). Ярославская обл., Брайтонский р-н; *б* — резная прялка (конец XIX в.). Ярославская обл., Мышкинский р-н; *в* — прялка, украшенная трехгранно-выемчатой резьбой (середина XIX в.). Ярославская обл., Некрасовский р-н

турные сооружения, как церковь Ильи Пророка и церковь Иоанна Златоуста в Коровниках.

Экспедиции Загорского музея выяснили, что вышеописанный тип столбчатых прялок с окошечками занимает очень небольшую территорию бывшего Середского района (теперь восточная часть Даниловского района) от течения р. Соть до Костромского водохранилища на востоке, где проходило русло р. Костромы — притока Волги. Далее к югу прялки этой формы занимают всю северную часть Некрасовского района, где и находился основной центр производства столбчатых прялок — с. Вятское и деревни, расположенные вокруг него. По направлению к Волге этот тип прялки встречается все реже.

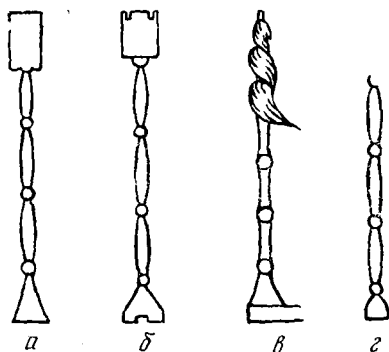

Рис. 5. Изображения прялок на русских иконах XV — XVI вв.; а — рисунок прялки из сцены «Благовещение» царских врат Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря мастерской Андрея Рублева (XV в.). Собрание Загорского музея; б — рисунок прялки с иконы «Благовещение» (XVI в.). Собрание Ярославского музея; в — рисунок прялки с иконы «Благовещение с акафистом» (XVI в.). Собрание Ярославского музея; г — рисунок ножки прялки с иконы «Благовещение» царских врат (XVI в.). Собрание Московской духовной семинарии

За Костромским водохранилищем от Костромы до Нерехты столбик с окошечками не бытовал, а была распространена форма гребня.

На западе район распространения столбчатых ярославских прялок вплотную подходит к границе бытования теремковых прялок. В селениях, расположенных около железнодорожной линии, параллельно которой идет и древний тракт Ярославль — Вологда, тип столбчатых прялок совсем исчезает.

Таким образом, мы установили, что многие разновидности столбчатых ярославских прялок занимают обширную территорию Ярославской области, которая идет по течению Волги и ее притокам, не заходя в глубину северной части области, где бытовали типичные для русского Севера прялки.

Зная точно современную территорию распространения двух крупных типов прялок Ярославской области, значительно легче говорить и о древних истоках этого вида народного искусства, а также о влиянии последующих эпох на декор ярославских прялок.

В орнаментике ярославских прялок прослеживаются отдельные мотивы, которые своими корнями уходят в середину I тысячелетия н. э. Думается, что к древним мотивам можно отнести узор из горизонтальных рядов треугольников на лопасках столбчатых прялок; узор розетки, которая обычно занимает центральное место на гребне прялки; жгутовый орнамент, который окаймляет розетку; парное изображение конских голов на гребне, повторенное еще раз в металлической спиче-зеркальце, которой крепился лен; парные птицы, венчающие кокошник гребня теремковой прялки, и др. Когда-то эти символы были, видимо, связаны с языческим культом солнца, с понятием о плодородии земли и играли роль оберегов — охранительных знаков женщины-пряхи⁸.

Но некоторые элементы декора ярославских прялок говорят о непосредственном влиянии профессиональной культуры более позднего вре-

⁸ О. В. Круглова, Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославской области, «Сов. археология», 1971, № 1.

мени. Только так мы должны рассматривать мотив сказочного терема на ярославских прялках и ножки ярославских столбчатых прялок в виде архитектурных шатров. Постепенно в этот мотив все больше и больше проникают черты реализма. По-видимому, к первой половине XVIII в. мы должны отнести первые жанровые композиции на ярославских теремковых прялках. Далее на протяжении всего XIX в. в декоре теремковой прялки продолжают развиваться жанровые реалистические мотивы.

Та же самая линия развития прослеживается и в декоре столбчатой прялки Ярославской области. Несмотря на то, что ограниченное пространство столбика не давало возможности развиваться жанровым композициям, в резьбе столбчатых прялок к XIX в. получили широкое развитие черты реализма. В ранних образцах, которые мы предположительно относим ко второй половине XVIII в., нас поражает неудержимая фантазия в резьбе столбика, сказочность. Столбчатая прялка XIX в. почти копирует архитектурные формы шатровых сооружений. Таковы основные положения, касающиеся развития декора ярославских теремковых и столбчатых прялок.

Работа экспедиций Загорского музея позволила поднять вопрос о влиянии на народное искусство Ярославской области, с одной стороны, искусства русского Севера, с другой — искусства Поволжья. Появилась возможность точно определить районы бытования двух типов прялок этой области — теремковых и столбчатых, уточнить их названия, наметить и проследить основные этапы в развитии их резного декора.

А. Ф. Некрылова

ГЕНЕЗИС ОДНОЙ ИЗ СЦЕН «ПЕТРУШКИ»

Проблема возникновения в России народного кукольного театра «Петрушка» занимала многих ученых. Одни из них считали, что этот театр появился у нас непосредственно из Италии, другие доказывали, что он занесен немецкими бродячими кукольниками, третьи усматривали его истоки в народных кукольных театрах Востока. Говорили также о влиянии английского, чешского и других кукольных театров. Спорили о времени возникновения в России этого вида народного искусства.

Однако при всем различии мнений многие ученые поддерживают положение о нерусском происхождении театра «Петрушки».

В данной статье автор, не высказывая еще одну точку зрения о путях проникновения комедии в Россию, на примере анализа одной из сцен «Петрушки» попытался ответить на вопрос о том, почему театр этот чрезвычайно быстро «обрусел», стал популярным, быстро распространился по всей стране от Архангельска до Майкопа и от Петербурга до Сахалина, а герой ее встал в ряд самых любимых народных героев. Ведь, по свидетельствам современников, без «Петрушки» не обходилась ни одна ярмарка. Кстати, такая широкая известность привела к парадоксальному явлению: у нас почти не сохранилось записей представлений этого театра, так как они были настолько обычны, что мало кому приходило в голову фиксировать текст комедии.

В статье речь будет идти только о содержании, вопросы поэтики затрагиваться не будут.

Для анализа выбрана сцена лечения Петрушки, потому что это одна из характерных сцен комедии, которые олицетворяют собой понятие «Петрушки», составляют ядро комедии. Достаточно сказать, что из 38 имеющихся в нашем распоряжении записей представлений она содержится в 35.

Сцена лечения отличается большой устойчивостью, однотипностью. Содержание ее коротко сводится к следующему: к Петрушке, которого ударила копытом или сбросила лошадь, приходит доктор. Причем появление его обычно сопровождается комической самохарактеристикой, почти дословно повторяющейся всеми текстами. После этого следует эпизод поисков ушибленного места, так как Петрушка не может толком объяснить, что у него болит, а врач не в состоянии сам определить, что требует лечения. Доктор и пациент взаимно сердятся друг на друга. В конце концов Петрушка колотит доктора, платя ему таким образом за визит или показывая на самом «лекаре-аптекаре», куда ударила лошадь. Изредка сцена усложняется спором о стоимости визита доктора. Конец комедии традиционен: Петрушка либо убивает доктора, либо прогоняет его.

Поняши прототипов этих героев приведут нас к итальянской *commedia dell'arte*. Начиная с XVIII в. в России гастролировало множество иностранных трупп, среди которых видное место занимали и итальянцы — живые актеры и кукольники. Известно, что в 1733 г. приезжала труппа итальянской комедии масок и провела здесь около полутора лет. Кроме

того, часть итальянцев оседала в русских городах, где показывала комедии и обучала русских кукольников своему искусству¹.

Доктор — одно из постоянно действующих лиц *commedia dell'arte* и кукольного театра в Италии, но в качестве врача он предстает перед зрителями лишь в отдельных случаях, чаще всего в одном лице совмещаются доктор, юрист и ученый².

В русском театре этот образ однозначен — мы видим лишь лекаря, отголоском же бывшего родства с итальянской маской ученого остался фактически костюм персонажа, вернее, две детали его: черный цвет одежды и огромные очки. Если в Италии черная мантия отражала действительную, очень существенную деталь костюма ученого, если в России XVII в. подобный наряд героя оправдывался тем, что тогда именно так одевались доктора, то для XIX в. — это просто традиция, ставшая своеобразным символом именно этого персонажа комедии.

Почти все, кто писал о «Петрушке», отмечали, что комедия, в том виде, как мы ее знаем по записям спектаклей XIX в., несет в себе черты иностранные и русские, причем эти черты переплелись настолько тесно, что иногда трудно бывает с достаточной определенностью говорить об источнике той или иной детали, приема и т. п.

Рассмотрим сцену лечения под углом зрения традиций искусства, быта, мировоззрения русского народа, ибо именно такой подход поможет объяснить причину необычайной популярности этой сцены в России.

Прежде всего укажем жанры, в которых образ доктора или мотив лечения встречаются в комической трактовке.

В. Д. Кузьмина писала, что образ шарлатана-лекаря можно обнаружить в сатирических лечебниках XVII в., в лубочных картинках, в интермедиях XVIII в., в народных драмах и в кукольном театре³.

Наиболее близки сцене из «Петрушки» соответствующие эпизоды из народных драм, особенно «Царя Максимилиана», и из вертепа. В них наблюдаются почти дословные текстовые совпадения. Это в первую очередь относится к выходным словам героя. Приведем примеры. В народной драме «Царь Максимилиан» доктор появляется с такими словами:

Здравствуйте, почтеннейшие господа.
Вот и я к вам прибыл сюда.
За кого вы меня принимаете?
За русского или за прусского?
Я не есть русский, я не есть прусский.
Я есть главный доктор Фома,
У меня есть лекарство, пластырь и сулема;
Я искусно лечу.
Из мертвых кровь мечу.
Ко мне приводят здоровых,
А от меня уводят слабых.
Ко мне приводят на ногах,
А от меня увозят на дровнях.
Я зубы дергаю, глаза ковыряю,
На тот свет отправляю.
Нет ли здесь кого полечить, поправить,
Живого к смерти представить⁴.

Пример из вертепного действа.

¹ Д. В. Григорович, Петербургские шарманщики, Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 1, СПб., 1896.

² А. К. Джигелегов, Итальянская народная комедия, М., 1962, стр. 112.

³ В. Д. Кузьмина, Русский демократический театр XVIII века, М., 1958.

⁴ Н. Е. Ончуков, Северные народные драмы, СПб., 1911, стр. 23.

Здравствуйте вам, господа!
Знаете ли вы меня?
Я лекарь, главный аптекарь,
Умею лечить,
Кровь мечить,
Корпию вставлять,
Живых людей на тот свет отправлять:
Ко мне ведут на ногах,
А от меня везут на санях.
Не болят ли у вас, господа, у кого зубы? ⁵.

В «Петрушке» это звучит так:

«Я знаменитый доктор, коновал и лекарь, с Кузнецкого моста аптекарь и пекарь. Превосходно лечить умею, по наследству талантом владею отправлять на тот свет поскорее. Если кто ко мне придет на ногах, то того, наверное, повезут домой на санях. Я был в Париже, был ближе, был в Италии, был и далее» ⁶.

или так:

«Я голландский штаб-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь и зуболечебный доктор. Настоящие костяные зубы вынимаю, деревянные вставляю, на тот свет живьем людей отправляю. Принимаю на ногах, отправляю на костылях» ⁷.

Центральный эпизод сцены лечения в кукольном театре «Петрушки» — это поиски ушибленного места.

Доктор: «Ну, говори, где болит, покажи!»
Петрушка: Вот тут.
Доктор: Тут?
Петрушка: Пониже.
Доктор: Тут?
Петрушка: Повыше.
Доктор: Тут?
Петрушка: Пониже.
Доктор: То пониже, то повыше!... Встань, встань, да покажи» ⁸.

Это же самое «повыше — пониже» входит в состав некоторых вариантов «Царя Максимилиана» ⁹.

Наконец, совпадают советы доктора, как надо лечить ту или иную болезнь. Сравним приводимый очень часто способ лечения головы.

Из театра «Петрушки»:

«...обрить, оголять и голову снять,
и поленом дров приударить, и кипятком ошпарить:
голова будет здорова» ¹⁰

⁵ Е. Р. Романов, Белорусские тексты вертепного действа. Могилев, 1898, стр. 33.

⁶ «Петрушка. Уличный театр, списанный со слов уличного паяца», М., 1887, стр. 3—4.

⁷ Рук. собр. П. Н. Тиханова, Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 777, оп. 1, № 188 (далее — П. Н. Тиханов), л. 19об.—20.

⁸ «Петрушка, он же Ванька Рататуй», «Народно-поэтическая сатира», Б-ка поэта, Л., 1960, стр. 256—257.

⁹ Н. Е. Ончуков, Указ. раб., стр. 27.

¹⁰ П. Н. Тиханов, л. 9об.

Из вертепного действа:

«...обрить вам ее догола.
парным молоком привязать
И поленом по голове ударять!
Ваш голов будет здоров» ¹¹.

Из «Царя Максимилиана»:

«Твоя голова — остричь догола,
Череп разбить,
Шерсти набить,—
Твоя голова
Вовеки будет здорова!» ¹².

Как видим, в разбираемой нами сцене имеется много общего в произведениях трех жанров. Однако это не мешает ей подаваться каждый раз по-своему в традициях того произведения, в которое она включена. Так, отличительной чертой «Петрушки» является краткость. Здесь намного короче, чем в народной драме, выходные слова доктора и все реплики героев (ответов и вопросов в форме развернутого сложного предложения почти не встречается), сцена состоит из одного (редко двух) эпизодов вместо четырех — пяти, как например, в «Царе Максимилиане»; действующих лиц в «Петрушке» всего только двое, что роднит это произведение с вертепом и объясняется в обоих случаях тем, что у кукловода две руки, в то время как в театре живого актера одновременно могут играть несколько человек. Все это приводит к тому, что в «Петрушке» по сравнению с народной драмой действие идет более быстрым темпом, эпизоды и действующие лица сменяются чаще. Движению, жесту придается большее (во всяком случае не меньшее) значение, чем слову, что в общем-то и создает специфику кукольного представления.

Стоит обратить внимание на конец сцены. В народной драме и вертепе доктор безнаказанно дурачит своих пациентов и все-таки воспринимается как герой, симпатии зрителей или читателей на его стороне. Совсем иное дело в «Петрушке». Доктор всегда оказывается жертвой: Петрушка колотит или убивает его, причем именно посрамление врача и привлекает публику. В этом смысле комедия ближе к итальянскому прототипу, ибо там тоже судьба доктора всегда предreshена: «...он фатально должен быть одурачен» ¹³. Однако, мне кажется, что по отношению к «Петрушке» надо говорить не столько о сохранившейся итальянской традиции и о признаках заимствования, сколько о внутренней жанровой закономерности. Конец естественен, так как он подчиняется единой установке: Петрушка побеждает всех, с кем ему приходится сталкиваться на протяжении спектакля, и лишь в финале сам подвергается той же участи — черт или собака уносят его в ад. Это особенность сцены: посрамление не профессии, а персонажа — напарника главного героя.

В народной драме, вертепе, лубке и сатирических лечебниках осмеивается скорее сама профессия врача или наивная вера людей в могущество медицины, пародируются способы лечения и рецепты.

И тот и другой подход правомочен, так как рассматриваемый мотив принадлежит к разным жанрам. Не менее важно и то, что возникновение подобных трактовок одинаково возможно, потому что все комические сцены лечения выражают одни и те же взгляды, особую эстетику народного творчества и общие или сходные обычаи, исторические и бытовые черты.

Комедия о Петрушке принадлежала к явлениям «народной площадной комик» (термин Бахтина), а сцена с доктором отражала одну из

¹¹ Е. Р. Романов. Указ. раб., стр. 34.

¹² Н. Е. Ончуков. Указ. раб., стр. 67.

¹³ А. К. Живелегов. Указ. раб., стр. 112.

самых ярких форм ее, входя в круг тех произведений, которые затрагивали мотив перевоплощения. «Моменты смерти и возрождения, смены и обновления,— как доказал М. Бахтин,— всегда были ведущими в праздничном мироощущении»¹⁴. Именно поэтому «фарсовое восприятие врача и борьбы жизни со смертью... характерно» для смеховой культуры большинства народов, а «образ рекламирующего свои средства врача... — один из древнейших образов мировой литературы»¹⁵.

Поскольку русская кукольная комедия — явление довольно позднее, она вобрала в себя, соответственно переработав, ряд игрищ и интермедий¹⁶. Наибольший интерес представляют народные игры, так как это один из самых древних видов народных развлечений, и, как правило, не заимствованный.

Большая часть выходных слов доктора в «Петрушке», народной драме и в вертепе рассказывает о том, как он мертвое делает живым, а живое мертвым («настоящие зубы вынимаю — деревянные вставляю») или больное становится здоровым, а здоровое — больным («здоровые места вырезаю, чирьи, болячки вставляю»; «старых на молодых переделяваю»).

Лубочные картинки, изображающие врача, чаще всего посвящены тому, как «голландский лекарь и добрый аптекарь объявил свои науки, чтобы старухи не были б в старости в скуке. Старых старух молодыми переправляти. А ума их ничем не повреждати»¹⁷.

Сведения о существовании святочной игры в кузнеца, который переделывает старых на молодых, указывают на глубокую древность мотива лечения, омолаживания, на первоначальную связь его с обрядами, предназначенными увеличить плодородие¹⁸. Не случайно в разных местах России зафиксирована игра с двумя самостоятельными моментами: вождением кобылки и фарсовым лечением лошади или хозяина. Приведу описание такой игры, сделанное Добровольским (Смоленская губ.). «В дерюгу человек влезет, на кол голову устроит кобылью, дерюгой ее обтянет, уши ей, голове, сделает соломенные, аброть с паиса возьмет и поведет в хату, разному народу на диво...

— Тпру, тпру, моя кобыла, не пужай народ. Кобыла шутки притворяла, обмахнулась, упала, семь дней пролежала.

— Люди добрые, то ни есть со старых бабурач кобылу вылечить?.. Прошу я вас, чтобы вы мне кобылу вылечили.

Подходит баба, лет семидесяти, стала кобылу лечить: вылечила кобылу очень скоро: в одно ухо дунула, в другое ветер дунул — кобылка встала.

— Уезжай, старик, на своей кобыле: а то у нас нехороший народ, сглазит ее — не встанет кобыла. Он волокет кобылу, старается уволочь поскорей, около него смеются. Взял мужик кобылу за зеленый повод, стал тянуть из хаты вон, ударился об клеть головою — не находится ему доктора. Кобыла подошла, в одно ухо дунула, в другое кровь выскочила. Малец взвился на ноги...»¹⁹.

Совершенно очевидно, что зрителями и исполнителями «Петрушки» в XIX в. связи с древними обрядами не осознавались, и популярность комедии можно объяснить тем, что она полностью отвечала вкусам народа: в пьесе использовались традиционные приемы, создающие комический эффект, спектакли наполнялись актуальным материалом и т. д.

¹⁴ М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса, М., 1965, стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 195.

¹⁶ П. Н. Берков, Русская народная драма XVII—XX веков, М., 1953, стр. 18.

¹⁷ «Народно-поэтическая сатира», стр. 281.

¹⁸ В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, 1963, стр. 113—115.

¹⁹ Сб. «Игры народов СССР», сост. В. Н. Всеволодский-Геринграсс и др., М.—Л., 1933, № 170, стр. 70—71.

Так доктор в комедии нередко представлен немцем. Напомним, что в XVII, а в народе и в XIX в. немцами называли не только немцев, но и англичан, шведов, датчан, голландцев. Отождествление доктора с иноземцем и посрамление его в комедии станет более понятным, если мы обратимся к истории возникновения сходных сюжетов в лубочных картинках и лечебниках-пародиях, где шарлатан-лекарь всегда иностранец. В. П. Адрианова-Перетц, изучая лечебники XVII в., в которых рекомендуются иноземцам лекарства, чтобы «немедленно живота избавить», причину такого отношения видела в «задетых иностранцами материальных интересах». «Выросшая на почве торговой конкуренции,— пишет она,— ненависть к иностранцам-купцам, поддержанная идеологами старообрядчества... породила среди некоторой части „лучших“ и „средних“ людей посада националистические настроения, которые отразила сатира — пародия, выражающая крайнюю степень озлобленности против „немцев“, „иноземцев“»²⁰.

Еще одним документом народной сатиры петровского времени на врачей-шарлатанов, рекламировавших разнообразные секреты омоложения, якобы известные им, и на старых женщин, желающих «помолодеть», по мнению П. Н. Беркова, служит одна из лубочных картинок, на которой изображено, как голландский лекарь «превращает старух в молодых»²¹.

В XIX в. традиция представлять доктора непременно иностранцем поддерживалась, с одной стороны, тем, что вообще при болезнях крестьянин был «слишком недоверчив к врачам, особенно иностранцам, но до ослепления склонен искать помощи у своих знахарей и ворожей»²²; с другой стороны, тем, что в крупнейших городах «...почти все аптеки, должности главных докторов в больницах,— по свидетельству Слепцова,— находятся в руках немцев»²³.

Разобрав таким образом одну сцену из комедии о Петрушке, автор пришел к двум основным выводам: 1. Заимствованные явления только тогда становятся признанными и популярными, если они близки мировоззрению и обычаям народа. 2. Подбор основных сцен «Петрушки» далеко не случаен: комическая свадьба (сцена с невестой), лечение, похороны, веселая смерть самого Петрушки — все это сильно переделанные и переосмысленные элементы святочных или масленичных игр, на позднейших ступенях придавшие традиционные особенности народным увеселениям карнавалльно-площадного типа.

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц, Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, М.—Л., 1937, стр. 240.

²¹ П. Н. Берков, Указ. раб., стр. 323.

²² Св. М. Доброзраков, Село Ульяновка Нижегородской губ. Лукояновского уезда, «Этнографический сборник», вып. 1, СПб., 1853, стр. 52.

²³ В. А. Слепцов, Петербургские заметки, Соч. в 2-х томах, т. II, М., 1957, стр. 297.

Т. П. Кияткина

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРФОКАРТ В КРАНИОЛОГИИ

В результате археологических раскопок, проводившихся в последнее время на территории Советского Союза, был получен большой краниологический материал. Однако нередко публикация данных о новых поступлениях оттягивается на несколько лет, и широкий круг специалистов знакомится с ними с большим опозданием.

Трудности в работе ученых вызваны тем, что в каждом хранилище ведется своя форма учета и описания краниологического материала. Антропологу, приступающему к изучению материалов, приходится сначала осваивать принятую в данном учреждении систему документации коллекционных материалов и лишь после этого приступать к своей работе. Все это осложняет и замедляет работу непосредственно с интересующей серией. Сегодняшний день требует налаженной новой техники обработки информации.

В настоящее время в ряде отраслей находит все более и более широкое применение перфокартный метод. В антропологии он по сей день не применяется, хотя в самой системе учета и фиксации описательных и измерительных антропологических признаков (баллы для описательных признаков и разбивка всех величин измерительных признаков на группы соответственно размаху колебаний величин данного признака в пределах мировых величин) заложены элементы кодирования.

Кодирование краниологического материала на перфокартах принесло бы, на наш взгляд, большую пользу не только работающим в области краниологии, но и специалистам смежных дисциплин. Ценность перфокарт в том, что, пользуясь ими, можно получить для работы и серии, и отдельные черепа, отобранные либо по одному признаку, либо по комплексу интересующих исследователя признаков. При этом будут игнорироваться все остальные признаки, т. е. заданная картина будет выявлена в ее «чистом виде». (Скажем, будут отобраны все деформированные определенным образом черепа, хранящиеся в коллекциях страны, независимо от их распределения по полу, датировки и типов деформации.)

Для кодирования краниологического материала мы предлагаем один из популярных и простых типов перфокарт для ручной обработки — с двухрядной краевой перфорацией — тип К5 (147×205 мм). Картотеки из этих перфокарт являются наиболее удобными для индивидуального пользования, так как на их внутреннем поле можно записать достаточное количество сведений. Перфокарты этого типа удобны для работы и хранения.

Каждая перфокарта является многоаспектной. На ней регистрируются не только конкретные цифровые данные по всем признакам черепа, но и приводятся данные о памятнике, из которого получен тот или иной череп (археологические раскопки, могильники и т. д.), об авторе, исследователе, работах, где был уже опубликован этот материал и т. п. Каждая карта заводится на объект исследования — один череп. На пер-

фокарты переносится материал с бланков, из дневников, из публикаций, т. е. карта выступает в форме первичной документации.

Ниже мы приводим описание предлагаемых полей на перфокарте и ключей для расшифровки закодированных признаков. Каждое поле отводится для кодирования одного признака и представляет собой часть краевой двухрядной перфорации.

В предлагаемой схеме (рис. 1) мы пользовались двумя ключами: 1 — ключ буквенно-цифровой (А-2, Б-1), 2 — ключ десятичный (1—2—4—7).

Карта состоит из 30 кодовых полей.

Поле I. Территория, с которой происходит череп. Для кодирования применен ключ А-2, Б-1, построенный на пяти парах отверстий.

Поле II. Датировка памятника, из которого происходит череп. Ключ А-2, Б-1.

Поле III. Тип населения (оседлое, кочевое). Ключ 1—2—4—7.

Поле IV. Пол (мужской, женский, не определен). Ключ 1—2—4—7.

Поле V. Возраст. Разбивка на возрастные периоды дается по схеме Мартина, но в детском возрасте различаются две категории — детский I (грудной) и детский II (до начала полового созревания). Ключ А-2, Б-1.

Поле VI. Типы деформации. Ключ 1—2—4—7.

1) Отсутствие деформации.

2) Уплотнение затылка. Очень распространенный тип деформации, известный в Средней Азии и на Кавказе, связанный с лежанием ребенка в «бешике» — колыбели в таком положении, когда голова его покоится на плоской дощечке или твердой подушечке.

3) Круговая и кольцевая. Череп в форме башни — встречался, в частности, среди гуннов. Подобным образом череп деформировался в том случае, когда голова ребенка бинтовалась вкруговую.

4) Лобно-затылочная. Лоб и затылок несколько уплощены и скошены под влиянием передне-заднего давления. Черепа такого типа встречаются на краниологических материалах кушанского времени в Средней Азии.

5) Туркменская. Череп резко удлиннен в результате сдавливания с боков. Этот вид деформации отмечен среди туркмен.

6) Здесь мы объединили все другие типы деформаций, которые могут быть встречены при обработке краниологических серий и которые не могут быть отнесены ни к одному из перечисленных выше.

Поля VII—XXVII, кроме XVIII. Набор измерительных признаков, кодируемых на карте. Отбирались наиболее яркие, выразительные признаки, имеющие и таксономическую значимость и могущие помочь исследователю в целенаправленном отборе материала. Помимо абсолютных величин, нами включены и угловые размеры, обозначенные на соответствующих полях номерами по Мартину. Каждое поле предназначено для кодирования размеров как женских, так и мужских черепов, поскольку пол закодирован отдельно. Это позволяет исследователю отбирать материал, основываясь только на комплексе выбранных им абсолютных величин. Признаки, выраженные цифрами, кодируются по категориям размеров десятичным ключом 1—2—4—7. Каждый признак представлен шестью категориями. В шестую категорию вынесены и исключительно малые (ниже мирового минимума), и исключительно большие (выше мирового максимума) величины признака. На наш взгляд, это оправдано, ибо кодирование отдельно этих категорий потребовало бы четырех пар отверстий в каждом поле, что привело бы к сокращению количества фиксируемых признаков. Нам представляется это нежелательным. Из-за крайней малочисленности вышеназванных величин каждый исследователь в состоянии вручную отобрать из всех перфокарт, полученных им при кодировании шестой категории какого-либо признака, исключительно малые или исключительно большие категории.

Поле XVIII. Обряд захоронения. Это очень интересный момент при исследовании материала из могильников. В предлагаемой нами схеме могут быть отражены три типа захоронения: 1) одиночное (сюда же мы включаем и погребение женщины с ребенком — обычно это новорожденные, умершие вместе с матерью при родах); 2) парное — обычно мужчина и женщина, реже — два мужчины; 3) коллективное — три человека (семья) и больше. Такие погребения широко известны. Ключ 1—2—4—7.

Поле XXVIII. Описательные признаки, характеризующие нижний край грушевидного отверстия. Ключ 1—2—4—7.

Поле XXIX. Трепанация черепа. Ключ 1—2—4—7. Трепанация была широко распространена в древности, и черепа с трепанационными отверстиями могут интересовать исследователей, занимающихся историей нейрохирургии и различными ритуальными обрядами того или иного времени.

Поле XXX. Весь левый край перфокарты. 30-е поле предназначено для кодирования коллекционного номера черепа. Вся трудность состоит в том, что в различных учреждениях СССР принята различная система записи коллекционного материала. Свести воедино эти различные типы записей вряд ли возможно. Предлагаемая здесь система кодирования предполагает единую, порядковую запись, т. е. она начинается с абстрактного черепа № 1. Каждый номер, присваиваемый тому или иному черепу, — искусственное «добавление» к существующему уже его номеру в определенном хранилище. Новый номер присваивается черепу лишь для того, чтобы он мог быть закодирован на перфокарте. При кодировании материала на перфокарты в каждом хранилище следует составить таблицу «перевода» уже принятых номеров в номера для кода. Исследователь, знающий номер черепа из публикации (т. е. номер, присвоенный черепу при его поступлении в хранилище), должен будет сначала узнать в таблице «перевода» номер черепа для кода и лишь после этого получит на него документ — карту. Это, разумеется, следует делать, если требуются данные о конкретном черепе, которые невозможно получить из перфокартотеки иным способом, закодировав комплекс особых признаков данного черепа (возраст, обряд захоронения, источник, время, деформация, трепанация).

Исходя из общего количества краниологического материала, хранящегося во всех фондах Советского Союза (40—50 тыс. черепов), мы предлагаем пять кодовых полей, каждое из которых кодирует цифры 0—9.

Ключ 1—2—4—7. Отведя одно поле под кодирование единиц, второе — десятков, третье — сотен, четвертое — тысяч и пятое — десятков тысяч, по предлагаемой схеме можно закодировать 99 999 черепов, т. е. практически 100 тыс. черепов.

Предлагаемая схема не может претендовать на непогрешимость и не исчерпывает все возможные признаки. Она разработана на материалах Таджикистана, что, безусловно, отразилось на ряде выделяемых для кодирования признаков. Это в первую очередь относится к данным о происхождении (территории) и датировке памятника. Для этих полей мы отвели большее количество перфораций с тем, чтобы исследователи в своих индивидуальных перфокарах могли по мере надобности использовать пустующую перфорацию.

В том случае, когда какое-либо измерение из фигурирующих на перфокарте не может быть фиксировано на черепе, вырезается все поле.

На представленной перфокарте (рис. 2) закодированы данные о черепе из коллекции Института истории АН Таджикской ССР.

Ниже приведены сведения, которые могут быть записаны на свободном внутреннем поле.

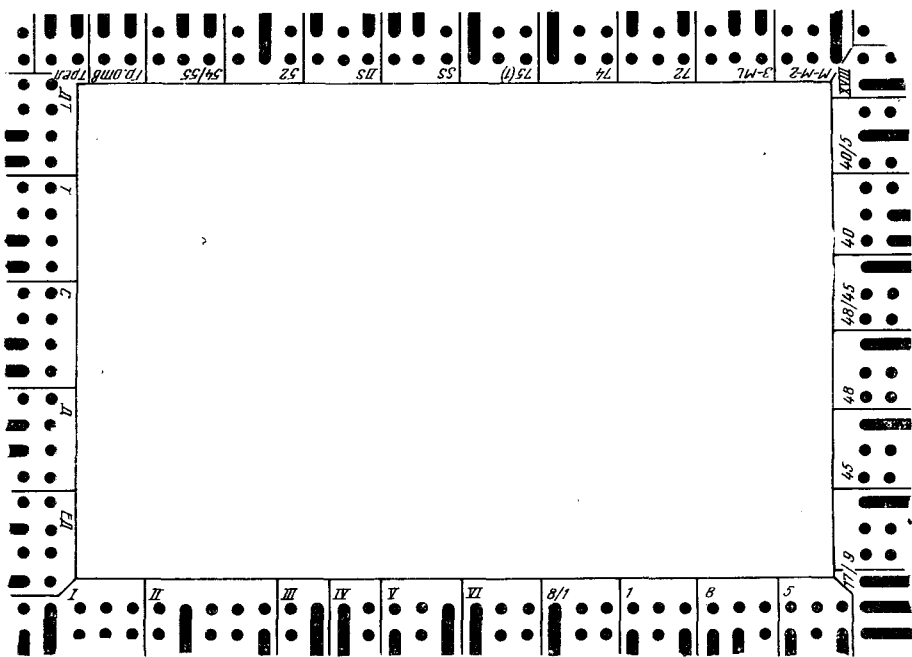

Рис. 2. Перфокарта с данными о черепе из коллекции Института истории АН Таджикской ССР

I — Южный Таджикистан, Низовья р. Кафирниган (правобережье). Бишкентская долина, мог. Арук-Тау. Исследован А. М. Мандельштамом в 1955—1956 гг. Череп происходит из кургана 5, группа XIII. Материалы могильника опубликованы: 1) А. М. Мандельштам. О работах Кобаданского отряда в 1955 г., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 63, 1956; 2) А. М. Мандельштам. Археологические работы 1956 г. в Бишкентской долине, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 91, 1959; 3) Т. П. Кияткина. Череп из могильника Арук-Тау (Таджикистан), Антропологический сборник III, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», нов. серия, т. 31, 1961.

II. Могильник датирован А. М. Мандельштамом концом II в. до н.э.—началом I в. н.э.

III. Кочевое население; IV Пол мужской;

V. Возраст — зрелый.

VI. Череп недеформированный, черепная коробка эллипсоидной формы, 1—199. 8—139,8/1—69,8. 5—108. 9—100. 11—129, 45—137. 40—99. 48—76. 48/45—55,5. 40/5—91,6. 43—109. 46—100. 62—50. 63—42. 55—55. 54—27. 54/55—49,1. 51—44. 51a—41. 52—33. 52/51—75. 52/51a—80,5. Бималлярная хорда — 101,8. Высота назиона — 20,8. Назо-маллярный угол — 135°. Зиго-максиллярная хорда — 102,2. Высота субспинальная — 23,0. Зиго-максиллярный угол — 131°. Дакриальная хорда — 22,6. Дакриальная высота — 13,3. Дакриальный указатель — 58,0. Симотическая хорда — 10,2. Симотическая высота — 6,6. Симотический указатель 64,7. 72. Общий угол лица — 89°. 73. Угол средней части лица — 93°. 74. Угол альвеолярной части лица — 82°. 75 (1) — угол выступания носа — 31°. Развитие надпереносья — 4. Нижний край грушевидного отверстия типа fossae praenasalis. Передненосовая ость (по Брока 1—5) — 3. Коллекционный номер черепа — 69.

Таким образом, отобрав карты по интересующему комплексу признаков, мы имеем в руках полную информацию о каждом черепе.

К. П. Калиновская

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФУНКЦИЙ
И СТРУКТУРЫ СИСТЕМЫ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП
У ГАЛЛА (ЭФИОПИЯ)**

Галла — один из крупных современных народов Восточной Африки. Около 5 млн. галла живет в Эфиопии. Это вторая по численности этническая группа страны после амхара. В Кении примерно 40 тыс. галла. В настоящее время галла в основном оседлые земледельцы, но некоторые группы и сейчас еще ведут полукочевой образ жизни.

Из письменных памятников, относящихся к XVI—XVII¹ вв., известно, что галла прежде были кочевниками-скотоводами. В конце XVI в. они вторглись в пределы современной Эфиопии и постепенно расселились на занятых землях. Это был воинственный народ, с которым правителям Эфиопии пришлось вести постоянные войны вплоть до конца XIX в., когда области, занятые галла, были включены в состав государства Менелика II.

Первый из известных письменных источников, содержащих сведения об этом народе, — «История галла» — написан в конце XVI в. эфиопским монахом Бахреем. Сочинение Бахрея до наших дней служит одним из основных источников для изучения социальных отношений у галла. Сведения Бахрея неоднократно использовались для реконструкции изначальной возрастной структуры системы «гада». Каждая попытка реконструировать систему «гада» обычно приводила к проблеме соотношения функций и структуры системы. В предшествующей статье² мы уже рассматривали одну из первых таких реконструкций, предложенную известным ученым Э. Черулли.

Напомним вкратце, что представляет собой система «гада» по этой реконструкции. По мнению Черулли, большинство мужчин галла относились к одной из 10 возрастных групп системы. В системе различались два полуцикла: активный и пассивный. Каждая группа последовательно проходила сначала пять степеней активного, а затем пять степеней пассивного полуцикла. Длительность пребывания группы в каждой степени составляла 8 лет. Соответственно каждые 8 лет одна из групп выходила из активного полуцикла системы, а новая группа вступала в него. Каждая группа проходила 5 активных степеней системы за 40 лет. Новую группу, вступающую в систему «гада», составляли, как полагал Черулли, сыновья тех, кто завершал активный полуцикл системы. Таким образом, вступить в систему «гада» сын мог лишь через сорок лет после того, как в систему вступил его отец.

¹ Хроника «История галла» в изданиях: A. W. Schleicher, *Geschichte der Galla. Bericht eines Abessinischen Mönches über die Invasion der Galla in Sechzehnten Jahrhundert*, Berlin, 1893; I. Guidi, *Historia Gentis Galla, «Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Aethiopici»*, series altera, t. 3, Parisiis, 1907; книга Мануэла де Альмеды в издании: F. Beckingham and G. W. B. Huntingford, *Some records of Ethiopia*, 1593—1646, London, 1954.

² К. П. Калиновская, К характеристике системы возрастных групп у галла Эфиопии, «Сов. этнография», 1969, № 4, стр. 128—132.

Группа, вступая в систему, приобретает определенные социальные права и обязанности. Функции групп в степенях системы распределялись следующим образом. Первая степень — подготовительная, группа в этой степени прав почти не имела и участвовала лишь в незначительных церемониях; вторая степень — степень воинов, в этот период проводилась воинская подготовка. Третья степень — также воины. В этой степени группа является основной военной силой общества. Четвертая степень — по своим социальным правам и обязанностям — самая значительная. Группа в этой степени управляла всей жизнью общества. В пятой степени активного полуцикла (по Черулли) системы «гада» группа образует совет старейшин. Члены ее считаются хранителями законов и традиций общества, к ним обращаются за советом и помощью.

Пройдя все 5 степеней системы за 40 лет, группа выходит из активной жизни общества и продолжает жить в обществе, не имея, однако, никаких социальных прав и не принимая участия в общих церемониях. За пределами пяти активных степеней системы все члены общества галла — как те, кто окончил 40-летний цикл, так и те, кто еще не вступил в первую степень, — считались, по мнению Черулли, «немыми»³.

Свои реконструкции системы «гада» предлагали А. Принс, К. Кнутссон и другие исследователи⁴. Все упомянутые выше авторы за основной принцип вступления индивида в систему «гада» принимали принцип кровного родства между отцом и сыном. Поскольку в систему «гада» сыновья могли вступить лишь при выходе их отцов из пятой степени, то, если принять принцип кровного родства сыновей и отцов, возрастной состав группы в первой степени, а следовательно, и в других степенях становится крайне неоднородным. Кроме того, согласно реконструкции Э. Черулли, сыновья, родившиеся от отцов, уже вышедших из пятой степени системы, прежде чем вступить в первую степень системы, должны были пройти 40-летний, называемый Черулли «пассивным», полуцикл системы; при этом они входили в первую степень системы уже стариками. Возрастные границы группы становятся крайне неопределенными: в нее могут входить одновременно старики и младенцы. Парадоксальным оказывается то, что группа, определяемая как возрастная, на деле такой не могла быть. И в силу этого группа не могла обеспечить выполнения задач, которые налагались на нее в каждой степени системы, т. е. налицо противоречие между функциями и структурой системы.

Однако в период возникновения система «гада», несомненно, должна была отвечать жизненным потребностям общества. В пользу этого говорит и ее живучесть на протяжении последних четырех столетий, причем совершенно ясно, что это очень древний социальный институт.

Все подсчеты возрастных соотношений внутри системы в соответствии с уже известными реконструкциями приводят к неразрешимым противоречиям.

Попробуем подойти к рассмотрению системы «гада» с иной точки зрения, минуя расчеты, основанные на связи по кровнородственному принципу. Попытаемся найти иной, по-видимому, не индивидуальный, а групповой принцип связи между различными степенями системы.

Э. Черулли пишет: «Члены одной и той же гада (группы) называют друг друга „*misienpa*“, и это имя выражает принадлежность к одной

³ E. Cerulli, The folk-literature of the Galla of Southern Abyssinia. Texts on ethnological subjects, «Harvard African Studies», v. III, «Varia Africana» III, Cambridge, 1922.

⁴ A. E. Jensen, Im Lande des Gada, Stuttgart, 1936; Asmarom Legesse, Class systems based on time, «Journal of Ethiopian Studies», v. I, № 2, 1963; A. H. J. Prince, East African age-class systems, Groningen — Djakarta, 1953; E. K. Knutsson, Authority and change. A study of the Kallu institution among the Macha Galla of Ethiopia, Göteborg, 1967.

и той же гада, что является настоящим родством⁵», т. е. члены одной группы считаются как бы братьями.

Далее Черулли сообщает, что один из членов группы в последней (пятой) степени системы «во время последующего праздника обрезания представляет собравшемуся на празднике народу молодых людей своей гада — своих сыновей, которым надлежит войти в цикл. Он принимает имя Абба Даббалле — отец (почти «крестный отец») Даббалле (так как Даббалле называется первая степень, в которую вступают молодые люди)»⁶.

Таким образом, подготавливаясь к вступлению в первую степень системы, будущие члены ее получают покровителя из группы, находящейся в это время в пятой, последней степени системы «гада», которого они называют «отец». Э. Черулли указывал, что в течение восьми лет до первой инициации мальчики считаются «немыми» и «отец» покровительствует им⁷.

Одной из первых церемоний группы в первой степени системы является ритуальное выпрашивание «молока» мальчиками этой группы у замужних женщин. При этом для мальчиков поется песня: «О, Даббалле, о сыновья того, кто взял голову, живите с молозивом»⁸. Тот, «кто взял голову», — это отец-покровитель группы Даббалле. Благодаря своему высокому положению он имеет право получить голову жертвенного быка.

По наблюдениям Кнутссона, у галла мача патрилинейный род «фирра» включает не только кровных родственников, но и, например, «джала» — тех, кто держит подвергаемого обряду обрезания и поэтому рассматривается как его «ритуальный отец»⁹.

Опираясь на приведенные выше факты, можно высказать предположение, что в системе «гада» каждая группа в пятой степени становилась группой «ритуальных отцов»¹⁰ по отношению к вводимым в первую степень.

Эта новая группа «сыновей» формируется и вступает в первую степень системы «гада», когда из последней, пятой степени выходит очередная группа «отцов», а на их место передвигается группа из четвертой степени.

Таким образом, на границах, т. е. в начале и в конце пятистепенного цикла системы «гада», постоянно находится группа «отцов» и группа «сыновей». Иначе, два поколения — старшее и младшее. А между ними лежит промежуток времени в сорок лет. Смена этих поколений происходит постоянно в том же ритме. Через каждые восемь лет группа «отцов» выходит из системы, а группа их «сыновей» вступает в нее.

Для того чтобы из младшего поколения сформировать новую группу и ввести ее в систему «гада», необходимо соблюсти норму системы — интервал между двумя поколениями (не отдельных лиц, а групп) в сорок лет. Сделать это возможно, только исходя из единственного принципа — учета реального возраста лиц, входящих в систему. Только при постоянном отборе лиц определенного реального возраста возможны периодичность и автоматизм действия подобной системы и необходимый возрастной состав групп.

При таком условии традиционная формула вступления в систему «гада» — *afurtama abbasoti* — «сорок лет моего отца» отражала реальное соответствие функции и структуры системы.

⁵ E. Cerulli. *Ethiopia occidentale*, t. II, cap. XIX, p. 125.

⁶ Там же, t. I, cap. III, p. 33.

⁷ Там же, p. 33, 41.

⁸ Там же, t. II, p. 34.

⁹ K. E. Knutsson, *Authority and change*, p. 42.

¹⁰ Термин «ритуальный отец», употребляемый здесь, весьма условен и предлагается по той причине, что в этнографических материалах по данной теме он обычно употребляется при описании ритуалов системы «гада».

В эпоху развитого первобытнообщинного строя основной производящего хозяйства галла было кочевое скотоводство. Стада находились в общей собственности. Содержанием хозяйственной жизни было разведение скота, уход за ним, его защита. На этом экономическом базисе сформировалась определенная социальная организация общества галла — система «гада», задачей которой было разделение производственных функций между членами общества. При общественной собственности на основные средства производства и при отсутствии передачи их по наследству разделение обязанностей по уходу за скотом имело чисто экономическую основу. В силу этого социальная система «гада» не зависела от системы родства. Определение истинного отца, родителя, не было существенным для системы «гада». В связи с общественным производством положение каждого человека в обществе галла определялось в первую очередь не кровнородственными отношениями, а социальными, т. е. той функцией, которую общинник мог выполнить в общем процессе производства. Система «гада» выполняла задачу распределения этих функций. В условиях первобытнообщинного строя деление общества на возрастные категории довольно широко известно¹¹. В производящем хозяйстве кочевников-скотоводов объединение членов общества по возрасту вполне соответствовало жизненными потребностям. К уходу за скотом приучали с раннего возраста.

Мальчики, организованные в группу по принципу учета их реального возраста, проходили обучение под руководством старших. Вначале мальчиков приучали к посильным работам. Они пасли стада, помогали старшим в хозяйстве и готовились к ритуалам и церемониям, к которым их допустят после инициации. С возрастом обязанности усложнялись. Охрана стад и общества требовала военной подготовки подростков. Поэтому, достигнув следующей возрастной степени, юноши обучались военному искусству. Достигнув зрелости, группа юношей-воинов приобрела не только к ведению хозяйства, но также подготавливалась к устройству семейной жизни и воспитанию потомства.

В более зрелом возрасте воины оставляли воинское дело, и им вручалось практическое руководство экономической и политической жизнью всего общества. Достигнув этой степени, группа получала исполнительную власть. Наивысшего социального положения группа достигала в последней степени системы, когда в солидном возрасте становилась группой старейшин — хранителей законов и традиций общества, обладая законодательной властью.

Все, кто не входил в систему, т. е. еще неиницированные дети и закончившие цикл системы «гада» старики, не имели определенных обязанностей. Система была организована так, что в нее входили только дееспособные члены общества. Эта дееспособность определялась возможностью выполнять производственные задачи. Таким образом, система «гада» — это социальная организация общества кочевников-скотоводов, в которой производственное разделение труда происходило путем объединения членов общества по возрасту; продвижение возрастных групп по степеням социальной значимости от низшей к высшей происходило через определенные временные интервалы, и продвижение было обязательным для всех, кто входил в группы системы.

Теперь посмотрим, как действовала система «гада» по нашей гипотезе.

Если кровнородственная связь не имела значения для членства в системе, то единственным фактором, определявшим его, был реальный возраст будущих членов групп.

¹¹ См.: Д. А. Ольдерогге, Система гада у южных племен галла, сб. статей «Абиссиния (Эфиопия)», М.—Л., 1936, стр. 117.

Так как постоянный интервал между переходом от одной степени к другой составлял восемь лет, то группу, вступающую в первую степень, образуют мальчики в возрасте от 0 до 8 лет. Самые младшие в этой степени — это новорожденные, самые старшие — восьмилетние, т. е. группа состоит из детей. В первой степени происходит уже упоминавшийся обряд выпрашивания «молока». Мальчики этой группы обходят хижины замужних женщин и просят у них «молоко». Им выносят разную еду, но все подношения должны называться «молоко». С одной стороны, этот обычай символизирует младенческий состав группы в самой младшей степени системы, где группа еще не имеет почти никаких социальных прав и лишь проходит обучение. Но корни этого обряда, вероятно, ведут к истокам всей системы в целом, т. е. когда, по нашей гипотезе, в составе групп в этой степени были действительно только дети.

Известные нам источники не объясняют, чем обусловлен у галла восьмилетний интервал между степенями. Можно предположить, что определяющим в этом элементе системы был примерный срок физиологического созревания мальчиков. Любопытно отметить, что у галла символом перехода группы из одной степени в другую каждые восемь лет служит обряд высаживания дерева «далла» (*Podocarpus*). Это дерево живет восемь лет и умирает после цветения.

Вторая степень системы — это степень воинов. При вступлении в нее возраст мальчиков и юношей по нашей схеме варьирует от 8 до 16 лет. В этой степени юноши имеют право полового общения с женщинами, без права жениться и иметь детей.

Третья степень системы — также степень воинов. Возраст членов групп в этой степени варьирует при вступлении от 16 до 24 лет. Это степень более зрелых и сильных воинов. Члены группы этой степени получают право жениться, но не имеют права на потомство. Группы обеих степеней воинов, вторая и третья, состоят в основном из деятельных мужчин, выполняющих такие обязанности, как участие в военных походах, уход за скотом, устройство жилья и т. д.

Группы четвертой степени являются руководителями всей жизни галла. Из членов этой группы выбирается и военачальник на время походов, и хранитель символа власти группы — скипетра, и «хайю» — ритуальный глава. Возраст членов групп в этой степени при вступлении варьирует от 24 до 32 лет.

Последняя — пятая степень системы «гада»: группы в этой степени образуют совет старейшин, члены которого считаются знатоками и хранителями законов и традиций галла. К ним обращаются за советами. Возраст членов групп в этой степени при вступлении варьирует от 32 до 40 лет. Группы в этой степени — это группы «ритуальных отцов».

Часто реальный возраст членов групп в двух соседних степенях может частично совпадать. Это происходит потому, что, вступая в систему, группа имеет низший и высший предел возраста. Например, в первую степень сразу могут вступить и новорожденные и восьмилетние. При переходе во вторую степень системы младшим будет по 8 лет, а самым старшим по 16 лет. Поэтому окажется, что и в первой и во второй степенях будет некоторое количество лиц одинакового возраста, в данном примере — восьмилетних. Так же будет и в других степенях системы.

Как только группа «ритуальных отцов» заканчивает восьмилетний период пятой степени и выходит из активной жизни общества, формируется новая группа из всех мальчиков в возрасте до восьми лет, и иницируется в первую степень системы «гада».

Дети, родившиеся после того, как их отцы вышли из системы, вероятно, также вступали в первую степень системы вместе со всеми мальчиками, так как для системы «гада» факт кровного родства при вступлении не имел значения и не важно было, состоят ли их родные отцы в системе или уже вышли из нее. Важен был только реальный возраст мальчиков.

Отмеченный исследователями факт якобы совместного пребывания сыновей и отцов в одной группе¹² можно объяснить совпадением названия группы «сыновей» и группы «ритуальных отцов». Новая группа, вступающая в первую степень системы «гада», получала общее для всех членов этой группы название группы «отцов», вышедших из пятой степени. Общее имя этих двух групп можно отнести к внешним атрибутам каждой группы. Кроме того, это подчеркивало преемственность поколений.

Материал по этнографии галла был собран в основном за последние 100—150 лет. Европейские исследователи, собиравшие этот материал, застали общество галла на стадии завершения перехода к оседлости. Лишь в отдельных случаях у галла сохранялся еще полукочевой образ жизни при сравнительно развитых товарно-денежных отношениях. Это следует учитывать при реконструкции изначальной структуры социального института. Без этого неизбежны натяжки, мешающие правильно представлению о социальной организации общества галла в эпоху первобытнообщинного строя.

Социальная система «гада» возникла на определенной экономической основе, характер которой определялся общим производством. Впоследствии в связи с постепенным переходом от кочевого скотоводства к оседлому земледелию в сочетании с отгонным скотоводством развивается собственность отдельных семей на основные средства производства, т. е. на землю и скот. С развитием института собственности постепенно исчезла потребность в такой социальной организации общества, как система возрастных групп. Изменился экономический базис общества, разрушается первобытнообщинный строй. Экономической ячейкой общества становится патриархальная семья, обладающая правом собственности на определенную землю и скот. На первый план с развитием института наследования выступают семейно-родственные отношения. Для определения места каждого индивида в обществе становится необходимым четкое определение родства по крови и свойству. Однако ритуальные рудименты прежней социальной системы «гада» сохраняются еще долгое время. Существует еще форма старой организации, но содержание ее становится качественно иным. Если прежде основной функцией системы «гада» было разделение труда между членами общества посредством возрастного группирования, то теперь при совершенно другой экономической основе главной социальной задачей является укрепление собственности отдельных семей на средства производства и передача их по наследству от главы семьи его прямым наследникам.

Главенствующая роль от старейшин в пятой степени системы «гада» в обществе галла перешла к патриарху, главе семьи. Старая формула вступления в систему долго традиционно сохранялась, но содержание ее изменилось. Теперь когда говорили: «Сорок лет моего отца», то речь шла уже не о «ритуальном», а о кровном отце, т. е. о главе семьи. Структура формально еще существующей системы «отцы—сыновья» осталась, но теперь это не группы, состоящие из лиц одного возраста, а группы родственников по крови, т. е. прежний принцип вступления в систему «гада», принцип учета реального возраста, с развитием новых экономических отношений в обществе галла был нарушен. Это привело к тому, что и возрастной состав групп в степенях системы изменился. При соблюдении нормы вступления в систему «сорок лет» теперь отсчитывали не от момента вступления «ритуального отца», а от вступления кровного отца, и поэтому в одной группе оказывались лица разного возраста — от детей до стариков. Этот факт отмечался неоднократно европейскими исследователями, но оценен он был ими неправильно. Это послужило основанием для утверждения о несоответствии функций и струк-

¹² E. Cerulli, *Ethiopia occidentale*, t. I, cap. III, p. 41, cap. VII, p. 88; G. W. B. Huntingford, *The Galla of Ethiopia*, London, 1955, p. 43.

туры системы и ее изначальной нецелесообразности как формы организации общества.

Отсутствие исторического подхода и недооценка экономической основы данного социального института и его функций привели к неверному истолкованию структуры системы «гада». Европейские исследователи не увидели условности терминов «отец», «сын», не заметили эволюции в их употреблении, т. е. перехода от значения «ритуальный отец» к понятию «кровный отец».

Подведем итог. Система возрастных групп «гада» — это социальный институт общества галла, действовавший в эпоху первобытнообщинного строя. Его задачей было распределение в соответствии с определенной экономической базой производственных функций между членами общества. Принципом построения системы был принцип учета реального возраста ее членов. При этом функции системы и ее структура находились в соответствии друг с другом, механизм системы был работоспособным. Нарушения этой системы можно рассматривать как свидетельства разрушения старых общественных норм и возникновения новых на следующем этапе развития общества.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Б а с и л о в

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ ПОСЛЕ МАКЛАЯ *

В деревне Бонгу в день высадки мы не смогли побывать. После встречи на пляже, где Н. А. Бутинов прерывающимся от волнения голосом произнес приветственные фразы на языке бонгу и вызвал этим восторг высыпавших на берег жителей деревни, действие перенеслось в просторную хижину, которую предоставили нам для жилья. Специально построенная для приезжих, она стояла чуть в стороне от деревни, за ручьем. Близились сумерки. Папуасы с приветливыми улыбками помогали нам переносить и расставлять вещи. После ужина мы расселись все за длинным столом на веранде хижины, и К. Саймонс, представитель австралийской колониальной администрации, попросил рассказать главе деревенского совета Каму, чем каждый из нас будет заниматься: людям Бонгу должны быть ясны задачи работы. Наши речи К. Саймонс переводил Каму на пиджин-инглиш. Каму слушал, серьезный и, может быть, немного важный. Когда ему задавали вопрос, он отвечал не сразу, словно давая понять, что солидный человек должен подумать, прежде чем ответить. Наконец, планы на завтра были определены и все разошлись. Наступила ночь.

Очутившись утром в Бонгу, я почувствовал некоторое разочарование: деревня оказалась не совсем такой, какой я ожидал ее увидеть по рисункам и описаниям Н. Н. Миклухо-Маклая. «Хижины стоят не на сваях...», — писал русский ученый о постройках на Берегу Маклая¹. Однако вокруг просторной центральной площади группами теснились к лесу хижины, возвышающиеся над землей на сваях (рис. 1). Иной, чем сто лет назад, облик придавала постройкам и крыша. Н. Н. Миклухо-Маклай не раз указывал на ее выпуклую форму, удобную для быстрого стока дождевой воды; дома с такими крышами запечатлены и на его рисунках². Однако хижины, которые разглядывал я, были увенчаны крышами с совершенно плоскими скатами. Из-под двускатной кровли выступали, нависая над торцовыми стенами, еще два небольших ската, но и они были плоскими, а не округлыми, как в старину. Однако материал для крыш остался прежним — лист кокосовой пальмы.

* Публикуя статью В. Н. Басилова, редакция продолжает знакомить читателей с пребыванием группы этнографов на Берегу Маклая. См.: Д. Д. Тумаркин, По островам Океании, «Сов. этнография», 1972, № 2; В. Н. Путилов. В Бонгу звучат окамы, «Сов. этнография», 1972, № 3.

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, М.-Л., 1951, стр. 69.

² Там же, стр. 69, 88, 89, 101, 151; т. V, М.-Л., 1954, стр. 47, 71, 73; т. I, М.—Л., 1950, стр. 95, 135, 163.

Деревня выглядела нарядно. Земля вокруг домов, полностью освобожденная от слоя дерна, была идеально чиста — ни листика, ни соринки. Видимо, это естественно для человека, попавшего в совершенно новую обстановку, что взор его в первую очередь привлекают необычные, но несущественные детали. Осматриваясь вокруг, я заметил сизые от времени челюсти какого-то животного,

Рис. 1. Современные хижины в Бонгу стоят на сваях. Фото В. Н. Баилова

положенные на развилку дерева у одного из домов. И когда со мной приветливо поздоровался молодой папуас в новых шортах и ковбойке, я не замедлил после обмена необходимыми для знакомства фразами спросить у него, с какой целью оставлены здесь челюсти. Мой собеседник назвал себя сыном «президента деревни»; он и в самом деле был очень похож на Каму. Как и многие другие молодые люди Бонгу, он неплохо знал английский язык, преподаваемый в школе. Челюсти дикой свиньи, объяснил он, сохраняются, чтобы пробуждать у охотника приятные воспоминания об удачной охоте. А в память о выдающемся улове хозяин соседнего дома сберег кости большой рыбы. Соединенные так, что образовался полумесяц концами вниз, они были подвешены на веревке к концу укрепленного наклонно шеста.

Свиная челюсть и полумесяц из рыбьих костей явно указывали на связь времен. Такой обычай отмечал и Н. Н. Миклухо-Маклай. Он, впрочем, наблюдал его в мужских домах, где «вдоль стен... висит много нижних челюстей свиней, зарезанных во время пиров, и черепов съеденных рыб»³. Что такое бонгуанский мужской дом? По материалам Н. Н. Миклухо-Маклая нельзя составить о нем достаточно полное представление. Мужской дом — хижина, «которой пользуются по большей части только мужчины. Она служит также спальней для молодых людей и для гостей из других деревень»⁴. Женщинам вход в нее запрещен⁵. Эта хижина «...обычно отличается от остальных гораздо большими размерами и высотой; она открыта с передней и задней сторон»⁶. Вместе с сыном Каму мы обошли уже значительную часть деревни, но нигде не было заметно постройкой, похожей на описанную Н. Н. Миклухо-Маклаем. А сохранились ли вообще в Бонгу дома для мужчин? Я спросил об этом у своего спутника. «Да», — последовал уверенный ответ. К сожалению, получилось так, что осмотреть мужской дом удалось только через день.

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, стр. 3; см. также стр. 100, 118.

⁴ Там же, стр. 70; т. I, стр. 162.

⁵ Там же, стр. 105.

⁶ Там же, стр. 68; т. V, стр. 47.

Утром 11 августа я стоял перед хижинкой, не выделяющейся среди других построек деревни ни размерами, ни архитектурой. Как и прочие дома, она стояла на сваях; крыша из пожухших на солнце пальмовых листьев свисала над плетеной оградой веранды. Это и был мужской дом, принадлежащий семейно-родовой группе (вемун) Обоуму. Меня и М. В. Крюкова привел сюда юноша Какал, с большой охотой помогавший нам в работе. По его словам, здесь и в других подобных хижинах живут только мальчики, поэтому местное название ее, «бóдьо» или «бóджьюу»⁷, он переводил как «дом мальчиков» (boy's house). Женатые мужчины живут вместе со своими женами и детьми. Конечно, никто не запрещит взрослому мужчине переночевать в «бóдьо», если его побудят к тому какие-то причины, но, как правило, в этой хижине спят одни мальчики. Старика, который специально наблюдал бы за порядком в «доме мальчиков» и занимался бы их воспитанием, нет. Этот дом скоро пойдет на слом. Вемун Обоуму счел его старым и неудобным и строит сейчас новую хижину для мальчиков. По мнению Какала, новый дом будет в общем таким же.

Рис. 2. Ритуальный головной убор «асс». Фото Н. А. Бутинова

Какал взошел по ступенькам на веранду дома и вынес нам странный предмет. Сделанная из картона птица с большими опущенными вниз крыльями, выкрашенная в темно-серый цвет, мрачно застыла над конусовидной плетеной подставкой (рис. 2). «Головной убор для танцев, которые танцуют мальчики», — сказал Какал. Когда приходит пора пройти обряд посвящения, мальчики уходят в лес и там готовят себе такие ритуальные головные уборы.

Зная по опыту, что надо записать все немедленно, иначе добрая половина услышанного будет забыта, я раскрыл дневник. Было неудобно писать, держа его в руках; я поднял ногу и положил дневник на колено. Эта поза также была не очень удобна, на что и обратил внимание подошедший к нам молодой папуас. Он посмотрел на меня, потом поднял свою ногу и осторожно подставил ее под мою, чтобы поддержать. Так мы стояли оба на одной ноге, пока я не догадался изменить положение. Кажется, я поблагодарил его поклоном, но это вышло скорее механически. Лишь позднее, на корабле, когда «Дмитрий Менделеев» уже покинул Бухту Константина, я вспомнил и смог по-настоящему оценить этот милый пример папуасской вежливости, в котором проявилось общее отношение жителей Бонгу к нам, гостям из «страны Маклая».

⁷ Слово «буамбрама» было ошибочно принято Н. Н. Миклухо-Маклаем за название мужского дома.

Головной убор с птицей называется «асс», пояснил Какал. Какаа птица изображена? Чайка, летающая над морем. От ободка конуса, надеваемого на голову, отходила вниз деревянная палочка; она не являлась частью головного убора, а была прикреплена для того, чтобы его легко можно было оставить на верху перегородки дома. Впрочем, обычно эти ритуальные уборы долго не хранят; многие выбрасывают их после танцев. Какал вынес еще одно сооружение из картона, птичьих перьев и бамбуковых палочек — головной убор «бобб», обозначающий рыбу, которая на языке бонгу именуется «барам-обуль». Рыба была выполнена очень стилизованно, ее расцветку передавали красная и серебряная краски⁸. Есть еще один тип ритуальной шапки для танцев, он весьма сложной символики и сочетает в себе изображение острова, цветов и существа, подобного змее. Однако такого головного убора в хижине мальчиков не оказалось.

Юноша, к сожалению, рассказал нам только об одном элементе обряда инициации. Он сообщил, что танцуют одновременно двадцать или больше мальчиков, и у каждого надет свой головной убор. Этот танец не исполняется на других празднествах и сопровождается песней «пудёнг», которую поют только во время танца мальчиков.

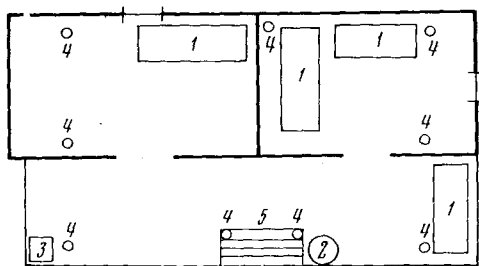

Рис. 3. Схематический план «дома мальчиков»: 1 — «кровать»; 2 — место для очага; 3 — «столик» на веранде; 4 — столбы, поддерживающие кровлю; 5 — лестница на веранду

Поет мужчина или мальчик, если он знает песню, и все присутствующие подтягивают. Это были весьма скудные сведения об обряде, но уже показанные юношей головные уборы говорили о том, что «дом мальчиков» еще сохранял связь со старинными ритуалами и, видимо, верованиями. В частности, головной убор

в виде чайки любопытно сопоставить с новогвинейскими деревянными изображениями предков, у которых на голове помещена птица с опущенными вниз крыльями. Одна из таких деревянных фигур с птицей на голове, например, входит в экспозицию Фиджийского Музея в Суве, другая представлена в известной коллекции Н. Н. Мишутушкина⁹. Внешнее сходство скорее всего объясняется одним и тем же мифологическим сюжетом, отображенным и в обряде, и в скульптуре предка.

Мы осмотрели «дом мальчиков». Он состоял из веранды и двух изолированных комнат (рис. 3), отделенных от веранды и друг от друга перегородкой из расщепленных вдоль бамбуковых стволов. Изоляция была относительной — перегородки не доходили до крыши, а стенка, разделяющая комнаты, имела небольшое окошечко. В доме не было дверей, зато были окна, в каждой комнате по одному. М. В. Крюков спешил на встречу, о которой условился еще вчера, и Какал обещал перевести ему. Я же считал нужным сделать описание «дома мальчиков». «Можно смело все осматривать и записывать», — сказал Какал, уходя.

Несмотря на ранний час, стояла жара, и сидеть в тени открытой веранды было приятно. Я и начал описание с веранды. На одном конце ее стояла ничем не покрытая самодельная деревянная кровать без изголовья, вернее, широкая скамья, на другом — небольшой столик или полка, где Какал положил головной убор «бобб». У «столика» к плетеной ограде веранды была прислонена сложенная вдвое циновка. Над столиком на балке висели одеяло и рубашка. У самого входа лежал железный

⁸ Оба описанных головных убора приобретены для коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР.

⁹ «Arts du Pacifique», Port-Vila, 1970, № 2, p. 20.

круглый лист от бочки для бензина, покрытый тонким слоем золы. Три почерневших от огня консервных банки служили, очевидно, подставками для посуды, водруженной над огнем.

Я осторожно прошелся по бамбуковым расщепам пола веранды, прогибавшимся подо мной, и заглянул в левую (если смотреть от входа) комнату. Здесь также стояла у окна деревянная «кровать», а в углу лежала на полу циновка. Под кроватью выстроилась в ряд покупная обувь — ботинки, кеды. На горизонтальных балках, входящих в конструкцию крыши, и кое-где на жердях, составляющих стену, висела одежда. Между бамбуковыми палками перегородки торчали белые петушиные перья — распространенное украшение мужской шевелюры. Обитатели дома явно заботились о своей внешности: на узком подоконнике лежали традиционный самодельный гребень из бамбука и покупная платяная щетка. В щель стены над окном были воткнуты ножницы.

Похоже, что здесь было все, нужное для непритязательной жизни подростка. За горизонтальную жердь стены кто-то засунул плетеную (кажется, из пальмового листа) сумку с электрическим карманным фонариком в ней. Фонарь «летучая мышь» висел на балке. Я случайно наступил на деревянный пест для размягчения клубней таро, оставленный на полу. Да, в этой хижине готовили пищу, но, по-видимому, лишь время от времени. Здесь не было ни посуды, ни хозяйственного уголка. Очевидно, мальчики питались в домах своих родителей. Духовную пищу осязаемо представляли положенные на подоконник листочки из Библии в английском переводе, закатившийся под кровать музыкальный инструмент «тóra» из раковины и небольшой деревянный барабан «окам» с затейливой резьбой, по форме слегка походивший на песочные часы. В другой комнате стояли две деревянные «кровати» да на веревке висели рубашки и шорты. Так вот каким стал мужской дом! Внешне о прошлом напоминали, кроме головных уборов, пожалуй, лишь музыкальные инструменты (Н. Н. Миклухо-Маклай отметил, что они хранятся в мужском доме). Понятно, почему здесь не встретила меня заботливо собранная коллекция свинных челюстей в память об обильных пиршествах: мужской дом уже потерял роль центра общественной жизни мужчин. Здесь не было и большого сигнального барабана «барум», обязательного для мужского дома времен Н. Н. Миклухо-Маклая. Более того, хижина, которую я списывал, выглядела современнее, чем многие жилые постройки: она имела окна. Да и деревянные «кровати» правильнее считать нововведением, хотя называются они так же, как и большой помост («барла»), некогда устраиваемый вдоль одной стены мужского дома.

Я просидел в «доме мальчиков» в полной тишине около двух часов. Даже странно было, что на этот раз вокруг не толпились жадные до зрелищ ребятишки. Лишь однажды мое одиночество было нарушено: вошел юноша, что-то взял, улыбнулся мне и исчез. Я спустился по ступенькам и обошел вокруг дома, рассматривая конструкцию пола.

Вокруг никого не было. Я медленно пошел меж хижин к центру деревни.

Звуки торжественного песнопения привели меня к небольшой деревянной церквушке, которая уже раньше привлекла мое внимание простотой архитектуры: над земляной площадкой на столбах нависала обычная для построек Бонгу пальмовая крыша (см. рис. 4). Под нею за низенькой оградкой сидело на деревянных лавках человек пятьдесят. Рядом с церковью на каменной россыпи разместилось еще человек десять.

Я тоже присел в тени соседней хижины, чтобы понаблюдать за воскресным богослужением. Любопытно, насколько глубоко укоренилось христианство в этих местах? Гимн смолк, в тишине отчетливо были слышны слова пастора, читавшего проповедь на пиджин-инглиш. Я заметил еще небольшую группу мужчин, человек десять-пятнадцать, рас-

Рис. 4. Главная площадь в Бонгу. На заднем плане, справа, — церковь. Фото А. В. Брюханова

положившихся метрах в тридцати от церкви. Часть из них сидела на выдолбленном из цельного бревна «баруме», лежавшем на площади, поодаль от ближайших хижин. Этот барабан вновь вернул меня к мыслям о мужском доме. С утверждением новой для Бонгу свайной архитектуры «барум», конечно, должен был остаться вне хижин: он был слишком тяжел для бамбукового пола. Однако я видел в деревне еще пять или шесть таких же барабанов, положенных у самых хижин или даже задвинутых между сваями, под пол. Этот же «барум», брошенный под открытым небом, казался свидетелем утраты былого ритуального значения сигнального барабана.

Под крышу недостроенного дома, близ места, где я сидел, вошла женщина. Она наклонилась над своеобразной «печью» — железной решеткой, помещенной на два обрубка бревна; под решеткой пылали угли. Женщина пощупала разложенные на решетке куски рыбы, затем сложила их в холщовый мешок и удалилась, ведя за собой девочку. Кухонные занятия женщины во время богослужения сначала не удивили меня, мало ли какие бывают у людей обстоятельства. Но вскоре приготовление рыбы в непосредственной близости с церковью предстало в новом свете. Мне наскучило сидеть в бездействии. Я уже снял кинокамерой все, что было интересным. Завязывать разговор с папуасами, устроившимися на «баруме», казалось неудобным — они явно слушали проповедь, никто из них, вопреки обыкновению, не подошел ко мне. Покинув главную площадь Бонгу, я с изумлением обнаружил, что многие жители деревни занимаются своими повседневными делами, пренебрегая воскресным богослужением. Вот женщина на веранде дома выскребывает мякоть кокосового ореха; куда-то, не торопясь, идут старик и молодой мужчина; вдалеке — группы о чем-то беседующих людей. Я набрел на семью, расположившуюся на циновке за обедом. Почему же только небольшая часть бонгуанцев присутствовала на воскресной службе в церкви?

Я вернулся к церкви как раз к концу богослужения, люди расходились по домам. Мы обменялись приветствиями с пастором. Через некоторое время появились празднично одетые ребяташки, они

возвращались из воскресной церковной школы. Многие еще держали в руках листочки с текстами на пиджин-инглиш (в отличие от государственных и субсидируемых властями школ, такие «школы» не перешли на английский язык). Но вот возвратились Какал и М. В. Крюков, и я забыл о церковных делах. Мы пошли в другой конец деревни.

Деревня теперь была очень людной. На центральной площади собралось особенно много народу — одни стояли группами у домов, другие прогуливались между хижинами. Женщины вытащили на улицу циновки и расположились с младенцами в тени, занятые рукодельем. Все ожидали праздника — «синг-синг». Сегодня лучшие танцоры деревни намеревались исполнить старинные танцы для советских гостей. Это было праздником и для самих папуасов. Работы много, и танцы случаются не каждый день. Скопление жителей предоставило случай наблюдать современную одежду папуасов Бонгу во всем ее разнообразии. Европейские образцы довольно прочно вошли в быт. Наиболее восприимчивыми к ним оказались девушки, освоившие вместе с платьем европейского покроя и некоторые другие предметы туалета. Женщины более почтенного возраста, напротив, пренебрегали заокеанской модой. Многие бонгуанки с детьми на руках обходились одной несшитой юбкой (конечно, из покупной ткани) (см. рис. 5). Одеждой мужчинам служили набедренная повязка или шорты, дополняемые иногда рубашкой. Большинство детишек были совсем нагими.

Рис. 5. Женщины Бонгу. Фото В. Н. Басилова

Вдруг раздались удары в «барум», крики. Площадь заполнилась народом. Здесь были человек тридцать с «Дмитрия Менделеева» во главе с начальником экспедиции А. А. Аксеновым и капитаном М. В. Соболевским. Начались танцы! Одеты лишь в набедренные повязки из луба, танцоры приседали, нагибались, мелкими шажками передвигались друг за другом по кругу и вновь совершали телодвижения, смысл которых был понятен только жителям деревни. Участники танца держали в руках «окамы» и время от времени ударяли в них. Над головами танцоров развевались роскошные белые перья головных уборов. Кольца украшений из раковин или клыков кабана, подвешенных на груди, раскачивались в такт легким прыжкам. Ах, эти украшения! Для них не хватало места на груди, у некоторых они были даже на спине, а двое танцоров держали причудливые сооружения из бус и раковин зубами. Если в папуасских хижинах лишь некоторые вещи напоминали о старине, то ряд танцоров полностью вызывал в памяти прошедшие времена. То же одеяние, те же украшения танцоров, которыми любовались мы, описывал и Н. Н. Миклухо-Маклай. Папуасы танцевали прекрасно. Их движения были лаконичны, лица сосредоточенны. Трудно, впрочем, сказать, кто был больше увлечен танцами, — они или зрители с «Дмитрия Менделеева», сжимавшие в руках кино- и фотоаппараты.

После праздника мы осматривали огороды и кладбище, участвовали в заготовке дров, разговаривали со стариком, плавали на каноэ с бревном-балансиром, затем вновь осматривали деревню. Солнце садилось, жара спадала. Женщины возвращались с огородов, неся продовольствие в сумках, укрепленных ляжками на лбу, — как во времена Н. Н. Миклухо-Маклая. Кое-где семьи уже сидели на площадке у дома близ костра в ожидании ужина. Несколько девушек с длинными отрезками бамбуковых стволов шли за водой, положив свои «ведра», как ружья, на плечо. Хозяйка кормила под полом веранды посаженного в клетку поросенка — единственного, которого я видел в деревне. Свиньи портят посадки и жители Бонгу их уже не разводят. Те же, кто отступают от общего правила, вынуждены держать животных в клетке... Настала пора возвращаться домой, и Какал, расставаясь, обещал вечером прийти к нам.

Ярко горели австралийские керосиновые лампы, принесенные нашими друзьями из деревни. Как и в прежние вечера, за столом сидели К. Саймонс, Каму и несколько других жителей Бонгу, проявивших особый интерес к нашей работе. К. Саймонс провел на Новой Гвинее большую часть своей жизни и стал незаурядным знатоком быта папуасов. Он задумчиво морщил лоб, выслушивая Д. Д. Тумаркина, что-то рассказывал ему и успевал вместе с тем принимать участие в беседе Н. А. Бутинова и Н. М. Гиренко с Каму. Время от времени он трогал Каму за руку и с улыбкой пояснял, что тот не совсем правильно понял обращенный к нему вопрос. Внимательно глядел на собравшихся неоглупленный спутник О. М. Павловского, папуас Амбаси. Он переселился в Бонгу из района реки Сепик сравнительно недавно, женившись на бонгуанке. Амбаси понимал язык бонгу, но предпочитал говорить на пиджин-инглиш даже со своей женой. Мочка уха Амбаси была разрезана и вытянута двумя полосками, которые он в минуты внутренней сосредоточенности завязывал в узелок. Вот и сейчас его пальцы привычным движением перебирали раздвоенные концы мочки¹⁰.

Пришел Какал. Мы уселись на раскладных стульях у самого входа в хижину, чтобы не мешать беседующим за столом. Луна освещала поляну перед хижинкой и стройные стволы кокосовых пальм. Поодаль, перед лесом, темнел домик для сушки копры. Какал говорил по-английски медленно, порою подбирая слова, — для него, как и для нас, английский не был языком ежедневного употребления. Я дождался удобного момента и, наконец, спросил о том, что меня сегодня удивило:

— Какал! Почему утром в церкви было мало народу?

— Наверно, у людей нашлись какие-то важные дела, — отвечал юноша. — Например, они могли разговаривать с вашими товарищами, помогать им в работе.

— Но я прошел во время богослужения по деревне и не увидел наших сотрудников; между тем, люди занимались самыми обычными делами, даже готовили пищу и ели.

— Видимо, не пошли в церковь последователи Ялли.

— А кто такой Ялли?

Нам, конечно, было кое-что известно об этом основателе местного течения карго-культа, религиозного движения, которое представляет собой причудливую смесь отдельных христианских идей и местных верований, объединенных одной главной мыслью: папуасы должны иметь те же жизненные блага, что и белые. Однако хотелось получить сведения, так сказать, из первоисточника. Вопреки ожиданиям, интересного разговора не получилось. Какал ответил, что он ничего не знает, что вообще никто в деревне не сможет ничего рассказать, ибо Ялли живет далеко.

¹⁰ У папуасов Берега Маклая также не редкостью была «вытянутая от ношения тяжелых серег и часто разорванная» мочка (Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 38).

И он, Какал, не верит Ялли, потому что его учение лишь одни рассказы. Он верит тому, о чем говорят в церкви: бог над всем. Больше ничего нельзя было добиться от юноши, он явно избегал разговора на эту тему и с видимым облегчением воспринял вопрос о способах охоты.

Казалось, мы ничего существенного не услышали, но как-то сразу стали понятнее предостережения К. Саймонса. В тот вечер, когда мы все впервые собрались за столом, он настоятельно просил нас воздержаться от торжественных церемоний у мемориальной плиты на месте дома Н. Н. Миклухо-Маклая на мысе Гарагаси (в 3 км от Бонгу)¹¹. Он уверял нас, что такие церемонии могут быть истолкованы в свете идей карго-культа, и найдутся люди, которые будут под плитой искать товары (груз — «карго»), присланные для папуасов предками¹². В качестве примера он напомнил о недавних волнениях в районе реки Сепик, сопровождавшихся разрушением геодезических знаков. Слова К. Саймонса тогда не произвели на меня особого впечатления, и лишь внезапная замкнутость Какала ясно показала, что страсти, выплеснувшиеся наружу в другом месте, таятся и здесь.

Нежелание подружившегося с нами юноши рассказать об учении Ялли делало маловероятной надежду узнать что-нибудь еще о карго-культе. Но на следующий день вышло иначе.

* * *

Какал обещал познакомить меня с хозяином какого-нибудь дома, чтобы можно было сделать описание жилой хижины. Утром, когда мы встретились на центральной площади деревни, я напомнил ему об этом. Юноша кивнул головой. Он казался чем-то озабоченным. Отведя меня в сторону, чтобы никого не было рядом, он сказал едва слышным шопотом: «Вчера вечером, возвратившись домой, я передал своему отцу, что вы хотите знать о Ялли. Отец согласился рассказать. Сегодня перед обедом мы пойдем к нам домой, только никто не должен знать об этом разговоре». То же самое Какал сказал и М. В. Крюкову. Лицо юноши было серьезным. Видимо, он считал предстоящую беседу с отцом очень важным событием, потому что несколько раз с видом заговорщика повторил приглашение. Затем мы отправились к выбранной им хижине.

Какал представил меня пожилому папуасу с красным цветком за ухом. Он сидел на террасе своей хижины, свесив ноги. «Дагаун из вемуна Манлеу», — назвал имя хозяина Какал. С большим достоинством и в то же время приветливо Дагаун позволил мне осмотреть и описать его дом, далеко не самый богатый в деревне. Я поднялся на веранду. Какал ушел, и моими переводчиками были два мальчика лет десяти.

Дом Дагауна состоит из двух комнат, разделенных хозяйственным уголком (кухней), и веранды, обращенной к центральной площади деревни (рис. 6). Уже одной своей планировкой современные постройки папуасов заметно отличаются от традиционных хижин прошлого века¹³. Однако процесс развития жилища за сто лет был бы более ясным, если бы удалось выявить изменения в самих функциях семейных хижин. Стало ли в наши дни иным назначение жилых построек? Как будто, нет. Видимо, и прежде в семейных хижинах жили мужчины вместе с женами и детьми. Сведения по этому вопросу изложены у Н. Н. Миклухо-Маклая недостаточно четко. Однако мнение, что Бонгу можно поставить в один

¹¹ Эта плита установлена моряками и учеными судна «Витязь» в декабре 1970 г. См.: О. Почивалов, По следам Миклухо-Маклая, «Правда», 3 января 1971 г.

¹² Не лишним будет напомнить, что в пределах обширного района Маклай выступает в верованиях папуасов как обожествленный культурный герой. Подробнее см.: P. L a w g e n s e, Road belong Cargo, Manchester, 1964.

¹³ См.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 68—73.

ряд с теми папуасскими деревнями, где муж и жена живут врозь¹⁴, вряд ли можно подтвердить материалами Н. Н. Миклухо-Маклая. Вот, к примеру, несколько выдержек. «...Сегодня я видел молодую женщину в хижине холостяка, — вчера ее там еще не было, вчера вечером он на ней женился»¹⁵. «...Жених переводит невесту в свою хижину»¹⁶. «...Во время пребывания молодоженов в хижине сидящие неподалеку молодые люди отпускали остроты и замечания...»¹⁷. «Кроме пары копий, лука и десяти стрел и других орудий охоты и рыболовства, в хижине нет ничего»¹⁸.

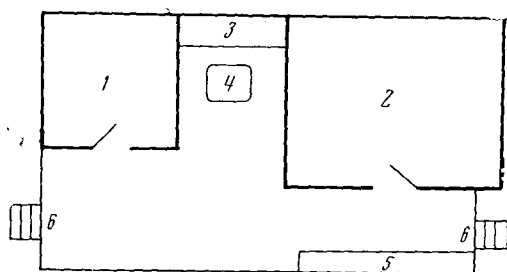

Рис. 6. Схематический план дома Дагауна: 1 — комната хозяина; 2 — женская комната; 3 — полки на «кухне», 4 — место для очага; 5 — хозяйственная полка на веранде; 6 — лестница на веранду

Из контекста ясно, что речь идет о семейных хижинах; при раздельной жизни было бы неоправданным хранение в них предметов, связанных с мужскими занятиями.

Погребальный обряд совершался у хижины умершего, где и прикрепляли под крышей завернутый в циновки труп. «Несколько дней спустя... труп... погребают в самой хижине, что, однако, не мешает родственникам продолжать жить в ней»¹⁹. Собираясь рано утром в деревню Горима, где нашлись люди, желающие убить Маклая, русский ученый складывал свои вещи. Так как это происходило в мужском доме, то его «никто не видел»²⁰. Не значит ли это, что Н. Н. Миклухо-Маклай ночевал в мужском доме один, а все прочие мужчины провели ночь в своих семейных хижинах? Подобные примеры можно умножить²¹. Все же некоторое разобщение полов в быту проявлялось и оставило свои следы в современных традициях Бонгу: одна комната дома Дагауна предназначена для главы семьи, другая — для женщин и детей.

Трудно пока сказать, вызвано ли внедрение свайных построек в Бонгу деятельностью колониальной администрации и миссионеров, но даже если оно и навязано папуасам европейцами, нельзя оценить это нововведение как прямое воздействие европейской культуры. Свайные хижины давно известны в других районах Новой Гвинеи (об этом можно судить хотя бы по рисункам Н. Н. Миклухо-Маклая), распространение их правильное считать следствием развития местной культуры, возможно, ускоренного в новых условиях, после превращения Новой Гвинеи в колонию. Во всяком случае, изменения в архитектуре жилища повлекли за собой другие перемены. С появлением пола пропала необходимость в специальных помостах (барла), на которых папуасы прежде ели и спали. Теперь пол заменил помост, и стало возможно стелить циновки для сна прямо на полу (как и делает семейство Дагауна). Вне хижин помосты все еще продолжают сооружать. Около некоторых домов в Бонгу до сих пор стоят помосты, хотя за дни нашего пребывания я ни разу не видел, чтобы на них кто-либо сидел или возлежал. Видимо, боль-

¹⁴ Н. А. Бутин, Папуасы Новой Гвинеи, М., 1968, стр. 166; его же, Н. Н. Миклухо-Маклай и проблемы этнографии Берега Маклая на Новой Гвинее, «Сов. этнография», 1971, № 2, стр. 73.

¹⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 84.

¹⁶ Там же, стр. 77.

¹⁷ Там же, стр. 83.

¹⁸ Там же, стр. 73.

¹⁹ Там же, стр. 87.

²⁰ Там же, т. II, М.-Л., 1950, стр. 355.

²¹ Там же, стр. 333—335, 341, т. III, ч. I, стр. 70.

шой нужды в этом помосте нет — так, Дагаун у своего дома его не построил.

Хижина Дагауна сохраняла многие черты старинного папуасского жилища. Она была без окон. В комнате хозяина постелью служила циновка, а платяной шкаф заменяла веревка, протянутая от стены до стены; несколько рубашек было перекинуто и через балку. Здесь же, над циновкой для сна, находилась «тави» — материя из луба, предназначенная для праздничной одежды. Напротив двери на стене висели два небольших барабана «окам», подобные тем, какие зарисовывал еще Н. Н. Миклухо-Маклай. О времени Маклая напомнили и два железных топора, укрепленные рядом с барабанами (русский ученый впервые привез в Бонгу железные топоры). Необычно и в то же время приятно было услышать местное название этого орудия — «топор». Другое русское слово, кукуруза (на бонгу «гугруз»), я услышал в женской комнате: там над очагом хранились, подвешенные к балке, три початка кукурузы вместе с завернутыми в листья орехами бетеля.

Один из углов комнаты Дагауна был занят плетеными корзинами и несколькими деревянными блюдами («табир») с резьбой на внешней стороне у края; красивую продолговатую деревянную посудину я извлек и из-под нижней полки в кухне²². «Меня удивляло, что я ни в одном селении не видел изготовления табиров», — писал Н. Н. Миклухо-Маклай²³.

— Кто сделал этот табир? — обратился я к Дагауну.

— Люди, живущие на острове Сиаси, — отвечал он. — Они привозят их сюда для продажи. За этот табир я отдал три доллара. Табир делают и в других деревнях — в Урима и Мебу.

— Разве люди Бонгу не могут вырезать блюдо из дерева?

— Могли бы, но у нас нет нужных инструментов.

— А кто процарапал на табире имя «Дагаун»?

— Я сам.

На кухне среди прочей утвари я рассмотрел еще одну вещь, знакомую по рисункам Н. Н. Миклухо-Маклая, — глиняный горшок (ваб). Как и прежде, бонгуанцы приобретают горшки в деревни Бил-Бил, отправляясь туда сами, но расплачиваются за горшки уже деньгами: средней величины горшок стоит один австралийский доллар.

И все-таки даже в таком доме, о бедности которого выразительнее всего говорит простой перечень предметов, взор наталкивается на много деталей, неизвестных быту папуасов столетие назад. Самое главное — это металл. Орудия из раковин и камня безвозвратно ушли в прошлое. Рядом с железными топорами в комнате Дагауна висят пила и длинный нож, напоминающий саблю. На кухне, на верхней полке, размещены три мотыги типа среднеазиатского кетменя с деревянной ручкой, но железной рабочей частью. Во времена Маклая мякоть кокосового ореха отделялась от скорлупы скребком из раковины. Теперь в Бонгу распространена известная и на ряде других островов Океании специальная скамейка с укрепленной на ней металлической полоской. Сидя на скамейке, женщины очень быстро обрабатывают расколотые кокосовые орехи (почему-то в доме Дагауна эта скамейка находилась не на женской половине, а в комнате хозяина). Металл создает основу для очага: и в кухне, и в женской комнате хижины Дагауна на полу уложены железные листы, на которых разводят огонь. На хозяйственных полках с посудинками из кокосовой скорлупы соседствуют эмалированные миски, металлические кастрюли и кружки, покупные столовые ножи, стеклянные бутылки и банки. На одном из столбов веранды подвешена лампа «летучая мышь».

²² Этот «табир-доуру» с узором, изображающим, по мнению Дагауна, змею (амаль), приобретен для Музея антропологии и этнографии АН СССР.

²³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 60.

В комнате Дагауна стоит самодельная деревянная тумбочка, на тумбочке — стеклянный стакан, банки, ножницы...

Но вот я простился с Дагауном. Вместе со мной и М. В. Крюковым в гости к Какалу шел и Б. Н. Путилов, соблазненный нашим рассказом о баруме Какала. По словам юноши, принадлежавший его семье барабан был лучшим в деревне (всего в Бонгу восемь или десять таких барабанов). У их барума самый сильный и сочный звук, слышный, по словам Какала, за двадцать миль от Бонгу. Отец юноши гордится барабаном и держит его в специальной хижине, чтобы защитить от солнечных лучей и дождя.

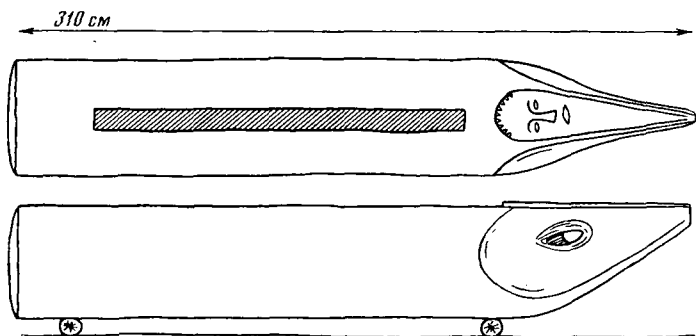

Рис. 7. Сигнальный барабан «барум»

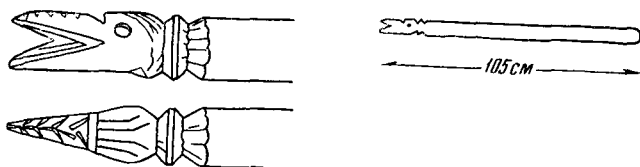

Рис. 8. Бита для «барума»

Барум, действительно, оказался достойным внимания. Было видно, что его берегут. Огромное лоснящееся темное бревно лежало в домике не прямо на земле, а на деревянных катках. Один конец его был сужен и наискось срезан снизу; овальная сквозная дыра, напоминавшая глаз, придавала барабану сходство с хищной рыбой (рис. 7). «Нет, это не глаз, — возразил Какал. — Это дыра сделана для того, чтобы можно было просунуть веревку и перетащить барум на другое место». С верхней части заостренного конца барабана бесстрастно смотрело в перекрытие хижины человеческое лицо. После переговоров с отцом Какал заявил, что на баруме изображен их предок. Резьба украшала и биты, которой, как пестом, стучали в барабан (рис. 8). Нерабочий конец ее завершался стилизованной головой птицы. «Это — птица-носорог (по-бонгу «на-ренг»), самая большая птица в наших местах, вот почему она изображена здесь», — пояснил юноша. Барабан сделал его дед. Это долгая и трудная работа. Для барума годятся только особые породы дерева с твердой древесиной, и на изготовление барабана уходит два месяца — в два раза больше, чем на постройку каное. Ручной барабан (окам) также очень трудно сделать, но три-четыре человека в Бонгу могут изготовить и окам (все-таки непонятно, почему они не делают сами деревянную посуду!).

Общим вниманием прочно завладел Б. Н. Путилов. По его просьбе отец Какала охотно стучал в барабан, передавая различные сигналы. Его крепкие мышцы напрягались, когда он поднимал биты, и плетеный из какой-то травы браслет над бицепсом левой руки с заткнутыми за него цветами сильнее врезался в кожу. Потом были исполнены несколько песен, и барум использовался уже как скамья — на нем сидел молодой мужчина, украсивший свою прическу целым букетиком из травы типа осоки и какого-то растения, отдаленно напоминающего папоротник. Рядом с ним примостился, свесив ноги, пожилой папуас в длинном полотнище вокруг бедер и покупных сандалиях²⁴. В хижину набралось человек десять соседей и родственников Какала. Я заметил здесь свою знакомую — главную искусницу в деревне по нанесению татуировки, всерьез решившую после моих расспросов, что мне не терпится испробовать на себе ее мастерство. Окурок сигареты за ухом придавал ей деловой и плутоватый вид.

Пока звучал барабан и пелись песни, я рассматривал хижину. По сути дела, главным в ней была крыша, типичной для Бонгу конструкции. Свисающие с нее пальмовые листья почти касались земли, поэтому не сразу бросалось в глаза отсутствие стен: площадку под крышей с трех сторон ограждал плетень высотой не больше метра. Вход украшала железная бочка. В глубине хижины возвышалась самодельная деревянная «кровать». Пепел на самой середине земляного пола показывал, что здесь обычно разводят огонь. На плетне напротив барума висел окам, покрытый резьбой, на одном из столбов — фонарь «летучая мышь». Я спросил Какала, как называется эта постройка. «Боджьюу», — последовал ответ. Боджьюу? Но ведь так называется и «дом мальчиков»... Ну, конечно же, и эта хижина для барума также была мужским домом — вернее, тем, во что мужской дом превратился. Я должен был сразу понять это, когда Какал сказал, что он спит здесь на кровати. Вообще, по его словам, боджьюу сооружен рядом с хижинной его отца не только для барабана, но и для того, чтобы в нем кто-то ночевал. В двух местах на ниточках, привязанных к крыше, свисали длинные сухие листья, сложенные гармошкой. Я видел такой же лист на ниточке и под крышей «дома мальчиков», который описывал вчера. «Да, — подтвердил Какал, — этот лист дерева, называемого на нашем языке „дир“, может висеть только в доме мальчиков — там, где не живут женщины. Таков обычай Бонгу. Для чего их подвешивают? Просто так. Таков обычай...»

Итак, я столкнулся еще с одной постройкой, показавшей, какими разными путями идет вырождение древнего мужского дома. Если в первом случае утрата его былых отличительных черт достигается почти полным уподоблением боджьюу свайной жилой хижине (естественно, без барума), то во втором случае мужской дом близок к превращению в навес для хранения барабана. И все-таки удивительно, как еще живуча традиция, которую Н. Н. Миклухо-Маклай застал в ее полной силе. Н. А. Бутинов, как он рассказывал потом, посетил мужской дом, сохранивший в большей степени ряд своих традиционных особенностей.

Какал, между тем, не забывал о главной цели нашего прихода. Дождавшись, когда несколько песен было спето, он обратился к присутствующим с просьбой оставить его и отца на некоторое время наедине с русскими гостями. Его слова вызвали общее недоумение, однако все повиновались. Не прошло и минуты, как хижина опустела. Мы присели на циновки: Какал рядом с отцом, а напротив — М. В. Крюков и я. Внезапно наступившая тишина после громкого смеха и пения вызвала у нас чувство некоторой неловкости. Надо было начинать разговор, и я поблагодарил отца Какала за любезное приглашение посетить их дом. Какал перевел эту фразу на язык бонгу. Отец что-то произнес. «Я рад видеть

²⁴ Как правило, жители Бонгу обувь не носят.

у себя людей из далекой страны Маклая», — перевел Какал. И вновь наступило молчание. Б. Н. Путилов, стоявший до этого у входа в хижину и занятый осмотром магнитофона, собрал свои вещи и ушел. Мы остались вчетвером. М. В. Крюков попытался продолжить светскую беседу: «Мы очень тронуты тем теплым приемом, который оказывают нам жители Бонгу...», — начал он, но в этот момент в хижину вошел папуас. Он уже уселся было на барабан, но Какал что-то сказал ему не допускающим возражения тоном, и мужчина (по мнению М. В. Крюкова, глава одной из семейно-родовых групп) молча удалился. Опять воцарилась тишина.

Какал, необычайно серьезный, сам приступил к делу. Он торжественно сообщил: «Мой отец сейчас расскажет вам о человеке, о котором вы спрашивали вчера». Отец слегка наклонился к юноше. Хотя вокруг не было ни души, он говорил едва слышным шопотом — во всяком случае, я видел лишь, как шевелились его губы, окрашенные бетелем в неестественно алый цвет. Какал переводил нам его слова таким же тихим шопотом, причем имя Ялли он произносил настолько неясно, что его приходилось скорее угадывать. Наверное, мы все очень странно выглядели со стороны.

Оказывается, отец Какала однажды сам видел Ялли. Ялли говорил окружающим его людям, что он может совершать чудеса, например, превратить лежащие в море камни в пищу. Он учил, что нельзя, будучи в лесу, губить понапрасну растительность и все живое, что людям в деревне нельзя ссориться и враждовать, что человека, пришедшего в деревню из другого места, надо хорошо принять, накормить, уложить спать в своем доме, помочь в его деле. И нужно чистить рот, умываться и содержать одежду, дом и туалеты в чистоте.

— А как Ялли учит относиться к белым людям?

— К ним надо относиться так же хорошо, как и ко всем другим.

И вдруг в беседе неожиданно произошла резкая перемена. Было бы неправдой утверждать, что мы уловили какой-то особый взгляд отца Какала или движение, выдающее беспокойство. Нет, внешне все оставалось прежним. Но отец юноши перестал рассказывать, он лишь отвечал на вопросы, причем очень скупой.

— Какая же разница между словами Ялли и учением церкви? Ведь то, к чему призывает Ялли, проповедует и христианский пастор.

— Никакой разницы нет. Более того, сам Ялли говорит, что надо ходить в церковь и верить в бога, который властвует над всем.

— Почему же из нашей беседы надо делать такой секрет — говорить тихо и удалять посторонних?

— Сам Ялли — хороший человек, и его слова совпадают с учением церкви, но его последователи решили, что в церковь ходить не надо.

Это не было ответом на вопрос, но настаивать не имело смысла.

— А говорил ли что-нибудь Ялли о товарах, карго?

— Нет. Напротив, он убеждал, что надо надеяться на свой труд, ибо никакие блага не придут к человеку сами, без усилий с его стороны.

Еще несколько вопросов ничего нового не дали. Было очевидно, что разговор, к которому готовились с самого утра, окончен. Мы еще раз выразили признательность отцу Какала за гостеприимство и внимание и расстались с ним, унося в руках подарки — два деревянных табора. После позднего обеда в нашей хижине мы снова бродили по деревне, фотографировали, зарисовывали, и рисунок папуасского каноэ пришлось завершить уже в темноте, при свете карманного фонарика. Затем опять была долгая — последняя — беседа с папуасскими друзьями за столом на веранде нашей хижины, и только когда все разошлись, мы с М. В. Крюковым сели в стороне, чтобы поделиться впечатлениями о встрече, носившей такой конспиративный характер. Кроме нас, на ве-

Рис. 9. Хижина старика. Фото Н. А. Бутинова

ранде осталась И. М. Меликсетова, складывавшая в походные баулы посуду.

Мы единодушно пришли к выводу, что отец Какала сочувствует Ялли. По сути дела, в своем рассказе он выгораживал Ялли, стремился представить его в лучшем свете, отрицал разницу между его идеями и учением церкви. Другие приверженцы пророка карго-культа могли осудить юношу и его отца, узнав, что они говорили о таких запретных вещах с белыми людьми, хотя бы эти белые и были из страны самого Маклая. Вот почему наш разговор был окружен строжайшей тайной. Мы оба признали также, что сами скомкали интересную встречу. Вопрос об отношении Ялли к белым не стоило задавать столь поспешно и прямолинейно. Он напомнил папуасам о цвете кожи собеседников и вернул их к привычной осторожности. И все же сама беседа со столь серьезными охранными мерами была трогательным свидетельством доверия, которого сочли нас достойными наши друзья из Бонгу.

* * *

Многое, очень многое изменилось в Бонгу за минувшие сто лет, и полученные этнографическим отрядом материалы позволяют представить общую картину произошедших перемен. Собранные сведения, естественно, неравноценны. Из-за кратковременности нашего пребывания в деревне особое значение благодаря своей достоверности приобретают данные по материальной культуре. Она, как можно понять из этого очерка, прошла в своем развитии значительный путь.

Однако, оценивая культуру народа в целом, следует всегда иметь в виду, какие изменения происходят в рамках местных традиций, не нарушая их как систему взаимодействующих явлений, и какие вносят в жизненный уклад совершенно новые черты, сводя на нет прежние особенности местной культуры. С этой точки зрения изменения в материальной культуре Бонгу пока еще не означают серьезного переворота в жизни па-

пуасов. Новые вещи заняли место старых вещей, но выполняют те же функции. Недаром эмалированные миски называются так же, как деревянные — «табёр», кастрюли — как глиняные горшки — «ва́б», железные тесаки сохраняют название уже исчезнувшего из быта бамбукового ножа, «сирәу». Даже скамеечка с металлическим скребком восприняла название примитивного древнего орудия для добывания мякоти кокосового ореха («джарур», у Н. Н. Миклухо-Маклая — «ярур»). Правда, жилище папуасов существенно изменилось, но стал ли другим быт папуасов?

На этот вопрос пока нельзя дать исчерпывающего ответа. Исследование современной материальной культуры Бонгу нами только начато. В собранных сведениях есть немало пробелов. Так, я не могу без сожаления смотреть на фотоснимок небольшой свайной хижины с крышей, начинающейся прямо от пола (рис. 9). «Кто здесь живет?» — спросил я Какала, когда мы проходили мимо. «Один старик», — сказал юноша. Лежащий рядом барум позволяет думать, что эта хижина тоже является своеобразным пережитком мужского дома. Д. Д. Тумаркину ведь назвали мужским домом небольшую постройку с земляным полом, где жил старик-вдовец. Однако я не выяснил у юноши, как называется хижина, и поэтому не могу с уверенностью отнести ее к разряду мужских домов.

В Бонгу еще много работы для этнографов.

ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ДРУГИЕ НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ НА XIII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

18—24 августа 1971 г. в Москве проходил XIII Международный конгресс по истории науки, собравший более 2000 участников из 40 стран. На конгрессе работало 12 секций, 14 коллоквиумов, 5 комиссий, 3 комитета, трехдневный Кеплеровский симпозиум, на которых в целом было прочитано более 700 докладов¹.

Гуманитарным исследованиям была специально посвящена особая секция (секция 10). Она называлась «История наук о человеке (антропология, психология, социология, этнография)». Однако значительное число докладов на других секциях и коллоквиумах касалось тех или иных аспектов «наук о человеке». Большое теоретико-методологическое значение имели и общие науковедческие доклады, ряд положений которых бесспорно может и должен быть использован при дальнейшей разработке истории и теории этнографии и антропологии. Поэтому в нашем обзоре мы касаемся не только собственно антрополого-этнографических докладов, но и материалов гуманитарного, биологического или географического профиля, по проблематике близких этим наукам, а также тех общетеоретических докладов, которые имеют отношение к теории, методологии и истории этнографии и антропологии.

В данном обзоре нам также хотелось бы подчеркнуть, как важно для историка науки изучать проблемы человека, каких бы дисциплин он не касался. Одной из основных задач является определение места той или иной науки в общей истории человечества. Прекрасно выразил эту идею связи подлинной науки с проблемой человека болгарский ученый А. Стойков, выступая на 10-й секции: «В ходе тысячелетнего развития науки,— сказал он,— проблема человека имела первостепенное значение.

¹ Все материалы конгресса были опубликованы под грифом «XIII Международный конгресс по истории науки» в нескольких вариантах. Пленарные доклады и доклады на коллоквиумах и симпозиумах отпечатаны в виде отдельных брошюр (в ссылках в скобках в тексте мы даем только страницы). Каждая секция имела опубликованные тезисы докладов, включенных в программу (в ссылках даем указание на секцию и страницу, например: Секция 10, стр. 7). Если секция имела подсекцию, то тезисы соответственно печатались в брошюре данной подсекции (в скобках указываем секцию и подсекцию по первому слову из ее названия). Тезисы докладов, включенных в повестку дня сверх программы, опубликованы в следующих изданиях: «Сборник секционных тезисов (дополнения)» (в ссылках: Доп., стр.), «Материалы по общим вопросам истории науки. Материалы по истории и перспективам системного подхода к общей теории систем» (в ссылках: Мат. общие, стр.), «Материалы по истории геолого-географических наук» (в ссылках: Мат. геогр., стр.). Ссылки на доклады, тезисы которых не вошли ни в одно из названных изданий, и на выступления по докладам даются по личным записям и по протоколам секций. Помимо указанных вышли и некоторые другие публикации, которые в тексте статьи не упомянуты, поэтому мы их не называем и здесь.

Да и наука развивалась не сама по себе. Она всегда имела в виду человека в его самой тесной связи и взаимодействии с обществом, его растущие потребности, его познания, его стремления (Доп., стр. 39).

В работе конгресса можно, на наш взгляд, выделить три основных направления: 1) дальнейшее углубление теории и методологии как науковедения в целом, так и отдельных научных дисциплин; 2) расширение конкретных знаний в области истории каждой науки; 3) поиски интегрального подхода к изучению явлений живой и неживой природы, к универсализации наук, как неизбежного и необходимого противовеса растущей их дифференциации при точном разграничении предмета каждой науки. В большинстве представленных докладов история науки связывалась с разработкой конкретных текущих проблем, с будущим науки вообще и отдельных наук в частности. В ряде докладов (например, у Б. М. Кедрова) было отмечено, что если раньше наука открывала законы явлений, уже известных в той или иной мере человеку, то теперь речь идет об овладении прежде совершенно неизвестными явлениями.

Открывая конгресс, его президент академик Б. М. Кедров сформулировал пять основных принципов истории науки: принцип историзма, принцип перспективности, детерминизм, принцип интегральности и, наконец, многоплановость, в которой и проявляется интегральность мировой науки².

В данной статье мы остановимся прежде всего на работе секции № 10 «История наук о человеке». Ее работой руководили этнограф Ю. П. Аверкиева вместе с психологом М. Г. Ярошевским.

Ряд ведущих советских этнографов в своих докладах по истории и методологии науки обрисовал положение этнографии среди других наук и осветил ее задачи и методы.

Ю. П. Аверкиева в докладе «О значении понятий этнология и антропология в истории наук о человеке»³ рассмотрела этапы развития этнографии и антропологии. Она показала, что этнография (вначале этнология) зародилась как универсальная наука о человеке. Идейной основой такого понимания этнографии был философский антропологизм. Ю. П. Аверкиева отметила, что «ошибкой философского антропологизма было понимание человека как биологического существа с абстрактной, извечно данной и неизменной сущностью». Ю. П. Аверкиева проанализировала историю термина «социальная антропология», показав ошибочность отождествления этой науки с антропологизмом или философской антропологией, осветила основные черты структурно-функционального метода, который некоторые авторы пытаются представить в виде самостоятельной и стройной социально-философской системы (например, Леви-Стросс, один из ее создателей). В докладе дан анализ содержания понятий «этнография» и «антропология» в разных странах и в разные периоды. «Этнология, этнография и культурная антропология в США, — говорит Ю. П. Аверкиева, — являются практически синонимами». Она устанавливает четкое соотношение между социальной антропологией и социологией, этнографией и историей. В целом Ю. П. Аверкиевой дана картина развития понятия «этнография» в широком смысле слова, включая все ее аспекты.

Доклад Ю. В. Бромлея «К вопросу о соотношении этнографии и истории культуры» был посвящен важной, еще не разработанной методологической проблеме. Поскольку этнография (этнология) — это наука об

² Б. М. Кедров, История науки и принципы ее исследования, «Вопросы философии», 191, № 9, стр. 78—89 (вышло также отдельное издание доклада в материалах конгресса); см. также: Э. М. Мирский, Форум историков науки, «Вестник Академии наук СССР», 1972, № 1, стр. 51—56.

³ Положения доклада развернуты в статье Ю. П. Аверкиевой «Этнология и культурная (социальная) антропология на Западе», «Сов. этнография», 1971, № 5, стр. 9—16.

этнотонах, а «главным носителем этнических свойств является культура в широком смысле слова», необходимо поставить вопрос о критериях разграничения этнографии с другими дисциплинами, занимающимися изучением культуры. Ю. В. Бромлей предложил убедительный принцип разграничения этнографии и истории культуры, для чего используется введенное им понятие «этнографического ядра», содержащегося в каждой культуре. В «этнографическое ядро» культуры входят «те ее компоненты, для которых характерны традиционность, повседневность и массовость», т. е. элементы, составляющие так называемую народную культуру (Секция 10, стр. 7). Именно в этом «этнографическом ядре» наиболее отчетливо проявляются этнические функции культуры и ее этнодифференцирующие свойства. «Соответственно специфика этнографического подхода к культуре, — сказал Ю. В. Бромлей, — и определяется рассмотрением ее сквозь призму этих функций» (там же, стр. 7—8). Докладчик отметил, что предметом «отраслевых историко-культурных дисциплин являются прежде всего идеологические и эстетические функции культуры; но поскольку «этнические функции народной культуры теснейшим образом связаны с ее остальными функциями» (там же, стр. 8), то отсюда и взаимопереплетение этнографии со смежными культуроведческими дисциплинами. Докладчик считает, что исследования, где упор делается на общее в культуре, — это область культурологии; там же, где упор делается на особенное — в данном случае этнически специфическое, — там область этнографии.

Следует отметить, что при введении понятия «этнографическое ядро» при характеристике народной культуры неизбежно также возникает вопрос о том, в какой мере сохраняется это ядро в условиях распространения современной технической культуры, унификации многих элементов материальной и духовной культуры, растущего обмена культурными ценностями, т. е. вопрос о мере сохранения этничности каждого народа.

Докладчик выдвинул положение, что этнография — не совокупность разных дисциплин и не супердисциплина, а специфическая наука, которая должна коррелироваться со смежными дисциплинами, в том числе и с антропологией.

Доклад «О соотношении этнографии и антропологии» был представлен С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым. Авторы показали различие предметов обеих наук. Этнография — наука историческая, общественная, изучающая народы, их быт, культуру; антропология — наука биологическая; она исследует вариации физического типа человека во времени и пространстве. Общее в этих науках то, что они рассматривают процессы, которые протекают в больших человеческих коллективах — этнических, популяционных и расовых. Авторы выдвинули два оригинальных положения, которые легли в основу защищаемой ими теории этноса: во-первых, «пространственная стабильность и временная преемственность таких коллективов основывается, главным образом, на связях информационного характера» (Секция 10, стр. 5); во-вторых, «все виды этих процессов — в первую очередь процессы этнического разделения и объединения (консолидации, ассимиляции и интеграции), стимулирующие возникновение и разрушение генетических барьеров, в значительной степени определяют конкретную историю человеческих популяций от мельчайших изолятов до человечества в целом» (стр. 6). Плодотворное исследование многих основных проблем: происхождения человека и общества, геногеографии и расообразования, истории семьи и брачных отношений (в частности экзогамии и эндогамии), этногенеза и национального развития, как показано в докладе, возможно только при использовании методов обеих наук — этнографии и антропологии.

В. В. Покшишевский представил доклад «Взаимодействие географии и этнографии с древности до наших дней». До XVI в., сказал докладчик, страны и народы изучались слитно, в рамках географии. Начиная

с XVIII в. успехи естествознания ориентировали географию главным образом на изучение природы или комплексные географо-статистические описания. Во второй половине XIX в. произошло становление этнографии как самостоятельной общественно-исторической науки, что связано с именами Бахофена, Тэйлора, Моргана, Энгельса (здесь мы добавили бы имя Н. И. Зибера), Фрэзера, Леви-Брюля. В процессе отделения от географии и от физической антропологии постепенно определялся предмет этнографии. Докладчик провел интересный анализ соотношения географии и этнографии в различных научных школах: от упрощенного преувеличения роли географической среды (в антропогеографии Ратцеля) через концепцию «духа народа», влияющего на материальные черты его жизни (у Мейтцена), через французскую школу «географии человека» и различные варианты диффузионистских воззрений до пренебрежения географией (современные функциональное, психологическое, структурное направления). В. В. Покшишевский, проследивший взаимодействия географии и этнографии, показал, что география — это система научных дисциплин. Часть из них изучает общественные закономерности и взаимодействует с этнографией либо прямо (этногеография), либо опосредованно (например, исследование влияния хозяйства на этносы и этносов на хозяйство). Другая часть географических дисциплин изучает природу, причем и здесь имеются точки соприкосновения с этнографией: «например через «вещественный состав» географической среды, влияющей на конкретные черты материальной культуры» (Секция 10, стр. 21).

«Фольклористика и этнография» — такова тема доклада К. В. Чистова. Определив фольклористику как науку об устном народном поэтическом творчестве⁴, докладчик выступил против понимания фольклористики как чисто филологической или чисто этнографической дисциплины. В докладе выдвинуто положение о том, что фольклористика является одновременно наукой и искусствоведческого (точнее, литературоведческого, так как фольклор прежде всего связано со словом), и этнографического характера, поэтому, будучи вполне самостоятельной наукой со своим предметом исследования, «она может рассматриваться и как одна из органических составных частей этнографии, и как одна из составных частей литературоведения». Аргументы К. В. Чистова убедительно, на наш взгляд, подтвердили его тезис о том, что фольклористика — «пограничная наука» по самому своему существу, и в зависимости от задач исследования возможно ее отнесение или к филологии, или к этнографии.

Названные пять докладов советских этнографов представляют несомненный вклад в историю и теорию этнографии. На секции № 10 было также заслушано несколько докладов зарубежных ученых, посвященных общим вопросам.

М. Д. Бачваров (Болгария) выступил с докладом «Проблема человека — центральная проблема историко-философского исследования». Основные его положения не вызывают сомнений.

Вместе с тем представляется, что в философском плане тема может быть расширена, ибо человек — лишь одно из проявлений жизни во Вселенной; на современном уровне наших знаний — высшее ее проявление. И если в историческом плане проблема человека (и человечества) является главной для исследователя, то в философском плане на первое место выдвигается проблема жизни во Вселенной.

Чрезвычайно интересным был доклад А. Стойкова (Болгария) «По поводу проблемы „Человек и науки об искусстве“», для которого был характерен глубокий гуманистический подход к пониманию места науки

⁴ К. В. Чистов, О взаимоотношении фольклористики и этнографии, «Сов. этнография», 1971, № 5, стр. 17.

в истории человечества. Задачи всех наук, по мнению докладчика, — помочь человеку познать природу и себя. Указывая также на бурное развитие науки и техники в наши дни, А. Стойков призывал к усилению взаимосвязи этнографии, антропологии, социологии с историей искусства, эстетикой и психологией искусства, а поскольку три последние науки раскрывают определенную сторону способностей человека, то через них возможен переход к наукам, пограничным с естественными (например, с антропологией, психологией) и, далее, к естественным наукам, ибо человек — творение природы. Построив, таким образом, логическую цепь «человек — наука — общество — природа», докладчик подчеркнул роль ученого и его свободной мысли в прогрессе науки и привел в пример Ф. Бэкона, М. В. Ломоносова, А. Эйнштейна, Ф. Жолио-Кюри, Д. Бернала, научное творчество которых было свободным от предвзятых истин, что в немалой степени позволило им сделать великие открытия, направленные на благо человека, на всеобщее процветание.

Н. Мизов (Болгария) выступил с докладом «Методологический взгляд на историю религии», где высказывается мысль, что в историю религии нельзя включать историю атеизма — это разные науки. Сама религия появляется как экзогенный феномен, а затем развивается по своим эндогенным законам. Атеизм же — совершенно самостоятельное явление, особый тип мышления, особый подход к окружающему миру. О связи религии и атеизма можно говорить только в негативном смысле: религия отрицает атеизм, атеизм не признает религии. Докладчик выдвинул три принципа исторического познания религии как особого феномена: системно-структурный, генетико-этапный и религиозно-пространственный. Все эти положения интересны как для историков религии, так и для этнографов и заслуживают широкого и детального обсуждения.

Ряд докладов на 10-й секции носил конкретный характер и раскрывал неизвестные или забытые стороны в развитии наук о человеке: некоторые были посвящены роли ученых России, другие касались отдельных сюжетов из истории этнографии, демографии и антропологии.

О Николае Ивановиче Зибере (1844—1888) рассказал Ю. В. Маретин в докладе «Русский марксист XIX в. Н. И. Зибер и значение его работ для первобытной истории». Докладчик отметил большую роль Н. И. Зибера в пропаганде экономических идей К. Маркса в России в 1870—1880-е годы и показал, что Н. И. Зибер был первым из историков, этнографов и экономистов, применившим марксово материалистическое понимание истории к ранним этапам развития общества. «Очерки первобытной экономической культуры» Н. И. Зибера (1883), в котором с материалистических позиций были рассмотрены основные вопросы общинно-родового строя, непосредственно предшествовали работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). На этот факт обращали внимание в своих работах П. И. Кушнер, С. И. Токарев. Изучая формы коллективного труда, начиная с самых примитивных форм кооперации и до более сложных (различные формы земледельческой общины), ученый пришел к выводу, что на ранних ступенях развития общинные формы хозяйства были универсальными, и отсюда сделал вывод о наличии коллективной собственности и коллективного потребления на этих стадиях. По мнению докладчика, Н. И. Зибер является создателем такой этнографической субдисциплины, как «экономическая антропология», опередив, таким образом, на полстолетия западных ученых — Б. Малиновского, М. Херсковица и др.

Л. А. Шур сделал доклад «Роль русских ученых в истории этнографического изучения Калифорнии (первая половина XIX в.)». Докладчик рассказал о ряде русских ученых и путешественников: В. М. Головнине, О. Е. Коцебу, А. П. Лазареве, М. Н. Васильеве, Н. Д. Шишмареве, Ф. Ф. Матюшкине, Ф. П. Литке, К. Т. Хлебникове, Ф. П. Врангеле, П. Шелехове, П. Костромитинове, И. Г. Вознесенском.

Автор убедительно показал, что собранные ими богатейшие этнографические коллекции (их основная часть хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде), путевые дневники и записки представляют собой ценный, а зачастую и уникальный этнографический источник. Л. А. Шур говорил о необходимости активно публиковать рукописные материалы, которые хранятся в архивах, чтобы научное наследие классической эпохи русской американистики учитывалось в современных этнографических исследованиях.

А. Д. Дридзо в докладе «Африканистика и латиноамериканистика в Прибалтике (XIX — начало XX в.)» напомнил о незаслуженно забытых прибалтийских ученых Х. Тийсман, Э. Овийр, Л. Блумер и др., работавших в Африке и впервые исследовавших культуру некоторых африканских народов. Некоторые из прибалтийских ученых совершили в XIX в. путешествия в страны Южной Америки (Ю. Юриссон, Е. Сиверс), а К. Берг долго работал там. Их работы имеют значение первостепенного историко-этнографического источника.

К одной из страниц истории зарубежной этнографии обратилась С. А. Маретина в докладе «Британская школа в изучении общественного строя малых народов Северо-Восточной Индии». История этих народов имеет весьма важное значение не только для этнографического изучения самой Индии, но и для теории развития общества на ранних его этапах. С. А. Маретина проследила историю изучения малых народов Индии различными учеными, в подавляющем большинстве англичанами. Отмечая большую фактологическую базу этих работ, она показала их методологическую ограниченность: преимущественное внимание к первобытнообщинным институтам (в основном родовым), рассмотрение социальной надстройки вне связи с экономическими процессами, описание общества в статике. Лишь в последние два-три десятилетия появились исследования, показывающие динамику развития общественного строя малых народов Индии.

К. Фройтик (Чехословакия) в докладе «Зарождение интереса к изучению быта рабочих Богемии и Моравии в XIX в.» раскрыл неисследованную страницу чехословацкой этнографии. В первой половине XIX в. чехословацкие этнографы не изучали жизнь рабочих. В 1830—1840-е годы появились первые публикации, главным образом об условиях труда и быта рабочих, а со второй половины XIX в. — статьи о жизни рабочих отдельных отраслей промышленности. Этнографическим описанием рабочего быта является анонимная работа о жилищных условиях рабочих в Брюнне (Брно), снабженная ценными для этнографа фотографиями. Материалы о жизни рабочих были отражены и на чехословацкой этнографической выставке 1895 г.

А. А. Раков в своем выступлении «Роль социально-экономических факторов в историческом формировании демографических структур» воспользовался понятием «демографическая энтропия», рассматривая это понятие как итог взаимодействия демографических, экономических, технических и иных факторов. Докладчик дал анализ переписей в нашей стране 1897, 1926, 1939, 1959 и 1970 гг., выделив «демографические энтропии „сельские“ и „городские“». Представляется, что такая попытка, целью которой является учесть максимальное число социально-экономических факторов, взятых в динамике и взаимодействии, для суждения о демографической ситуации, может считаться перспективной. Следует, однако, учесть поправку С. И. Брука, который показал, что демографическая ситуация обладает относительной самостоятельностью.

П. Н. Боев (Болгария) во внепрограммном докладе «Символическая трепанация и этногенез болгар» показал на собранном им полевом материале, а также на литературных данных, что символическая трепанация была характерна для родственных гуннам протоболгар, прошедших с середины I тысячелетия н. э. до конца VII в. от Средней Волги

через Северный Кавказ, Украину и Молдавию на Балканский полуостров. Славянские народы, жившие до прихода протоболгар на территории современной Болгарии, заимствовали этот обычай у пришельцев, с которыми, согласно П. Н. Боеву, этногенетически связаны и венгры.

З. Т. Илларионов в своем докладе «К вопросу о принципах исследований по историографии палеолитического периода всеобщей истории» говорил о необходимости синтеза наук, занимающихся древним человеком (этнографии, антропологии и археологии).

Ведущим дисциплинам должны помогать многие субдисциплины — палеопсихология, палеопатология, рентгенология, минералогия и многие другие. Докладчик справедливо сожалел о почти полном отсутствии ученых, которые в равной мере владели бы естественными и социальными аспектами изучения человека. Он предложил создать «Центр по изучению палеолита», где совместно работали бы ученые разных специальностей.

Доклады, посвященные проблемам социологии и психологии, представляли определенный интерес, но носили случайный характер. Социологической тематике были посвящены три доклада румынских делегатов и один доклад французского делегата. Румынские ученые В. Куртикапяну и Т. Помпилиу рассказали о румынской исторической науке и показали постепенное выдвижение и победу марксистской исторической мысли. Г. Зане и Г. Добре выступили с докладом «Общая характеристика развития румынской экономической мысли». Их главная идея заключается в том, что экономическая наука развивалась в Румынии в тесной связи с потребностями страны и в контакте с европейской наукой. Докладчики отметили, что уже в конце XIX в. в Румынии началось становление марксистской экономической мысли. В заключении доклада были обрисованы задачи, стоящие в настоящее время перед румынской экономической наукой. В. Константиnescу выступил с докладом «Теоретические и исследовательские координаты на материале румынской социологии», в котором подчеркнул роль марксизма в современной румынской социологии. Доклад А. Ги (Франция) был посвящен современной испанской социологии (Тезисы историко-социологических докладов см.: Доп., стр. 9—11, 18, 48—49).

Психологи предложили вниманию собравшихся 7 докладов⁵.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на выступлениях социологов и психологов, отметим лишь, что на будущих конгрессах по истории науки хотелось бы услышать доклады об истории таких субдисциплин социологии и психологии, как этносоциология и этнопсихология, которые находятся на границе между названными науками и этнографией. Большой интерес будут представлять также ориентированные на этнографию доклады по истории и теории структур, системному подходу и другим новым методологическим направлениям научных исследований. Это позволило бы более целостно представить историю наук о человеке, учесть последние (или, по крайней мере, недавние) тенденции в ее развитии.

После докладов на секции № 10 развернулась дискуссия, в ходе которой обсуждались проблемы взаимоотношения наук о человеке с другими науками, границы применения в науках о человеке современных понятий (система, структура, код и др.). Многие выступления в дискуссии носили общетеоретический характер. Так, весьма ярким было выступление Ю. Б. Стракача, отметившего, что человек — сложная машина на стыке биосоциальных наук. Поэтому при его изучении биологические науки должны быть представлены не только физической антропологией

⁵ См.: В. Л. Латкин, И. Семенов, Психологическая проблематика на XIII Международном конгрессе по истории науки, «Вопросы психологии», 1972, № 1.

или медициной, но и другими дисциплинами. Ю. Б. Стракач выразил сожаление, что в работе секции не были отражены материалы по экологии человека. Отметив открытие биологического кода и биопрограмм, выступавший призвал к работе над открытием «социопрограмм», «социокодов», которые, по его мнению, заключаются в традициях. Поддерживая это выступление, Н. Н. Чебоксаров отметил большую роль традиций в становлении и сохранении этноса, что соответствует и антропогенетическим данным: например, академик Н. П. Дубинин ставит вопрос о наличии биосоциальной программы, о генетическом наследовании некоторых социальных навыков. Н. Н. Чебоксаров сказал, что на секции была слабо представлена тематика физической антропологии — пограничной науки между биологическим и гуманитарным комплексом, ощущался пробел в историко-методологических докладах по физической антропологии.

М. Г. Рабинович рассмотрел проблему этнографического подхода к историческим источникам.

С. А. Ревинг сказал, что представления о природе человека служат исходным моментом для формирования любой из наук о человеке. Следовательно, история наук о человеке может быть понята как историческая конкретизация и развитие таких представлений. Эти же последние отражаются в исторической эволюции взаимосвязи трех философско-психологических параметров — детерминизма, свободы воли и ответственности. Соответственно автор выделил четыре периода в этой эволюции, полагая, что характер наук о человеке в каждый из периодов определяется именно состоянием названных параметров: 1) античный — фатализм, 2) средневековый — свобода воли в рамках божественной предопределенности и ответственность перед богом, 3) новый — атеизм, волюнтаризм и личная ответственность, 4) новейший — распространение марксистских научных представлений и ответственность человека перед обществом. Такой критерий для всеохватывающей характеристики наук о человеке, с нашей точки зрения, справедлив лишь частично, а главное — он касается лишь философии и не может быть распространен, например, на этнографию и антропологию.

Несомненный интерес для антропологов и этнографов имеют работы историков биологических наук, представленные на коллоквиуме «Эволюционная теория и генетика», и доклады, представленные на секции № 9 «История биологических наук (включая теоретические основы медицины)». Общий обзор состояния современной биологии и ее задач сделал на пленарном заседании Ж. Кангилем (Франция) в докладе «К истории наук о жизни после Дарвина». В сжатой и яркой форме автор показал роль блестящей плеяды ученых последарвиновского периода, в первую очередь генетиков, труды которых экспериментально подтвердили эволюционную теорию Дарвина. Автор особо подчеркнул, что «наши современные знания о строении и функциях живой материи основываются на последовательном сочетании и координации данных, полученных различными биологическими дисциплинами, с данными формальной генетики» (стр. 11). В докладе высказана мысль, что успехи биологических наук последнего периода были бы невозможны без интенсивного внедрения современной научной техники в исследования.

На коллоквиуме «Эволюционная теория и генетика» внимания антропологов и этнографов заслуживают доклады А. Е. Гайсиновича «Проблемы изменчивости и наследственности в русской биологии на рубеже XIX и XX веков», Л. Кузьниченко (Польша) «Отношение между эволюцией и генетикой», В. Н. Сойфера «Развитие структурно-молекулярных принципов в генетике и эволюции»⁶.

⁶ М. С. Гиляров, Биологические проблемы на XIII Международном конгрессе по истории науки, «Журнал общей биологии», т. XXXII, 1971, № 6.

Можно отметить растущее внимание к изучению влияния экологических факторов на жизнь человека. Об этом говорилось на разных секциях (особенно на секциях биологического цикла). Этой проблеме посвятил специальный раздел своего доклада на втором пленарном заседании делегат И. Малецкий (стр. 7—8).

Ряд докладов на коллоквиуме «История изучения и освоения Сибири» и на секции 8 «История наук о Земле» (особенно об истории географических открытий) касается не только проблем исторической географии, но и исторической этнографии. По тематике они смыкаются с некоторыми докладами секции «История наук о человеке». В докладе А. П. Окладникова и И. М. Колмогорцева (он не был зачитан) «Наука в Сибири — итоги и перспективы» дана широкая картина современного состояния научных исследований в Сибири, в том числе и гуманитарных. Доклад Е. Винтера (ГДР) — «Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720—1727)». Мессершмидт действовал в годы, когда, по словам докладчика, Россия шла «по пути прогресса, указанного Петром I» (стр. 10, 11). В докладе показан огромный вклад, сделанный Мессершмидтом в изучение Сибири, в том числе в изучение населяющих ее народов. Докладчик сообщил о том, что сделано в ГДР для изучения трудов Мессершмидта, и призвал советских и немецких ученых совместно изучать научное наследие выдающегося ученого. Исследованию Сибири был посвящен также доклад Ю. Бабица и Б. Ольшевича (Польша) «Польские путешественники и исследователи Сибири» о путешествиях поляков по Сибири, начиная с Бенедикта Поляка, совершившего поездку через Сибирь в 1245—1247 гг. вместе со знаменитым Плано Карпини, и до начала XX в.

Не только историкам и географам, но и этнографам адресован ряд докладов на Секции № 8 «История наук о Земле». А. И. Эндзинас в докладе «География изготовления железа по данным балтийских племен» показал, что балтийские племена познакомились с железом приблизительно в VII—V вв. до н. э.; докладчик проследил развитие и распространение способов обработки железа на территории Прибалтики по ономастическим данным. Аналогичной теме посвящен и доклад К. А. Мкртчяна «Из истории древнего горнорудного производства и металлургии Армении», в котором материал охвачен в широких хронологических рамках — от древнейшей эпохи (VII—IV тысячелетия до н. э.) до эпохи господства железа (V в. до н. э.—II в. н. э.). Интересны для этнографов также доклады Л. А. Гольденберга и В. П. Федчиной «Русская картография XIV—XVII вв. в исследованиях советских ученых», А. И. Алексеева «Географические итоги путешествий И. Г. Вознесенского по Северной Америке и Дальнему Востоку в 1839—1849 гг. (по материалам архивов СССР)», С. У. Умурзакова и Р. Л. Югая «Об участии и роли коренного населения в географическом изучении Средней Азии (XIX — начало XX в.)», Э. Бернляйтнера (Австрия) «Герберштейн и его карта России», Э. Волльгаста (ГДР) «Картина России в „Книге мира“ Себастиана Франка, 1534», А. А. Асланян «Армянские путешественники в Эфиопии», В. Слабозинского (Польша) «Польский вклад в географические открытия и исследования за пределами Европы и Сибири». К. Випиха (Польша) «Ян Станислав Кубары — польский исследователь Микронезийских островов», Д. У. Уотерса (Англия) «Размышления о путешествиях капитана Джеймса Кука в Тихом океане, 1768—1780», а также теоретический доклад Б. Н. Лиханова «Историческая география в познании взаимодействия природы и общества».

Для истории наук о человеке большое значение имели также работа Секции № 1 «Общие проблемы науки и техники» и секционного коллоквиума «История и перспективы развития системного подхода и общей теории систем», Секции № 2 «История организации научных иссле-

дований», коллоквиума «Личность ученого в истории науки»⁷. Особый интерес широкого круга ученых вызвал «системный коллоквиум». По системным исследованиям было заявлено 54 доклада — 18 зарубежных и 36 советских. Для их анализа необходимы специальные статьи. Здесь мы коротко остановимся на самых основных положениях этой теории и коснемся лишь тех докладов, которые прямо связаны с гуманитарной проблематикой.

Согласно системному подходу, наряду с «науками о вещах» важную роль играет наука «об отношениях между вещами»; ориентация же на изучение изолированных предметов — это метафизика. Общая теория систем (ОТС) является метатеорией, так как любой объект науки может быть представлен в виде системы. ОТС граничит и часто перекрещивается с такими новейшими научными направлениями, как теория информации, кибернетика, учение об организации, теория структур. Системный подход тесно связан со структурно-функциональным методом. ОТС создает предпосылки для установления более прочных и постоянных связей между общественными и естественными науками, особенно социальными и биологическими, так как эта теория изучает «живые системы». При изучении социальных явлений становится очевидным наличие серии подсистем, которые подлежат изучению как сами по себе, так и в рамках социальной макросистемы (или, точнее, социального уровня систем); при этом изучаются объем, степень организации и время возникновения этих подсистем и их микроэлементов. Такой подход вписывается в рамки марксистско-ленинской философской теории и методологии, являясь дальнейшим развитием марксистского диалектического метода, разумеется, при подлинно марксистской интерпретации выводов.

Примером применения системного подхода к конкретному этнографическому материалу явились выступления Н. С. Думитру и И. Л. Андреева на Секции № 10.

Н. С. Думитру (Румыния) в докладе «Эволюция антропологии, ее актуальные проблемы как биосоциальной дисциплины и вклад в синтез современной науки», рассмотрел общество как систему и выделил три кардинальных фактора: 1) техника и технология производства; 2) экономический механизм саморегуляции этой системы; 3) совокупность общественных отношений. Соответственно докладчик выделил три этапа, показывающие, как человек овладевал этими факторами: 1) промышленная революция и восходящее развитие капитализма означает овладение первым фактором; 2) становление пролетариата как «класса для себя», победа социалистической революции и организация общества на новой экономической основе означают овладение вторым фактором; 3) полная реализация всех возможностей социальной системы и человеческого индивидуума на этапе социализма и затем коммунистического общества означает овладение третьим фактором. На каждом новом этапе выдвигаются новые науки, а в практику вливается новый поток научной информации. Докладчик рассмотрел также роль антропологии (в широком смысле слова) на каждом из этапов. Он считает, что задачей антропологии является изучение биологического и социального в их взаимодействии, изучение социальных результатов психологических явлений и дальнейшего взаимодействия биологического и сложившегося уже социального. Таким образом, в докладе Н. С. Думитру антропология наделяется чертами модной на Западе теории, так называемой философской антропологии, выступающей как некая метатеоретическая наука. На схемах (заметим, что они были весьма нечеткими) докладчик пытался показать

⁷ В. П. Визгин, А. И. Володарский, А. А. Печенкин, В. Л. Рабинович, Методологические проблемы на XIII Международном конгрессе по истории науки, «Вопросы философии», 1971, № 12, стр. 245—254, В. Латкин, И. Семенов, Указ. раб., стр. 182—184.

роль такой «метаантропологии» в объяснении сочетания «материального уровня» (производительные силы, техника) с «совокупностью общественных отношений» (производственные отношения) в единой системе через «экономический механизм саморегуляции этой системы». История антропологии, по мнению докладчика (т. е. этнографии в широком смысле слова), должна показать не только картину развертывания ее как дисциплины, охватывающей все новые и новые аспекты биосоциальной жизни человека, не только предусмотреть будущие проблемы, но и продемонстрировать практическую ее значимость: «Информация данной науки,— сказал Н. С. Думитру,— включается в структуру управления социальными процессами». Автор считает, что антропология «даст психологии, социологии и даже истории структурно-генетические понятия (выработанные на основе многостороннего исследования скачка от биологического к социальному); сыграет важную катализирующую роль в осуществлении синтеза современной науки, будет шагом в выработке единого для естественных и общественных наук, проникнутого историзмом логико-методологического аппарата» (Доп., стр. 62). Ряд выступавших (О. М. Тутунджян, Н. Н. Чебоксаров) отметили, что не следует считать антропологию (т. е. этнографию в широком смысле слова) «наукой наук», ибо каждая наука имеет свой предмет и метод; их объединяет философский подход — материалистический или идеалистический, «антропологического» же подхода как метода объединения биологических и общественных наук пока не существует, и попытка Н. С. Думитру представляется пока преждевременной и декларативной.

И. Л. Андреев в докладе «Перспективность системного подхода к смежным областям этнографии и древней истории» остановился на соотношении кровнородственных и функционально-корпоративных связей в эпоху разложения первобытной формации и выдвинул гипотезу, что те и другие связи можно рассматривать соответственно как формальные и неформальные организации. Это позволяет применить к этнографическому материалу теоремы общей теории систем, при этом структуры первого типа сосредоточивают в себе статику, а структуры второго типа — динамику социальных систем исследуемой эпохи. Кровнородственный тип организации в принципе сохраняет свою «архитектуру», будь то матрилинейный, патрилинейный род или его сегменты. Функционально-корпоративные же организации (и стадийные — возрастные братства, мужские и женские союзы, тайные ритуальные общества, и специализированные — культовые, военизированные, профессиональные) противопоставляют «ограниченности и неподвижности» кровнородственных организаций «централизацию и динамизм по отношению к изменениям среды и процессам внутренней перестройки» (Мат. общие, стр. 30). Таким образом, сказал И. Л. Андреев, «речь идет о качественно новой — внеродственной — ориентации социальных связей, в рамках которой интеграция различных социальных групп осуществляется на почве дифференциации общественных функций в процессе разделения труда». Докладчик кратко остановился на взаимосвязи кровнородственных и функционально-корпоративных организаций в структурном, функциональном и генетическом аспектах. По его мнению, «дополнение до сих пор преимущественно феноменологического амплуа этнографической науки и древней истории гносеологическими средствами системного анализа, без сомнения, будет означать их вступление в новую стадию своего развития».

Сошлемся, наконец, еще на доклад И. М. Бакиштейна и В. М. Петрова «Научно-технический прогресс и типология культуры», в котором развивалось представление о культуре как о системе — едином устойчивом типологическом образовании, состоящем из подсистем. При этом «носителем-посредником» связей между подсистемами служат феномены из социально-психологической области (Секция 1, стр. 3). Иначе говоря, всестороннее изучение культуры предполагает включение ряда дисциплин

лин исторического и биологического циклов. Это показывает, сколь широка сфера применения методологии системного подхода в гуманитарных исследованиях⁸.

Зарубежные ученые, участвовавшие в работе общих секций по истории и методологии наук, продемонстрировали несомненный интерес к историческому материализму. Стоит перечислить лишь названия некоторых докладов: Р. Н. Деннис (Англия) «Исторический материализм и историография науки», П. М. Джордж (Канада) «Историчность: забытое измерение в социальных науках», Р. Гумпшенберг (Австрия) «История науки как диалектика»; В. Штрубе (ГДР) «О связи исторического и историографического феноменов» и др.

Системные исследования пришли в гуманитарные из естественных наук (в биологии это понятие впервые применил фон Бергаланфи). На конгрессе отмечалось и воздействие социальных наук на естественные. Об этом говорилось, например, в докладе А. Хауффельдта (ГДР) «Чем и каким образом общество определяло историческое развитие естественных наук». Иногда это влияние преувеличивалось. Так, Р. М. Янг (Англия) в докладе «Эволюционная биология и идеология» пришел даже к выводу, что «методы интерпретации, которые применялись к исследованиям культуры, теологическим и социальным исследованиям... должны быть распространены на определения, которые человек дает природе и науке» и приводит крайнее утверждение: «Природа — социальная категория». (Секция 1, стр. 58).

Можно отметить тенденцию некоторых докладчиков придавать науке всеохватывающее значение, приписывать ей роль некоего демиурга действительности, например, доклад «Наука как фактор социальной структуризации» Адины-Габриэлы Апостол (Румыния).

Огромное влияние науки на современное общественное развитие несомненно, однако нельзя приписывать ей всеобъемлющее значение, ибо наука — лишь одна из составных частей производительных сил общества и, как таковая, она участвует в социогонических процессах, при этом ее роль можно сравнить с ролью катализатора в химическом процессе. Именно об этом говорил во вступительном слове на открытии конгресса Президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш⁹.

Остерегаясь крайностей, подобных приведенным выше, мы должны признать, что развитие современной науки в настоящее время требует и от гуманитариев, в том числе и этнографов, освоения новых методов и понятий. Мы вполне согласны с философом и исследователем культуры Э. С. Маркаряном: «В настоящее время ощущается глубокая потребность социальных наук устойчиво ввести в собственный понятийный состав, с учетом своей предметной специфики, такие понятия как «энтропия», «негэнтропия», «адаптация», «открытая система», «информация» в их логическо-системной связи. Эти весьма широкие понятия как раз и призваны выступить в качестве важнейших теоретических связующих звеньев между различными группами наук, в том числе между науками естественными и общественными» (Э. С. Маркарян, «Общая теория систем и проблема взаимоотношения социальных и естественных наук», Мат. общие, стр. 24).

⁸ Помимо названных выше, обращаем внимание специалистов гуманитарного профиля также на следующие доклады по теории систем: В. А. Геодакян «Теория систем и специальные науки», А. А. Игнатьев «К определению понятия системы», В. И. Кремянский «Понятие гиперструктуры и некоторые проблемы системного исследования», Н. Н. Каськов «Проблема унификации средств описания связей различных структурных уровней в общей теории систем», Г. Я. Портнов «Оценка систем параметрами второго уровня», В. Н. Садовский «Общая теория систем как метатеория», М. И. Сетров «Проблемы разработки функциональной теории организации», А. И. Уемов «Методы построения и развития общей теории систем», К. М. Хайлов «Тенденция развития общей теории биологических систем», Б. Г. Юдин «Становление и эволюция проблематики самоорганизации», Э. Г. Юдин «Философские аспекты системного подхода», а также доклад У. Бакли (США) «Системный подход в социологии».

⁹ См. изложение его речи: Э. М. Мирский, Указ. раб., стр. 51—53.

Работа конгресса показала, что этнографы и историки этнографии, как и гуманитарии вообще, могут использовать большой объем знаний, накопленный науковедением при разработке проблематики негуманитарных наук. В этой связи надлежит более внимательно изучить материалы работы трех коллоквиумов: «Науковедение и история науки», «Личность ученого в истории науки» и «Роль логики и методологии науки в историко-научных исследованиях». Среди проблем, поставленных на этих эпистемологических коллоквиумах, отметим следующие: наука (и ее составные) как органическая часть общественного процесса воспроизводства; наука как система различных видов научной деятельности, включая оптимальную организацию этой системы научных знаний и методологию приобретения этих знаний; научная политика (включая политику в отдельных отраслях знаний); роль различных наук в прогнозировании как развития самой науки, так и развития общества и природы; роль личности ученого в истории науки; условия полноценного развития личности ученого.

В связи с последней из названных проблем отметим положение Д. Пелца, развитое Е. З. Мирской: «Исследования последнего времени показали, что для успешной работы в науке недостаточно соответствующего образования, аппаратуры, зарплаты — человеку необходимо быть ориентированным на научные ценности, на продвижение в науке, на признание в науке» (Е. З. Мирская «Влияние „классической“ модели ученого на современную научную деятельность», стр. 9). Важны также положения доклада И. Петерса (Польша), говорившего не только об интеллектуальной, но и о моральной подготовленности к научному творчеству. Убедительны положения А. Рошки (Румыния), сделавшего доклад «Творческое мышление. Пути его определения и развития», в частности, положение о роли коллектива в подготовке научного работника и в осуществлении научного открытия.

Наконец, отметим, что в разработке теории этнографии и антропологии как наук самостоятельных, определения их предмета, их границ и составляющих их субдисциплин, а также для определения форм взаимодействия и закономерности функционирования и образования этих субдисциплин и стыковых дисциплин, равно как и для написания истории этнографии как науки (а не как перечня имен, теорий, фактов), необходимо учитывать современные наукометрические и науковедческие методы, не проходить мимо положений новой общенаучной дисциплины — логики науки (см., например, доклады: А. А. Зворыкин, «Исследование науки как логической и информационной системы»; П. М. Родный, «Логика развития науки»; А. К. Щербаков, «Количественные закономерности в истории науки») ¹⁰.

И, естественно, в дальнейшей разработке теории и методологии гуманитарных наук, включая и этнографию, необходимо учитывать комплексность современной науки. В. А. Кардымов в интересном докладе «Универсализация научного познания — особенность современной науки» показал синтез двух процессов современной науки — дифференциации и интеграции. Это неизбежно ведет к построению наиболее общих эпистемологических, логических, математических и социологических концепций, имеющих непосредственное значение и для практики. Автор подчеркивает необходимость применения методов нескольких наук к одному объекту. Это ведет к взаимопроникновению наук и, далее — к интеграции научного знания. В этом процессе большую роль играют математизация и формализация информации, а также моделирование. О важнейшей в настоящее время проблеме интеграции знаний говорили В. И. Бо-

¹⁰ Для гуманитарных исследований представляют интерес некоторые доклады, сделанные на Секции № 2 «История организации научных исследований». Анализ этих докладов в плане их применимости к развитию советской этнографии — тема особой статьи.

рисов в докладе «Современная тенденция интеграции знаний и принципы построения общей теории систем» и Р. Роххаузен в докладе «Развитие науки и классификация наук».

Проблема самостоятельности каждой данной науки и ее взаимосвязи со смежными науками ставилась и на других секциях во многих докладах. О гражданственности науки хорошо сказал американский физик и историк наук Джералд Холтон: «... в настоящее время существует возможность... сделать историю науки областью исследований, которые помогут определить и понять интеллектуальную и социальную роль самой современной науки» (стр. 4).

В целом работа конгресса была весьма плодотворной. Говоря о недочетах деятельности всех секций, следует отметить, что в ряде докладов не была выдержана его проблематика: выступавшие предлагали вниманию участников конгресса не историю той или иной дисциплины или идеи, или проблемы, а конкретные выводы конкретных наук. Это замечание касается и работы Секции № 10.

Хочется надеяться, что на будущих конгрессах по истории науки проблемам истории собственно гуманитарных наук будет уделено одно из ведущих мест, ибо что иное вся Наука, как не результат труда и мысли Человека.

Данный конгресс обогатил гуманитарные науки новыми подходами, новыми концепциями, новыми методами, которые распространены в других науках. Это будет способствовать углубленному и всестороннему изучению человека, человеческих сообществ, человечества в целом — во имя, как сказал А. Стойков, постижения и создания мира по законам красоты (Доп., стр. 20). Немалая роль в познании места людей в мире принадлежит этнографии и антропологии.

Ю. В. Маретин

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОК ПРИ ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Три года подряд в июле в Калининской области работала экспедиционная группа, целью которой было собрать материал для подготавливаемого тома фольклорно-этнографического атласа «Русские», т. II, посвященного обрядам, обрядовому фольклору и свадьбе.

В эту группу вошли члены фольклорно-этнографического кружка, который каждый учебный год работает при ленинградском отделении Института этнографии АН СССР. Кружок этот имеет свою историю. Старейшие его члены начали посещать лекции по этнографии и фольклору еще при городском клубе «Россия», а когда этот клуб в 1968 г. перестал существовать, по их просьбе был создан кружок при институте. В работе кружка сочетаются три основных формы: лекция, семинар и экспедиция.

В настоящее время в кружке занимаются 10 человек. Все это взрослые люди, некоторые из них сочетают работу с учебой. Всех кружковцев объединяет любовь к живому народному слову, к быту и культуре русского народа — фольклору и этнографии.

Вступительное заседание провел доктор исторических наук зав. Сектором восточных славян К. В. Чистов. Он рассказал о предмете фольклора и этнографии и их взаимосвязи. С ноября 1968 г. по ноябрь 1971 г. состоялось всего 51 занятие. На одном из заседаний К. В. Чистов прочел лекцию о русских обрядах, а накануне экспедиции проводил инструктаж. Специалисты Института этнографии охотно делились своими знаниями с молодежью. Кружковцы прослушали следующие лекции по этнографии

и фольклору: «Об этнографическом конгрессе в Токио» Н. А. Бутинова, «Искусство Тувы» С. В. Иванова, «Письменность острова Пасхи» И. К. Федоровой, «Фольклор и этнография Монголии» А. М. Решетова, «Турция» В. Курылева, «Белые пятна в этнографии» А. Д. Дридзо, «Откуда взялись этнографы?» Н. И. Гаген-Торн, «Раскопки Старой Ладоги и «Одноногие боги» К. Н. Лаушкина, «Библиография фольклора» М. Я. Мельц, «Свадьба на Севере» Н. П. Колпаковой, «Русские музыкальные инструменты» Р. Б. Галлайской, «О пережитках древних охотничьих обрядов. Легенда об олене» Г. Г. Шаповаловой.

За 1970—1971 гг. кружковцы прослушали краткий курс фольклора — о жанрах, истории собирания, истории фольклористики. Кроме того, было проведено специальное занятие по документации записей. В 1969 г. после лекции В. Е. Гусева о народном театре возникла мысль поставить кукольное представление «Петрушка» и воссоздать условия бытования такого представления. Поэтому было решено создать спектакль «Ярмарка», в который «Петрушка» вошел бы составной частью.

Участники кружка начали готовиться к экспедиции в Калининскую область, чтобы собрать материал, характеризующий жизнь Тверской губернии (ныне Калининской области) в середине и конце XIX в. Предварительно кружковцы по литературным материалам подготовили ряд докладов. И. И. Брио сделала сообщение «Ярмарка в уездном городе в середине XIX в.», Т. В. Трофимова — «О головных уборах тверитян»; Н. А. Митрофанова рассказала об одежде и жилище жителей Тверской губернии. Экскурсия в Государственный музей этнографии помогла участникам кружка лучше представить жизнь тверского села и уездного города в XIX в.

Куклы для задуманного представления были сделаны с помощью бывшего художника ТЮЗ В. А. Деревяго, нарисовавшего эскизы и вылепившего из алебаstra формы. Работа над куклами заняла полтора года. Когда они были готовы, на одном из занятий А. Ф. Некрылова, аспирантка Ин-та театра и музыки, сделала сообщение о происхождении и истории бытования «Петрушки». На основе архивных и опубликованных материалов был создан единый текст. Представление, сделанное по всем правилам народной традиции, состоялось во время апрельской экспедиционной сессии 1970 г. в Институте этнографии в Ленинграде. В дальнейшем планируется поставить фольклорно-этнографическую сцену «Ярмарка в Торжке».

Большое значение в работе кружка уделяется экспедициям. Кружковцы уже четыре раза выезжали в поле. В 1968 г. полевой материал собирался в районе старой и новой Ладоги Ленинградской области, летом 1969 г. — в Торжковском районе Калининской области. В Торжковском районе по заданию Института этнографии записывался свадебный обряд для Историко-этнографического атласа. Здесь же были собраны данные для задуманной постановки. Было записано около 200 традиционных песен, свадебные и календарные обряды. В сентябре 1969 г. отчет об экспедиции был заслушан на заседании Восточнославянского сектора Института этнографии. В 1970 г. решено было обследовать какой-либо фабричный район Калининской области. Целью экспедиции было изучить местный фольклор и определить его отличие от сельского фольклора той же области. Был выбран Конаковский район. У существующего здесь хора пенсионеров было записано много исполняемых им народных песен, а также песни других исполнителей. Были обследованы также деревни Свердлово, Борки, Загорье, Искрицы, Тарлаково, Крутец, Большие Ручьи. Работая по той же программе, что и в Торжковском районе, кружковцы сразу ощутили своеобразие материала. В Конаковском районе издавна большинство населения работало на фарфоровой фабрике Кузнецова. В самом Конакове и окрестных деревнях было много купцов, которые вели торговлю по Волге, с торговлей был связан

извоз. Ямщиков особенно много было в селе Новом (Свердлове). В этих местах очень распространено было отходничество. В прежние время с 14—15 лет мальчиков отдавали «в люди», на выучку в Москву или Петроград. Все это наложило свой отпечаток на быт, обряды, одежду, фольклор Конаковского района. Экспедиционная группа кружка записала 10 вариантов свадебного обряда, 126 песен (свадебных, любовных, солдатских, романсов, баллад), 150 частушек, много своеобразных гаданий на святках, в крещение, на Купалу, Петров день, ряд обрядов, связанных с другими календарными циклами, примет и т. п.

В этом районе фольклор считался прочно забытым, исчезнувшим, поэтому представлялось целесообразным «обнародовать» сделанные записи. Уже на месте был проведен отчет об экспедиции. Вместе с жителями деревень Борки и Свердлово — А. П. Омеликой, А. Д. Рахинской, А. Ф. Галаховой, К. В. Зиминовой, Н. А. Зимаревой, К. В. Шебашевой — была организована инсценировка старой свадьбы. Было также показано кукольное представление «Петрушка». Руководитель кружка рассказал местным жителям о значении фольклора и его художественной ценности, о необходимости хранить и тщательно записывать его. Зал клуба был переполнен (съехались со всех соседних деревень). Слушатели внимательно, но несколько настороженно следили за представлением. После окончания вечера всю недоверчивость как рукой сняло. «Артистов» вызывали много раз.

Отдел культуры Конаковского райисполкома попросил повторить всю программу для семинара работников клубов и библиотек.

На этот раз перед концертом была прочитана лекция «Фольклор и самодеятельность». Кружковцы рассказали участникам семинара, как можно использовать кукольный театр в работе на селе.

После выступления на местах началась работа по сбору и записи фольклора, усилился интерес к прошлому района, готовятся фольклорно-этнографические постановки.

В июле 1971 г. экспедиционная группа фольклорно-этнографического кружка, состоящая из семи человек, работала в Андреапольском районе, западной окраине Калининской области на границе с Новгородской, Псковской, Смоленской областями. Андреапольский район покрыт заповедными лесами и непроходимыми болотами, и это в некоторой степени определило наш выбор. Интересно было посмотреть, сохранились ли фольклор в таких труднодоступных районах. Было обследовано 15 населенных пунктов, в том числе г. Андреаполь (город новый, недавно возникший из двух слившихся деревень и лишь в 1967 г. ставший районным центром). Результат даже превзошел ожидания. Удалось записать чрезвычайно редкие, считавшиеся давно забытыми жанры, например, заговоры. Был полностью записан заговор и весь обряд, связанный с первым выгоном скота 23 апреля, — на Егорьев день. Среди материалов — воловьи песни, плачи, пять сказок, интереснейшие гадания, календарные обряды и многое другое. Кружковцы наблюдали 23 свадьбы, записали более 200 песен. И в этом районе после окончания работы в клубе пос. Охват была организована лекция-концерт. Снова был показан «Петрушка». Тепло отозвалась об этом вечере местная газета «По пути Ильича». Кружковцы установили также научные контакты с краеведами Осташкова, и сейчас в адрес института уже поступают записи, выполненные по нашей программе.

Г. Г. Шаповалова

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В США

Социологи США издавна проявляли интерес к отношениям между различными национальными группами в США.

Многонациональный состав населения в условиях классово-антагонистической экономической и политической структуры США порождал в прошлом и создает сейчас сложный комплекс социальных проблем, изучением которых в расовом и этническом аспектах занимаются социологи¹. Следует, однако, подчеркнуть, что большинство американских буржуазных ученых отказывается от классового подхода в оценке сложившихся национальных отношений. Они пытаются доказать, что решение национального вопроса не зависит от изменений производственных отношений, а якобы определяется такими второстепенными факторами, как улучшение постановки образования и просвещения подрастающего поколения и т. д., тем самым затушевывая такие неизлечимые болезни капитализма, как классовый антагонизм и национальный гнет в капиталистической Америке.

Этническими проблемами в социологии длительное время занимались лишь моралисты и реформаторы, провозглашавшие неосуществимые в условиях капитализма лозунги свободы и равенства для людей всех рас и национальностей. Поляризация классовых сил, индустриализация и сопровождающий ее бурный процесс урбанизации значительно обострили проблемы расовых и этнических отношений в США, что повело к интенсификации их научного исследования. Несмотря на значительный размах, большинство проведенных исследований имеет отчетливо эмпирический характер, свидетельствующий о недостаточной теоретической разработанности этой области американской социологии. Отметим, что некоторые американские ученые высказали сомнение в возможности теоретических обобщений в области этнических и расовых отношений. По их мнению, разнообразие ситуаций, при которых люди вступают в отношения такого рода, настолько велико, а круг переменных, влияющих на характер этих отношений, столь обширен, что создание общей научной дисциплины, трактующей расовый вопрос, невозможно². Однако действительное положение вещей опровергает подобную точку зрения: дело не в том, что якобы мало теорий, а в том, что их содержание не дает возможностей для всестороннего анализа межэтнических отношений в условиях высокопроизводительного капиталистического общества.

До конца 1920-х годов многих американских социологов занимали лишь вопросы иммиграции и порождаемых ею проблем. Именно в этой области были созданы лучшие работы по эмпирической социологии³. Надо сказать, что уже в этих работах предпринимались первые попытки теоретического осмысления некоторых этносоциальных вопросов. С прекращением массовой иммиграции изучение переселенцев утратило для социологов былую привлекательность, хотя исследование продолжалось⁴.

Зато стало заметно преобладание работ, посвященных негритянской группе населения США. К середине 1940-х годов появилось много серьезных работ по негритянской проблеме⁵. В них можно найти ценный материал, характеризующий бесправное положение негров в США. В послевоенный период вышла работа Т. У. Адорно и его соав-

¹ Эти проблемы также привлекают внимание психологов и этнографов, работы которых здесь не рассматриваются.

² Д. Симпсон, Дж. М. Ингер, Социология расовых и этнических отношений, Сб. «Социология сегодня. Проблемы и перспективы», М., 1965, стр. 417.

³ См.: W. I. Thomas, F. Znaniecki, *The Polish peasant in Europe and America*, N. Y., 1927; R. E. Park, *The immigrant press and its control*, N. Y., 1922.

⁴ См., например: W. L. Warner, L. Srole, *The social systems of American ethnic groups*, New Haven, 1945; S. Lieberman, *Ethnic patterns in American cities*, N. Y., 1963; E. P. Hutchinson, *Immigrants and their children*, N. Y., 1956.

⁵ J. Dollard, *Caste and class in a southern town*, N. Y., 1937; A. Davis, J. Dollard, *Children of bondage*, Washington, D. C., 1940; A. Davis, B. B. Gardner, M. R. Gardner, *Deep South*, Chicago, 1941; S. C. Drake, H. R. Cayton, *Black Metropolis*, N. Y., 1945.

торов, в которой сделана попытка теоретического анализа⁶. В этой работе, например, дана интересная, хотя ныне и устаревшая, теория авторитарной личности. В последующие годы число исследований по проблемам расовых и этнических отношений, выполненных в социологическом плане, неуклонно возрастало⁷.

К настоящему времени среди американских социологов наблюдается глубокое идеологическое размежевание, проявляющееся в их исследованиях расовых и этнических отношений, осуществляемых как в теоретическом, так и в эмпирико-описательном плане⁸. Литература по интересующей нас проблематике необъятна, и мы приведем здесь лишь самые показательные работы, отражающие современное состояние этносоциологии в США.

Этнические предубеждения

Прежде всего следует отметить, что имеющиеся определения этнических предубеждений многочисленны и противоречивы. В ряде случаев по этим определениям трудно составить четкое представление о сущности явления из-за отсутствия ясной логической системы. Нужно иметь в виду, что в последнее время в связи с обострением национального, прежде всего негритянского, вопроса наблюдается возрастание числа прямых фальсификаций характера этнических предубеждений, их генетической и социально-психологической сущности.

Сам термин «предубеждения» — собирательное понятие, включающее широкое разнообразие социальных отношений⁹. Вполне очевидно, что этнические предубеждения в США отражают социально-экономические противоречия, культурную и личностную системы, сложившиеся в условиях капитализма. Однако среди многих социологов США бытует упрощенное мнение, что эти предубеждения — особое проявление универсальных способностей социального человека образовывать общие концепции, обобщать явления, связанные с этими концепциями, и ставить мысли человека на службу его чувствам. Из этого определения следует, что в многонациональном обществе возникают и укрепляются «этнические стереотипы», т. е. существующие в обыденном сознании стандартизованные представления о своем собственном и других народах или этнических группах, причем эти представления не только аккумулируют черты какого-то образа, но и сопровождаются их эмоциональной оценкой¹⁰. Но ведь этнические стереотипы безусловно принадлежат к числу социально обусловленных понятий, а это как раз нередко упускается из виду американскими авторами.

В трудах американских социологов черты, характерные для этнических стереотипов, не только не стабильны, но и весьма произвольны, что отвечает расплывчатому характеру самого понятия «предубеждения» и свидетельствует о том, что ценность многих аналитических положений, объясняющих предубеждения, весьма сомнительна.

Однако ряд методических приемов, разработанных американскими этносоциологами, заслуживает внимания. Например, нельзя отрицать, что взаимная корреляция между предубеждениями в отношении чужих этнических групп зависит от характера этих последних, социальной структуры рассматриваемого населения и положения личности в этой социальной структуре непосредственного, т. е. немедленного, ситуационного влияния и т. д.¹¹

Не вызывает сомнения и то, что стереотипные представления, распространенные в больших социальных общностях, в целом очень устойчивы, если не происходит в короткое время важных социальных изменений. Поэтому стабильность этнических стереотипов в условиях капитализма часто зависит от стабильности сложившихся социальных отношений между этническими группами.

Интерпретируя вопросы, связанные с этническими предубеждениями, большинство американских социологов слишком большое значение придает психологическим и куль-

⁶ T. W. Adorno et al., *The authoritarian personality*, N. Y., 1950.

⁷ H. G. Trager, M. R. Yarrow, *They learn what they live*, N. Y., 1952; K. W. Deutsch, M. E. Collins, *Interracial housing*, Minneapolis, 1951; H. S. Ashmore, *The Negro and the schools*, Chapel Hill, 1954; L. Ruchames, *Race, job and politics*, N. Y., 1953; J. H. Tipton, *Community in crisis*, N. Y., 1953; M. Berger, *Equality by state*, N. Y., 1952; C. Abrams, *Forbidden neighbors*, N. Y., 1955; P. Kecskemeti, *Prejudice in the catastrophic perspective*, «Commentary», 1951, № 11, p. 286—292; E. F. Frazier, *Race and culture contacts in the modern world*, N. Y., 1957; G. F. Edwards (eds.), *E. Franklin Frazier and race relations. Selected papers*, Chicago, 1969.

⁸ S. Lieberman, *A social theory of race and ethnic relations*, «American Sociological Review», vol. XXVI, 1961, p. 902—910.

⁹ См. например: G. W. Allport, *Prejudice: a problem in psychological and social causation*, in: T. Parsons, E. A. Shils (eds.), *Toward a general theory of action*, Cambridge, Massachusetts, 1951; J. Harding et al., *Prejudice and ethnic relations*, in: G. Linzey, *Handbook of social psychology*, vol. II, Cambridge, Massachusetts, 1954; C. Y. Glock, E. Siegelman (eds.), *Prejudice U.S.A.*, N. Y., 1969.

¹⁰ G. Saenger, S. Flowerman, *Stereotypes and prejudicial attitudes*, «Human Relations», vol. 7, 1954, p. 217—238.

¹¹ P. Hatt, *Class and ethnic attitudes*, «American Sociological Review», vol. 13, 1948, p. 36—43; C. Y. Glock, E. Siegelman (eds.), *Prejudice U.S.A.*

турным факторам, забывая о том, что за ними скрывается социальное неравенство, угнетение одних национальных групп другими, т. е. вся социально-антагонистическая природа капитализма. Нередко они воздерживаются от тщательного критического анализа представлений одной этнической группы о другой этнической группе, а также игнорируют комплексные методы, дающие возможность сделать более строгие научные выводы, что особенно важно, принимая во внимание относительность и сложность многих этнических характеристик.

Личность и предубеждения

Со времени окончания второй мировой войны одним из важных направлений в американской социологии стали исследования, объясняющие взаимосвязь между предубеждениями и различными личностными структурами и процессами. И здесь следует отметить правомерность подхода ряда авторов к общему пониманию проблемы личности, «рассматриваемой не как совокупность определенных черт, не как статичная система, а как процесс»¹².

Понимание этнического стереотипа уточняется на основе учета не только психологических, но и социальных факторов. М. Е. Гудмэн проводит мысль, что по мере того, как дети подрастают, их представления о других этнических группах становятся все более разнообразными и высокоорганизованными и т. д.¹³.

Во многих работах подтверждается идея о том, что предубеждения представляют собой не набор изолированных установок, а функциональную часть системы личности вообще, что особенно четко показано, например, в упомянутой работе Адорно и его соавторов. В этой работе, в которой дан анализ предубеждений не только против негров, но и против всех иностранцев и особенно против этнических групп, занимающих в целом низкое социальное положение, проводится верная мысль о необходимости принимать во внимание наряду с ситуацией и личность, степень авторитарности которой меняется в зависимости от возраста, дохода и уровня образования. Вместе с тем в этой работе высказан и ошибочный тезис, что предубеждения — это в основном продукт неправильного воспитания человека, и не принимается во внимание экономическое и социальное положение человека в обществе, т. е. факторы, оказывающие сильное влияние и на самый характер воспитания личности. Адорно и его коллеги ошибочно полагали, что изменение способов воспитания поведет к полному устранению предубеждений, являющихся выражением характера личности.

Социологическая теория авторитарной личности сейчас пересмотрена. Большинство американских социологов считает, что взаимосвязь между личностными структурами и предубеждениями определяется характеристиками как личности, так и социальной структуры общества.

При исследовании вопроса личности и предубеждений создано много концепций, обобщающих наблюдения и эксперименты. Получили, например, распространение взгляды о том, что функциональное значение предубеждений в системе личности имеет довольно широкий диапазон и что отношения между личными факторами и предубеждениями, вероятно, тем сильнее, чем активнее участие индивида в организованных группах, связанных с социальными действиями¹⁴. Мы разделяем мнение, что личные факторы, конечно, важно учитывать и в межгрупповом поведении, но это проблема не столько социологическая, сколько психологическая. Однако нельзя не указать на положительную, на наш взгляд, тенденцию в американской социологии: изучать проблемы личности и предубеждений путем использования междисциплинарных данных, получаемых такими смежными науками, как психология и этнография.

Межгрупповые контакты и ситуационные детерминанты межгрупповых отношений

Одной из положительных сторон изучения этнических отношений в США является все укрепляющаяся независимость от «атомистического» (индивидуально-психологического) метода, на основании которого подходят к рассмотрению различных этнических групп как к неорганизованным совокупностям отдельных индивидов. Однако при всех недостатках этого метода нельзя не признать, что свойства целого в какой-то форме находят выражение в поведении индивида. Поэтому не случайно в разработку теории межгрупповых контактов большой вклад вносят психологи¹⁵. Однако сейчас многие американские социологи, особенно сторонники структурно-функционального направления, придают все большее значение анализу социальной принадлежности, что позволяет им отбросить многие ложные факторы, искажающие природу отношений на уровне отдельных индивидов.

¹² Д. Симпсон, Дж. М. Ингер, Указ. раб., стр. 419.

¹³ М. Е. Goodman, Race awareness in young children, Cambridge, Massachusetts, 1952.

¹⁴ R. Christie, M. Jahoda (eds.), Studies in the scope and method of «The Authoritarian Personality», Glencoe Ill., 1954.

¹⁵ См., например, M. Deutsch, M. E. Collins, Указ. раб.; L. Festinger, H. H. Kelley, Changing attitudes through social contact, Ann Arbor, 1951.

В США изучение этнических отношений в большинстве случаев основано на формализованных социальных ситуациях, которые характеризуются значительной мерой авторитарного контроля над поведением людей в военных подразделениях, школах, молодежных организациях, на фабриках и заводах¹⁶. Проведены исследования, которые, например, показывают, что в результате контактов белых и негров в одной и той же ситуации обычно ослабляются предубеждения белых в отношении негров, хотя часть белых не только сохраняет свои предрассудки, но даже высказывает более негативные установки по отношению к неграм.

Эти исследования имеют практическую ценность и направлены к тому, чтобы выяснить, какие условия можно использовать для улучшения межгрупповых контактов. Но результаты исследований пока весьма ограничены. Так, например, Б. К. Маккензи давно пришел к выводу, что только контакты белых с неграми высокого профессионального статуса на работе являются эффективными для разрушения негативных этнических стереотипов¹⁷.

Детальное рассмотрение межгрупповых контактов подтвердило давно выдвинутую гипотезу, что личные контакты между членами различных национальных групп в общем лишь тогда действительны для создания дружеской атмосферы, когда индивиды принадлежат к одинаковому или близкому социальному статусу¹⁸. Отсюда можно предположить, что контакты людей разного социального статуса могут изменить этнические стереотипы. Правда, и в этом случае возможно, что стереотипы не только не изменяются, но даже становятся более стойкими.

Социальная структура и свойства малых этнических групп

Среди американских социологов широко распространен подход к анализу внутренних систем этнических групп на основе учета особенностей социальной и психологической характеристики изучаемых общностей¹⁹. В принципе такой подход не вызывает возражения, так как внутри каждой этнической группы можно найти черты дифференциации, вызываемые такими факторами, как социальная принадлежность, идеологические убеждения, религия, враждебное или терпимое отношение к более многочисленной этнической группе и т. д.

Наряду с этим большинство американских ученых совершенно неправильно подходит к пониманию основ социальной структуры. Марксистское понятие «класс» часто противопоставляется понятие «страта». Страты выводятся не из отношения людей к средствам производства, а из таких вторичных признаков, как доход, культурный уровень и т. д., т. е. общество расчленяется на различные слои и прослойки, не отражающие объективной картины реально существующих классов и социальных групп. Поэтому интерпретация этнических отношений на основе искаженного понимания социальной структуры производится на субъективистском, абстрактно-логическом уровне или подменяется малозначимым, а порой просто спекулятивным анализом. Очевидно, что произвольная, а часто и антинаучная классификация классов и социальной структуры общества не позволяет американским социологам раскрыть подлинную сущность этнических процессов в условиях капитализма с его системой острого социального неравенства и угнетения национальных меньшинств.

Так, например, американские социологи по праву уделяют значительное внимание выяснению причин дискриминации некоторых этнических групп США, но объясняют ее не классово-антагонистическими, социальными противоречиями, а тем, что угнетаемые национальные меньшинства якобы характеризуются недостаточной внутригрупповой солидарностью. Высказывается далее мысль, что обездоленное национальное меньшинство со значительной внутренней социальной неоднородностью обладает тенденцией к внутренним межгрупповым конфликтам и к недостаточной связи с доминирующей в стране этнической группой. И наоборот, национальное меньшинство с большим доходом, высоким уровнем образования и высокими профессиональными показателями, высокой долей участия в общественной жизни обладает сильным чувством групповой сплоченности, по крайней мере в тех ситуациях, которые вызывают контакты с доминирующей этнической группой. Приведенные высказывания свидетельствуют о явном преуменьшении значения социальных и чрезмерном преувеличении роли психологических факторов. Нетрудно заметить, что методологическая основа подобных взглядов — идеалистическая, налицо смещение существенных и производных общественных

¹⁶ См. например, S. A. Stouffer et al., *The American soldier; adjustment during army life*, vol. 1, Princeton, 1949; R. J. Stillman, II's, *Integration of the Negro in the U. S. Armed Forces*, N. Y., 1968; R. M. Williams, M. W. Ryan (eds.), *Schools in transition: community experience in desegregation*, Chapel Hill, 1954; R. L. Crain, *The politics of school desegregation*, Chicago, 1968; R. M. Dalfiume, *Desegregation of the U. S. Armed Forces: fighting on two fronts 1939—1953*, Columbia, 1969.

¹⁷ B. K. MacKenzie, *The importance of contact in determining attitudes toward Negroes*, *Journal of Abnormal and Social Psychology*, vol. 43, 1948, p. 417—444.

¹⁸ R. M. Williams, Jr., *The reduction of intergroup tensions: a survey of research on problems of ethnic, racial and religious group relations*, N. Y., 1947, p. 69.

¹⁹ C. E. Glick, *Social roles and types in race relation*, in: A. W. Lind (eds.) *Race relations in world perspective*, Honolulu, 1955, p. 239—262; T. Shibutani, K. M. Kwan, *Ethnic stratification*, New York — London, 1965.

явлений. Это ведет к субъективизму и произволу в оценке этносоциальных процессов в США.

Вместе с тем в целом ряде работ американских социологов можно встретить довольно интересные, наблюдения, помогающие составить представление о некоторых сторонах этнических отношений на основе учета социальной структуры. Установлено, например, что представления лиц, принадлежащих к этническим меньшинствам, о себе и о представителях большинства отличаются от параллельных концепций у самого большинства. В данном случае, конечно, не приходится рассчитывать на точную или идеальную модель действительных взаимоотношений. Каждая этническая группа обладает многими присущими ей социально-культурными чертами, которые создаются в процессе ее исторического развития, причем некоторые из них становятся синонимами ее этнического стереотипа.

Заметим также, что большое внимание к социальной структуре со стороны американских ученых объясняется, в частности, еще и тем, что в США социальное положение индивида зависит не только от классовой, но и от этнической принадлежности. Расовые и этнические различия сильно влияют на общественный статус человека, они могут улучшать или ухудшать его положение в обществе. Например, положение негра в США, вне зависимости от его профессии, образования или культурного уровня, всегда хуже, чем белого²⁰.

Социальный контроль, роль государства и авторитета в этнических отношениях

В своем большинстве отношения между различными этническими группами в современном урбанизованном обществе носят форму «опосредствованных» связей между коллективами и личностью. Эти опосредствованные звенья, как утверждают американские социологи, поддерживаются лицами, которые выступают в качестве облеченных соответствующими правами представителей официальных властей. Межгрупповые отношения имеют тенденцию более сильно проявляться в действиях тех членов этнических групп, которые имеют относительно высокий социальный статус внутри их собственной группы.

В связи с остротой расового и национального вопроса в США в американской социологии большое значение придается проблеме десегрегации, которая пока еще не нашла сколько-нибудь удовлетворительного решения. При интерпретации этого вопроса непомерно большое значение придается юридически провозглашенному конституцией США формальному равенству всех этнических групп страны²¹. Большинство современных социологов считает, что различные законодательные акты якобы могут эффективно повлиять на уменьшение острых трений между различными этническими группами²². Нет недостатка и в высказываниях, что юридические и политические изменения (конечно, не затрагивающие существа капиталистического строя) создают благоприятные условия для изменения к лучшему отношений между различными этническими группами. Сущность подобных взглядов сводится к непомерной переоценке значения политической власти, влияние которой на этнические отношения рассматривается вне связи со всем общественным организмом капиталистической Америки. Эти теории, как нам представляется, выходят за рамки «социологии расовых и этнических отношений» и несут на себе ярко выраженную политическую окраску. В силу своей классовой принадлежности многие из социологов США затуманивают классовую природу таких острых социальных конфликтов современной Америки, как расизм, разгул которого особенно усилился по всей стране в последние годы²³.

В рамках настоящего обзора, разумеется, невозможно исчерпывающе осветить работу, проделанную американскими социологами в интересующем нас направлении. Но мы и не ставили перед собой задачи сказать обо всем, что ими было сделано. Наша задача — попытаться в самой сжатой форме показать некоторые тенденции в исследовании этнических процессов в США. Признавая полезность ознакомления с американским опытом и его критического осмысления на основе марксизма-ленинизма, мы, конечно, не исключаем необходимости учитывать результаты, достигнутые в этой области науки и в других капиталистических странах.

И. П. Труфанов

²⁰ G. E. Simpson, J. M. Yinger, *Racial and cultural minorities: an analysis of prejudice and discrimination*, N. Y., 1953; S. Lieberman, *Ethnic patterns in American cities*, W. Brink, L. Harris, *Black and white: a study of U. S. racial attitudes today*, N. Y., 1967; J. C. Leggett, *Class, race and labor: working-class consciousness in Detroit*, N. Y., 1969; P. Romero (ed.), *In Black America — 1968: the year of awakening*, Washington, D. C., 1969.

²¹ См. C. J. Greenberg, *Race relations and American law*, N. Y., 1959; W. M. Young, Jr., *Beyond racism: building an open society*, N. Y., 1969.

²² Л. Симпсон, Дж. М. Ингер, Указ. раб., стр. 434.

²³ См. например: D. Stahl, F. B. Sussman, N. J. Bloomfield (eds.), *The community and racial crisis*, N. Y., 1967; H. D. Graham, T. R. Gurr (eds.), *The history of violence in America*, N. Y., 1969; M. Oppenheimer, *The urban guerrilla*, Chicago, 1969; «Urban riots: violence and social change», N. Y., 1969; «American in crisis», N. Y., 1969.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, М., 1971, 256 стр., карты

Крупный советский этнограф и антрополог Н. Н. Чебоксаров и педагог-биолог И. А. Чебоксарова написали книгу, посвященную этно-культурной и антропологической характеристике всего мира. Вплоть до выхода рецензируемой книги у нас фактически не было обобщающей работы, в которой были бы затронуты все важнейшие проблемы этнографической и антропологической наук. Поэтому можно представить себе те трудности, которые приходилось преодолевать авторам при написании подобной работы. И нужно с удовлетворением отметить, что Н. Н. и И. А. Чебоксаровы успешно справились со стоявшими перед ними задачами.

Рецензируемая работа представляет собой синтез этнографических, исторических и антропологических сведений, позволяющих создать у читателя яркое и многостороннее представление о человечестве, его биологической сущности и культуре.

Одно из важнейших достоинств книги «Народы, расы, культуры» — сочетание в ней доступности, популярности с высоким научным уровнем. Работа эта издана в научно-популярной серии и предназначена для самого широкого круга читателей. И она действительно читается очень легко, к ней может обратиться любой человек, обладающий каким-то минимумом образовательной подготовки. С другой стороны, это настоящий исследовательский труд. В нем есть все, что требуется от подлинно научной работы: глубокий анализ сообщаемых фактов и явлений, оригинальные мысли, высказываемые по целому ряду кардинальных теоретических проблем, солидная аргументация выдвигаемых положений, наконец, широкое использование своих собственных экспедиционных материалов, собранных авторами у многих народов мира.

В краткой рецензии трудно даже перечислить те новые положения, которые удалось выдвинуть авторам в этой сравнительно небольшой книге. Поэтому нам по необходимости придется остановиться только на некоторых из них.

Большой интерес, например, вызывает точка зрения авторов об условиях формирования и признаках этносов. Достаточно подробно проанализировав все этнические признаки, Н. Н. и И. А. Чебоксаровы предлагают свою формулировку понятия «этнос». Они кратко определяют этнос как осознанную культурно-языковую общность. Как известно, в последние годы по поводу определения понятия «этнос» среди советских этнографов и философов развернулась оживленная дискуссия. Дискуссия эта еще не завершена. И исследование авторами этой проблематики, вне всякого сомнения, продвинет нас по пути к истине.

Весьма интересна и отраженная в книге идея об этнических общностях разных таксономических порядков. Она была выдвинута одним из авторов ранее, но именно в этой работе получила достаточно основательную аргументацию. Нам представляется, что мнение авторов о необходимости различения понятий «этнос», «народ», с одной стороны, и «этническая общность» — с другой, заслуживает внимания. Убедительно выглядят и их рассуждения о том, какие этно-лингвистические генетические группировки следует считать этническими общностями, а какие — нет.

Проблема классификации народов — одна из важнейших в этнографической науке. Сейчас большинство этнографов считает наиболее приемлемым способом классификации народов их группировку по признакам языкового родства. Однако сама классификация языков далеко не устоялась. Языки многих регионов мира еще не получили классификационной системы, которая стала бы общепризнанной. Поэтому ученым, использующим языковую классификацию для группировки народов, приходится как бы «выбирать» между конкурирующими классификационными системами. И здесь этнографам необходима большая эрудиция в области лингвистической науки. В полной мере обладая этой эрудицией, авторы рецензируемой книги в основу группировки народов положили классификационную схему, наиболее адекватно отражающую последние достижения современной лингвистической науки. Так, на наш взгляд, авторы совершенно правильно следуют классификационной системе, объединяющей мiao-яоские, вьетские и тайские народы в одну большую группу с народами мон-кхмер и мунда. Авторы также впервые в советской литературе применили для группировки индейских народов Америки имеющую широкое признание классификацию Дж. Гринберга.

Попутно скажем несколько слов и относительно приложенной к книге многокрасочной карты народов. Она (как, впрочем, и другие карты в книге) выполнена с большой детальностью и представляет самостоятельный интерес.

Весьма квалифицированно написан очерк этнической истории народов с первобытных времен до настоящего времени. Можно только удивляться мастерству авторов, которым удалось несколькими яркими мазками показать менее чем на 20 страницах все узловые моменты мировой этнической истории. И здесь авторы опять-таки высказывают ряд собственных соображений относительно тех или иных этноисторических процессов.

В заключительной части первого из трех разделов книги — «Народы» — в историческом плане рассматриваются различные типы этнических общностей. Отметим здесь особую точку зрения авторов на тип этнической общности, господствовавший в первобытном обществе. Они считают, что основными этносами первобытности были не отдельные племена, а более крупные «соплеменности» — группы племен, живших на

смежных территориях, говоривших на диалектах одного языка и обладавших многими общими особенностями культуры.

Далее следует обширный раздел, посвященный современной антропологии, — «Расы». Несмотря на то, что значительная часть этого раздела посвящена узко специальным областям антропологической науки и насыщена специальной терминологией, он не менее доходчив, чем остальные части книги. В советской научно-популярной литературе давно не было изданий, посвященных этнической антропологии и разъясняющих методы и принципы этой науки. Такая задача успешно разрешается в рецензируемой работе.

Антропологический раздел начинается анализом понятия «раса» и предварительным разъяснением расовой классификации и законов расогенеза. Далее следует обзор отдельных систем антропологических признаков, которым посвящен целый ряд специальных глав: «О волосах покрове, цвете кожи, волос и глаз», «Рост, вес и пропорции тела», «Расовые признаки головы и лица». Н. Н. Чебоксаров имеет богатейший опыт полевой работы среди самых различных народов мира и является одним из крупнейших специалистов в области антропометрии и антропоскопии, что придает особый вес главам, написанным на эти темы его рукой.

«Для чего антропологи изучают расы?» — традиционный вопрос неспециалиста к антропологу-расоведу — является темой следующей главы. Авторам удалось не только сжато и понятно ответить на него, но и попутно затронуть ряд важных моментов работы антрополога, в частности вопрос о малых популяциях и изолятах.

Очень интересные сведения, касающиеся численности современных рас и их динамики, содержатся в следующей главе, которая даже для специалиста, несомненно, является источником новых интересных данных, редко публикуемых в литературе.

В главе «Как наследуются расовые признаки» излагаются элементы генетики человека, что совершенно необходимо для понимания современной антропологии и чтения антропологической литературы. Хочется особо подчеркнуть, что раздел «Расы» посвящен именно современной, самой современной этнической антропологии. Авторы не упустили в нем ни одной детали, ни одной тенденции в развитии антропологической науки. Об этом свидетельствуют также последующие главы, посвященные новым системам признаков. «Группы крови», «О зубных бугорках, пальцевых узорах, цветовой слепоте и пробе вкуса на фенилтиокарбамида» — все эти признаки представляют собой новую надстройку над прежним зданием классического расоведения, кстати несколько не потерявшего значения в условиях сложного переходного периода в развитии антропологии. Авторы используют богатый материал, накопившийся за последние годы по новым системам признаков, рассматривают их мировое распределение и значение для этнической антропологии.

Главы «Как и где возникли расы человека» и «Об изоляции, дрейфе генов, миграциях и смешении рас» посвящены рассмотрению современного представления о расогенезе, включающего как необходимый элемент знание законов популяционной генетики.

Последняя в этом разделе глава — «Общественное развитие человечества и расы» — содержит некоторые материалы по динамике расовых признаков, а также критику расизма.

Третий раздел книги — «Культура» — открывается обсуждением вопроса о том, что следует понимать под терминами «культура» и «быт». Затем следуют подразделы, посвященные описанию хозяйственно-культурных типов, распространенных на земном шаре. Эта часть книги представляет особый интерес в связи с тем, что Н. Н. Чебоксаров является одним из создателей учения о хозяйственно-культурных типах. Выдвигаемые им положения по этому вопросу неоднократно публиковались в нашей печати. Тем приятнее отметить, что в рецензируемой работе эта важная тема получила дальнейшее развитие. В ней впервые характеризуются все хозяйственно-культурные типы, существовавшие на земном шаре в конце XV в.

Кроме того, многие конкретные хозяйственно-культурные типы рассмотрены в книге гораздо детальнее, чем прежде. Сделана также очень важная в методологическом отношении попытка свести все рассматриваемые типы в генетические группы.

Вслед за хозяйственно-культурными типами рассматриваются историко-этнографические области (в разработке этой проблемы Н. Н. Чебоксаров, как известно, также был одним из пионеров). И здесь мы опять встречаемся с целым рядом интересных новых соображений.

Далее авторы обращаются к проблеме соотношения хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей между собой, а также с этническими, языковыми и расовыми общностями.

Завершают раздел ряд проблемных тем: о культурных стереотипах, традиции и инновации, культурных «плюсах» и «минусах» и, наконец, важная тема о культурных преобразованиях в современном обществе.

Конечно, в работе такого широкого, можно сказать, энциклопедического охвата неизбежны и отдельные спорные моменты и неточности.

Так, в книге говорится о том, что население о. Кюрасао говорит на французском языке (стр. 12). На самом же деле там распространен папьяменто — своеобразный жаргон, включающий элементы португальского, голландского и некоторых других языков.

Вряд ли можно говорить о существовании у аборигенов Австралии обычного права (стр. 23): в нашей правоведческой литературе правом принято называть лишь такие

социальные нормы, которые санкционированы государством и в соответствии с этим «обычным правом» — лишь санкционированные государством обычаи эпохи разложения первобытнообщинного строя.

Спорен тезис о том, что в смешанных в национальном отношении семьях (при прочих равных условиях) дети по достижении совершеннолетия чаще выбирают национальность матери (стр. 28).

Выше отмечались большие достоинства подраздела, посвященного языковой классификации. Хотелось бы только, чтобы в повторном издании книги было больше сказано о некоторых дискуссионных моментах этой классификации. Так, на стр. 41 было бы неплохо сказать, что генетическое единство языков так называемой кавказской семьи многими лингвистами оспаривается.

Авторы датируют конец верхнего палеолита 16 тыс. лет до наших дней, а начало мезолита — 13 тыс. лет до наших дней (стр. 47—48). В результате между концом верхнего палеолита и началом мезолита получается как бы временной разрыв.

Неверно названо время формирования таких государств, как Мали, Сонгаи и Борну (стр. 55). Эти государства сложились во II, а не в I тысячелетии н. э.

Некоторая неточность допущена авторами и при указании времени возникновения религии. Очевидно, появление примитивных религиозных верований следует относить к концу раннего палеолита, а не к рубежу раннего и позднего палеолита, как указано в книге (стр. 245).

Вопреки установившейся в исторической литературе терминологии авторы называют «раннеклассовыми» все докапиталистические общества (стр. 73 и сл., стр. 172); подобная инновация вряд ли целесообразна, так как в этом случае эпоха раннеклассовых обществ охватывает около пятидесяти, а эпоха классовых обществ — лишь около трех веков.

Все эти мелкие недочеты легко могут быть устранены при переиздании книги, которое непременно должно последовать. Они ни в коей мере не снижают того очень хорошего общего впечатления, которое остается от рецензируемой работы.

Выход в свет книги Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой — настоящий успех, с которым хочется от души поздравить авторов.

А. А. Зубов, П. И. Пучков

НАРОДЫ СССР

Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970, 266 стр.

Книга Б. О. Долгих «Очерки по этнической истории ненцев и энцев» является значительным вкладом в изучение истории и происхождения народностей Севера. Она продолжает и дополняет его капитальное исследование «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.».

Новая работа состоит из трех очерков: I. Европейские ненцы (к вопросу об их этнографическом составе, численности и расселении); II. Родовой состав сибирских ненцев (по материалам переписи 1926—1927 гг.) и III. Происхождение энцев. Последний очерк занимает больше половины работы и является основным, хотя все три очерка тесно связаны между собой, так как два первых посвящены одной народности — ненцам, а третий — народности самодийской группы, по родовому составу близкой к ненцам.

Б. О. Долгих взял на себя кропотливый труд сопоставить данные о родовом составе ненцев и энцев с конца XVII до начала XX в., используя материалы участника Академической экспедиции 1768—1774 гг. Н. Я. Озерецковского, архимандрита Вениамина, А. Шренка, советского исследователя Г. Д. Вербова и других авторов, а также данные ревизий, переписей населения, в том числе переписи 1926—1927 гг., в которой автор принимал непосредственное участие.

В краткой рецензии невозможно рассмотреть все вопросы, затронутые в интересной работе Б. О. Долгих, поэтому я остановлюсь лишь на некоторых, связанных главным образом с родовым составом и происхождением ненцев.

Среди важнейших положений и выводов, Б. О. Долгих отметил следующие¹.

1. Европейские ненцы, как и сибирские, делятся на тундровых (канино-тиманские и большеземельские) и лесных («лесовые» самоеды XVII—XVIII вв., «ижемские» — более поздних источников). Ядро европейских тундровых ненцев в XVII—XVIII вв.

¹ Некоторые из этих положений высказывались им раньше; см. Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, М., 1960; его же, Происхождение нганасан, М., 1952, и др.

составляли роды Тысяа, Лэхэ, Ванюта, Вэли, Выуци, лесных — род Хэтанзи, части родов Выуци, Вэли и группа так называемых войкарских самоедов.

2. Название основного рода европейских лесных ненцев — Хэтанзи — Б. О. Долгих рассматривает как словосочетание *хэ — тхнз*, где слово *тхнз* означает племя, а *хэ*, вероятно, является каким-то древним обозначением лесной местности (стр. 59)². Таким образом, «в роде Хэтанзи есть основание видеть потомков обитателей лесов Севера Европейской России, вероятно, прямых потомков именно того племени, которое в XI—XIV вв. было известно под названием Печеры» (стр. 59)³. Этноним *печера*, как считает Б. О. Долгих, был самоназванием европейских лесных ненцев и представлял собой самодийское словосочетание *пэа* (пэ) — *чер* (чера) со значением «лесные жители» (стр. 52).

3. Самодийскоязычные оленеводы, проникшие на Обский Север, принадлежали главным образом к фратрии Харючи (название Харючи, видимо, значит «журавлиный» от *харё* — журавль). «Предкам рода (фратрии) Харючи пришлось заключать браки с хантами, энцами, предками европейских ненцев и, таким образом, в практике заключения браков все эти группы стали противостоять ненцам Харючи» (стр. 53)⁴.

4. Название второй фратрии — Ванюта (Ванойта, Ванюта) Б. О. Долгих производит не от ненецкого слова *вано* (по Г. Д. Вербову, *вано/вану* — корень), а от слова *ваңг* — яма, сопоставляя его с нганасанским и энецким словами аналогичного значения — *банка* и *багго*, которыми эти народы называют «остяков» (т. е. хантов, селькупов, кетов — стр. 54). Б. О. Долгих предполагает, что фратрия Ванюта по своему происхождению в основном связана с «обитателями ям» — аборигенами Севера. Это предположение подтверждается, в частности, тем, что все ненецкие роды хантыйского происхождения входят во фратрию Ванюта.

5. Среди сибирских ненцев (по переписи 1926—1927 гг.) помимо родов фратрии Харючи (22 рода) и Ванюта (14 родов) Б. О. Долгих выделяет восемь родов «остяцкого» и пять родов энецкого происхождения, а также четыре рода лесных сибирских ненцев. Он подробно анализирует названия этих родов, сопоставляет их с родами зафиксированными в XVII—XVIII вв. в Северной и Южной Сибири.

6. В состав современных энцев (тундровых и лесных) на разных этапах сложения этой этнической общности вошли северные аборигены (видимо, неолитические охотники на северного оленя), ранние самодийцы, поздние самодийцы, отунгушенные аборигены, тунгусы (род Бай), а также несамодийские выходцы с юга в разных сочетаниях. В подтверждение такой сложности этнического состава энцев Б. О. Долгих приводит многочисленные данные.

7. Не опровергая мнений о более южной территории формирования предков современных самодийских народностей, Б. О. Долгих высказывает сомнения, что самодийское население Южной Сибири всегда обитало только на Алтае и Саянах. «Вероятно, что саянские оленеводы-самодийцы были лишь частью широко распространенного в определенную эпоху по всей южной части Западной Сибири самодийского населения» (стр. 227). Справедливо замечание Б. О. Долгих: «Для того чтобы стать важным фактором этногенетического процесса и, в частности, распространить свой язык и культуру до Ледовитого океана на севере и до оз. Косогол на востоке, самодийцы в течение определенной исторической эпохи должны были быть значительной этнической общностью на юге Западной Сибири, а не только на одних Саянах» (стр. 229).

В своей основе приведенные положения не вызывают возражений. Чрезвычайно плодотворным представляется нам метод сопоставления и анализа родовых названий, начиная с XVII и до начала XX в. Б. О. Долгих высказывает ряд интересных предположений относительно происхождения названий родов, большинство которых сохранилось у ненцев в качестве фамилий до настоящего времени.

Однако некоторые выводы, на наш взгляд, требуют уточнения. Так, неправомерен перевод названия рода (и фратрии) Ванюта как «ямные», от основы *ваңг* — «яма». Это противоречит нормам ненецкого языка (в слове *ваңг* — заднеязычное *н*, поэтому *г* обязательно слышно; «живущий в яме, норе» будет звучать *ваңгота*, а не *ванюйта*). Кроме того, среди ненцев широко известно предание о происхождении названия рода Ванюта: «Три брата жили бедно — у них был всего один олень-бык. Как-то они поссорились. Один взял себе быка и ушел, стал жить отдельно. Другой взял корни дерева, сделал «ноги», чтобы следов не оставлять. Он пошел ночью и увел быка (Ванюйта). У второго брата был хороший слух (Вэн ха). За это его прозвали «Собачье ухо». Он рассказал о краже. А первый стал ныть, что у него отобрали быка (Сабы)»⁵. Таким образом, и народная этимология связывает этноним Ванюта со словом «корень», а не «яма».

² Отметим, что такая расшифровка не представляется убедительной. По-ненецки лес — *пэдара*; деревянный, лесной — *пя*.

³ Об этом см. также: Л. П. Лашук, Очерки этнической истории Печорского края, Сыктывкар, 1958, стр. 64.

⁴ См. также: Б. О. Долгих, Родовая экзогамия у нганасан и энцев, «Сибирский этнографический сборник», IV, М., 1962, стр. 220; «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 185—186.

⁵ Записано нами в 1966 г. в пос. Ныда от Н. К. Салиндер. Аналогичный рассказ мы слышали в том же году в пос. Белоярск (Приуралье) от И. И. Езынги.

С другой стороны, в подтверждение того, что во фратрии Харючи преобладает самодийский элемент, можно привести такие данные: ненцы в Надымском районе различают две экзогамные группы — Хасава тэнз и Хаби тэнз. Слово *тэнз* в данном случае можно соотнести с понятием «фратрия». Хасава — одно из самоназваний ненцев. Слово *хаби* означает иноплеменник (ненцы называют: тасу' хаби — селькупов, сия' хаби — манси, сала' хаби — хантов, еня' хаби — кетов), в фольклоре также — раб. К группе Хасава тэнз нашими информаторами были отнесены роды (из живущих в этом районе) Ядне, Сэротэта, Чокатета, Лапсуй, Яптунай (Ябтоңэ, Худи, т. е. относящиеся к фратрии Харючи. К группе Хаби тэнз — роды Салиндер, Вануйта, Няндаңгы, Неркыгы, Тёр, т. е. роды, часть которых Б. О. Долгих относит к фратрии Вануйто, а часть — к ненцам «остяцкого» или энецкого (Тёр) происхождения.

Немного о названии *печера* и расшифровке его как «лесные жители» (см. выше). В ненецком языке, как упоминалось, лес обозначается словом *пэдара*, иногда *пя* (лесной). Слово *тер* (в некоторых говорах — *чер*), добавленное к другому имени существительному, можно перевести как «содержимое» или «житель» (например, *ед' тер* — содержимое котла, *мяд' тер* — семья, «содержимое» чума, Лаптандер — житель равнины и т. д.). Лесной человек, таким образом, было бы *пэдара' тер* или *пя' хасава* (как это мы имеем в качестве названия азиатских лесных ненцев). Ненецкий этноним *пэ тер* нам встретился в другом значении — житель гор (*пэ* по-ненски — камень). В фольклоре и рассказах ненцев *пэ тер* противопоставляются тасиняны — жителям низовья Оби и ее правых притоков (от слова *таси*, *тасий* — нижний, находящийся внизу). Как представляется, эти этнонимы соответствуют «каменным» и «низовым» самоназваниям литературных источников, о которых Б. О. Долгих приводит материалы в рассматриваемой книге. В записанном нами тексте «Сидя Пэ тер» («Два жителя гор») указывается даже на некоторые отличия в материальной культуре между этими двумя группами; тасинии (тасиняны), встретившись с двумя жителями гор, все время повторяют: «Ой, какие у них нарты большие, ой, какой у них толстый тынзей! Ведь они и должны быть такими, раз принадлежат жителям гор!»⁶.

Отметим еще некоторые положения работы Б. О. Долгих, которые представляются нам спорными. Не всегда убеждает признание некоторых ненецких родов энецкими по происхождению. Так, непонятно, почему члены ненецкого рода Мартык являются потомками энецкого рода Сонуко (см. стр. 76, 177, 250 и др.). Не вполне ясно представляется история рода Ладоседа (этого, впрочем, не скрывает и автор, см. стр. 246, 249). Есть противоречия в определении времени продвижения на север самодийских племен из районов Западной Сибири. Спорным можно считать и вопрос о появлении оленеводства на севере Средней Сибири (стр. 267). Б. О. Долгих полагает, что на смену охотникам, имевшим оленя-манщика, пришло «настоящее, хотя и незначительное, оленеводство». «Его принесли, по-видимому, предки рода Чор (Муггади)... Третий тип, с большими стадами оленей у богатой верхушки, был выработан нешцами и оленевыми хантами, очевидно, сравнительно недавно и стал основной экономической базой социального расслоения у северных самодийцев» (стр. 267—268). Последнее совершенно справедливо. Появление крупных стад у ненцев относится к XVIII в., но задолго до этого периода у ненцев существовало «настоящее» оленеводство. О его давности говорит производственный календарь ненцев, разработанность оленеводческой терминологии и др. Трудно представить, что это все было заимствовано у энецов. Если отказаться от этой гипотезы, то остается предположить, что род Чор (Тёр) был ненецким.

Требуется дополнительных исследований и утверждение о том, что культура канинских ненцев до недавнего времени была наиболее архаичной по сравнению с культурой других групп ненцев (не считая сибирских лесных). Мною было высказано предположение, что это одна из наиболее ранних групп, попавших на Европейский Север⁷. Б. О. Долгих считает, что европейские ненцы сложились весьма поздно (стр. 63). Отметим, что последнее трудно согласуется со сделанным им же сопоставлением лесных европейских ненцев с древней печерой (см. выше).

Мы остановились лишь на некоторых вопросах, поднятых работой Б. О. Долгих. Привлеченный автором обширный материал требует дальнейшего изучения, сопоставлений, раздумий. Следует еще раз подчеркнуть, что Б. О. Долгих по существу разработал новую методологию исследования этногенеза и этнической истории народностей Севера, широко привлекая материалы по их родовому составу. Как все новое, эта методология требует шлифовки и доработки. При этом желательным является более тщательный отбор данных языка, привлекаемых в качестве доказательства того или иного положения.

Л. В. Хомич

⁶ *Тынзей* — аркан. У современных ненцев Ямала и Тазовской тундры нам не удалось выявить указанных различий, так как размеры нарт вообще колеблются в зависимости от их назначения, а толщина аркана от ширины полос кожи, из которых он плетется.

⁷ Л. В. Хомич, Ненцы. Историко-этнографические очерки, Л., 1966, стр. 37, 38.

Книга Э. Эпик «О води и ижоре в конце XVIII в. Этнографические и лингвистические материалы в описании Петербургской губернии Ф. Туманского» представляет интерес для широких кругов этнографов.

Рукопись Туманского, написанная в конце XVIII в., оставалась совершенно неизвестной до наших дней и лишь в 1968 г. была обнаружена Э. Эпик в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Э. Эпик опубликовала в своей книге наиболее интересные с научной точки зрения части работы Туманского: разделы об истории края, населяющих его народах и их языках, одежде, обычаях и обрядах, суевериях, хозяйстве, растительном мире, а также краткий словарь местных наречий. В книгу включены карта расселения народов в Петербургской губернии, составленная Туманским, и его рисунки.

Текст рукописи Туманского опубликован параллельно с переводом на эстонский язык, выполненным Э. Эпик. Его написаны также Введение и Комментарий к тексту. Комментарий к водскому и ижорскому словарикам Туманского сделаны эстонскими лингвистами Э. Адлер и А. Лаанестом. К книге приложены указатели этнографических терминов и географических названий.

Остановимся несколько подробнее на Введении и Комментарии Э. Эпик. В первой части Введения Э. Эпик характеризует автора рукописи. Ф. Туманский (1746—1810) родился на Черниговщине в богатой дворянской семье и образование получил в Геттингенском университете. В 1786—1794 гг. он весьма деятельно участвовал в культурной жизни Петербурга: писал, переводил, издавал журналы и книги. Его «Российский магазин» (1792—1794) был одним из первых исторических журналов в России, в нем публиковались и этнографические статьи. Уже в 1779 г. Туманский был избран в члены-корреспонденты Петербургской Академии наук, затем в члены Российской академии. После прекращения издания «Магазина» Туманский появляется на общественной арене вновь в 1797 г., но уже в ином качестве — он занял пост цензора иностранной литературы в Риге и стяжал на нем недобрую славу. Так, он пытался запретить публикацию работы известного прибалтийского просветителя Г. Меркеля «Латыши», препятствовал ввозу в Россию изданных в Лейпциге путевых писем Карамзина, преследовал лифляндского пастора Зейдера, которого считал вольнодумцем. Тупое преследование им малейших признаков «якобинского духа» приняло такие масштабы, что сам Павел I назвал Туманского сумасшедшим. Вынужденный уйти в отставку, Туманский умер столь незаметно, что даже дата его смерти спорна.

Работа Туманского о Петербургской губернии возникла не случайно. Он интересовался географическими и этнографическими исследованиями, в частности перевел на русский язык второй том сочинений П. Палласа, на свой счет издал путевые заметки М. Г. Коковцева о Северной Африке.

Парадоксальным образом именно рассматривая рукопись самого Туманского осталась неопубликованной, хотя как раз она заставляет нас по-новому подойти к его оценке, как исследователя (до сих пор он был известен лишь как бездарный поэт и неудачливый историк-компильатор). Э. Эпик полагает, что причиной этому был выход в свет в 1790 г. работы И.-Г. Георги «Описание... С. Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного», и Туманский считал, что публиковать свою работу нет смысла.

Э. Эпик отдает должное Туманскому как этнографу: он обладал даром острой наблюдательности и сумел во время своего краткого путешествия по Петербургской губернии отметить важные этнографические детали, причем сделал это лучше не только своих современников, но и многих более поздних исследователей.

Во Введении Э. Эпик выражает мнение, что поездка Туманского состоялась весной 1790 г., о чем свидетельствуют пометки на рисунках, и восстанавливает маршрут путешествия на основе названий упомянутых им деревень и по лексическим и этнографическим материалам. Можно полагать, что Туманский был в Котлах, возможно в Баабине, затем в нижнелужских деревнях — Орлах, Манновке или Тиенсуу. Побывал он и в центральной Ингрии, вероятно недалеко от Лендовщины.

Э. Эпик анализирует круг источников, которыми мог пользоваться Туманский. Литература того времени по населению Петербургской губернии была очень невелика. В 1776 г. вышло «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» И.-Г. Георги, в котором есть сведения об ижоре. Водь там не упоминается, хотя рисунок, изображающий «финскую жинцину», по деталям одежды заставляет полагать, что это водская женщина. Ведь под именем чудь была впервые описана в 1783 г., Фр. Трефуртом. Он приписывал ей финляндское происхождение. Гравюра Трефурта (1785 г.), изображающая вожанку, до сих пор была единственным известным науке рисунком, представляющим архаичную водскую одежду. О води (также под названием чудь) писал и А.-В. Хупель, он даже отметил близость водского и эстонского языков, но не придал этому значения и также выводил ее из Финляндии.

Работы Георги, Хупеля и Трефурта были несомненно известны Туманскому, но рукопись его богаче по сведениям. Так, у Георги упоминаются только ижора и финны,

Туманский называет и чужд, выделяет две группы ижоры (ошибочно считая одну из них ямью), а также финнов, эстонцев и карел, но про последних говорит, что это «финны или карелы», живущие по правую сторону Невы, в Петербургском и Шлиссельбургском уездах, где, как известно, жили только финны (савакот и эврмейсет). К тому же Туманский говорит о том, что они лютеране. Так что речь идет, видимо, о финнах.

Э. Эпик обращает внимание читателя на то, что Туманский был в плену у теорий Миллера, Шлецера и других авторов того времени: именно этим объясняется его желание найти «ямь». Хотя он и отметил, что жители нижней Луги называют себя ижорой, но вывел из этого, что они скрывают свое настоящее имя. По той же причине, записав самоназвание води «вадделасит», Туманский не придал этому значения и предпочел именовать их чуждо.

Ошибка в работе Туманского немало — они отмечены Э. Эпик во Введении и Комментарии. Тем не менее его работа первая, в которой показана территория расселения упомянутых народов в Петербургской губернии, приведены их этнонимы и дана их характеристика.

Наиболее существенной для специалистов частью работы Туманского является его описание одежды местного населения, в первую очередь водской и ижорской. Э. Эпик посвящает этому основной, третий, раздел Введения.

Женская одежда води обратила на себя внимание Туманского как своей самобытностью, так и наличием в ней возрастных отличий. Туманский выделил одежду «девки», «молодки», замужней женщины и старухи. Основной женской одеждой был глухой сарафан без рукавов, у девушек — из белого полотна — «амы», а у замужних женщин — из синей шерстяной ткани — «рукка». Поверх сарафана носили короткую кофту, не доходящую до пояса.

Девушки носили волосы распущенными, головной убор был в форме круглой шапочки «пьянсе». При выходе замуж девушке брили голову и надевали сплошной формы головной убор «пайкас». Через два года после замужества женщина переставала считаться молодой, из ее костюма исчезала часть украшений и вновь менялась форма головного убора. Одежда старух состояла из одной рубахи «уммико» и старушечьего головного убора; из украшений сохранялись только серьги и ожерелье с крестом.

Ижорская одежда, видимо, не имела возрастных отличий. Туманский указывает лишь, что девушки носят волосы распущенными, а замужние женщины — собранными под головным убором. Туманский подробно описывает ижорскую женскую рубаху и верхнюю одежду в форме двух передников, вышивки, украшения, обувь.

Одежда «ямь» описана очень бегло, говорится только о том, что богатые одеваются сходно с ижорой, а также отмечено, что при выходе замуж девушке, как и у води, бреют голову, но потом волосы отпускают.

Э. Эпик провела анализ материалов Туманского и сопоставила их с теми сведениями, которыми мы располагали до сих пор, с тем чтобы установить, во-первых, насколько достоверны его сведения, во-вторых, чтобы было ясно, какими новыми данными благодаря рукописи Туманского располагает теперь наука.

Описания Туманского очень точны, что можно установить при сопоставлении их с более поздними данными и, что еще более существенно, многие элементы одежды и их покрой становятся впервые известными благодаря его рукописи. Очень важна и записанная им терминология, а его сведения о возрастных различиях в водской одежде позволяют уточнить комплексы ее как в конце XVIII в., так и в последующие периоды. Э. Эпик констатирует изменения в одежде води и ижоры, которые произошли на протяжении XIX в., и дает их возможную датировку. Это позволяет еще раз подчеркнуть, что развитие одежды, нивелировка водской и ижорской одежды и восприятие элементов костюма соседнего населения, в частности русского, шло в различном темпе в разных частях Ингрии. Благодаря Туманскому можно проследить, как новшества прежде всего появляются в одежде молодых, переходят в одежду женщин средних лет и затем становятся принадлежностью старушечьего костюма и смертной одеждой.

Тщательное исследование водской одежды, проведенное финским этнографом Карриной Салминен в 1930-х годах, привело ее к выводу, что в прошлом води носила одежду типа холщового сарафана «амы». Опираясь на этнографические, языковые и фольклорные материалы, она установила, что такую одежду в середине прошлого века носили старухи, в то время как девушки носили уже юбки типа паневы. По материалам Туманского видно, что в его время сарафан «амы» носили девушки. Э. Эпик полагает, что рубаха типа «уммико», о которой Туманский пишет как о старушечьей, была в свое время одеждой молодых женщин и девушек. В целом это вполне соответствует тому, что ношение рубахи в качестве верхней одежды было широко известно. Э. Эпик делает при этом обоснованную оговорку, что и безрукавная одежда типа сарафана была архаичным элементом одежды, так как известна по археологическим материалам периода позднего железа из Эстонии, Финляндии и Карелии; такой же покрой имел и древний русский сарафан.

Материалы Туманского позволяют также уточнить происходившие в Ингрии процессы формирования общего водско-ижорского комплекса одежды и подтверждают некоторые положения, бывшие до сих пор только догадками. Так, об одежде, распространенной на нижней Луге во второй половине XIX в. у смешанного водско-ижорского населения, уже выражалось мнение, какие ее элементы принадлежат води и какие ижоре, но опираться при этом можно было только на лингвистические материалы. Те-

перь, отмечает Э. Эпик, мы можем считать доказанным, что поясная одежда «хурстук-сет» была ижорским элементом, в то время как набедренники «каатерит» принадлежали первоначально к водскому комплексу.

У Туманского много сведений, позволяющих заново пересмотреть вопросы историко-культурных связей водского и ижорского населения с другими народами.

В этнографической литературе со времен Сирелиуса высказывалась мысль о связи водской и ижорской одежды с формами, восходящими к Волго-Камского бассейну. Более детально занялся в свое время этим И. Маннинен, считавший, что контакты Ингрии с Поволжьем относятся ко времени до заселения южного побережья Финского залива славянами, т. е. до IX в., и что они шли через булгарских купцов. Эта точка зрения получила общее признание в финской литературе.

Э. Эпик посвятила анализу этого вопроса значительную часть своего исследования. Как во Введении, так и в Комментариях мы находим сведения по этому вопросу и убедительные выводы из них.

Э. Эпик рассматривает не только материалы Туманского и литературу по водско-ижорской одежде, ею привлечена и новая литература по Поволжью, которой не было во времена Маннинена, а также рассмотрены археологические материалы. Э. Эпик присоединяется к тому мнению, что головной убор водской девушки «пьясие» сходен с головными уборами девушек у финно- и тюркоязычных народов Поволжья. Очевидно сходство нагрудных парных украшений води с удмуртскими. Можно считать родственными удмуртским и водские серьги «пелдушкат», название которых позволяет предполагать, что они восприняты водью через посредство русского населения. Ижорские ушные украшения «таллукар» — подвески к сергам в форме незамкнутого кольца с двумя фиксированными ножками — впервые стали известны благодаря Туманскому. Э. Эпик сравнивает их с местными археологическими материалами и восточными параллелями и приходит к выводу, что они были заимствованы ижорой с востока вместе с тюрко-татарским названием. Восточным элементом в украшениях являются раковины каури, которые к тому же отличали водско-ижорские вещи от славянских на этой территории. Э. Эпик приходит к хорошо аргументированному выводу, что связи эти относительно поздние, видимо, второй половины XIV в., золотоордынского и позднего булгарского периода.

Заново рассмотрен Э. Эпик вопрос и о западнофинских и прибалтийских элементах в одежде местного населения. Как известно, некоторые исследователи (в частности Н. Прыткова) считали их незначительными. Э. Эпик не разделяет этой точки зрения, совершенно справедливо указывая на большое число общих элементов. Уже выше мы называли общую для Эстонии, Карелии, Финляндии и рассматриваемой территории известную по археологическим находкам глухую безрукавную одежду типа сарафана. К этому следует добавить короткие кофты «рукава», описанные Туманским для води и известные в Северной Эстонии и на островах Финского залива, заселенных финнами. Для всей Прибалтики характерно использование в качестве украшений бронзовых спиралек, которые отмечает Туманский при описании одежды води.

Материалы Туманского отмечают русские заимствования в водско-ижорской одежде. В его время их было немного, но их фиксация позволяет уточнить процесс проникновения русских элементов в костюм финноязычного населения и датировать ход его с большой точностью.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что с публикацией названной книги этнографы не только получили возможность ознакомиться с ранее неизвестной рукописью Туманского, но этнографическая литература пополнилась и прекрасным исследованием, написанным Э. Эпик. Э. Эпик посвятила работу памяти своего учителя — Д. Зеленина и, следует сказать, он мог бы заслуженно гордиться такой ученицей.

Н. В. Шлыгина

Yakutia before its incorporation into the Russian State. Montreal-London, 1970, XII, 499 p.

Первый том «Истории Якутской АССР» (автор — А. П. Окладников) вышел в свет в 1949 г., второе издание появилось в 1953 г. В советской научной печати эта работа была высоко оценена¹. Все рецензенты подчеркивали разнообразие использованных источников². Изучение далекого прошлого многочисленных народов, населявших этот регион, смены разнообразных культур и их взаимопроникновения представляло очень большую трудность. Автор первого тома «История Якутской АССР» успешно справился с этой сложной задачей.

В 1970 г. Арктический Институт Северной Америки опубликовал перевод первого тома «Истории Якутии» на английский язык. Работа вышла под редакцией профессора

¹ См., например: С. В. Бахрушин, Научные труды, т. 3, ч. 2, М., 1955, стр. 264—265.

² См. также рецензии на эту книгу: В. Н. Чернецов, «Сов. этнография», 1950, № 3; П. И. Борисковский, «Вестник ЛГУ», 1950, № 2; Н. Н. Степанов, «Вопросы истории», 1950, № 5; С. А. Токарев, «Вестник древней истории», 1954, № 2.

Филадельфийского университета (США) Гснри Майкла. Он же написал «Предисловие» к английскому изданию книги. В «Предисловии» Г. Майкл рекомендует англоязычному читателю А. П. Окладникова как пионера в археологическом изучении Советского Севера.

А. П. Окладников специально написал «Предисловие» к английскому изданию своего труда, в котором он делает краткий обзор итогов археологических работ, начиная с раскопок 1925 г. в верховьях Лены, и кончая раскопками последнего времени в долине Колымы, на Охотском побережье и на о-вах Фаддея. В частности, С. А. Федосеева и Ю. А. Мочанов за последние годы собрали на территории Якутской АССР большой материал, подтверждающий те основные положения, которые были высказаны в первом томе «Истории Якутской АССР».

С историческими процессами в Якутии тесно связано развитие древних культур на Чукотке, Камчатке и на Дальнем Востоке. Это подтвердили находки из раскопок древнеэскимосских могил на Чукотке, произведенных М. Г. Левиным, Д. А. Сергеевым, И. Н. Диковым и С. А. Арутюновым; древних могил в районе Магадана — Р. С. Васильевским, а также раскопки поселений и могильников на Амуре и в Приамурье А. П. Окладникова, А. П. Деревянка и др. Найденные за последние годы на Северо-Востоке Сибири палеолитические орудия дают новый материал для того, чтобы проследить пути заселения Американского континента. Интересные данные дали раскопки древнего поселения на Камчатке (на берегу Ушковского озера), открытого Н. Н. Диковым.

За двадцать лет, прошедших после издания книги, появились работы и этнографов, и лингвистов, посвященные этногенезу якутов. Эти исследования также содержат богатый материал, свидетельствующий о плодотворности многих положений первого тома «Истории Якутской АССР», например, тезиса о южном тюркском происхождении якутов³.

Западногерманский ученый У. Йохансен, изучая орнамент якутов, приходит к выводу, что их предки пришли на берег Байкала с Алтая, а затем двигались вниз по Лене. «Сравнение с доисторической орнаментикой показывает, — пишет Йохансен, — что только одни якуты воспроизводят сегодня орнаменты, поразительно сходные с теми, которые были у алтайцев в V — III веках до н. э.»⁴. По мнению другого ученого Т. Ходзило, саха (якуты) и урянхайцы входили в состав уйгуров. В IX веке из южных степей Сибири они были оттеснены кыргызами к Саянским горам и озеру Байкал, и здесь подверглись влиянию монголов. Затем, под давлением бурят, урянхайцы и саха вместе с монгольским племенем хоро переселились на среднюю Лену. «Таким образом, — продолжает Т. Ходзило, — якуты на их новой родине сложились из трех этнических групп: урянхайцев, саха и хоро»⁵.

Б. О. Долгих полагает, что непосредственными предками якутов являются эхириты, живущие в верховьях р. Лены, и входящие сейчас в состав бурятского народа⁶.

В 1950 г. экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР произвела раскопки могил якутов XVII века⁷. Черепя якутов, извлеченные из этих могил, оказались, по измерениям Г. Ф. Дебеца, сходными с древними черепами из Тункинской котловины (Бурятская АССР).

Таким образом, за эти годы накоплены новые данные, подтверждающие правильность основных положений, высказанных в первом томе «Истории Якутской АССР».

Приятно отметить хорошее качество английского издания книги; она снабжена примечаниями, библиографическими и другими указателями; при этом в ней не только сохранен прежний богатый иллюстративный материал, но появились и новые интересные иллюстрации.

Однако надо сказать, что в этом издании обнаруживаются неправильные написания терминов, географических и других названий, большая часть которых объясняется, видимо, спецификой английской орфографии.

Рецензируемое издание, знакомя англоязычных читателей с историческим прошлым народов Якутии, свидетельствует о неоспоримом укреплении международного авторитета марксистско-ленинской исторической науки.

З. В. Гоголев

³ См.: Е. И. Убрятова, Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также монгольским и тунгусо-маньчжурским, «Труды 25-го международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963, стр. 260; Л. Н. Харитонов, Типы глагольной основы в якутском языке, М.-Л., 1954, стр. 46; С. Калужский, Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке, «Тр. Ин-та языка, литературы, истории», вып. 3 (8), Якутск, 1961, стр. 15.

⁴ U. Jochansen, Die Ornamentik der Jakuten, Hamburg, 1954, S. 178.

⁵ T. Chodzidlo, Die Familie der Jakuten, Freiburg, 1951, S. 419.

⁶ Б. О. Долгих, Некоторые вопросы древней истории западных бурят, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 18, М., 1953, стр. 44.

⁷ З. В. Гоголев, Раскопки якутских могил XVII века, «Труды Ин-та языка, литературы, истории», вып. 1 (8), «Общественные науки», Якутск, 1958, стр. 65 — 75.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Н. А. Красновская. Фриулы. М., 1971, 188 стр. с илл.

Книга Н. А. Красновской — первый в мировой литературе труд, дающий полную и всестороннюю историко-этнографическую характеристику фриулов — этого своеобразного и довольно крупного национального меньшинства северо-восточной Италии. О литературе на русском языке не приходится и говорить — несколько предыдущих статей самой Н. А. Красновской да статья И. И. Срезневского о фриульских славянах (но не о самих фриулах) — вот все, чем мы располагаем. В самой Италии имеются исследования лишь по отдельным периодам истории фриулов или по этнографии (причем лучшему из всех — труду Остерманна — уже около 80 лет), этническая же история фриулов вообще не разработана, и материал для нее автору пришлось собирать по крохам. Поэтому нет сомнения, что выход этой книги имеет большое значение не только для советского читателя, но и прежде всего для читателя за рубежом, в том числе и в самой Италии. Очень жаль поэтому, что работа Н. А. Красновской лишена совершенно необходимого в таких случаях резюме на одном из западных языков (в данном случае либо на английском, либо на итальянском); остается надеяться, что она будет переведена на один из этих языков.

За вычетом введения и краткого, но достаточно полного обзора литературы по предмету (гл. I), книга состоит из трех неравных частей: этнической истории предков фриулов до их христианизации в начале IV в. н. э. (гл. II), истории культуры Фриули с IV в. и до новейшего времени (гл. III) и описания разных сторон хозяйства и быта современных фриулов (гл. IV—VII).

Имеются также библиография, лично-именной и этнонимический указатели.

Автор обстоятельно излагает фактические данные по историографии изучения фриулов, о различных этнических группах, населявших и проходивших через Фриульскую область в античности и в раннем средневековье, о перипетиях гражданской истории области Фриули и обо всех сторонах их современной и традиционной духовной и материальной культуры. Однако основная теоретическая ценность этой книги содержится в ее заключении, где всего на семи страницах очень компактно и убедительно изложены новейшие теоретические выводы автора. Прежде всего, это вопрос этногенеза фриулов и места, занимаемого этим народом, на языковой и исторической карте древнего и современного романского единства. Нарисована очень четкая схема последовательных пластов в этногенезе фриулов. Со времени неолита все пространство от Альп до Адриатики было занято многочисленными племенами эвганеев, соплеменностью, принадлежавшей скорее к группе лигурских народов. В начале I тысячелетия до н. э. на территории современных Венето и Фриули появляются племена венетов. Язык их, очевидно, занимал промежуточное положение между иллирийскими, с одной стороны, и итальянскими — с другой. Эвганеи, обитавшие на равнине, были ассимилированы венетами. Но часть их, вытесненная в изолированные горные ущелья, долгое время в виде маленьких групп — трумплинов, каммунов и стоэнов — сохраняла свою самобытность вплоть до прихода римлян. Вскоре после того, как на приадриатическую низменность проникли венеты, в лежащих значительно севернее альпийских долинах появились племена ретов. Здесь реты контактировали с оттесненными в некоторые из этих долин эвганеями и, возможно, смешивались с ними: с трумплинами в Валь-Тромпия, а с каммуннами в Валь-Каммуника. Таким образом, энганеи являются древнейшим известным населением и равнинной и горной части северной Италии и южной Швейцарии. В дальнейшем образовались два ареала: эвганейско-ретский ареал послужил субстратом для формирования так называемых западных и центральных рето-романцев (ладинов и руманшей), а эвганейско-венетский — для формирования фриулов. К этому последнему в IV в. до н. э. добавился галльский, а именно — карнийский элемент. Хотя карны и покорили венетов, но не сумели навязать им свой язык, и тот субстрат, который во Фриули непосредственно предшествовал латыни, имел как галльско-карнийские, так и иллиро-венетские черты. Именно на этом субстрате сформировалась аквилейская народная латынь, еще в римское время отличавшаяся значительным своеобразием среди латинских говоров. Ее дальнейшее развитие в XIV в. н. э. привело к формированию основных черт современного фриульского языка. Многочисленные посторонние привнесения (в V в. гетские, в VI—VII вв. лангобардские, в VIII—IX вв. славянские и в дальнейшем немецкие) составили определенный вклад и в языковое, и в культурное развитие фриулов, но не изменили его принципиального содержания, оставшегося во все эти времена и до наших дней ярко выраженно романским.

Этноним фриулы, очевидно, появился в лангобардское время и происходит от названия главного города в области — Форум Юлии. Наибольшее значение для укрепления самобытности фриульской народности, для становления ее этнического самосознания имел период XI—XIV вв., когда во Фриули существовало независимое светское государство, возглавляемое аквилейскими патриархами. В духовной и материальной культуре фриулов автор прослеживает некоторые специфически фриульские черты. Одни из них, например, блюда из квашеной репы («броваде»), восходят еще к античным временам, другие, как специфика обрядности в день Вознесения, связаны с отдель-

ными конкретными моментами уже собственно истории фриульского «отечества». Есть черты, заимствованные у других народов: например, у австрийцев заимствовано употребление в пищу клёцок, обряд бросания с холма зажженных колесиков «лис чиду-лис». Очень много черт, общих для всей Италии, и, наконец, черты характерные не для всей Италии, но общие для фриулов и венецианской этнографической группы итальянцев: это тип дома, многие семейные обряды.

Таким образом, фриулы, развивавшиеся на протяжении средневековья как одна из многих самостоятельных романских народностей, постепенно в ходе формирования итальянской нации все более ассоциировались с ней, причем связующим звеном служила венецианская этнографическая группа итальянцев. В настоящее время фриулы продолжают существовать как особая народность, тесно ассоциированная с итальянской нацией. Хотя самобытность их культуры и языка в последнее время постепенно убывает, думается, что именно такие малые народы современности остро нуждаются во внимании исследователя и появление книги Н. А. Красновской представляет собой ценный и своевременный вклад в их изучение.

С. А. Арутюнов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. К. Кудрявцев. *Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни)*. М., 1971, 283 стр.

Предметом научного анализа в монографии М. К. Кудрявцева являются социально-экономические и историко-этнические процессы, происходящие в современной индийской деревне. Это в сущности первое марксистское исследование указанных процессов в данном районе.

Не так давно изучение проблем сельской поземельной общины многими расценивалось как попытка открыть нечто весьма архаичное. По мере крушения колониальной системы империализма и завоевания народами политической независимости обнаружилось, что традиционная крестьянская община продолжает существовать во многих странах и регионах Азии, Африки и Америки, что география и масштабы распространения общины еще полностью не определены. В ряде районов земного шара исследователи заново «открывали» ее. Достаточно вспомнить историю «открытия» русской сельской общины в XIX в. Гакстгаузеном и индийской общины английскими учеными чиновниками и чиновниками-учеными. Недавно стало известно о существовании общинной структуры в районах Атласных гор в центральном Таиланде. Причем во многих районах мира община продолжает существовать не как реликтовая форма, а как органический элемент полиукладной экономики. Ученые и политики убедились, что проблема крестьянской общины является жгучей проблемой современности.

Автор рецензируемой монографии убедительно доказал, что деревенская община в Индии, которая в прошлом веке существовала в национальном масштабе, в XX в. не исчезла, более того, она в разных формах дожила до наших дней и сосуществует с высшими формами современного государственного-монополистического капитализма. М. К. Кудрявцев «открыл», можно сказать, современную индийскую общину, которую у нас считали исчезнувшей. Он показал масштабы ее распространения и ее роль в социально-экономической структуре современной Индии, всем этим способствуя разоблачению легенды о реликтовом характере общины¹.

Из работ М. К. Кудрявцева, С. А. Маретиной и других советских исследователей мы уже знаем о значительном распространении в XX в. общинной системы в Хиндустане (Северная Индия) и Горном Ассаме (Восточная Индия). Дальнейшие исследования, вероятно, приведут к обнаружению «живой» общинной структуры в других частях Индии.

Автор рецензируемой книги — историк и этнограф. И хотя он пишет, что смотрит на индийскую деревню, на общинно-кастовые отношения «глазами этнографа» (стр. 6), тем не менее, и это важно подчеркнуть, он не ограничивает свое исследование проблемами этнографическими или узкоспециальными. Большой его заслугой, как мы думаем, является то, что в его работе удачно сочетаются (но не смешиваются) экономический, социальный и этнографический аспекты жизни индийской общины-деревни в их диалек-

¹ О современной индийской общине много пишут зарубежные, в частности индийские ученые. Однако в советской литературе утвердилось мнение, что индийская община в лучшем случае дожила до начала XIX в. (см. стр. 102 рецензируемой книги). И если касались современной общины, то в порядке упоминания или беглого описания некоторых ее черт (см. работы И. М. Рейснера, Н. И. Семеновой, Л. Б. Алаева). М. К. Кудрявцев впервые в советской литературе дал обстоятельный анализ этой общины, доказав, что она жива и функционирует в довольно широком масштабе. В этом смысле можно сказать, что автор «открыл» современную индийскую общину.

тической взаимосвязи. Здесь уместно вспомнить ленинскую критику работ русских народников за то, что они прежде всего интересовались агрикультурной, бытовой, этнографической стороной жизни русской крестьянской общины, оставляя в тени политико-экономическую сторону (см., например, «Ленинский сборник», т. XXXIII, стр. 28). М. К. Кудрявцев в своем труде проводит четкую мысль: экономическая сторона жизни общины является определяющей (стр. 99). Естественно, что предметом анализа в книге прежде всего являются такие экономические проблемы, как собственность и владение, земельные отношения, дифференциация хозяйства и т. д. (стр. 100 и др.). Автор пытается дать также обобщающее (хотя и не исчерпывающее) определение понятия сельской деревенской общины (стр. 12).

Интересным и существенным, на наш взгляд (но и не бесспорным), является следующий тезис автора: община (деревенская, соседская) существует там и тогда, где и когда налицо один постоянный и неперенный атрибут ее — коллективное землевладение хотя бы на часть непахотных земельных угодий. По мнению автора, вовсе не обязательно наличие таких «классических» черт, как общинная собственность, уравнительное землепользование, переделы и т. д. Именно их отсутствие способствовало распространению утверждения, что индийская община якобы «исчезла», в то время как в современных условиях община выступает как коллективный владелец непахотных земель и как коллектив наследственных владельцев пахотных земель. Конечно, в какой степени современная индийская община утратила свои классические черты — это вопрос дальнейших исследований. Но тезис о том, что определяющей чертой сельской общины является в настоящее время не общинная собственность, а общинное владение, в определенной степени расширяет наши представления о масштабах распространения общинной системы, в частности в Индии в современных условиях.

Говоря о специфических особенностях индийской общины, автор подчеркивает ее кастовый характер. Поэтому общину в Хиндустане он называет кастовой деревенской общиной (стр. 256, 261, 262). В этой общине взаимодействуют родственные связи, отношения внутри каст, территориальные (соседские) связи, отношения между кастами и т. д. М. К. Кудрявцев успешно, как нам кажется, решает трудную задачу анализа сложного и противоречивого комплекса родственных и соседских отношений в процессе производства материальных благ и в социальной жизни.

Особую теоретическую и практическую ценность имеет раздел книги, посвященный системе «джаджмани» в Хиндустане. Критически используя богатый материал источников, работы западных и индийских авторов, М. К. Кудрявцев, по существу, впервые дает марксистский анализ этого чрезвычайно важного феномена в социально-экономической истории индийской общины².

По определению М. К. Кудрявцева, система джаджмани — это «система традиционных, строго регламентированных, передающихся от поколения к поколению материальных и трудовых взаимоотношений между имущественно и социально неравными кастовыми группами сельского населения» (стр. 105). Это — форма внутриобщинного разделения труда, которая составляет, по мысли автора, экономическую основу сельской общины. Внутриобщинное разделение труда в зависимости от среды (социальной, географической, этнической) выступает в разных формах, одновременно являясь причиной и следствием натуральности и отсталости сельского хозяйства Индии.

Говоря о внутриобщинном разделении труда в Индии, автор подчеркивает, что на нем зиждется кастовая организация, органически связанная с общинной организацией. Автор убедительно доказал, что сращивание кастовой структуры с общинной придает общинно-кастовой системе необычайную прочность и способность к адаптации. М. К. Кудрявцев связывает систему джаджмани в основном с общинным землевладением, которое существует в разных формациях, при разных системах собственности и эксплуатации. Поэтому неудивительно, что эта система имеет длительную историю и чрезвычайно живуча.

Автор отвергает идею В. Х. Вайзера о том, что индийская система джаджмани представляет собою разложившуюся форму древней сельской коммуны. По мнению М. К. Кудрявцева, система джаджмани основана на социальном неравенстве и является его выражением. Поэтому она не могла зародиться в недрах первобытной общины, где господствовали отношения равенства. Джаджмани связана с регулированием отношений между наследственно-профессиональными, имущественно и социально неравными группами сельского населения. А потому джаджмани — явление, чуждое первобытному строю

² Автор книги отмечает, что в советской литературе система джаджмани упоминалась в статье Н. Р. Гусевой «Органы самоуправления в индийской деревне», более подробно — во вводной статье Г. Г. Котовского к сборнику «Касты в Индии» и в книге А. П. Колонтаева «Разложение сельского ремесла и возникновение новых отраслей мелкой промышленности в Индии». На систему балута обратил внимание и И. М. Рейснер в статье о маратхской общине (стр. 105, 107). Подробные описания (на основе полевых исследований) системы джаджмани даны в трудах Вильяма Х. Вайзера (см. W. H. Wiser, The Hindu Jajmani system, Lucknow, 1958), Оскара Льюиса (O. Lewis, Village life in Northern India, Urbana, 1958) и многих других. Тем не менее необходимо особо подчеркнуть, что в рецензируемой книге речь идет не об упоминании или описании системы джаджмани, а о первом обстоятельном и глубоком структурном анализе названной системы с марксистских позиций.

(стр. 150). Автор считает также, что эта система «никак не уживается ни с рабством, ни с крепостничеством» (стр. 166). Знала ли Индия рабовладельческую формацию? Автор, как и многие советские исследователи, в этом сомневается. Во всяком случае, он категорически утверждает, что для рабов и рабовладельцев «в общине не было места» (стр. 160). М. К. Кудрявцев отвергает также идею о существовании феодализма в Индии, подчеркивая, что и феодализму нет места ни в общине, ни за ее пределами. Нельзя считать, что во взаимоотношениях между джаджманами (обслуживаемыми) и каминами (обслуживающими) имеет место эксплуатация феодального типа, как думают некоторые индологи. Почему? Потому что эксплуататоры и эксплуатируемые были как среди джаджманов, так и среди камингов (стр. 116). Поэтому, пишет М. К. Кудрявцев, нельзя проводить линию классового размежевания между джаджманами и каминями. Вместе с тем автор подчеркивает, что система джаджмани является порождением и следствием общинно-кастовой структуры, которая существует в разных общественных системах и накладывает свою печать на последние. Кастовая община с ее принципом джаджмани мешала развитию феодализма в Индии. Автор также отвергает мысль, что джаджмани является «религиозно-экономической категорией» (Х. Гулл и др.), он ведет борьбу на два фронта: против идеализации системы джаджмани и против ее огульного охаивания, пытаясь с марксистских позиций осмыслить ее историческое значение.

Серьезный теоретический и практический интерес, как нам думается, представляют также те разделы монографии М. К. Кудрявцева, в которых он анализирует социальную структуру и принципы самоуправления деревенской общины в Индии. Автор здесь рассматривает одну из очень важных специфических черт индийской общины — ее экзогамность — черту, типичную для родовой общины, облигающую сельскую общину с родовой и создающую определенные трудности при типологизации общин в Индии. Поскольку члены общины делятся на касты, община представляет собой сложный конгломерат экзогамных кастовых групп, каждая из которых в свою очередь составляет часть эндогамных кастовых объединений за пределами общины. Все это создает сложный клубок противоречий, который часто не учитывается исследователями. М. К. Кудрявцев довольно подробно выясняет природу родственных и соседских отношений в индийской деревне, сущность внутрикастовых и межкастовых отношений и противоречий, структуру общины и системы общин (стр. 214 и др.). В силу экзогамности кастовых групп внутри общины деревенская община выступает не как изолированная микроединица, а как составная часть более разветвленной системы. Создается обширная и прочная сеть взаимосвязей и взаимозависимостей — система общинных организаций. К. Маркс, как известно, называл общину «локализованным микрокосмом», но здесь «локализация» имеет место не на уровне отдельной общины, а на уровне группы или объединения общин (см. стр. 175, 211, 214 и др.).

Одной из важных особенностей индийской общины является, по мнению М. К. Кудрявцева, традиционная упорядоченность ее внутренних связей и отношений, несмотря на чрезвычайную пестроту имущественного, социального, этнического и религиозного состава населения. Эта «традиционная упорядоченность» обеспечивается регулярно функционирующими выборными органами: кастовыми и территориальными панчаятами (отметим, что территориальные панчаяты узаконены государственной властью как органы самоуправления для сельских местностей всей страны).

Важным достоинством книги является критика автором воззрений тех, кто, подобно русским народникам, считает кастовую общину Индии готовой базой и ячейкой социализма, а также критика тех, кто отрицает наличие позитивных черт, прогрессивных традиций общинной организации, которые в перспективе могут и должны быть использованы.

Наконец, отметим, что монография М. К. Кудрявцева имеет серьезную источниковедческую и литературную базу. К этому следует добавить, что автор в течение определенного времени сам наблюдал и изучал сельскую общину в Индии. Рецензируемая книга написана серьезным и опытным ученым на высоком научном уровне.

Однако, отмечая серьезные достоинства монографии, мы вместе с тем считаем необходимым высказать некоторые наши замечания, соображения и пожелания.

На наш взгляд, следовало бы предпослать книге хотя бы краткий раздел с критическим обзором историографии и источников, посвященных индийской сельской общине. И хотя автор касается проблем современной индийской общины, тем не менее было бы целесообразно (пусть кратко) показать историческую связь современной индийской общины с ее прошлыми формами. При этом можно было бы полнее оценить итоги исследований советских индологов (Р. Н. Ульяновского, И. М. Рейснера, Л. Б. Алаева, К. З. Ашрафян, К. А. Антоновой, Н. И. Семеновы, Г. Г. Котовского, Л. С. Гамаюнова, и др.). Не хватает элемента историзма и в освещении таких важных проблем, как аграрный строй современной индийской деревни, формы собственности и т. д.

В советской литературе нередко проявляется определенная недооценка всей важности и глубины анализа Марксом природы и судеб азиатской общины. Этот недостаток не полностью преодолен и в рецензируемой работе.

М. К. Кудрявцев считает, что система джаджмани не уживается с добуржуазными классовыми формациями, ибо общинной структуре в Индии и рабство и крепостничество были чужды. Во-первых, автор вступает здесь в противоречие с самим собою. Ведь систему джаджмани он связывает главным образом с общинным землевладением, кото-

рое, как он сам показал, «уживается» со всеми формациями. Во-вторых, проведенный Марксом анализ азиатской общины показывает, что и рабство, и крепостничество в латентной форме присущи структуре этой общины. Отсюда в большой степени проистекает свойство совместимости восточной сельской общины со всеми добуржуазными формами собственности и эксплуатации. Кстати, автор не отвечает на вопрос о классовой природе внутриобщинной эксплуатации при системе джаджмани, проявляя известную недооценку (в этом вопросе) работ некоторых советских авторов.

В явлении экзогамности М. К. Кудрявцев видит доказательство социальной природы общины, так как община А связана (в силу экзогамности) с общинами В, С... и. Ну, а в тех странах, где сельская община не экзогамна, она перестает быть социальной единицей? Эта мысль явно противоречит определению понятия сельской общины, данному автором на стр. 12.

Желательно было бы развернуть весьма важный тезис о том, что в Индии второе крупное общественное разделение труда (отделение ремесла от земледелия) произошло внутри общинной деревни в форме образования кастовой системы, в то время как в Европе отделение ремесла от земледелия привело к отделению города от деревни, к развитию товарно-денежных отношений, внутреннего рынка и т. д. В книге этот очень важный сюжет остался неразвернутым. Между тем в Индии, как нам представляется, чем более развито было внутриобщинное разделение труда, тем менее оно развито было за пределами общины или группы общин и во всем индийском обществе. Это обстоятельство, по-видимому, сыграло тормозящую роль в разложении натурального хозяйства, в развитии внутреннего рынка, в процессе (если можно так выразиться) «исторической специализации» формаций в Индии.

Автор, разумеется, признает наличие общих закономерностей в развитии сельской общины всюду, где этот тип общины имеет место. Но при этом специфические черты индийской сельской общины как бы приобретают исключительный характер. Известная абсолютизация специфики проявляется между прочим в характеристике кастовой системы и системы джаджмани. Так, создается впечатление, что кастовость — это феномен только индийского общества. Между тем социальные образования кастового типа встречаются в Древнем Египте, в Тибете, в Японии, в Африке. В Индии же кастовые образования получили классическое развитие и, по-видимому, в большей степени, чем где бы то ни было, пронизали все общество, в том числе и общинную систему. Джаджмани, по нашему мнению, это явление не только специфически индийское, но и в определенной мере международное. Дело в том, что экономической основой системы джаджмани является разделение (специализация) труда, обмен трудом и услугами. Но именно это является типичной чертой любой сельской поземельной общины на том этапе развития, когда происходит отделение ремесла от земледелия, расщепление ранее единого труда на труд специализированных ремесленников, земледельцев и т. д.³ В этом плане система джаджмани представляется общей закономерностью. Действительная специфика заключается, как нам кажется, в том, что разделение труда, обмен трудом и услугами в индийской сельской общине принимают особую форму взаимных обязательств между отдельными неравными кастовыми группами.

На наш взгляд, в явлении джаджмани представлено диалектическое единство черт общего и особенного. Разделение труда (явление общее) в Индии «окастеневает» в кастах (явление специфическое).

В рецензируемой книге встречаются некоторые неясные и неточные, на наш взгляд, формулировки. Так, на стр. 30 автор утверждает, что формы эксплуатации более всего зависят от форм собственности, а также от характера хозяйства. Что значит «характер хозяйства» и разве этот «характер» не зависит от форм собственности?

Все эти и подобные замечания и соображения могут быть предметом дальнейшего обсуждения и разработки не только индологами, поскольку здесь затрагиваются некоторые общие методологические вопросы изучения общины. Таким образом, монография М. К. Кудрявцева развивает и углубляет наши представления об общих закономерностях развития сельской поземельной общины.

С. Д. Зак, С. И. Тюльпанов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Bill Vaudrin. *Tanaina tales from Alaska*. Introduction by Joan B. Townsend. Norman, 1969, XXXVI+127 p.

Немного памятников сохранилось от древней культуры атапасков. Исчезли прежние быт и верования, и лишь слабые их отпечатки дошли до наших дней, свидетельствуя о яркости и самобытности первобытной культуры индейцев Севера Америки.

³ Автор совершенно правильно обращает внимание на тот существенный факт, что у большинства высокоразвитых земледельческих народов Индии сравнительно высок (до 40—50%) процент неземледельческого населения в деревне (стр. 258).

Составитель рецензируемого сборника, молодой преподаватель колледжа г. Анкоридж Билл Водрин, индеец атапаскской группы чипевайи несколько лет прожил среди танаина, охотился и ловил рыбу вместе с ними, знакомился с их обычаями. Вошедшие в сборник 24 сказки записаны им в двух селениях танаина на юго-западе Аляски, в районе оз. Илльмны. Сами индейцы называют эти сказочные повествования «сак-тас» (suk-tus) истории, легенды. Активную роль в них наряду с людьми играют животные, встречающиеся в этих местах.

Вполне естественно, что животный эпос был особенно популярен у народа, основным занятием которого были охота и рыболовство. Составитель называет «сак-тас» сказками о животных. Это не совсем верно: в сборнике имеются лишь две сказки, в которых действуют только животные. Во всех остальных наряду с животными участвуют люди. Фольклористам предстоит определить, к какому типу сказок следует отнести столь специфическую форму сказочного эпоса, как сак-тас. Родившись в глубокой древности, они донесли до нас много ценных сведений о прошлой культуре танаина: основных занятиях и укладе жизни, религиозных верованиях и социальном строе, нравах и обычаях.

Сак-тас содержат богатый материал, помогающий реконструировать древние верования индейцев. В них очень четко выражены тотемические представления, которые являлись идеологическим отражением охотничье-промыслового хозяйства индейцев.

Герои некоторых сказок выступают в облике человека, то в облике животного. Так в «Первой сказке о бобре» молодая женщина — жена охотника — время от времени уходит в лес и превращается там в бобра. От брака с женщиной-бобром рождаются дети-бобры. Сам охотник в конце концов тоже превращается в бобра и лишь изредка вновь принимает человеческий облик. Подобные сказочные образы могли возникнуть только на основе развитых тотемистических представлений.

Герои другой сказки («Вторая сказка о буром медведе») сестры-медведицы в наказание за дурные поступки теряют возможность превращаться в людей. «Первая сказка о буром медведе» рассказывает о сыновьях женщины и медведя; поселившись среди людей, они воспринимают кличку «медведь» как оскорбление. Возможно, что эти сказки отражают разные этапы развития тотемистических представлений. Многие сказки сборника очень ярко отражают эти представления. О том, как животные помогали человеку стать великим охотником, говорится в «Сказке про волка» и «Сказке про норку». Обычно в благодарность за спасение и науку охотник клялся никогда не убивать зверей-помощников («Вторая сказка об орле», «Сказка о полярной гагаре»).

Отдельные пережитки тотемизма сохранились среди танаина до настоящего времени. Любопытно, что один из информаторов Билла Водрина, со слов которого была записана «Сказка про волка», уверял автора, что дед его Вильям Риктеров заключил однажды союз с волком, обеспечивший старому трапперу счастливый охотничий сезон (конец «Сказки про волка»).

Сказки сак-тас хранят и следы некоторых древних обрядов и обычаев индейцев. Упоминания о мужском доме имеются в «Сказке о горной белке» и в «Сказке о форели». Древний сказочный мотив, где юноша пожирает животное, а затем юноша возрождается как великий охотник (этот мотив, как известно, связан с обрядом инициации), угадывается во «Второй сказке о бобре». Эта сказка интересна еще и тем, что в ней содержится описание старинного способа бобровой охоты.

Некоторые сказки сборника чрезвычайно ярко рисуют семейно-брачные отношения танаина («Сказка о горной белке», «Сказка про лиса», «Вторая сказка о бурых медведях», «Сказка о камбале», «Сказка о форели», «Женщина и волки»). В сак-тас отражено существование разных форм брака (многоженство и многомужество). В них мы находим свидетельства о довольно независимом положении женщины, что объяснялось ее значительной экономической ролью в семье. Жена вместе с мужем ходила на охоту, а иногда и самостоятельно добывала пропитание («Сказка про волка», «Женщина и волки», «Сказка о камбале», «Сказка про лиса»). Встречающиеся в сказках упоминания о женщине — матери всего поселка или о старой женщине — матери братьев, живущих совместно в одном большом доме, видимо, можно считать пережитками матриархата («Сказка про синицу», «Женщина и волки»).

Тщательный анализ содержания сак-тас позволяет также выявить много других подробностей древнего быта танаина. Мы находим сведения о старом жилище и пище индейцев, встречаем довольно подробные описания туземных паровых бань («Сказка про синицу», «Сказка про росомаху» и др.).

Герои почти всех сказок совершают вынужденные или добровольные путешествия. В одних случаях они навсегда остаются жить в чужих краях, в других — возвращаются в родной дом. Трудно решить — следы ли это прежнего кочевого быта или отражение религиозных представлений о странствовании души в загробном мире. Очевидно, эти факты также должны заинтересовать исследователей.

Сюжеты сказок рецензируемого сборника не всегда являются исключительно индейскими. В них встречаются мотивы, распространенные в фольклоре очень многих народов мира. Например, в «Сказке про синицу» угадывается мотив мифа о потопе, а в «Сказке о вороне» — мотив украденного и возвращенного солнца.

Появление в фольклоре танаина широко распространенных сюжетов бесспорно свидетельствует о культурном общении танаина с другими народами. Некоторые сказочные элементы, такие как волшебная палочка и волшебное кольцо, с помощью которого вызывают карликов — исполнителей всех желаний («Сказка о горной белке», сказка

«Женщина и волки»), определенно относятся к более поздним заимствованиям и, возможно, попали в сказки индейцев в результате контактов с западной цивилизацией.

В целом в сак-тас, безусловно, преобладают древние элементы. Нельзя не отметить, однако, что некоторые сказки впитали в себя кое-что из современного быта таанана. Например, представления о стуле, окне не могли войти в сказку раньше XVIII в.; а веник («vīnik» в местном звучании), который употребляется в паровых банях («Сказка про росамаху»), определенно следует отнести к периоду Русской Америки.

Книга Б. Водрина снабжена весьма ценными иллюстрациями. Материалом для них послужили печерные рисунки, сделанные таанана несколько сотен лет назад.

Большая вводная статья к сборнику (автор Джоан Таунсенд) носит в основном популярный характер. Нельзя не отметить явной тенденции автора введения — его стремления во что бы то ни стало очернить историю Русской Америки и в то же время идеализировать положение индейцев в США.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть несомненную ценность сказок, собранных Б. Водрином, и высказать уверенность, что сборник окажется весьма полезным многим исследователям: этнографам, фольклористам и историкам религии.

Г. И. Дзенiskeвич

М. Я. Берзина. Формирование этнического состава населения Канады. Этностатистическое исследование. М., 1971, 192 стр.

Монография М. Я. Берзиной, завершающая серию работ, опубликованных автором в различных изданиях и посвященных складыванию этнического состава Канады, является существенным вкладом в исследование этой страны советскими учеными. Изучение Канады, широко развернувшееся в нашей стране в последние 20 лет, ознаменовалось заметными успехами. В 50—60-х годах вышли в свет труды по экономике (А. Г. Милейковского, В. В. Сущенко и др.), географии (Г. А. Аграната, А. В. Антиповой, И. Ф. Антоновой, Л. Н. Карпова и др.), истории (А. Н. Шлепакова, К. Г. Татариновой и др.), этнографии Канады (Ю. П. Аверкиевой, Е. Э. Бломквист, Л. А. Файнберга). И тем не менее советская литература по Канаде далеко не столь обширна, как литература по США, Англии или другим развитым капиталистическим странам.

Для этнографов изучение Канады, которая остается сейчас, как и в прошлом, одной из крупнейших переселенческих стран мира, представляет особый интерес. Своеобразие этнической истории, относительная «молодость» народов, населяющих Канаду, многонациональный характер страны со сложной этнической «мозаикой», интенсивные процессы ассимиляции и консолидации, межнациональные противоречия — все это не может не привлекать внимания этнографов. Кризис конфедерации в 60-х годах и обострение конфликта между двумя основными нациями делает изучение национальных отношений в Канаде особенно актуальным.

Книга М. Я. Берзиной — оригинальный труд, посвященный проблемам, не нашедшим отражения в советской литературе. Нет подобного сводного исследования и в Канаде, хотя там различными аспектами этой проблемы занимается большая группа ученых.

Монография охватывает огромный период — от ранних этапов заселения страны до 60-х годов XX в. Она написана на основе тщательного изучения источников, в частности материалов переписей Канады с 1871 по 1961 г.

Опираясь на статистический материал, автор исследует особенности этнического развития Канады с целью определить современный этнический состав страны, границы и размеры этнических общностей, направление этнических процессов. Для книги характерны не только богатство и разнообразие привлеченной литературы, тщательность «отделки», но и смелая постановка и решение узловых проблем избранной темы.

Историографическое введение содержит анализ источников — канадских цenzов. Прекрасное знание предмета позволяет М. Я. Берзиной дать не только критическую характеристику показателей, важных для решения этнических проблем, но и краткую историю канадских переписей. Используемая литература разбита автором на три тематические группы: об аборигенах страны; о численности, естественном движении населения и миграциях; о современных этнических группах и национальных проблемах Канады. К сожалению, здесь не упомянуты работы крупных канадских ученых А. Ричмонда и Дж. Портера, содержащие большой фактический материал и интересные по своим концепциям.

Следующий раздел книги — «Заселение Канады» — охватывает период от появления ранних поселений в Северной Америке и Канаде до иммиграции в XX в.

Умело привлекая исторический, этнографический и статистический материал, автор освещает основные вехи политической истории страны, своеобразие ее этнической истории. Запоминаются ярко написанные страницы о трагическом прошлом индейцев в период колонизации и освоения канадского Запада. Читатель знакомится с подробной историей иммиграции в Канаду — ее истоками, спадами и подъемами иммиграционных волн, численностью и этническим составом иммиграции, ее ролью в демографическом

и этническом развитии страны. Составленные автором оригинальные таблицы, показывающие рост населения Канады в разные периоды ее истории и влияние на этот рост миграционных процессов, состав иммигрантов по этническому происхождению, родному языку и вероисповеданию, изменение национального состава страны под влиянием иммиграции и др., помогают читателю в восприятии сложного материала. Книга была бы еще богаче, если бы автор остановился подробнее на иммиграционной политике канадских властей, и в частности на практике отбора иммигрантов по расовому и национальному признакам.

Интересна и плодотворна предпринятая автором попытка определить главные этапы развития основных компонентов канадского народа — франко-канадцев и англо-канадцев — от народности к нации. Консолидации британских иммигрантов в единую народность, отмечает автор, препятствовали этническая разнородность переселенцев из Великобритании и постоянный приток иммигрантов, способствовавший сохранению связей с метрополией. В книге убедительно раскрыты различия в процессах формирования двух канадских наций. Вместе с тем спорным кажется утверждение автора о том, что в третью четверть XIX в. «продолжается консолидация франко-канадского и англо-канадского народов, с развитием капиталистических отношений они перерастают из народностей в нации» (стр. 56). Отсюда логически может быть сделан вывод о одновременности этого процесса у франко- и англо-канадцев, хотя есть немало данных, ставящих под сомнение этот вывод. В силу особенностей исторического развития франко-канадская нация, по мнению многих ученых, образовалась значительно раньше англо-канадской — еще к началу XIX в.

Основной раздел книги — третий — «Современный этнический состав населения Канады и этнические процессы». В Канаде — стране двунациональной — имеются еще многочисленные национальные меньшинства, этнические группы, которые автор называет «переходными группами». Этот термин автор ввел ранее в одной из своих статей. Эти группы (канадские немцы, канадские украинцы, голландцы, итальянцы и др.), отмечает М. Я. Берзина, уже оторвались от своего этноса, но еще не слились с новым народом. «Фактически это совершенно особые группы, несущие черты двух этносов и не принадлежащие в полной мере ни к одному из них» (стр. 78).

Критически анализируя показатели цenzов, автор подробно разбирает национальный состав Канады. Причем не только устанавливается численность каждой рассматриваемой группы, что уже само по себе является задачей чрезвычайно сложной и трудной, но в описание каждой группы входит характеристика ее расселения, степени языковой ассимиляции, профессиональной принадлежности, доли «гомоетнических» или «гетероетнических», по выражению автора, браков. Используя те же статистические источники, автор пытается определить, в каком направлении протекают этнические процессы в каждой группе, какова степень ее ассимилированности. Для решения последней задачи, так же, как и при определении численности групп, сопоставляются данные цenzов об этническом происхождении, родном языке, вероисповедании, доле смешанных браков. Описание каждой группы сопровождается кратким изложением ее истории с момента прибытия в Канаду. В итоге выявляются неодинаковые темпы ассимиляции в разных группах: более быстрые, например, у групп британского, скандинавского, голландского происхождения и более медленные у украинцев, итальянцев, финнов, литовцев, китайцев, японцев и др. Критически анализируя данные канадских цenzов о численности некоторых групп по этническому происхождению (например, австрийцев, русских, белорусов и др.), автор справедливо не соглашается с ними и корректирует их.

Подробны и чрезвычайно интересны главы о франко-канадцах и англо-канадцах. Автор показывает специфику англо-канадской нации, ее «этническое многообразие», неоднородность. В книге найдено отражение и движение франко-канадцев в 60-х годах нашего века, убедительно показаны его причины и характер. Одним из новых, на наш взгляд, моментов движения, заметно проявившихся уже после выхода книги, является получивший широкую популярность в Квебеке лозунг объявления французского языка единственным официальным языком провинции. Принятые правительством Квебека постановления об изучении французского языка во всех школах провинции, мероприятия по привлечению детей иммигрантов во французские школы и т. п. направлены на усиление в Квебеке позиций французского языка.

Привлекает внимание очерк об индейцах, содержащий не только демографическую и этностатистическую характеристики, но и описание социально-экономического положения аборигенов. «Несмотря на значительную степень аккультурации, — пишет М. Я. Берзина, — индейцы далеки от того, чтобы влиться в состав англо-канадского или франко-канадского народа. Теряя свою племенную принадлежность, они постепенно сливаются в своего рода общиндейскую этническую группу особого типа, наподобие негров США» (стр. 188).

В третьем разделе книги рассматриваются почти все этнические компоненты канадского населения. Разбирая каждую группу отдельно, автор учитывает ее связь с родиною и другие факторы, тормозящие ассимиляцию, и показывает всю сложность и длительность ассимиляционных процессов. К сожалению, однако, из поля зрения автора выпали негры, хотя их число превышает численность многих групп, разобранных в работе. Может быть, следовало больше места уделить французам в связи с ростом их иммиграции в Канаду в конце 60-х годов XX в. и важностью этой проблемы для Квебека. Спорным представляется утверждение автора о том, что англичане, шотландцы,

уэльсцы становятся англо-канадцами, начиная со второго поколения, а ирландцы — с третьего (стр. 122), что внуки иммигрантов других групп считаются уже ассимилированными англо-канадской нацией.

К достоинствам книги следует отнести не только богатый статистический материал (38 таблиц), карты, графики, но и общее хорошее оформление книги.

Без преувеличения можно сказать, что с выходом в свет книги М. Я. Берзиной без нее не сможет обойтись теперь ни один специалист, занимающийся Канадой. Более того, работа, безусловно, будет полезна и для всех интересующихся вопросами формирования этнических общностей, этническими процессами, особенно в странах переселенческого типа. В ней поставлен целый ряд методологических проблем: о переходных группах, о критериях ассимилированности этнических групп, об определении численности этнических групп в многонациональных государствах, об установлении степени языковой ассимиляции и брачного смешения, о типах этнических процессов и др.

Можно не сомневаться, что монография будет встречена с интересом всеми этнографами, пользующимися в своей работе материалами переписей. Исследование М. Я. Берзиной показывает, как много могут рассказать «безмолвные информаторы» — сухие цифры статистики — о таком сложном, динамичном, противоречивом явлении, как этнические процессы. Перед нами яркий пример того, как глубокое знание и умелое использование материала позволяет обнаружить «скрытые резервы» в статистических публикациях, важном источнике сведений для этнографов. И как важно поэтому овладеть методом этностатистического анализа, которым в совершенстве владеет М. Я. Берзина.

Л. Н. Фурсова

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Ганковский (Москва). Интернациональное значение опыта решения национального вопроса в СССР	3
И. С. Гурвич (Москва). Современные направления этнических процессов в СССР	16
В. В. Востров, Г. Ф. Дахшлейгер, Х. Кауанова (Алма-Ата). Этнографическое изучение казахского народа (к 50-летию образования Союза ССР)	34
М. В. Крюков (Москва). К методике сбора полевого материала по системам родства	42
А. А. Зубов (Москва). Материалы по одонтологии казахов	51
Дискуссии и обсуждения	
Я. В. Чеснов (Москва). Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии	64
Из истории науки	
Б. П. Полевой, А. М. Решетов (Ленинград). В. К. Арсеньев как этнограф	74
Народы мира. Информационные материалы	
В. И. Кочнев, Т. В. Петров (Москва). Народная Республика Бангладеш	88
Сообщения	
Ю. Ю. Сурхаско (Петрозаводск). Об историко-этнической типологии карельской свадьбы	102
Н. Х. Авакян (Ереван). Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX—XX веках (в связи с подготовкой Кавказского этнографического атласа)	108
О. В. Круглова (Загорск. Московская обл.). Центры крестьянской резьбы по дереву в Ярославской области (новые данные о теремковых и столбчатых прялках)	118
А. Ф. Некрылова (Ленинград). Генезис одной из сцен «Петрушки»	126
Т. П. Княткина (Душанбе). Применение перфокарт в краниологии	132
К. П. Калиновская (Ленинград). К вопросу о соотношении функций и структуры системы возрастных групп у галла (Эфиопия)	136
Поиски, факты, гипотезы	
В. Н. Басилов (Москва). Через сто лет после Маклая	143
Научная жизнь	
Ю. В. Маретин (Ленинград). Этнография, антропология и другие науки о человеке на XIII Международном конгрессе по истории науки	159
Г. Г. Шаповалова (Ленинград). Фольклорно-этнографический кружок при Институте этнографии АН СССР	172
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
И. П. Труфанов (Ленинград). О некоторых тенденциях в исследованиях этносоциальных процессов в США	175
Общая этнография	
А. А. Зубов, П. И. Пучков (Москва). Н. Н. и И. А. Чебоксаровы. Народы, расы, культуры	180

Народы СССР

- Л. В. Хомич (Ленинград). *Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев* 182
- Н. В. Шлыгина (Москва). *Elina Öpik. Vadjalastest ja isurizest XVIII saj lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses* 185
- З. В. Гоголев (Новосибирск). *Yakutia before its incorporation into the Russian State* 187

Народы зарубежной Европы

- С. А. Арутюнов (Москва). *Н. А. Красновская. Фриулы* 189

Народы зарубежной Азии

- С. Д. Зак, С. И. Тюльпанов (Ленинград). *М. К. Кудрявцев. Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни)* 190

Народы Америки

- Г. И. Дзенискевич (Ленинград). *Bill Vaudrin. Tanaina tales from Alaska* 193
- Л. Н. Фурсова (Москва). *М. Я. Берзина. Формирование этнического состава населения Канады. Этностатистическое исследование* 195

На первой странице обложки: В. К. Арсеньев (в центре) среди группы удэгейцев в удэгейском костюме. (См. статью Б. П. Полевого и А. М. Решетова).

SOMMAIRE

- Yu. V. Gankovski (Moscou). Portée internationale de l'expérience de l'U.R.S.S. pour la solution du problème national 3
- I. S. Gourvitch (Moscou). Directions contemporains des processus ethniques en l'U.R.S.S. 61
- V. V. Vostrov, G. F. Dakhchleiger, Kh. A. Kawanova (Alma-Ata). Etude ethnographique du peuple kazakh (pour le 50-e anniversaire de la formation de l'U.R.S.S.) 34
- M. V. Krioukov (Moscou). Contribution à la méthode de collecte sur le terrain des matériaux portant sur les systèmes de parenté 42
- A. A. Zoubov (Moscow). Matériaux pour l'odontologie des Kazakh 51

Discussions et deliberations

- Ya. V. Tchénov (Moscou). Régimes socio-économiques et traditions ethniques en agroéthnographie 64

De l'histoire de la science

- B. P. Polievoï, A. M. Riechéto v (Léningrad). V. K. Arséniev en tant qu'ethnologue 74

Peuples du monde. Matériaux d'information

- V. I. Kotchniev, T. V. Pétrov (Moscou). République Populaire du Bangladesh 88

Communications

- Yu. Yu. Sourkhasko (Pétrozavodsk). Sur une typologie historicoethnique des noces caréliens 102
- N. Kh. Avakian (Erevan). Modes d'ornementation du vêtement traditionnel des Arméniens (en rapport avec la préparation de l'Atlas ethnographique Caucasi-que) 108
- O. V. Krouglova (Zagorsk, région de Moscou). Sur les centres de la sculpture paysanne en bois dans le région de Jaroslav (nouvelles données sur des rouets en «terem» et en pilier) 118

A. F. Niekrylova (Léningrad). Le genèse de l'une des scènes du «Pétrouchka»	126
T. P. Kiyatkina (Douchanbé). Utilisation des fiches perforées en craniologie	132
K. P. Kalinovskaïa (Léningrad). Contribution au problème de la corrélation entre les fonctions et la structure du système des groupes d'âge chez les Galla (Ethiopie)	136
Recherches, faits, hypothèses	
V. N. Bassilov (Moscou). Cent ans depuis Maklaï	143
Vie scientifique	
Yu. V. Marétine (Léningrad). Ethnographie, anthropologie et autres sciences de l'Homme au XIIIe Congrès International pour l'histoire de la science	159
G. G. Chapovalova (Léningrad). Le Cercle folkloro-ethnographique auprès de l'Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U.R.S.S.	172
Critique et bibliographie	
Articles de critique et revues	
I. P. Troufanov (Léningrad). De quelques tendances dans l'étude des processus ethnosociaux aux Etats-Unis	175
Ethnographie générale	
A. A. Zoubov, P. I. Poutchkov (Moscou). <i>N. N. et I. A. Tchéboksarov</i> . Peuples, races, cultures	180
Peuples de l'U.R.S.S.	
L. V. Khomitch (Léningrad). <i>B. O. Dolguikh</i> . Essais sur l'histoire ethniques des Nienty et des Entsy	182
N. V. Chlyguina (Moscou). <i>Elina Öpik</i> . Vadjalastest ja isurizest XVIII saj. Lopul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubernangu kirjeduses	185
Z. V. Gogoliev (Novossibirsk). <i>Yakutia before its incorporation into the Russian State</i>	187
Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.	
S. A. Aroutiounov (Moscou). <i>N. A. Krasnovskaïa</i> . Les Friouli	189
Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.	
S. D. Zak, S. I. Tiulpanov (Léningrad). <i>M. K. Koudriavtsev</i> . Commune et caste au Hindoustan (de la vie de la campagne indienne)	190
Peuples de l'Amérique	
G. I. Dzieniskievitch (Léningrad). <i>Bill Vaudrin</i> . Tanaina tales from Alaska	193
L. N. Foursova (Moscou). <i>M. Ya Bierzina</i> . Formation de la composition ethnique de la population du Canada. Une étude ethnostatistique	195
<i>Sur la couverture: en costume national oudégué, V. K. Arséniev (centre) parmi les Oudégué (v. l'article de B. P. Polievoï et A. M. Riechétov).</i>	

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/V-1972 г. Т-13606 Подписано к печати 27/VII-1972 г. Тираж 2395 экз.
Зак. 5038. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,5+1 вкл. Бум. л. 6¹/₄. Уч.-изд. л. 19,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер. 10